

А. М. ХАЗАНОВ

ОЧЕРКИ ВОЕННОГО ДЕЛА САРМАТОВ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
ИМЕНИ Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

А. М. Хазанов

ОЧЕРКИ
ВОЕННОГО
ДЕЛА
САРМАТОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1971

Ответственный редактор
Б. И. Вайнберг

Монография посвящена военному искусству сарматских племен (VI в. до н. э.—IV в. н. э.). Она написана на основании археологических материалов, памятников изобразительного искусства и письменных источников. К работе привлечены также сравнительные материалы смежных территорий: Скифии, Кавказа, Центральной Европы, Сибири, Средней Азии, Ирана и Переднего Востока. Проведен типологический анализ различных видов вооружения, и установлены хронологические рамки их использования.

1-6-4

124-71

ПРЕДИСЛОВИЕ

Значительная роль, которую довелось сыграть в истории сарматам, общеизвестна. Особенно велика она для евразийских степей и Северного Причерноморья с прилегающими областями, для Восточной Европы вообще. Не случайно применительно к этим территориям часто говорят о сарматской эпохе, наступившей с последних веков до новой эры и длившейся до конца IV в. н. э.

Сарматские племенные союзы: сираки, аорсы, роксоланы, аланы и язиги — расселяются на обширных пространствах евразийского пояса степей, от Аральского моря на востоке до Румынии и Венгрии на западе, наносят сильнейший удар Скифскому государству, поддерживают тесные сношения с Боспором, предпринимая далекие походы в Закавказье и Переднюю Азию, ведут борьбу с Парфией и Римом, участвуют в великом переселении народов. Сарматы расшатывают рабовладельческий мир на его восточных, причерноморских рубежах: останавливают римскую экспансию в эти районы и в значительной степени изменяют лицо греческих городов Северного Причерноморья, а затем вместе с маркоманнами, квадами, готами, гуннами и другими народами принимают непосредственное участие в разгроме Римской империи и окончательном сокрушении рабовладельческого строя.

С того момента, когда сарматы впервые попали в поле зрения греческих авторов, и до сокрушительного поражения от гуннов, положившего конец их самостоятельному существованию, подавляющую часть этой истории сарматы находились на различных этапах эпохи классового образования. В этот заключительный период первобытной истории, характеризующийся распадом всех прежних форм коллективистских отношений, усиленной социальной дифференциацией, ростом имущественного не-

равенства, сложением классов, в конечном счете появлением государства, роль войны особенно возрастает, и сарматская история не составляет исключения. Она заполнена непрерывными межплеменными столкновениями, войнами с соседями и далекими походами. Вся социальная структура и институты сарматского общества в значительной степени были связаны с войной в самых различных ее проявлениях.

Сарматская эпоха открывает новый этап в развитии военного дела у различных племен и народов евразийских степей и юга Восточной Европы. Сарматское вооружение и военное искусство, развивавшиеся в тесной связи с достижениями окружающих народов, находились на очень высоком для своего времени уровне и оказали сильное влияние на соседей — поздних скифов, боспорцев, различные народы Северного Кавказа и Закавказья, на кочевые племена евразийских степей и племена оседлых культур лесостепной и лесной полосы. Этого влияния не избежали даже два наиболее сильных в военном отношении государства того времени — Рим и Иран. И в раннесредневековый период многие народы и племена Восточной Европы продолжают сохранять и развивать, разумеется в видоизмененном виде, сарматские традиции в вооружении и военном искусстве.

Однако военное дело сарматов исследовано крайне неравномерно. Если сравнительно хорошо изучено их вооружение, особенно раннее, то значительно меньше внимания уделялось вопросам, связанным с сарматским военным искусством и организацией войска. Исключение составляют только скрупулезный анализ военного дела савроматов, сделанный К. Ф. Смирновым [298, стр. 209 и сл.], и единственный пока очерк сарматского военно-

го искусства, принадлежащий перу В. Д. Блаватского [87, стр. 113—123]. Однако этот очерк, не будучи главной темой исследования, по необходимости краток и основывается преимущественно на данных письменных источников, без должного привлечения археологического материала.

А между тем при изучении военного дела сарматов мы имеем счастливую возможность сочетать большой археологический материал с данными письменных источников и памятниками изобразительного искусства. Эту попытку и предпринимает автор, ставящий своей целью установить, насколько это возможно, состав и организацию войска и характерные черты и особенности сарматского военного искусства, а также определить место военного дела сарматов в общей истории военного искусства.

Поэтому в работе наряду с собственно сарматскими материалами, естественно занимающими в ней главное место, привлекаются материалы с других территорий, таких, как Средняя Азия, Иран, Северный Кавказ и Закавказье, Боспор и т. д. Это объясняется и тем, что в вооружении и военном деле народов, населявших указанные территории, наблюдается много общих или сходных черт с сарматскими.

В некоторых случаях в силу недостаточной изученности отдельных категорий вооружения или невозможности предложить решение более общих проблем, связанных с изменениями в области военного искусства, на чисто сарматском материале приходилось выходить за хронологические и территориальные рамки работы.

Ни один из этих общих вопросов не может быть поставлен и решен без детального анализа вооружения. Поэтому первой задачей данной работы явилось возможно более полное изучение различных видов сарматского оружия на всей территории их распространения, включая и те области, где такое оружие было заимствовано от сарматов.

При этом автор ставил своей задачей рассмотреть не все категории и типы сарматского

вооружения — некоторые из них уже подвергнуты исчерпывающему анализу, — а лишь те, которые не получили пока должного освещения в литературе.

Сарматскому вооружению и различным аспектам их военного дела много внимания уделялось в работах К. Ф. Смирнова [300, стр. 149 и сл.; 301; 302, стр. 110; 293, стр. 201 и сл.; 295, стр. 320 и сл.; 292; 298, стр. 209 и сл.]. Отдельные вопросы разбирались или затрагивались в трудах: В. А. Городцова [111, стр. 262 и сл.], М. И. Ростовцева [258, стр. 328 и сл.; 262, стр. 57 и сл.; 261, стр. 562, 606 и сл.; 473; 468; 472, стр. 92 и сл.], В. Гинтерса [410], М. Эберта [395], П. Рау [462, стр. 101 и сл.; 460, табл. XIV], П. Д. Степанова [316], Т. М. Минаяевой [218, стр. 105 и сл.], А. К. Кушевой-Грозевской [171], Б. Н. Гракова [113, стр. 152; 116; 114], С. П. Толстова [326, стр. 214 и сл.], В. Д. Блаватского [85, стр. 97—98; 86, стр. 28—29; 87, стр. 113—123], Н. И. Сокольского [305, стр. 147 и сл.], Н. Я. Мерперта [214, стр. 115 и сл.], И. Вернера [494, стр. 27 и сл.], Е. К. Максимова [193, стр. 71], И. В. Силицына [281, стр. 161], В. П. Шилова [358, стр. 458 и сл.], И. П. Засецкой (Берхин) [82, стр. 148 и сл.], М. Г. Мошковой [228; 229, стр. 30 и сл.] и др.

Автор считает своим приятным долгом принести глубокую благодарность К. Ф. Смирнову, М. Г. Мошковой, С. П. Толстову, В. П. Шилову, И. П. Засецкой, Е. К. Максимова, оказавшим ему большую помощь своими советами и материалами. Он особенно признателен Б. Н. Гракову, К. Ф. Смирнову, М. Г. Мошковой и И. П. Засецкой, взявшими на себя труд ознакомиться с этой работой в рукописи.

Эта книга была подготовлена к печати в 1967 г., после чего автор имел возможность внести в текст лишь незначительные дополнения и изменения.

В соответствии с принятыми в издательстве правилами все ссылки на литературу даются в книге по кодовой системе. Первая цифра означает порядковый номер античного автора, использованной литературы или архивного материала в приводимом в конце книги списке.

I

ГЛАВА

МЕЧИ И КИНЖАЛЫ С КОЛЬЦЕВЫМ НАВЕРШИЕМ

Общая характеристика типа

Из всех типов сарматских мечей мечи, а также кинжалы с кольцевым навершием¹ являются наиболее однообразными как по форме, так и по технике изготовления и даже по своим размерам. Можно говорить лишь об отдельных вариантах внутри единого типа. Подавляющее большинство их найдено в мужских погребениях и лишь несколько экземпляров — в женских².

Мной учтены размеры 130 таких мечей и кинжалов, имеющих следующую длину:

Длина (в см)	Количество	%
20—30	11	Около 8
30—40	33	Около 26
40—50	52	40
50—60	24	Около 19
60—70	3	Около 2
Свыше 70	7	Около 5

В период господства у сарматов меча с кольцевым навершием наиболее распространены были экземпляры, едва достигавшие в длину 50—60 см и соответствовавшие по размерам скифским акинакам. Длинные мечи (свыше 70 см)³ составляют всего около 5%, причем почти половина их относится еще к прохоровскому времени.

¹ Сводку мечей и кинжалов с кольцевым навершием, найденных на территории СССР, см. в прил. 1. В ней не отмечены мечи из Керчи и из Мингечаурского могильника, опубликованные лишь суммарно.

² Политотдельское, курган № 6/1; Бережновка I, курган № 2; Бережновка II, курган № 67; Калиновка, курган № 34/1 (табл. III, 2).

³ Верхне-Погромное, курган № 7/6 — длина 133 см; Калиновка, курган № 19/17 — 104 см; Политотдельское, курган № 19/26 — 102,5 см (табл. II, 6); Политотдельское, курган № 20/10 — 103,5 см; Бугульчан, случайная находка — 100 см (табл. III, 5); Бережновка I, курган № 1 — 75 см; Аккермень II, западная группа, курган № 5 — 80 см.

ровскому времени. Поскольку в прохоровскую эпоху длинные мечи являются более распространенными, остается предположить, что временное укорочение меча у сарматов связано с определенными изменениями в способе ведения военных действий⁴.

У всех мечей с кольцевым навершием рукоять и клинок выкованы из одного куска железа. Сам клинок изготовлялся из одной или двух-трех полос, сваренных и раскованных. Поэтому мечи в погребениях часто находят сильно расслоившимися, так как они неравномерно окисляются из-за послойной неоднородности металла. Клинок отковывался из стальных заготовок, которые получали путем цементации (науглероживания) кричного железа. Этим достигалась необходимая твердость и прочность [347, стр. 182—183; 344, стр. 250].

Ширина клинка у перекрестия, в общем, варьирует довольно мало. Обычно она равна 4—5 см, реже — 3,5—4 см, очень редко — 6 см (Новая Молчановка, курган № 1/5, с. Долина, курган № 1). Правда, наибольшая ширина кинжала из кургана № 1 у Лысой горы (табл. V, 3) равняется 7,7 см при длине всего 36,7 см. Но при его осмотре бросается в глаза необычная тонкость клинка, который, очевидно, был по каким-то причинам раскован.

Все клинки двулезвийные, в сечении линзовидные, двояковыпуклые или уплощенные. Концы клинков короткие, заостренные, реже, наоборот, закругленные. У большинства мечей лезвия идут сначала почти параллельно, заметно сужаясь лишь в последней трети длины (табл. IV, 1—2, 8—9; V, 1, 4). Иногда клинок имеет вид вытянутого в длину равнобедренного треугольника, у которого лезвия с са-

⁴ Подробно об этом см. стр. 44—45.

мого начала начинают заметно сужаться (табл. II, 1, 4—5; IV, 6; V, 3, 6).

Следует отметить еще группу узких мечей, у которых ширина клинка у перекрестия не превышает 2,5—3,5 см, а лезвия заметно сужаются лишь в нижней трети длины (табл. III, 1, 4). Некоторые экземпляры таких мечей были приспособлены не столько для колющего, сколько для рубящего удара и, вероятно, служили оружием конных воинов.

Наконец, у некоторых мечей и кинжалов ромбические в сечении клинки имеют продольное ребро. Их очень мало⁵, причем почти половина найдена случайно. Сохранность вещей в случайных находках обычно лучше, чем в погребениях. Вероятно, на самом деле таких мечей и кинжалов было больше, но из-за коррозии, которой подвержены клинки, ребро на многих экземплярах могло и не сохраниться.

Ромбические в сечении клинки с продольным ребром встречаются гораздо чаще у савроматских и прохоровских мечей, особенно тех из них, которые распространены в Приуралье, а также у минусинских кинжалов. На кинжалах и мечах с кольцевым навершием это ребро можно рассматривать как архаический признак. Меч из кургана № 7/6 у с. Верхне-Погромное датируется прохоровским временем. Ранним по типологическим признакам представляется и меч, найденный у с. Чумляк.

Рукояти мечей с кольцевым навершием чаще всего прямые, иногда немного расширяющиеся книзу (табл. IV, 5; VI, 3). В сечении они линзовидные (табл. III, 1), овальные (табл. II, 4) — из-за коррозии они обычно мало отличаются друг от друга, а также квадратно-прямоугольные (табл. III, 3; V, 2) и реже ромбические (табл. III, 5). Последние более характерны для мечей с серповидным навершием.

Рукояти обкладывались деревом; на некоторых экземплярах прослежено, что эти обкладки окрашивались в красный цвет⁶. Иногда рукояти обматывались кожаными ремешками (Мариенталь, погребение Д 22). Наконец, в отдельных случаях обкладки могли изготавливаться из кости.

Как правило, рукоять мечей и кинжалов в 1,5—2,5 раза уже клинка. Но имеются экзем-

пляры, у которых рукоять лишь ненамного уже клинка (табл. III, 1). В среднем ширина рукояти равняется 1—2 см, реже — 2,5—2,8 см. Длина рукояти с кольцом навершия составляет 10—13 см независимо от общей длины меча, т. е. соответствует размерам сжатой кисти.

Кольцо навершия в сечении обычно круглое, иногда овальное, изготовлялось из железного прута⁷ и затем приваривалось к рукояти. Были и другие способы изготовления и прикрепления навершия. У меча из с. Куликовки оно двухслойное: оба слоя кольца, зажавшие между собой конец рукояти, были сварены при кузнечной ковке. У кинжала, происходящего из Неаполя скифского и хранящегося в ГМИИ, стержень рукояти проходит сквозь две кольцевые пластинки, упираясь концом в верхнюю часть навершия с внутренней стороны [305, стр. 152, табл. I, 5].

Диаметр кольцевого навершия редко бывает меньше 4 см (табл. III, 4), обычно равнялся 4—5 см.

Перекрестие прямое, состоит из двух брусковидных кусков железа, скованных на концах в один целый брусок, середина которого плотно охватывает клинок в месте его перехода в рукоять. В плане оно дает ромб или овал. У меча из д. Бугульчан рукоять, имевшая ромбическое сечение, специально округлена для лучшей пригонки перекрестия (табл. III, 5). Иногда перекрестие изготовлялось из одного бруска, который огибал клинок у пяти и сваривался у одного из концов. Длина перекрестия в среднем составляет всего 4,5—6 см, т. е. лишь на 1—2 см превышает ширину клинка в верхней части. Ширина его в среднем равняется 0,8—1,2 см.

Вопросы происхождения

В 1928 г. Гинтерс выдвинул предположение о происхождении меча с кольцевым навершием от одной из форм скифского (точнее, савроматского) акинака [410, стр. 56]. Это предположение, поддержанное и развитое К. Ф. Смирновым [293, стр. 202; 295, стр. 320], и в настоящее время представляется очень вероятным. В его пользу говорят типологическая и функциональная близость этих мечей, территория распространения, наличие отдельных переходных форм.

Из всех типов савроматских мечей скорее

⁵ Верхне-Погромное, курган № 7/6; Политотдельское, курган № 4/32; Усть-Лабинский могильник № 2; с. Чумляк (табл. I, 5); д. Бугульчан (табл. III, 5); с. Куликовка (табл. III, 3, VI, 1); находка в Аненском р-не Воронежской обл.

⁶ Хут. Шульц, курган № Е 25/19 — киноварь; Суслы, курган № 1 — сурик.

⁷ Исключение составляет кинжал из погребения № 2 Моздокского могильника, у которого кольцо навершия и перекрестие изготовлены из бронзы (табл. V, 2).

других дать исходную форму для генезиса мечей с кольцевым навершием могли мечи с антенным и производным от него зооморфным навершием, которые во второй половине VI—V вв. до н. э. довольно широко распространяются в Поволжье и Южном Приуралье, а помимо этих областей встречаются на Украине, в Крыму, на Северном Кавказе и в бассейне Камы, доходя на западе до Центральной Европы, а на востоке — до Сибири [211, стр. 54; 292, стр. 17]. Среди таких мечей имеются экземпляры с короткими, сильно загнутыми, близко подходящими друг к другу и даже почти смыкающимися волютами. Иногда концы волют примыкают друг к другу, почти образуя овальное кольцо. Приведу примеры некоторых мечей из этой, довольно многочисленной серии.

1. Из-под Бузулука происходит меч, обнаруженный Ф. Д. Нефедовым у с. Осьмушкино (табл. I, 3) [234, табл. 8, а; ГЭ, инв. № 1902/1]. Его навершие имеет вид овального кольца, образованного смыкающимися концами волют. Исходя из формы перекрестия, К. Ф. Смирнов датирует этот меч концом V—IV вв. до н. э. [292, стр. 19].

2. Из парного погребения в кургане № 3 группы Алебастрова гора (раскопки Б. Н. Гракова, 1928 г.) происходит акинак с короткими волютами, плавно сведенными конец к концу в почти что замкнутое кольцо (табл. I, 1—2)⁸. Рядом со вторым костяком был найден кинжал с серповидным навершием вполне сформировавшегося типа. Бронзовые втульчатые наконечники стрел из этого погребения имеют довольно архаический облик, однако они встречаются в комплексах начала прохоровской культуры. Поэтому погребение в целом датируется довольно точно — IV в. до н. э.

3. Давно уже привлекает к себе внимание исследователей меч, обнаруженный А. А. Миллером в 1910 г. в кургане № 1 у ст. Елизаветовской в дельте Дона (табл. I, 4) [ОАК за 1909—1910 гг., стр. 145, рис. 210; 217, стр. 105, рис. 4]. Навершие этого меча имеет вид настоящего кольца. Однако уже Гинтерс считал, что первоначально у него было антенное навершие с близко подходившими друг к другу волютами, которые слились в кольцо от ржавчины [410, стр. 19]. К. Ф. Смирнов и Н. И. Сокольский предполагали наличие у меча кольцевидного навершия [293, стр. 202; 292, стр. 30; 305, стр. 139]. В. П. Шилов, специально изу-

чивший этот меч и очистивший его от ржавчины, пришел к выводу, что у него было зооморфное навершие в виде клювов или когтей грифона. Волютообразные изогнутые концы, разделенные промежутком всего в 2—3 мм, спаялись в результате сильной коррозии и образовали сплошной овал. На этом основании он отнес этот меч к разряду обычных акинаков раннескифского времени [358, стр. 460].

Рентгенологический анализ, как любезно сообщил мне В. П. Шилов, подтвердил его наблюдения, но все же елизаветовский меч значительно отличается от обычных акинаков. Вплотную подходящие друг к другу концы изогнутых волют уже сами по себе обеспечивали возможность их слияния в кольцо навершия, что и требуется от исходных форм.

Елизаветовский меч является, вероятно, самым ранним в описываемой серии. Б. Ф. Фармаковский датировал его VI в. до н. э. [457, стр. 197], М. И. Ростовцев — V—IV вв. [261, стр. 531], Н. И. Сокольский и А. И. Мелюкова — V в. до н. э. [305, стр. 139; 211, стр. 59]. Судя по сравнительно архаическому характеру звериного стиля на золотом обкладе ножен меча, его следует датировать временем не позднее V в. до н. э., скорее всего его первой половиной.

4. Навершие из сомкнувшихся волют, возможно, имел и плохо сохранившийся меч из Золотого кургана, близ Симферополя, относящийся к началу V в. до н. э. [211, стр. 59; ГЭ, особая кладовая].

5. В каменном ящике № 22 Байдарской долины, в Крыму, вместе с трехгранными бронзовыми наконечниками стрел был найден акинак, навершие которого составляют почти сливающиеся в овальное кольцо волюты [255, стр. 141, рис. 17]. Дата его вряд ли позднее V в. до н. э.

6. Антенное навершие с почти смыкающимися концами волют имеется у акинака из каменного ящика № 1 в урочище Мал-муз, в горном Крыму, датированного V в. до н. э. [179, стр. 159, рис. I, 11].

7. Подобные мечи известны и на Украине. Примером может служить длинный меч, найденный в кургане № 401 у с. Журовка, с навершием, состоящим из почти смыкающихся волют, трактованных в виде грифонных голов. Он хорошо датируется первой половиной V в. до н. э. [89, стр. 98, рис. 37; 211, стр. 55].

Таким образом, подобные мечи распространены на довольно широкой территории. Однако далеко не всюду они послужили исходными формами для генезиса мечей с кольцевым навершием. Не вызывает сомнения, что ни

⁸ ГИМ, инв. № 66441. Сужу по рисунку, предоставленному мне Б. Н. Граковым, так как в настоящее время часть навершия не сохранилась.

Украина, ни Крым, ни Северное Причерноморье вообще не являются их родиной. Они появляются там гораздо позднее, в среднесарматскую эпоху, в связи с сарматской экспансией.

Существует предположение, что одной из областей формирования меча с кольцевым навершием могли быть Нижнее Подонье. Однако для него нет пока достаточных оснований. За исключением елизаветовского меча, мы не знаем с Нижнего Дона ни одного другого, который мог бы рассматриваться в качестве исходного. Ранние экземпляры мечей с кольцевым навершием с этой территории также неизвестны.

Иначе обстоит дело с Нижним Поволжьем и Южным Приуральем, т. е. с областями распространения савроматской культуры. Тут мы имеем не только исходные мечи с навершием в виде сомкнутых волют, но и наиболее ранние находки мечей с кольцевым навершием, а также отдельные переходные формы.

Последних известно пока совсем немного, но они очень важны для уяснения самого процесса формирования мечей нового типа и для его хронологии.

1. М. И. Ростовцев в свое время опубликовал меч, найденный в кургане около с. Чумляк бывшего Челябинского уезда [260, табл. VII, рис. 17] (табл. I, 5). У него ромбический в сечении клинок с ребром посередине, а навершие почти кольцевое, еще носящее следы своего происхождения от антенных. Это навершие составляют две почти слившиеся волюты с утолщениями на концах. Не менее интересно перекрестие меча. Оно не прямое, а сломанное под тупым углом.

2. В ГИМе (инв. № 44697) хранится меч, происходящий из раскопок М. А. Миллера у ж.-д. станции Марычевка бывшего Бузулукского уезда (табл. I, 7). Навершие его кольцевое, однако кольцо еще не сомкнуто. Перекрестие слегка сломано под тупым углом.

3. В кургане № 10/10 Быковского могильника найден кинжал с кольцевым навершием и сегментовидным перекрестием [291, стр. 200, рис. 11, 6]. Сопутствующий материал невыразителен, но не препятствует его датировке второй половиной III в. до н. э. [343, стр. 174; 335].

4. Среди инвентаря, происходящего из разрушенных при земляных работах погребений на Крестовой горе в Кисловодске, имеется кинжал с кольцевым навершием и сердцевидным перекрестием [145, стр. 216, рис. 200, 3]. Насколько можно судить по фотографии, кольцо навершия вполне сформировалось — на нем не видно никаких следов былых волют. Серд-

цевидное перекрестие кинжала подтверждает его раннюю дату. Поэтому нельзя согласиться с В. П. Шиловым, который отрицает ее из соображений стратиграфического порядка [358, стр. 460]. В данном случае типологические обоснования датировки представляются неоспоримыми.

Все эти переходные экземпляры свидетельствуют о том, что кольцевое навершие у сарматских мечей вырабатывается параллельно с формированием прямого перекрестия.

Эволюция перекрестия у сарматских мечей происходила от почковидного, через сердцевидное, к бабчовидному и далее к прямому, что в свое время подметил М. И. Ростовцев [260, стр. 61]. Подробно этот процесс прослежен К. Ф. Смирновым [292, стр. 24 и сл.]. Прямое перекрестие формируется преимущественно в среде приуральских савроматов. В IV в. до н. э. там широко распространяются мечи с перекрестием в виде сломанного под тупым углом бруска, реже дуговидным. Такие перекрестия имеют раннепрохоровские мечи с серповидным или прямым навершием. К III в. до н. э. перекрестия распрямляются, и начиная с этого времени они у всех сарматских мечей бывают только одного вида — прямые. Поэтому перечисленные выше мечи следует датировать не позднее III в. до н. э., а может быть, особенно меч из Кисловодска, — и еще более ранним временем.

Все это заставляет пересмотреть вопрос об отношении мечей с кольцевым навершием к мечам с серповидным навершием. Оба типа мечей уже нельзя считать предшествующими один другому, так как процесс их формирования протекал приблизительно в одно время и завершился к III в. до н. э. Вопрос о том, почему в прохоровское время господствующее место занял меч с серповидным навершием, остается пока без ответа. Вряд ли это можно связывать только с культурным преобладанием приуральских савроматов, которым принадлежала решающая роль в создании меча с серповидным навершием. Ведь, судя по географии распространения мечей исходных типов, а также переходных форм, процесс развития мечей с кольцевым навершием протекал на всей территории расселения сарматов.

Хотя генезис сарматских мечей с кольцевым навершием протекал в основном самостоятельно, это не исключает возможности определенных внешних влияний. Но степень их остается неясной.

Еще М. И. Ростовцев сопоставлял кольцевое навершие на сарматских мечах с аналогичным на минусинских кинжалах [260, стр.

57]. Из Минусинской котловины происходит значительное количество бронзовых, железных и биметаллических кинжалов длиной не свыше 30 см, с навершием в виде круглого или овального кольца. Их клинки треугольные, обычно ромбические в сечении, с продольным ребром [254, табл. IX, 6—13; XIII, 10; 444, рис. 12—13, 15, 23; 160, табл. XXV, 8; 136, рис. 4].

Хронология минусинских кинжалов с кольцевым навершием разработана очень плохо, однако уже сейчас известно, что некоторые из них доживают до начала сусловского времени и, следовательно, синхронны с сарматскими⁹. Правда, специалисты по археологии Сибири сами теперь говорят о сарматском влиянии на формирование позднеатагарских железных кинжалов с кольцевым навершием [136, стр. 34]. Но все же, учитывая их появление еще в бронзовом веке, возможно допустить определенное влияние минусинских образцов на сарматские, что, разумеется, не исключает и обратного процесса в более позднюю эпоху.

Не менее интересен кинжал с кольцевым навершием из кургана № 1 Лявандакского могильника [237, стр. 105—106, рис. 10, 15] (табл. VII, 1). Его перекрестие не прямое, а дуговидное, что указывает на раннюю дату. Поэтому погребение, в котором он был найден, следует датировать на полтора-два века раньше, чем предложил О. В. Обельченко, отнесший его ко II—I вв. до н. э.

Кинжал является пока единичной находкой на территории Средней Азии. Но это сигнал, мимо которого мы не вправе проходить. Во всяком случае, кинжал из Лявандакского могильника еще раз подтверждает, что кольцевое навершие сформировалось не позднее, чем прямое перекрестие.

Таким образом, восточное влияние, если оно и имело место, не могло быть особенно существенным. Не исключено, однако, что оно определило отдельные детали внешнего облика сарматских мечей с кольцевым навершием или содействовало их утверждению.

Вопросы хронологии и территория распространения

Окончательно сформировавшиеся к III в. до н. э. мечи и кинжалы с кольцевым навершием в прохоровское время встречаются главным образом в Заволжье.

1. Наиболее ранним является короткий

⁹ Например, Катон-Карагай, курган № 17 [307, стр. 56—57, рис. 17, 9].

меч из кургана № 2/11 южной группы Бережновского могильника [278, стр. 115—116] (табл. II, 5). Бронзовые наконечники стрел с внутренней втулкой, найденные в том же погребении, указывают в качестве наиболее вероятной даты на III в. до н. э. [228, стр. 79].

Ряд мечей и кинжалов с кольцевым навершием найден вместе с мечами и кинжалами прохоровских типов, что является определяющим для их датировки. Как правило, все они обнаружены в погребениях III—II вв. до н. э., т. е. времени развитой прохоровской культуры.

2. В кургане № 1/13 Верхнепогромненского могильника, вдоль левого плеча костяка, находился длинный меч с серповидным навершием, а в области правой половины таза — два кинжала с кольцевым навершием (табл. II, 1). В том же погребении были обнаружены характерные для прохоровского времени железные трехлопастные втульчатые наконечники стрел [512, стр. 12].

3. В кургане № 7/6 того же могильника, вдоль левой половины костяка, находился массивный и длинный меч с кольцевым навершием, а между левой рукой и бедром — кинжал с серповидным навершием [512, стр. 33]. Дату подтверждает фрагмент бронзового позолоченного горячим способом зеркала с валиком по краю и боковой ручкой-штырем [338, стр. 62].

4. Кинжал с кольцевым навершием вместе с мечом с серповидным навершием был обнаружен в кургане № 11/2 могильника Кара-Оба (табл. II, 4) [277, стр. 134—135].

5. В кургане № 19/17 Калиновского могильника, вдоль правого бока покойника, лежал длинный меч, клинок которого в сечении приближается к ромбу. Первоначально он был опубликован В. П. Шиловым как меч с серповидным навершием, однако после реставрации, произведенной в Эрмитаже, стало ясно, что навершие меча кольцевое, хотя и сохранившееся неполностью. В том же погребении, рядом с мечом, находился короткий кинжал с серповидным навершием [358, стр. 376].

6. В кургане № 19/26 Политотдельского могильника обнаружены кинжал с серповидным навершием и длинный меч с кольцевым навершием (табл. II, 6). Комплекс вещей, находившихся в погребении, не противоречит датировке его III—II вв. до н. э. [295, стр. 283].

7. В погребении В-1 у хут. Шульц на Торгу-не обнаружены короткий меч с кольцевым навершием и меч с прямым перекрестием и прямым навершием — второй тип прохоровских мечей [461, стр. 26—29, рис. 29, 33]. Это погребение наиболее позднее в описываемой группе.

Оно относится к группе переходных от прохоровской культуры к сусловской и может датироваться II—I вв. до н. э.

Остальные мечи и кинжалы с кольцевым навершием прохоровского времени найдены в хорошо датированных погребениях.

8. Такой кинжал обнаружен в кургане № 14/1 Старокиишкинского могильника (табл. II, 2) в погребении, которое датируется III—II вв. до н. э. по соображениям стратиграфического порядка [272, стр. 107, табл. IX, 3].

9. Ко времени не позднее II в. до н. э., а может быть даже более раннему, относится кинжал, найденный в кургане № 4/20 могильника у с. Политотдельское. Хорошим датирующим материалом здесь являются типично прохоровская керамика и бронзовая восьмеркообразная пряжка [295, стр. 243—244].

10. Меч с кольцевым навершием из кургана № 3 группы Соленое Займище II найден вместе с железными наконечниками стрел, втульчатыми и черешковыми. Наиболее вероятная дата погребения — II, может быть, II—I вв. до н. э. [518, стр. 8—9].

Время господства мечей и кинжалов с кольцевым навершием наступает с началом сусловской культуры, одним из важных определяющих элементов которой они и являются. В это время сарматские племена расселяются далеко за пределы своей первоначальной территории, и вместе с ними мечи с кольцевым навершием широко распространяются по всей степной полосе Восточной Европы, на Северном Кавказе и в Боспорском царстве, а отдельные экземпляры проникают далеко на север и в Закавказье.

Из учтенных мной свыше 170 мечей и кинжалов с кольцевым навершием больше половины приходится на Поволжье, где известна основная масса погребений сусловского времени. В Приуралье таких мечей совсем немного, как, впрочем, и погребений среднесарматского времени. В междуречье Волги и Урала они встречены в среднесарматских погребениях — в могильниках у с. Калмыково, Караоба, Курпе-Бай и Сайхин.

В группе маньчских погребений, которую большинство исследователей отождествляет с сираками [293, стр. 206; 96, стр. 39], мечи с кольцевым навершием появляются не ранее I в. до н. э., возможно из занятых аорсами поволжских районов. Во II в. до н. э. здесь еще бытуют мечи с серповидным навершием, если судить по мечу, найденному близ хут. Веселого [73, стр. 315, 335, рис. 18].

Массовое распространение мечей с кольцевым навершием на Северном Кавказе начи-

нается с I в. до н. э. Возможно, оно связано с продвижением на юг аорсов и сираков. Началом I в. до н. э. следует датировать кинжал с кольцевым навершием из кургана у ст. Воздвиженской (табл. V, 1) [ОАК за 1899 г., стр. 45, рис. 72; 95, стр. 354; по поводу даты воздвиженского кургана см.: 67, стр. 202; 303, стр. 20, 40].

Подавляющее большинство северокавказских мечей и кинжалов с кольцевым навершием найдено в Прикубанье, где они обнаружены как в курганах зубовско-воздвиженской группы, которые обычно связывают с сираками [299, стр. 14; 293, стр. 207; 97, стр. 108—109, 120], так и в оставленных местным меотским населением грунтовых могильниках¹⁰.

На западе один меч с кольцевым навершием найден на Таманском полуострове; на восток от Кубани пока известны лишь единичные экземпляры¹¹.

Проникают они и в горные районы (Кобань) и в приморскую часть Дагестана (Карабудахкентский могильник).

Временем бытования основной массы мечей и кинжалов с кольцевым навершием на Северном Кавказе следует признать I в. до н. э. — I в. н. э. Впрочем, отдельные экземпляры, особенно происходящие из грунтовых могильников, могут заходить и во II в. н. э.

В это же время ножи, кинжалы и мечи с кольцевым навершием проникают в Закавказье [с. Бори, Мингечаурский могильник — ОАК за 1909—1910 гг., стр. 216, рис. 247, 19; 155, стр. 92 и сл., рис. 3. 11; 156], быть может в результате сарматских походов, о которых упоминают античные авторы [56, VI, 7, 4; 2, V, 1; см. также 48, XI, 4, 5]. Впрочем, ножи и кинжалы из кувшинных погребений Мингечаура, датированных монетами I в. до н. э. — I в. н. э., имеют ряд своеобразных черт и, возможно, изготовлялись на месте по сарматским образцам.

Мечи и кинжалы с кольцевым навершием были известны и в Иране и в сопредельных с ним областях, но неясно, как широко они были там распространены. Единственный известный мне экземпляр такого кинжала найден на Бахрейнских островах [494, стр. 28—29, табл. 49, 1] (табл. VII, 5). Его навершие и перекрестие изготовлены из бронзы, как у кинжала из Моздокского могильника.

Висящий справа у пояса на ремне корот-

¹⁰ Краснодар, могильник на Почтовой ул.; Усть-Лабинский могильник № 2; могильник около ст. Тбилисской, могильник близ хут. Санькова на Урупе.

¹¹ С. Бамут; Моздокский могильник, погребение № 2 (табл. V, 2).

кий меч с кольцевым навершием изображен на рельефе I в. до н. э. с гробницы Антиоха I в Нимруд Даре (табл. VII, 6) [410, табл. 26а; 407, рис. 79, 80].

Подобные кинжалы изображены и на пальмирских фресках первых веков нашей эры [482, стр. 29, рис. 19]. Их носили привязанными к правому бедру; иногда даже на каждом бедре было по кинжалу.

Любопытно, что и в Иране известны только короткие мечи и кинжалы с кольцевым навершием наряду с существовавшими в это время длинными мечами иных типов.

Восточная граница распространения мечей и кинжалов с кольцевым навершием доходит до Китая [410, стр. 81; 426, стр. 102—103, рис. 5, табл. XV, 6, 7].

В отличие от областей, занятых сарматами, на Востоке они не исчезают в первые века нашей эры, а в несколько видоизмененном виде продолжают бытовать по крайней мере до VIII в. н. э. Кинжал с кольцевым навершием был найден в кургане № 3 могильника Берель, который А. А. Гаврилова датирует IV—V вв. н. э. [105, стр. 55, рис. 4, 12]; длинные мечи — в Ельскаевской коллекции вещей VII—VIII вв., происходящей из Кемеровской области [222, стр. 264—265, рис. 2]. Такие же мечи и кинжалы изображены на чаше, найденной в с. Верейно [304, табл. 68], на росписях Пянджикента [134, стр. 119, табл. XXXVI, XXXVII] и на фресках из Восточного Туркестана (табл. VII, 8) [380, рис. 9, 86, 88].

В I в. до н. э.—I в. н. э. мечи и кинжалы с кольцевым навершием вместе с сарматскими племенами распространяются далеко на запад. На Дону они встречаются от самых его низовий до северных районов Воронежской области (табл. V, 5—6). На Украине довольно большое количество мечей с кольцевым навершием обнаружено в группе среднесарматских погребений на р. Молочной (с. Ново-Филипповка, совхоз Аккермень). Найденны они и во второй большой группе сарматских погребений — на Северном Донце (у д. Переездной и в окрестностях г. Славянска — табл. V, 4). В Днепровском Левобережье они были найдены в сарматских погребениях на территории Днепростроя у Запорожья.

Где-то на рубеже эр сарматы перешли на правый берег Днепра. В Днепровском Правобережье также найдено несколько мечей и кинжалов с кольцевым навершием, происходящих из случайных находок или старых, плохо документированных раскопок (Смела, Залевки, Каневская группа курганов). Вероятно, эти мечи следует датировать первыми веками на-

шей эры, и они распространились здесь несколько позднее основной массы поволжских и кубанских мечей того же типа. Некоторое хронологическое запаздывание в смене мечей различных типов в западной части Сарматии вполне понятно.

Еще к более позднему времени относятся немногочисленные мечи с кольцевым навершием, найденные на территории Молдавии [256, стр. 74]. Меч из кургана у с. Олонешты датируется II—III вв. н. э. [213, стр. 205—207], из погребения у с. Михайловское — II—IV вв. [333, стр. 114, 277].

Известны они и в язигских памятниках Румынии [391, рис. 6, 1—2].

Встречаются такие мечи и в Венгрии, очевидно проникнув туда вместе с язигами. Все-го их найдено там меньше десятка. В археологической литературе наиболее известен меч, обнаруженный А. Йожа в 1898 г. в погребении у Гавы (табл. VII, 2) [453, стр. 52, 79—81, табл. XXV, 5; 451, стр. 158—159, табл. XXII, 2, 5; 398, стр. 523—524]. С датировкой этого меча связана ошибка, неоднократно переходившая из одной работы в другую. Обычно он датируется IV в. н. э. по медной монете императора Константина (306—307 гг. н. э.), якобы найденной в одном погребении с мечом [416, стр. 631—632; 410, стр. 58; 305, стр. 154, и др.]. На самом деле монета найдена около погребения, и ее принадлежность последнему очень сомнительна. М. Пардуш датирует погребение у Гавы II в. н. э. [453, стр. 79, 81].

Широкое распространение мечей и кинжалов с кольцевым навершием на Боспоре засвидетельствовано пантикапейскими надгробными рельефами [430, № 599, 600, 619, 627, 657 и др.; 106, стр. 64; 354, стр. 86, рис. 2, 3]. Но экземпляров, происходящих непосредственно из раскопок, известно очень мало. Один опубликован Гинтерсом [410, табл. XXV, е], еще два кинжала, хранящиеся в Керченском музее, — Н. И. Сокольским [305, рис. 5, 1, 2]. Судя по погребальным стелам, этот тип мечей был распространен на Боспоре в I—II вв. н. э., к концу II в. он исчезает.

Некоторое количество мечей с кольцевым навершием найдено в степном Крыму. Наиболее ранний из них — из погребения XXIV мавзолея Неаполя скифского — хорошо датируется I в. до н. э. [248, стр. 116, рис. 30, 1].

Были ли мечи с кольцевым навершием распространены в других греческих городах Северного Причерноморья, неизвестно. Один такой меч был найден в варварском некрополе близ Ольвии.

Встречаются они и в лесных культурах.

Длинный меч был найден в Кошибеевском могильнике¹². Кинжал с кольцевым навершием происходит из погребения № 25 могильника у с. Андреевка (МАССР, раскопки П. Д. Степанова, 1962 г.—табл. V, 7). Комплекс из этого погребения довольно противоречив; наряду с поздними вещами — однолезвийным мечом, железной кольчугой, крупными золочеными бусами — в нем обнаружены несколько галльских фибул I в. н. э.

Довольно часто можно встретить мнение, что в поволжских районах в отличие от более западных и восточных мечи с кольцевым навершием с окончанием сусловской культуры полностью исчезают. Действительно, начиная со II в. н. э. господствуют уже иные типы мечей. Однако отдельные экземпляры мечей старого типа встречаются еще в начале позднесарматского времени в Поволжье, как и в более западных областях.

1. В подбойном погребении кургана Д 6 у с. Альт-Веймар (Старая Иванцовка) кинжал с кольцевым навершием был найден с мужским костяком, ориентированным головой на север. Погребение следует относить к переходному времени — к I—II вв. н. э. [280, стр. 110].

2. В кургане № 34/1 Калиновского могильника меч с кольцевым навершием встречен в женском диагональном погребении (табл. III, 2). Датировка погребения I в. до н. э.—I в. н. э., предложенная В. П. Шиловым [358, стр. 454], представляется заниженной. Учитывая деформированный череп покойницы, я склонен датировать его II в. н. э.

3. В кургане № 25 II группы могильника «Три брата», в диагональном погребении с юго-западной ориентацией покойника, были найдены меч без металлического перекрестия с навершием из халцедона и, по определению П. С. Рыкова, «железный кинжал с прямой крестовиной (тип современного кинжала)» (табл. IV, 4) [267, стр. 154 и сл.]. В Саратовском музее (СОМК, инв. № 1469) сохранились обломки кольцевого навершия, происходящие из того же погребения. Поэтому можно полагать, что упомянутый кинжал был обычным кинжалом с кольцевым навершием, но только плохой сохранности. Само погребение надо датировать II, может быть, началом III в. н. э., так как на территории Калмыкии южная ориентировка покойников удерживается довольно долго.

¹² [312, стр. 59, табл. XII, 3]. Меч, хранящийся в ГИМе, реконструирован А. А. Спицыным не совсем правильно. На самом деле у него обычное кольцевое навершие, см. 288, стр. 135, табл. XXXIII, 8.

4. Короткий меч с кольцевым навершием из кургана № 84 II Бережновского могильника обнаружен в подбойном погребении с северной ориентировкой покойника [281, стр. 85]. Дата его — II — начало III в. н. э.

5. Этим же временем должен датироваться железный нож-кинжал с кольцевой рукоятью из кургана № 67 того же могильника, найденный вместе с костяком женщины с деформированным черепом, ориентированным головой на север. Дату подтверждает зеркальце с боковым ушком [281, стр. 74].

6. Одним из наиболее поздних является кинжал с кольцевым навершием из погребения в кургане № 1 II группы у хут. Авиловского, в котором находился мужской костяк с деформированным черепом, ориентированный головой на север. В том же погребении были найдены железные удила с крупными толстыми кольцами [279, стр. 236—237]. Дата погребения — II—III вв. н. э.

Эти находки доказывают, что мечи и кинжалы с кольцевым навершием изредка встречаются и в позднесарматское время и определенный отрезок времени сосуществуют с мечами без металлического навершия. У нас пока нет хорошо документированных находок тех и других в одном погребении. Однако это только вопрос времени, и они, несомненно, появятся, как не так давно были найдены мечи с кольцевым навершием в одних погребениях с прохоровскими мечами с серповидным навершием.

Ножны и способы ношения

Обычно мечи и кинжалы с кольцевым навершием, как и мечи с серповидным навершием, носили в деревянных ножнах. Остатки их сравнительно часто встречаются в погребениях, еще чаще исследователи констатируют следы дерева на клинках. Ножны окрашивались в красный цвет различных оттенков. Деревянные ножны меча из Верхнего Колышлея и из кургана № 49 Сусловского могильника изнутри были обтянуты тканью.

Иногда деревянные ножны сверху обтягивались тонкой кожей¹³, также выкрашенной в красный цвет. Можно допустить и существование ножен, изготовленных целиком из кожи.

В одном случае (Политотдельское, курган № 4/20) найдены ножны с округлым концом, изготовленные целиком или на значительную длину из железа. Вероятно, подобные ножны

¹³ Кара-Оба, курган № 11/1; Бережновка II, курганы № 81 и 84; Суслы, курган № 49.

встречались у сарматов очень редко. Лишь один раз железные ножны с овальным концом были встречены в савроматском погребении из кургана № 8/35 Калиновского могильника [358, стр. 352, рис. 38, 19, 20; ГЭ, инв. № 2204/245].

Форма ножен определялась формой клинка. Поэтому они должны были иметь параллельные или сходящиеся книзу стороны. Оба эти типа ножен мы встречаем на пантикапейских рельефах. Такие же ножны с раннего времени бытуют в Скифии и в иранском мире вообще [211, стр. 61].

Конец ножен также мог быть двояким: округлым, с расширением на конце, или прямоугольным, без расширения. Ножны кинжалов на пантикапейских рельефах расширения, как правило, не имеют, но существование его на некоторых ножнах сарматских мечей с кольцевым навершием подтверждает уже упомянутая находка из кургана № 4/20 Политотдельского могильника. Бронзовая накладка прямоугольной формы на конец ножен была найдена в кургане № 1, у северной окраины с. Ново-Филипповки [104, стр. 40]. Ножны с концами обоих вариантов также известны в Скифии и Иране.

В кургане № 2, около западной окраины с. Ново-Филипповки, рядом с мечом были найдены костяные ворворки [240, стр. 46, рис. 3, 1, 9]. Подобные ворворки из кости и металла встречаются вместе с савроматскими [292, стр. 29] и прохоровскими [229, стр. 35 и сл.] мечами. Скорее всего они помещались на кистях, которыми украшали рукояти мечей или их ножны, наподобие темляка на средневековых саблях и шпагах. Кисти украшают мечи на некоторых скифских каменных бабах [455, стр. 294, рис. 2; 212, стр. 127, рис. 39].

Для этой же цели могли применяться и бусы, которые встречаются с сарматскими мечами начиная с савроматского времени¹⁴. В памятниках на территории СССР бусы вместе с мечами с кольцевым навершием зафиксированы девять раз (см. прил. 2). При этом три раза они были найдены около рукояти и два — около конца меча. Бусы с такими мечами обнаружены в язигском погребении Сцентеш-Киштоке (в кольце навершия — табл. VII, 3) и в погребении на Бахрейнских островах (табл. VII, 5), что свидетельствует об общесарматском, а быть может даже общеиранском, характере этого обычая.

И. Вернер полагает, что бусы, которые на-

ходят вместе с мечами, были не просто украшением, а имели определенное магическое значение [494, стр. 35]. Вероятность такого предположения не исключена, однако конкретных подтверждений у нас нет, если не считать амулетов, которые иногда находят вместе с савроматскими и прохоровскими мечами.

Некоторое представление о способах ношения мечей и кинжалов с кольцевым навершием мы получаем из сопоставления их положения в могилах с пантикапейскими рельефами и другими источниками.

В подавляющем большинстве случаев (около 90%) мечи и кинжалы с кольцевым навершием лежат справа от костяка (табл. VIII, 1—4). Слева от него (табл. VIII, 3—5) они зафиксированы 13 раз: на некотором расстоянии от костяка, около плеча, с наружной стороны руки, в кисти руки, вдоль туловища. При этом только в одном-двух случаях можно предполагать, что меч был прикреплен к поясу или портупее и носился слева.

Мечи и кинжалы, лежавшие справа от костяка, чаще всего располагались вдоль бедра и ноги, вплотную к ним, и в этих случаях можно допустить, что они клались прикрепленными тем или иным способом к поясу или портупее.

Вероятно, их носили преимущественно на правом бедре прикрепленными к ноге при помощи охватывающих ее ремешков. Этот способ был удобен для всадников, потому что не давал ножнам болтаться и бить по ноге, но годился только для кинжалов и коротких мечей, не доходивших до колена. Кстати, в этом случае расширение на концах ножен было функционально оправдано, так как при движении оно препятствовало выскальзыванию меча из-под ремня. Именно так носят кинжалы с кольцевым навершием всадники на пантикапейских рельефах [430, № 599, 606, 619, 627 и др.]. То, что сарматы носили мечи и кинжалы подобным же способом, подтверждается их положением в погребениях, когда конец меча уходит под бедро (табл. VIII, 1)¹⁵.

Ножны кинжалов, изображенных на пантикапейских рельефах, имеют прямоугольные выступы в верхней части, а иногда и в нижней, которые служили, вероятно, для тех же целей, что и округлое расширение на конце, — препятствовать выскальзыванию меча из-под ремней.

Не совсем ясно, прикреплялся ли меч при таком способе ношения к поясу. Вряд ли здесь

¹⁴ Например, Блюменфельд, курган А 12; Прохоровка, курган № 2, и др.

¹⁵ Например, Черобаево, курган № 3/1; Кара-Оба, курган № 3/1; Дмитриевка, курган № 1/1, и др.

может быть однозначный ответ, но иногда ножны меча в дополнение к охватывающим их ремешкам могли подвязываться к поясу дополнительным ремнем.

Такой способ ношения мечей встречался у скифов, саков и в ахеменидском Иране [211, стр. 63]. Так же могли носить кинжалы и короткие мечи савроматы и воины прохоровского времени. Это подтверждается изображением мечей и кинжалов с серповидным навершием, плотно прикрепленных на бедрах ремешками, на медных литых фигурках, найденных около д. Сапожково бывшей Пермской губернии [ОАК за 1911 г., стр. 87, рис. 125; 325, табл. I, II]. О том, что так носили кинжалы и в более позднее время, свидетельствует Овидий, писавший, что «десница всегда готова наносить раны, вонзая нож, который всякий варвар носит на привязи у бедра» [31, V, 7].

При ношении короткого меча, привязанного к правому бедру, пряжки были не нужны. И действительно, в сарматских погребениях железные, бронзовые и костяные пряжки вместе с мечами с кольцевым навершием встречаются всего 22 раза (см. прил. 3). Почти в половине случаев они находились на левой половине таза, в то время как меч лежал вдоль правого бедра или ноги. Три-четыре раза при том же положении меча пряжка находилась около его рукояти или в области правой половины таза; два раза меч лежал слева от покойника и рядом с ним находилась пряжка. В остальных случаях положение пряжки в отчетах не указано или же она находилась посередине таза, т. е. служила в качестве поясной.

Когда пряжки находились около рукояти меча, они могли служить для прикрепления его к поясу. Такой способ ношения издревле известен у иранских народов, в частности у персов ахеменидского времени¹⁶ и скифов [211, стр. 63]. Для этого ножны мечей имели специальные лопасти. При помощи дополнительных ремней с пряжками прикрепляли к поясу короткие мечи савроматы [413, стр. 27, рис. 2] и сарматы прохоровского времени [230, стр. 294].

Мечи и кинжалы с кольцевым навершием, прикрепленные к поясному ремню, изображены на рельефах гробницы Антиоха I [422, стр. 324, рис. 47; 407, рис. 79, 80]. Их ножны име-

ют четыре боковые лопасти в виде львиных голов — две верхние и две нижние, — которые свидетельствуют о том, что один и тот же меч мог в зависимости от обстоятельств носиться по-разному. В сарматских погребениях такой способ ношения меча с кольцевым навершием прослеживается лишь в некоторых погребениях (табл. VIII, 2)¹⁷.

В одном-двух случаях можно предположить, что меч носился у пояса слева¹⁸, как обычно носились у иранских народов, в том числе и сарматов, длинные мечи.

Почти в половине случаев пряжки, найденные вместе с мечами с кольцевым навершием, находились слева у бедра, в то время как меч — вдоль правого бедра. Это позволяет допустить еще один способ ношения мечей — прикрепленными к поясу при помощи портупейного ремня. В таком случае меч в ножнах висел на портупейном ремне, скорее всего в свободном состоянии, позволяющем передвигать его вдоль ремня. Этот ремень, обходя вокруг бедер воина, прикреплялся к поясу у левого бедра (табл. XXXIV, 1). При этом возможны различные варианты: один конец портупейного ремня мог пришиваться к поясному наглухо, а другой — соединяться с ним при помощи пряжки, или же концы портупейи соединялись между собой, а потом уже при помощи пряжки прикреплялись к поясу. Наконец, меч мог крепиться вертикально у пояса, а портупейный ремень имел дополнительное назначение, позволявшее менять положение меча.

Ношение длинного меча при помощи портупейного ремня было широко распространено у сарматов во II—IV вв. н. э. и в сасанидском Иране. Возможно, начало применения портупейи следует относить к более древнему времени. Так носит меч всадник на золотой бляхе со сценой охоты на кабана из сибирской коллекции Петра I.

Следует отметить, что в позднее время меч носился слева, а портупея прикреплялась к поясу у правого бедра, в то время как в среднесарматское время его носили справа. Впрочем, если судить по положению в могилах многочисленных экземпляров длинных мечей с кольцевым навершием, они носились то справа, то слева.

¹⁷ Например, хут. Шульц, курган Е 25/19; Калмыково, курган № 2; Ново-Филипповка, западная окраина, курган № 2.

¹⁸ Быково II, курган № 1/14; может быть, Политотдельское, курган № 4/20.

¹⁶ Геродот [VII, 62] отмечает, что персидский акинак прикреплялся к ремню у правого бедра.

II

ГЛАВА

МЕЧИ И КИНЖАЛЫ БЕЗ МЕТАЛЛИЧЕСКОГО НАВЕРШИЯ

Общая характеристика

Мечи и кинжалы без металлического навершия¹ характерны для позднесарматского этапа и являются одним из определяющих его элементов материальной культуры, так же как мечи и кинжалы с кольцевым навершием — для среднесарматского.

В отличие от последних они встречаются только в мужских погребениях. Имеются ли исключения, в настоящее время решить трудно. В качестве женского было опубликовано погребение из кургана Е 25/22 у хут. Шульц, в котором был найден кинжал без металлического навершия [282, стр. 92]. Однако, насколько известно, антропологического определения произведено не было. Обломки меча имелись среди типично женского инвентаря позднесарматского погребения, случайно найденного близ слободы Котово [82, стр. 148]. Но возможно, мы имеем здесь дело с парным погребением. Впрочем, в Средней Азии исследователи несколько раз отмечали наличие таких мечей и кинжалов в женских погребениях [119, стр. 60; 77, стр. 63].

Мечи без металлического навершия отличаются от аналогичных кинжалов только размерами. Мечи, как правило, довольно длинные². В Поволжье и Приуралье встречаются экземпляры, превышающие в длину 80 см, из которых треть — длиной свыше 100 см (табл. XI, 1; XIV, 9). Примерно такая же картина

¹ Сводку мечей и кинжалов без металлического навершия, найденных на территории юга европейской части СССР, см. в приложении 4. В нее не включены боспорские мечи и кинжалы, уже собранные Н. И. Сокольским.

² К длинным мечам относятся экземпляры длиной свыше 70 см, к коротким — 50—70 см, т. е. равные по размерам скифским акинакам и мечам с кольцевым навершием.

и в других областях, в частности на Кавказе, но известные там мечи без металлического навершия сарматского времени не достигают метровой длины. Средняя длина боспорских мечей колеблется от 70 до 112 см [305, стр. 154].

Короткие мечи встречаются очень редко. В Поволжье их найдено всего пять³, причем длина трех из них превышает 65 см, а один переделан из более длинного. На Кавказе короткие мечи мне неизвестны. В Крыму и Молдавии известны лишь единичные экземпляры. Короткие мечи были также известны в сасанидском Иране [324, стр. 476 и сл.]. Встречаются они и на Боспоре.

Среди кинжалов преобладают экземпляры длиной 30—40 см (в Поволжье и Приуралье они составляют около половины общего числа найденных), реже — 20—30 см, совсем редко — 40—50 см. Такая же картина наблюдается и в других областях.

Все мечи и кинжалы двулезвийные. Лезвия мечей от пяты клинка идут почти параллельно, заметно сужаясь лишь в последней трети длины, а то и у самого острия. Таковы же в основном и клинки кинжалов, но отдельные экземпляры имеют треугольно-вытянутую форму⁴. В сечении клинки линзовидные, двояковыпуклые или уплощенные. Конец клинка заострен, реже закруглен.

Ширина клинков мечей у пяты в среднем равняется 4—6 см, изредка достигает 7 см (табл. XI, 6). Встречаются экземпляры с очень длинными и узкими клинками (табл. XIII, 1).

³ Фриденберг (Мирное), II (ЮЗ) группа, курган № 1 (табл. XII, 2); Боаро (Бородаевка), курган № F 4 (табл. XI, 6); Бережновка II, курган № 58 (табл. XI, 5); «Три брата», II группа, курган № 30; Федоровка, речное погребение (табл. XII, 4).

⁴ Например, Курпе-Бай, курган № 2 (табл. X, 1); Старица, курганы № 26 и 69, и др.

Ширина клинков кинжалов у пяты в среднем равна 3—4,5 см. Экземпляры с очень узким (табл. X, 2) или очень широким клинком встречаются редко.

Штырь таких мечей и кинжалов откован из одного куска железа с клинком. Средняя длина штыря мечей — 12—15 см; есть штыри короче (табл. XII, 3) и длиннее (табл. IX, 4; X, 6). Ширина штырей — 2—3 см. Длина штырей кинжалов — 6—8 см, ширина — 1—2 см.

Штыри прямые или слегка расширяющиеся к пяте клинка. В сечении они плоские или квадратно-прямоугольные, значительно реже овальные. Часто в верхней или средней части штыря имеется отверстие, в которое вставлялся железный или бронзовый штифт для прикрепления обкладок рукояти (табл. IX, 5; X, 1, 5; XI, 2, 4; XII, 3; XIII, 2).

Обкладки были деревянные или костяные. Кость для этих целей, вероятно, употреблялась очень редко, зато в погребениях постоянно встречаются мечи и кинжалы со следами дерева на штырях. Рукояти могли иметь различное устройство. У меча из кургана № 40 Калиновского могильника рукоять состоит из двух округлых деревянных колодочек, у меча из кургана Д 16 у Альт-Веймара она круглая, точеная (табл. XIV, 9). Рукояти мечей знатных воинов могли обкладываться золотом, если судить по боспорским мечам и отдельным экземплярам сарматских мечей более ранних типов.

Металлическое перекрестие имелось только у сравнительно небольшой группы мечей. Н. И. Сокольский считает, что перекрестие было деревянным, так как в битве меч без перекрестия неудобен [305, стр. 155]. В целом это кажется маловероятным, потому что в погребениях ни разу не зафиксированы его следы, хотя бы в виде древесной трухи. К тому же следует помнить, что меч не сабля и для нанесения прямого рубящего удара перекрестие не обязательно. Впрочем, роль очень короткого перекрестия могли играть катушкообразные деревянные рукояти. Часто встречающееся расширение штыря у пяты клинка, которому соответствовало расширение обкладок рукояти, в какой-то степени также компенсировало отсутствие настоящего перекрестия.

На Боспоре характерной особенностью таких мечей и кинжалов были навершия различной формы, прикреплявшиеся к верхней части штыря. Материалы, из которых они изготавливались, самые различные: халцедон, янтарь, оникс, топаз, алебастр, стекло, паста, кость, обожженная глина, дерево и т. д. [305, стр. 154]. На сарматских мечам такие навер-

шия встречаются очень редко (см. прил. 4; табл. XIV, 4—5, 7), а материал их, как правило, более дешевый. Халцедоновое навершие меча из кургана № 25 II группы могильника «Три брата» (табл. XIV, 5) было разбито и склеено смолой, что говорит о его ценности для владельца.

На этом же мече можно наблюдать способ крепления навершия к рукояти: бронзовый штифт через отверстие в центре плоского диска прикреплялся к обкладкам штыря. Точно такие же навершия с бронзовыми штифтами известны на Кубани (табл. XIV, 4) ⁵.

Дорогие навершия на сарматских мечам могли появиться под влиянием кубано-пантикапейской традиции. Большинство же их, очевидно, изготовлялось из дерева, наподобие навершия, найденного около рукояти меча в кургане № 1 у с. Фриденберг (Мирное).

Вероятно, часть мечей наверший вообще не имела. Н. И. Сокольский считает, что «очень трудно себе представить одновременное употребление неудобного по форме меча без навершия и более удобного для удара с навершием» и что «меч без навершия очень неудобен в употреблении и при ударе мог выскальзывать из рук» [305, стр. 155], но эти аргументы неубедительны.

Иконографический материал подтверждает бытование мечей без наверший на довольно большой территории и в различное время. Таковы, например, меч всадника на уже упоминавшейся сибирской золотой бляхе со сценой охоты [264, табл. I, 5; IV, 5] или мечи, изображенные на терракотах из Мерва [251, рис. 20, 25].

Такие длинные мечи были оружием всадников и применялись, как уже упоминалось, для нанесения прямого рубящего удара. Благодаря длине меча и его большому весу этот удар должен был быть весьма эффективным, особенно при борьбе с пехотой противника.

Сериг, исследуя многочисленные изображения всадников с длинными мечами в иранском мире, пришел к выводу, что меч держали в одной руке [482, стр. 27—29]. Для того чтобы его не выронить, рука обнимала рукоять у самого перекрестия, а указательный палец располагался над ним, как это видно на некоторых сасанидских блюдах (табл. XVI, 1) [476, табл. CIV] и на фресках из Восточного Туркестана [380, рис. 91]. Для тех же целей рукояти делались длинными (у пальмирских ме-

⁵ Ст. Тимошевская, случайная находка 1890 г.—ГЭ, инв. № 2231/8 (Ку. 1890 1/8); ст. Тифлисская, курган № 11 — ГИМ, инв. № 48478.

чей они имели в длину не менее 25 см), потому что в таком случае центр тяжести приближается к руке.

Вероятно, по общему правилу в одной руке держали длинные мечи и сарматы. Но в отдельных случаях, для нанесения особенно сильного удара, меч могли брать и в обе руки. Об этом упоминает Тацит [51, I, 79].

Среди мечей и кинжалов без металлического навершия можно выделить ряд типов, различающихся и в хронологическом отношении, и по территории распространения. В выделении их я в основном слеую за К. Ф. Смирновым [300, стр. 212 и сл.] — с некоторыми изменениями и дополнениями.

Тип 1 представлен длинными мечами и кинжалами (табл. IX, 4—6, 7; XI, 3; XIII, 4, 5, 7) с прямым перекрестием, без металлического навершия. Перекрестия железные⁶, реже бронзовые⁷, короткие и очень тонкие. Толщина их не превышает 1 см, а зачастую еще меньше.

Перекрестия, как правило, прямые, надетые на пята клинка и в плане дают овал или ромб. Только у меча из кургана № 45 у ст. Усть-Лабинской перекрестие фигурно расширяется к середине и концам (табл. XIII, 5), а у меча из кургана № 2 Курпе-Байского могильника оно слегка сломано под тупым углом, вершиной к острию клинка (табл. X, 6).

Наиболее распространенным был *тип 2*, представленный большим количеством мечей и кинжалов с треугольным основанием клинка, плавно переходящим в рукоять-штырь (табл. X, 1—3, 5; XI, 1—2, 4—7; XIII, 1—2). Именно у них штырь обычно расширяется книзу, переходя в клинок иногда очень плавно и постепенно, иногда более резко (табл. XI, 2).

Тип 3 пока представлен только длинными мечами с клинком, основание которого образует прямой угол с рукоятью-штырем (табл. XII, 1—3). Кинжалы этого типа хорошей сохранности мне неизвестны. Кинжал из Бис-Обы, найденный вместе с мечом 3-го типа, сохранился слишком плохо, чтобы можно было с уверенностью судить о его принадлежности к тому или иному типу.

К *типу 4* можно отнести только один меч с приваренной рукоятью-штырем⁸. Он датируется последней четвертью IV — первой половиной V в. н. э., т. е. относится уже к после-

сарматскому времени [193, стр. 82; 146, стр. 58—60]. Однако генетически он, несомненно, происходит от позднесарматских мечей да и в типологическом отношении отличается от них весьма незначительно. Штырь его имел то же назначение, что и штыри всех остальных типов.

Тип 5 представлен почти исключительно кинжалами или короткими мечами, имеющими боковые вырезы у пята клинка, вероятно для крепления перекрестия (табл. XII, 5—7). Само оно, однако, ни разу до нас не дошло, и поэтому остается предположить, что в данном случае перекрестия действительно изготовлялись из дерева⁹.

Количество вырезов бывает различным. Наиболее распространены кинжалы, у которых имеется по одному вырезу с обеих сторон клинка (табл. XII, 6). Встречаются кинжалы, имеющие один вырез с одной стороны (табл. XII, 5), два выреза с одной стороны и один — с другой, по два выреза с каждой стороны (табл. XII, 7). В целом это создает впечатление о некоторой неустойчивости типа.

Все такие кинжалы генетически связаны с позднесарматскими, но бытуют в основном уже в послесарматское время.

Вопросы происхождения

История развития длинных мечей без металлического навершия и соответствующих им кинжалов, безраздельно господствовавших в позднесарматскую эпоху на обширных пространствах Восточной Европы, Средней Азии и других областей, насчитывает много веков. Хотя пока еще невозможно проследить весь процесс в деталях, имеющиеся материалы все же позволяют наметить его основные этапы.

Генезис мечей без металлического навершия включает в себя три основных момента: появление и распространение длинных всаднических мечей, исчезновение у этих мечей металлического навершия и в меньшей степени исчезновение у них металлического перекрестия. Генезис аналогичных кинжалов не был самостоятельным: сарматские кинжалы по общему правилу изготовлялись по образцу соответствующих мечей. Начало этого процесса следует относить к савроматскому времени.

В то время как у скифов и в ахеменидском Иране господствовал короткий меч — акинак, у савроматских племен Поволжья и особенно

⁶ Например, Политотдельское, курган № 12/19 (табл. IX, 4); Бережновка II, курган № 103/2; Калмыково, курганы № 1/1 и 2 (табл. IX, 5—6), и др.

⁷ Суслы, курган № 51; Курпе-Бай, курган № 2 (табл. X, 6); Старница, курган № 63.

⁸ С. Федоровка (табл. XII, 4).

⁹ Исключение составляет длинный меч с вырезом у пята клинка из погребения V в. н. э. в Хаммельбурге (Германия). У него железное перекрестие [432, стр. 55, табл. 25, 14].

Приуралья известное распространение получают длинные мечи. Они появляются уже с конца VI в. до н. э., и к концу савроматского времени число их постепенно увеличивается [292, стр. 29]¹⁰.

Наряду с савроматами длинные мечи стали рано употреблять меоты Прикубанья [87, стр. 34; 305, стр. 143—144; 296, стр. 305]. В территорию первоначального распространения длинных мечей надо также включить и Среднюю Азию, во всяком случае ее присырдарьинские районы [330, стр. 166, рис. 14].

Области, где впервые появились длинные всаднические мечи, и следует рассматривать как территорию, на которой началось развитие мечей без металлического наконечника. Ее восточные границы пока не могут быть определены сколько-нибудь точно, западные — совпадают с границами расселения савроматов. Меотские мечи, хотя и достаточно длинные, не имеют ничего общего с описываемыми.

Первые прототипы позднесарматских мечей без металлического наконечника мы находим на савроматской территории.

1. В кургане № 12/3 ЮВ группы Покровского могильника найден меч длиной 117 см с широким массивным клинком и сердцевидным перекрестием. Рукоять — без металлического наконечника, представляет собой массивный стержень, суживающийся в середине (табл. IX, 1) [266, стр. 42; СМК, инв. № 472].

2. В Саратовском областном музее краеведения под инвентарным номером 616 хранится ныне утерянный меч, полученный в 1908 г. от И. К. Куфеля. Длина его превышала 111 см. Перекрестие сердцевидное, как у меча из Покровского могильника. Плоская рукоять имеет валики по краям и отверстие на округлом конце, скорее всего для прикрепления обкладок. Металлическое наконечник отсутствует (табл. IX, 2).

Оба эти меча К. Ф. Смирнов датирует временем не позднее начала V в. до н. э. [292, стр. 23].

3. Возможно, к этому же типу принадлежал длинный и широкий меч, найденный в кургане № 5/5 могильника в районе г. Элисты [269, стр. 53].

Мечам без металлического наконечника соответствуют такие же кинжалы.

4. Кинжал длиной 36 см был найден в 1912 г. на дюнах у с. Квасниковки на левом берегу Еруслана (СМК, инв. № 686) У него сердцевидное перекрестие, а рукоять пред-

ставляет собой круглый стержень без металлического наконечника (табл. IX, 3).

Отдельные экземпляры мечей и кинжалов без металлического наконечника найдены вне пределов савроматской территории и свидетельствуют о влиянии, которое савроматское вооружение оказывало на соседей, например меч из Никопольского могильника на территории Скифии [115, стр. 59, рис. 4, 1]. Два кинжала без металлического наконечника происходят из Зуевского могильника в ананьинском Прикамье [147, стр. 102, табл. XXI, 9, 10].

Дальнейший генезис таких мечей протекал в тесной связи с общей эволюцией сарматских мечей. В прохоровскую эпоху длинные мечи становятся более распространенными. В это время господствуют мечи с прямым перекрестием и серповидным наконечником, но мечи иных типов, также зародившиеся в савроматскую эпоху, хотя и оказываются оттесненными на задний план, все же полностью не исчезают. Мечи без металлического наконечника претерпевают теперь некоторые изменения: перекрестие их становится прямым, как у всех сарматских мечей начиная с III в. до н. э.

1—2. В кургане № 4/3 II группы у с. Визенмиллер (Луговое) были обнаружены два меча одинаковой формы «со стержневым наконечником и прямым перекрестием». Длина первого — 100 см, второго — свыше 70 см. Комплекс бронзовых втульчатых и железных с длинными черешками наконечников стрел датирует погребение, в котором они были найдены, концом IV — началом III в. до н. э. [229, стр. 18].

3. Еще один меч происходит из погребения в кургане № 4/9 у с. Старица, которое по комплексу железных и бронзовых наконечников стрел также должно датироваться раннепрохоровским временем [510, стр. 32—34].

4. Меч из кургана № 4/27 Жутовского могильника найден в одном погребении с кинжалом с серповидным наконечником. Само погребение датировано III в. до н. э. по античному бальзамарию и котлу этрусской работы¹¹.

5. В кургане № 12/19 у с. Политотдельское вместе с кинжалом с серповидным наконечником был найден меч длиной не менее 100 см, с прямым перекрестием и длинным штырем-рукоятью без металлического наконечника (табл. IX, 7). По найденному в том же погребении эллинистическому флакону он датируется концом III — началом II в. до н. э. [295, стр. 270; 320, рис. 25, 6].

6. Кинжал с прямым железным перекрестием

¹⁰ Всего с савроматской территории известно свыше 10 мечей, длина которых превышает 70 см.

¹¹ Любезное сообщение И. П. Засецкой.

ем из погребения № 32 курганной группы «Три брата» в дельте Дона, которое датируется II в. до н. э. [191, стр. 228, рис. 4.1].

Все эти находки доказывают непрерывность традиции длинных мечей и соответствующих им кинжалов без металлического навершия в сарматском мире и дальнейшее развитие ее в прохоровскую эпоху.

Мечи без металлического навершия встречаются в последние века до нашей эры не только у сарматов. Материалы могильников Бухарской и Самаркандской областей — Кую-Мазарского, Лявандакского, Шахри-Вайронского, Кызыл-Тепинского и Агалык-Сайского — позволяют включить в территорию их распространения Среднюю Азию. Среди большого количества мечей и кинжалов с прямым перекрестием без металлического навершия, найденных в этих могильниках, имеются экземпляры, которые я склонен датировать ранним временем.

Так, на раннюю дату длинного меча без металлического навершия из кургана № 19 на курганном поле № 2 Кую-Мазарского могильника (табл. IX, 6) [236, стр. 210, рис. 16] указывает обнаруженный в том же погребении кинжал с дуговидным перекрестием и «навершием в виде отогнутых в стороны „рожек“» — разновидность серповидного. В кургане № 1 I группы Лявандакского могильника меч без металлического навершия [237, стр. 104] найден вместе с уже упоминавшимся кинжалом с дуговидным перекрестием и кольцевым навершием. Поэтому оба погребения следует датировать временем не позднее III—II вв. до н. э. Меч из кургана № 14 Кызыл-Тепинского могильника точно датируется второй половиной II в. до н. э. по обнаруженной в погребении монете греко-бактрийского царя Гелиокла [239, стр. 185].

В область распространения мечей без металлического навершия, вероятно, следует включить и отдельные районы Сибири. Такой меч имеет всадник на бляхе со сценой охоты из сибирской коллекции Петра I. По поводу ее датировки существуют большие разногласия, но предложенная С. И. Руденко дата — V—IV вв. до н. э. — [264, стр. 36] представляется слишком заниженной, так как меч всадника имеет характерное для более позднего времени прямое перекрестие и скобу на ножнах для подвешивания меча. Вероятно, бляху следует датировать последними веками до нашей эры. Таким образом, уже в последние века до нашей эры мечи с прямым перекрестием без металлического навершия оказываются распространенными на весьма обширной тер-

ритории, включающей в себя области расселения сарматов, Среднюю Азию и некоторые районы Сибири. Были ли описанные выше савроматские мечи единственными прототипами для всех таких мечей, или же в других районах были свои, близкие к савроматским исходные варианты, в настоящее время установить нельзя, хотя второе кажется мне более вероятным.

Итак, 1-й тип мечей и кинжалов без металлического навершия сформировался уже в прохоровское время, но продолжает бытовать и в сусловское. На сарматской территории к их числу относятся:

1. Меч с прямым бронзовым ромбическим в сечении перекрестием из кургана № 2 Курпе-Байского могильника. Его длина — 110 см (табл. X, 6).

2. Меч с прямым железным перекрестием из кургана № 103/2 II Бережновского могильника длиной 105 см.

3. Кинжал с прямым железным овальным в сечении перекрестием из кургана № 1/11 Верхнепогромненского могильника (раскопки 1954 г.; табл. X, 4).

4—5. Меч и кинжал с прямыми перекрестиями, обнаруженные в могильнике у с. Калмыково, соответственно в курганах № 1/1 и 2. Первый, длиной 86 см, имеет рукоять-штырь с деревянной обкладкой; на конце ее круглая бронзовая пластинка (табл. IX, 4) [278, стр. 149—150]. У второго, длиной 32 см, деревянные обкладки крепились к штырю-рукояти железным штифтом (табл. IX, 5) [278, стр. 150].

6. Короткий кинжал с прямым железным перекрестием из среднесарматского погребения в кургане № 43 Жутовского могильника. Длина его — всего 24,5 см [508, стр. 66].

7. Меч с бронзовым трехгранным в сечении перекрестием из кургана № 51 Сусловского могильника. Длина его — 95 см. В этом погребении имеется ряд вещей, характерных для следующего, позднесарматского этапа (костяные накладки на лук, крупные железные наконечники стрел). Поэтому его следует признать переходным и датировать I—II вв. или даже II в. н. э.

В Средней Азии известен ряд длинных мечей без металлического навершия с коротким железным перекрестием из погребений II в. до н. э. — I в. н. э. — Кую-Мазарского, Лявандакского и Тулхарского [198, стр. 102, табл. XXXIX, 1, 2] могильников. В Зауралье подобный меч происходит из старых раскопок у с. Замараево [150, стр. 82]. Длина его — 93 см. Перекрестие короткое, прямое, железное; рукоять в виде массивного стержня, без метал-

лического навершия (табл. X, 7). П. А. Дмитриев датировал погребение, в котором был найден этот меч, I в. н. э. [128, стр. 190], быть может, оно даже более раннее.

Такие мечи продолжают бытовать и в позднесарматское время, но уже в сусловскую эпоху появляются мечи типа 2.

1. Одним из наиболее ранних следует признать кинжал из кургана № 2 Курпе-Байского могильника (табл. X, 1), найденный вместе с уже упоминавшимся длинным мечом с бронзовым перекрестием. Обряд и инвентарь погребения позволяют датировать его I в. до н. э. — I в. н. э.

2. Обломки длинного и массивного меча обнаружены в кургане № 4/4 у с. Верхне-Погромное (раскопки 1954 г.). Длина сохранившейся части — 75 см, ширина клинка у пяты — 7 см. Датировочным материалом служит ажурная прямоугольная поясная пряжка с выступающим вперед неподвижным язычком и изображением лежащего верблюда [510, стр. 71]. Аналогичная пряжка была найдена у хут. Веселого, в погребении, которое хорошо датируется античной керамикой и мечом с серповидным навершием II в. до н. э. [73, стр. 315]. Погребение же в кургане № 4/4, очевидно, следует относить к известной группе переходных погребений от прохоровского времени к сусловскому.

3. Кинжал без металлического навершия и перекрестия найден в ограбленном погребении из кургана № 55/14 Калиновского могильника (табл. X, 3) ¹².

4. Из кургана № 23 II Бережновского могильника происходит кинжал с круглым янтарным навершием. Обряд погребения в сочетании с инвентарем, состоящим из сероглиняного кувшина с петлевидной ручкой станковой работы, и мраморного сосуда, позволяет датировать это погребение I в. н. э. Здесь же было найдено 110 стрел в кожаном колчане, что также указывает на раннюю дату, поскольку большое количество стрел в погребениях для позднесарматской эпохи нехарактерно.

Есть еще несколько мечей и кинжалов, найденных в погребениях, которые могут относиться к сусловскому времени, но невыразительный сопутствующий инвентарь не позволяет утверждать это с уверенностью ¹³.

Все эти мечи происходят с сарматской территории. В Средней Азии пока неизвестно ни

одного погребения с мечом типа 2, которое бы надежно датировалось I в. до н. э. — I в. н. э. Впрочем, погребений с оружием этого времени там вообще очень мало.

Таким образом, генезис мечей без металлического навершия насчитывает много веков.

У сарматов мы можем проследить их преемственность начиная с савроматского времени. Можно предположить, что сходный процесс протекал и в других областях, прежде всего в Средней Азии, возможно, также и в Сибири. В этом нет ничего удивительного, тем более что появляющиеся в последнее время материалы все больше свидетельствуют о тесных исторических, культурных и даже этнических связях между перечисленными областями.

Возможно, в этом одна из причин многотипности мечей без металлического навершия II—IV вв. н. э. Но конкретный вклад Средней Азии и Сибири в генезис подобных мечей остается пока неясным.

Вопросы хронологии и территории распространения

Время господства мечей без металлического навершия начинается со II в. н. э., когда они распространяются чрезвычайно широко, далеко за пределы сарматского мира.

На сарматской территории больше всего таких мечей найдено в Поволжье — области, где лучше всего изучены позднесарматские памятники и где, как мы видели, эти мечи появились очень рано. Во II—IV вв. н. э. там еще продолжают бытовать мечи и кинжалы типа I, но встречаются они чрезвычайно редко. Оба известных экземпляра представлены кинжалами, обнаруженными в могильнике у с. Старица, в курганах № 29 и 63 (табл. XI, 3). Первый имел железное брусковидное перекрестие с выступом в центре, второй, обнаруженный вместе с мечом типа 2, — бронзовое, несколько суживающееся к середине.

Основную массу находок в Поволжье составляют мечи и кинжалы типа 2, встречающиеся на протяжении всего позднесарматского времени. К III в. н. э. они претерпевают некоторые изменения — рукоять-штырь уже не расширяется книзу, а, как правило, бывает прямой, но все они сохраняют треугольное основание рукояти.

Позднее, в III—IV вв. н. э., появляются мечи типа 3.

В Приуралье мечей и кинжалов без металлического навершия гораздо меньше, как, впрочем, и позднесарматских погребений. Известные экземпляры относятся к типам 2 и 3.

¹² ГЭ, инв. № 2206/80. В публикации памятника он неверно назван ножом (см.: 358, стр. 406, рис. 49, 4).

¹³ Например, хут. Шульц, курган № Е 25/22; Суслы, курган № 32; Калиновка, курган № 48.

На Кавказ, и прежде всего в Прикубанье, такие мечи и кинжалы проникают довольно рано, вероятно в I в. н. э. Их было много найдено в прикубанских курганах, раскопанных Н. И. Веселовским.

К наиболее ранним относятся экземпляры из кургана № 15 у ст. Тифлисской, из «Острого» кургана у Геймановского поселка (табл. XIII, 4), кургана № 1 на Лысой горе (табл. XIII, 3), кургана № 44 у ст. Казанской (табл. XIII, 6) и др. Большинство их следует датировать I или I—II вв. н. э., отдельные, быть может, даже рубежом эр.

Раннюю дату кургана у ст. Тифлисской определяют золотые украшения и медный сосуд с изображением Гермеса на ручке, «Острого» кургана—овальная золотая фибула с камнями [261, стр. 572], кургана на Лысой горе—бронзовое зеркало с боковым ушком, кургана у ст. Казанской—наличие в комплексе железных трехгранных наконечников стрел.

Вполне возможно, что сираки и аорсы Северного Кавказа познакомились с такими мечами еще до появления здесь аланов. Массовое же распространение их, очевидно, надо связывать с продвижением аланов и с заимствованием мечей без металлического навершия местным населением. Для II—IV вв. н. э. они известны не только по материалам кубанских курганов, но и грунтовых могильников¹⁴. На Северо-Восточном Кавказе—в Чечено-Ингушетии и Дагестане—они найдены как в памятниках, отождествляемых с сарматами (Моздок, курган № 1; табл. XIII, 2), так и в принадлежащих местному населению (Хабадский могильник).

Мечи и кинжалы типа 1 на Кавказе, как и в Поволжье, продолжают существовать и на позднесарматском этапе, причем кажутся здесь более распространенными. Тонкие перекрестия сделаны из бронзы (табл. XIII, 5) или железа (табл. XIII, 3). Наиболее распространенными являются мечи и кинжалы типа 2. Хорошо сохранившихся экземпляров, представляющих тип 3, я не знаю, но они, несомненно, были известны уже потому, что такие мечи происходят из некоторых раннесредневековых могильников, например Борисовского [275, стр. 83, 125, рис. 17].

Кубанские мечи отличаются от поволжских в некоторых второстепенных деталях: гораздо чаще встречаются изготовленные из различных материалов навершия, большая

свобода допускается в оформлении рукояти, попадаются фигурные перекрестия и т. д. Все это сближает кубанские мечи с пантикапейскими, и в этом смысле вполне правilen термин М. И. Ростовцева «кубано-пантикапейские» мечи [260, стр. 51—52]. Хотя обе области заимствовали длинные мечи без металлического навершия у сарматов, они внесли новые элементы в их оформление.

О том, что в развитии декора этих мечей наряду с Боспором принимала участие и Кубань, свидетельствуют наиболее ранние кубанские мечи; некоторые из них имеют навершия, выполненные в «пантикапейском» стиле. Так, у кинжала из «Острого» кургана навершие представляет собой золотую шпечку с зеленым камнем, у меча из кургана № 45 у ст. Усть-Лабинской оно золотое, инкрустированное янтарем и другими камнями, и т. д.

В результате более чем столетних раскопок на территории Боспорского царства мы имеем большое количество мечей и кинжалов без металлического навершия, происходящих из Пантикапея и с Таманского полуострова. Подробная сводка, сделанная Н. И. Сокольским, избавляет от необходимости останавливаться на них подробно. Поэтому отмечу только ряд узловых моментов.

Эти мечи Боспор заимствовал у сарматов, возможно через посредство Кубани. Хорошо датированные ранние экземпляры их относятся к I или даже к I—II вв. н. э. [305, стр. 155]. Они могли появиться еще раньше—некоторые экземпляры Н. И. Сокольский датирует I в. до н. э.—I в. н. э. [305, стр. 155],—но аргументация их датировки не всегда убедительна.

В I—II вв. наиболее распространены были мечи типа 2. Изредка встречаются мечи с перекрестием. Рано появляются мечи типа 3. Такой меч из раскопок А. Б. Ашика в Керчи в 1841 г. (ГЭ, инв. № 684-11-1841-42) найден вместе с оттиском монеты Марка Аврелия (172—173 гг. н. э.) [106, стр. 412].

В III—IV вв. н. э. мечи становятся массивнее и шире, сечение их клинков приближается к ромбическому. В связи с общей варваризацией вкуса чаще применяется отделка ножен и рукоятей мечей золотом, цветными камнями и эмалью [305, стр. 162]. Значительное распространение получают несколько видоизмененные мечи типа 1—с коротким бронзовым или железным перекрестием. Надо подчеркнуть, что они не появились в это время заново, а существовали и раньше, очевидно проникнув на Боспор вместе с дру-

¹⁴ Усть-Лабинский № 2; Ясеновая поляна, Краснодарский за козаводами, Мацестинский.

гими типами сарматских мечей без металлического навершия.

Мечи и кинжалы без металлического навершия распространились также в степном и предгорном Крыму¹⁵, причем они могли быть заимствованы не только из Пантикапея, но и непосредственно от сарматов [123, стр. 40 и сл.]. Наиболее ранним является кинжал из погребения XXXII мавзолея Неаполя скифского, датированного I в. н. э. [248, стр. 116].

На Украине мечи без металлического навершия очень редки. Распространение их может быть связано с продвижением на запад аланов.

Аланским, вероятно, является погребение из кургана № 1 у с. Нещеретово в бассейне Северского Донца. В узкой могильной яме находился мужской костяк с деформированным черепом. Меч сохранился в обломках. Штырь его имел штифт для крепления деревянных обкладок рукояти, навершие представляло собой усеченный конус из зеленоватого стекла диаметром 2,4 см [188, стр. 138].

Далее на запад несколько мечей без металлического навершия известны на территории Молдавии [333, стр. 114; 334, стр. 238, рис. 3; 256, стр. 74, рис. 5, 3—5], куда они проникают вместе с сарматами. Известны они и на территории Центральной Европы, в язигских погребениях Венгрии и Румынии [453, стр. 61, табл. XI, 5; 454, стр. 194, табл. LXXXVIII, 8; 392, рис. 10, 8]. Широкому распространению длинного сарматского меча в Европе препятствовала конкуренция римской спаты, хотя не исключено, что ее происхождение в свою очередь связано с влиянием сарматских мечей.

Длинные мечи, близкие к позднесарматским, широко распространяются в Центральной Европе начиная с V в. н. э. [494, стр. 37—43]. Почти все они имеют металлическое перекрестие, а рукояти многих экземпляров украшены аляповато и с чрезмерной роскошью, столь характерной для эпохи великого переселения народов. Навершия таких мечей, изготовленные из стекла и полудрагоценных камней, часто инкрустированные, украшенные золотыми и серебряными накладками — словом, аналогичные тем, которые находят в Керчи, распространяются по всей Европе, доходя до Англии и Скандинавии [494, стр. 30 и сл.]. Они доказывают до VII в., н. э., а сами мечи оказали известное влияние на выработку меча меровингского времени [494, стр. 41].

¹⁵ Могильники у с. Озерное, Заветное; Чернореченский и Инкерманский.

В I—IV вв. н. э. мечи и кинжалы без металлического навершия были распространены по всей Средней Азии, хотя количественно они сравнительно немногочисленны.

На Нижней Сырдарье длинный меч происходит из погребения II—III вв. н. э. в кургане Кок-Сенгир¹⁶. На территории Ташкентского оазиса — древнего Чача — мечи и кинжалы с навершиями из белого известняка стали впервые известны в результате раскопок Г. В. Григорьева памятников каунчинской культуры [119, стр. 59—60, рис. 119, 120]. Длинные узкие мечи были найдены в катакомбных погребениях курганов вдоль арыка Джун [100, стр. 337]. Здесь же были найдены короткие массивные кинжалы того же типа. Длина их всего 15—20 см при ширине 4 см. В погребении рубежа IV—V вв. н. э. на поселении Ак-Тобе 2 найден кинжал типа 3 [195, стр. 75, рис. 32, 16]. Мечи и кинжалы типов 1—3 найдены в довольно большом количестве в могильниках Жаман-Тогай и Шаушукумском [195, стр. 184, 217—221, рис. 6, табл. IV, 1—3, табл. XVI, табл. XX, 1, табл. XXV, 4—5, табл. XXXI, 16, табл. XXXIV, 1—2].

На территории Согда, в нынешней Самаркандской области, два меча найдены были в курганах № 2 и 5 могильника Акджартепе [238, стр. 60, 62, рис. 4].

В Бухарском оазисе кинжал типа 2 был обнаружен в кургане № 3 близ бугра Соинова Куя-Мазарского могильника [235, стр. 113, 119]. Наиболее вероятная дата его — I—II вв. н. э.

В Таджикистане кинжал с треугольным основанием клинка найден в погребении № 3 могильника Суджина [315, стр. 129]. Судя по керамике, наиболее вероятной датой его является I—III вв. н. э. Кинжал типа 3 происходит из выпускного погребения с трупосожжением в кургане № 1, 48 Тулхарского могильника. А. А. Мандельштам датирует это погребение IV—V вв. н. э. и связывает с хионитами [199, стр. 91, рис. 29-а; 198, стр. 158].

В Киргизии большое количество мечей и кинжалов без металлического навершия происходит из Кара-Булакского могильника [77, стр. 63, рис. 13]. Длина мечей колеблется от 80 до 130 см, а треугольное основание клинка у них плавно переходит в рукоять. Кинжалы представлены несколькими типами: одни из них полностью аналогичны мечам, другие имеют довольно прямое длинное железное перекрестие, третьи — своеобразные костяные рукояти. Пока очень большой материал Кара-

¹⁶ Хранится в ХАЭЭ.

Булакского могильника почти не опубликован, остается принять предварительную датировку его Ю. Д. Баруздиным II—IV вв. н. э., который допускал, однако, и наличие более ранних погребений [77, стр. 65]. Кинжалы с перекрестием или без него встречены и в других подбойных и катакомбных погребениях Киргизии II—IV вв. н. э.¹⁷ Фрагменты мечей найдены в Кенкольском могильнике [418, табл. VIII, 1; IX, 4; 162, стр. 75].

В Туркмении кинжалы типов 2 и 3 найдены в могильнике Туз-Гыр¹⁸ и в кургане № 3 могильника Хас-Кяриз [202, стр. 114, табл. VII, 3].

Таковы мечи и кинжалы без металлического навершия первых веков нашей эры на территории Средней Азии. Они соответствуют первым трем типам мечей, выделенным у сарматов. Мечи и кинжалы 1-го типа кажутся здесь более распространенными¹⁹, но в основном будут мечи типов 1 и 2.

Подавляющее большинство таких мечей и кинжалов в Средней Азии найдено в подбойных и катакомбных захоронениях, хронология которых разработана еще очень плохо. В целом они датируются II—IV вв., иногда I—IV вв. н. э. Более детальная периодизация — дело будущего, но уже сейчас намечаются более ранние погребения. Вполне вероятно наличие в них мечей и кинжалов без металлического навершия и перекрестия, которые тем самым окажутся синхронными наиболее ранним сарматским.

Мечи и кинжалы без металлического навершия были распространены в первых веках нашей эры и в Сибири. Кинжал был найден в кургане № 1/2 Абатского могильника на р. Ишиме²⁰, мечи известны в верхнеобской культуре, на ее одиновском этапе [120, стр. 100, 111, табл. XXXVIII, 1].

Далее на восток такие мечи доходят до Китая, но почти все они имеют перекрестия [436, стр. 215—216, табл. XXI, рис. 3—4; 426, табл. I, 1; VI, 5; X, 1, 5; XII, 4; XV, 2, 5]—обычно бронзовые, реже нефритовые [437, табл. 35, 1 а, с]. Независимо от материала перекрестия, как правило, имеют выступ в середине нижней части, как у некоторых иранских мечей [426, табл. XVIII, 1, 3—6].

¹⁷ Айгырджал, курган № 10; Чонтобо, курган № 2 [159, стр. 123, 128].

¹⁸ Раскопки В. А. Лоховица и автора, 1966 г.

¹⁹ Возможно, к первым векам нашей эры относится ряд длинных мечей с коротким железным перекрестием из Кую-Мазарского и Лявандакского могильников.

²⁰ Раскопки М. Г. Мошковой, 1962 г.

Поскольку железные мечи вошли в широкое употребление в Китае лишь в эпоху поздних Хань, мы можем их предположительно датировать первыми веками нашей эры.

В Иране в парфянскую эпоху короткий акинак ахеменидского времени, судя по иконографическому материалу, также сменяется длинным мечом. Возможно, такие мечи появились в Иране вместе с парфянами из Средней Азии. Во всяком случае, прямое развитие их из местного акинака проследить не удастся.

По внешнему виду эти мечи довольно разнообразны, но в сущности разнятся только деталями оформления рукояти. Все они имеют прямое, вероятно металлическое, перекрестие, иногда с выступом посередине. Таким оно видно на некоторых пальмирских изображениях [482, стр. 27, рис. 18] и на мече бога Нергала с рельефа в храме Хатр [407, рис. 98].

Мечи, на которых навершие иногда отсутствовало, очень близки к сарматским мечам без металлического навершия типа 1. Они изображены на некоторых терракотах из Мерва [251, стр. 146, рис. 20, 25] и на знаменитом граффити катафрактария из Дура-Эвропоса [467, табл. LXIV; 407, рис. 63, с]. Сам всадник, как принято в иранском искусстве, изображен с правой стороны, и поэтому меч, висящий у левого бока, целиком не виден, но зато отчетливо видна рукоять с прямым перекрестием без металлического навершия.

Но такие мечи составляют меньшинство. Обычно рукоять изображена цилиндрической, вероятно насаживавшейся на штырь. Для изготовления ее могли употребляться различные материалы: кость, дерево, металл. Такую рукоять имеет меч на уже упоминавшемся рельефе из Хатр.

Эти рукояти должны были быть похожи на украшенную вставными камнями золотую шестигранную рукоять кинжала, найденного в гробнице № 3 некрополя Армазис-Хеви (Мцхета), которая насаживалась на железный штырь (вторая половина III в. н. э.) [232, стр. 56, табл. III, III, 1]. Такой кинжал был, конечно, парадным оружием, но именно его-то в большинстве случаев мы встречаем на иранских рельефах и других изображениях.

Иногда рукояти мечей обматывались кожаными ремешками, что прослеживается на некоторых сасанидских блюдах [407, рис. 248, 314].

Навершия иранских мечей не составляли одного целого с рукоятью меча. Они весьма разнообразны, и, вероятно, был разнообразным материал, шедший на их изготовление. В Дура-Эвропосе был найден меч, к сожалению,

нию в обломках, навершие которого изготовлено из нефрита [396, VI, рис. 16, 193, 204]. Кстати, перекрестие у этого меча отсутствует.

Анализ иранских мечей парфянской и сасанидской эпох приводит к выводу об их близости сарматским и среднеазиатским не только по размерам, но и в конструктивном отношении. Даже имеющийся скудный материал свидетельствует об общих процессах в развитии этого вида оружия, шедших на чрезвычайно обширных территориях и вызванных, с одной стороны, общим ходом развития военного искусства, а с другой — тесными культурными связями между этими областями.

Наше предположение подтверждают результаты недавно опубликованных раскопок в Дайламане, у юго-западного побережья Каспия [393, см. также 144]. Обнаруженные в ходе их мечи позднепарфянского времени очень близки к сарматским мечам типа 1 и 2. Интересно также, что в данном случае исследователи допускают возможность прямого сармато-аланского влияния.

В Европе же позднесарматские мечи без металлического навершия, как и более ранние, изредка проникают на север, в область лесных культур²¹. Еще чаще находят халцедоновые и каменные кружки, связанные с мечами²². Найдено также несколько нефритовых и халцедоновых скоб от портупей меча.

Длинные сарматские мечи все же не получили на севере сколько-нибудь широкого распространения, оставаясь единичным оружием, хотя к III—V вв. количество их несколько увеличивается. Поскольку такие мечи предназначались главным образом для рубки в конном строю, применение их пешими воинами лесных культур, в военном деле которых всадники играли второстепенную роль, было ограничено.

Двулезвийные мечи без металлического навершия бытуют в Восточной Европе и после IV в. н. э., определенный отрезок времени существуя с однолезвийными. Два последних типа мечей в значительной степени относятся уже к послесарматскому времени. Больше всего двулезвийных мечей и кинжалов без металлического навершия в эпоху раннего средневековья дает Кавказ²³. Все они относятся к типу 3.

²¹ Могильники: Бахмутинский [288, стр. 81]; Азелинский и Суворовский [108, стр. 69, табл. XIX, 10—11]; Кошибеевский [312, стр. 11, 67, табл. XII, 2]; Новиковский [286, стр. 55, 57].

²² Могильники: Мари-Луговской и Айшинский [288, стр. 80, 106]; Вичмарский [287, стр. 30], Безводновский клад [288, стр. 80].

²³ Могильники VI—VII вв.: Борисовский [275, стр. 85,

В тех же могильниках встречены кинжалы типа 5. Тем самым устанавливается их верхняя дата—VI—VII вв. н. э. Определить нижнюю дату труднее, так как значительная часть кинжалов происходит из случайных находок. Судя по кинжалу, найденному В. В. Шкорпилем в 1902 г. в Керчи, в склепе № 181, который Н. И. Сокольский датирует II—III вв. н. э. [305, стр. 159], а также в Моздокском могильнике, в грунтовых погребениях, разрушенных карьером, можно предположить, что появление их относится еще к сарматскому времени. Однако основная масса кинжалов с вырезами у пяты клинка должна датироваться временем начиная с IV в. (два кинжала найдены в Инкерманском могильнике IV в. н. э.).

Большинство таких кинжалов найдено на Кавказе; не исключено, что он и является их родиной. Появление их, очевидно, связано с вновь вошедшим в употребление перекрестием, для лучшего крепления которого делались вырезы в пяте клинка.

В Поволжье однолезвийные мечи начиная с IV в. были в большем употреблении, чем на Северном Кавказе [214, стр. 160 и сл.]. Наиболее ранние из них, относящиеся к IV—V вв., найдены в «курганах с сожжением» в Поволжье и на Украине [218, стр. 99, 109, табл. I, рис. 1]. Однако и здесь двулезвийные мечи без металлического навершия исчезают далеко не сразу. К IV—V вв. относится единственный известный экземпляр меча типа 4. Но мечи старых типов продолжают встречаться и в еще более позднее время. Примером может служить кинжал из кургана № 3/2 могильника у с. Иловатка, который следует датировать VI—VII вв. н. э. (табл. XI, 7) [146, стр. 59—60].

Ножны и способы ношения

Ножны мечей и кинжалов без металлического навершия мало чем отличались от ножен мечей других типов. Форма и материал, шедший на их изготовление, весьма стабильны на протяжении многих веков. Как и в предыдущие эпохи, ножны в большинстве случаев изготовлялись из дерева, и следы их в виде деревянных волокон на клинках часто встречаются в погребениях.

По-прежнему практикуется окраска ножен в красный цвет²⁴. Один раз был отмечен слуг [125, рис. 17]; Агойский [217, стр. 90]; Сопино [503, стр. 15, рис. 23]; несколько более ранний Апуштинский [102, стр. 176, рис. 3, 3].

²⁴ «Три брата», II группа, курган № 30; Абганеры, курганы № 2 и 3; Старица, курган № 13, и др.

чай окраски в белый цвет²⁵. Ножны поверх дерева иногда обтягивались тонкой кожей²⁶. Ножны меча из кургана № 21 Политотдельского могильника были обтянуты тонкой берестой.

Изнутри ножны могли оклеиваться тонкой тканью. Правда, в позднесарматский период это ни разу не было зафиксировано в Поволжье — Прикубанье, но зато неоднократно отмечалось на ножнах боспорских мечей. На Кавказе полотняная подкладка ножен мечей прослежена в погребениях № 7 и 9 Хабадинского могильника.

Железные ножны были встречены только в Инкерманском могильнике²⁷.

Ножны могли иметь различные обкладки, обоймы, пластинки, сделанные главным образом из бронзы, реже из серебра (табл. XIV, 8).

Оправы концов ножен встречаются очень редко. Тонкая костяная пластинка от конца ножен обнаружена в кургане № Е 25/19 у хут. Шульц на Торгуне. Металлические оправы иногда встречаются на Боспоре с мечами III—IV вв. [305, стр. 162]. Серебряная оковка близкой к ним формы была найдена с наиболее поздним кинжалом из кургана № 3/2 у с. Иловатка (табл. XI, 7). В эпоху великого переселения народов такие оковки встречаются в Центральной Европе [494, табл. 12а; 22; 55, 2; 56, 3].

Ножны мечей и кинжалов отдельных представителей сарматской знати могли обкладываться золотом. Но известные находки таких ножен относятся только к IV—V вв., т. е. уже к послесарматскому времени²⁸. Золотые обкладки ножен были и у некоторых экземпляров сасанидских мечей. В «Истории Армении» Фавста Бузанда говорится о мече в золотых ножнах сенекапета Нерсеса (IV в. н. э.) [324, стр. 475].

Судя по сасанидским изображениям, ножны мечей могли быть как гладкими, так и украшенными различным орнаментом. Мечи с орнаментированными ножнами удалось проследить на Боспоре [305, стр. 162].

Вместе с мечами и кинжалами без металлического навершия иногда встречаются бусы, игравшие какую-то роль в украшении меча (табл. XIV, 6). Их, как правило, находят или у острия клинка — в этом случае они, вероят-

но, оформляли конец ножен, или у его рукояти — и тогда они служили чем-то вроде подвесок. И. Вернер полагает, что неметаллические навершия мечей на самом деле не были навершиями, а вместе с бусами служили только для украшения мечей и их ножен, имея при этом магическое значение [494, стр. 33 и сл.]. Хотя его гипотезу трудно принимать полностью, в одном отношении он, вероятно, прав. Мы привыкли рассматривать как навершия все бусообразные предметы, которые находят в погребениях вместе с мечами и кинжалами без металлического навершия. Однако некоторые из них, в особенности имеющие шарообразную или приближающуюся к ней форму, могли служить не навершиями, а бусами, привесками, украшением кистей, темляков и т. д.

Длинные мечи без металлического навершия клались в погребения по-разному (табл. XIV, 1—2), причем, вероятно, чаще, чем у мечей с кольцевым навершием, практиковалось свободное положение меча, не прикрепленного к поясу или портупее. Чаще всего меч помещался слева от костяка: вдоль руки, бедра или ноги, вплотную или на некотором расстоянии от них, изредка даже рукоятью к ногам. Иногда меч находился справа от костяка, на уровне плеча или бедра, также вплотную или на некотором расстоянии.

Кинжалы обычно клались справа от покойника (табл. XIV, 3): вдоль бедра, реже в руке или вдоль руки; значительно реже слева.

Судя по иконографическому материалу, происходящему из сасанидского Ирана и Боспора [430, № 631; 258, табл. LI, LXXIX], длинные мечи всегда или почти всегда носились с левой стороны на портупейных ремнях, прикрепленных к поясу. Для этой цели служили специальные скобы из нефрита, жадеита, халцедона и золота (табл. XV, 3—4, 6—9). Подробная сводка этих скоб, найденных на территории СССР, была сделана А. К. Кушевой-Грозевской [171, стр. 160 и сл.]. К ней теперь можно прибавить еще несколько экземпляров.

Нефритовая скоба из собрания Бертье-Делягарда найдена где-то на Кубани и хранится сейчас в Британском музее (табл. XV, 7). Длина ее — 9 см, ширина — 1 см, толщина — 0,6 см. На обратной стороне скобы спиральный орнамент китайского типа (облака) [468, стр. 339, рис. 255, 256].

И. В. Синицын опубликовал скобу из нефрита, найденную в «речном» погребении близ г. Покровска, длиной 11,5 см, шириной 2,3 см, толщиной 0,6 см (табл. XV, 8) [284, стр. 74, рис. 2-2].

²⁵ Фриденберг, II группа, курган № 1.

²⁶ Бережновка II, курган № 23; Бис-Оба, курган № 3.

²⁷ Склеп № 2, раскопки 1948 г.; в склепах, раскопанных в 1941 г.

²⁸ Шипово, VI группа, курган № 6; Новогригорьевка, могила VIII.

Аналогичная скоба, место происхождения которой неизвестно, хранится в краеведческом музее г. Энгельса. На обратной стороне ее имеется орнамент, подобный орнаменту на скобе из собрания Бертье-Делягарда.

Вопросу о назначении этих скоб посвящена довольно большая литература. Их попеременно считали застегками от пояса [224, стр. 44], поделками неизвестного назначения [313, стр. 28; 311, стр. 124], украшением ножен меча [361, стр. 3], перекрестием меча и одновременным оформлением устья ножен для прикрепления к поясу [473, стр. 39].

Более точно назначение этих скоб удалось определить после почти одновременных раскопок П. Рау у Альт-Веймара (курган Д-16; табл. XIV, 9) и гробниц ханьского времени в Корее [428, стр. 197—201], где эти скобы были найдены *in situ* (табл. XV, 1—2).

Независимо друг от друга П. Рау [462, стр. 39] и Йетс [428, стр. 201] пришли к выводу, что такие скобы служили для прикрепления ножен меча к портупее, причем ремень проходил через сквозное отверстие в середине, а концы скобы прикреплялись к ножнам. Мнение П. Рау было поддержано и развито Гинтерсом [410, стр. 70 и сл.]. М. И. Ростовцев также согласился, что скобы предназначались для прикрепления ножен меча к поясу, причем уточнил, что скобы крепились на ножнах через сквозное отверстие в центре, а портупейный ремень держался на изогнутых крючкообразных концах [468, стр. 341 и сл.]. К тем же выводам пришла А. А. Кушева-Грозевская [171, стр. 164—165].

Сами скобы делятся на две разновидности, которые отметил уже М. И. Ростовцев [468, стр. 341]. У скобы первой разновидности — высота продольного выреза в центре равна высоте боковых крючков. Когда такие скобы посредством ремня или проволоки прикреплялись к ножкам, между концевыми крючками и ножнами образовывалось нечто вроде петли, через которую проходили ремни портупей.

У скоб второй разновидности высота продольного выреза в центре больше, чем высота крючков на конце²⁹. Для большей прочности крепления они вставлялись в прямоугольный вырез в дереве ножен, а затем прикреплялись к ним вышеописанным способом.

Судя по находкам из Альт-Веймара и корейских гробниц, скобы помещались в вертикальном положении в верхней части ножен, примерно на расстоянии $\frac{1}{3}$ длины от их устья,

а иногда и у самого устья, как это видно на некоторых сасанидских изображениях [407, рис. 195, 196]. Портупейный ремень проходил через отверстия между концевыми крючками скобы и ножнами меча, и меч свободно скользил по нему. Возможно, ремень проходил через одно из отверстий, а к другому привязывался помпон или темляк — излюбленное украшение меча сасанидского времени (табл. XXXIV, 2).

Судя по изображениям на сасанидских блюдах, меч у всадников чаще всего находился в полугоризонтальном положении, причем он удерживался не только портупейным ремнем, но и располагавшейся над мечом левой ногой всадника [407, рис. 248, 250].

Не совсем ясно, как портупейный ремень прикреплялся к поясу. Сасанидские изображения не могут дать исчерпывающего ответа на этот вопрос, потому что всадник на них всегда изображался справа, т. е. со стороны колчана, а не меча. Вероятно, существовало несколько способов, причем всех их объединяло одно — портупейный ремень прикреплялся к поясу у правого бока.

Из одного упоминания Фавста Бузанда, которое будет процитировано ниже, следует, что портупейный ремень с висящим на нем мечом мог свободно прикрепляться и сниматься с пояса, вероятно при помощи пряжек или крючков. Другой возможный способ заключался в том, что один конец портупейи прикреплялся к поясу наглухо, а другой — соединялся с ним при помощи пряжки. Это хорошо видно на изображении пальмирских солдат из Лувра, хотя сама скоба на ножнах их мечей не видна [407, рис. 91], и на некоторых сасанидских блюдах [243, табл. 6; 409, табл. I]. Подобные способы соединения портупейных ремней с поясным должны были существовать и у сарматов.

Об этом, в частности, свидетельствуют пряжки, которые находят в погребениях вместе с длинными мечами. Остатки, вероятно, портупейного ремня обнаружены в Бис-Обинском погребении № 3: ремень лежал поверх меча, в верхней трети его длины.

Если судить по географии находок скоб и их изображениям, подобный способ ношения длинных мечей был распространен в первых веках нашей эры чрезвычайно широко — от Кореи до Восточной Европы. На Боспоре помимо прямых находок распространенность скоб подтверждается изображением их на некоторых надгробьях [430, № 647 и др.]. Изображение скобы на ножнах варварского меча

²⁹ См., например, скобу из собрания Виноградовой (ГЭ, инв. № 2203/1; табл. XV, 9).

имеется на Траяновой колонне [410, табл. XXXIII, в]. Все это еще раз указывает на значительную близость военного дела и вооружения у кочевников евразийских степей и в Иране в последние века до нашей эры — первые века нашей эры, однако вместе с тем поднимает вопрос о времени и месте появления скоб для ношения длинных мечей.

Материал и некоторые особенности декора, казалось бы, указывают на Китай. И действительно, в Китае, издревле славившемся своими поделками из нефрита, этот материал употреблялся для изготовления пряжек, украшений меча и даже его перекрестия. Под названием «ши» известны в Китае и нефритовые скобы, аналогичные найденным в Восточной Европе (табл. XV, 3—4) [468, стр. 337].

Однако китайские скобы всегда выполнены в значительно более тонкой и совершенной художественной манере, их обратная сторона обязательно покрыта геометрическим орнаментом или декоративными фигурами животных. Из Восточной Европы происходит только одна такая скоба — из собрания Бертье-Делягарда. Остальные куда проще и могут рассматриваться в лучшем случае как подражание китайским. Уже сама редкость их говорит о том, что основным материалом, шедшим на изготовление таких скоб, был не нефрит или халцедон, а несохранившееся в погребениях дерево.

Способ ношения длинного меча при помощи скобы на ножнах максимально приспособлен для всадника и значительно менее удобен для пехотинца. Поэтому естественно предположить, что он появился впервые в тех областях, где конница была главной и решающей силой войска. Китай такой областью никогда не являлся. Конница с ее длинными мечами появляется там довольно поздно, под влиянием северных кочевых соседей [436, стр. 230, и сл.]. Несомненно, обычай ношения длинных мечей при помощи скоб был в Китае заимствованным, хотя оформление самих скоб претерпело изменения применительно к местным вкусам.

В Иране такие скобы появляются только в сасанидское время. Наиболее вероятным местом, где впервые мог появиться подобный способ ношения длинного меча, являются евразийские степи.

Все памятники, в которых были найдены подобные скобы, в Восточной Европе относятся к позднесарматскому времени. Однако сам такой способ ношения меча зародился значительно раньше.

Керченские погребальные стелы, на которых прослеживаются подобные скобы, дати-

руются I—II вв. н. э. Корейские гробницы, из которых происходят нефритовые скобы, хорошо датируются по надписям на предметах самым началом I в. н. э. [428, стр. 198]. Наконец, не может быть поздней и золотая пластинка из Сибири.

Все это говорит о том, что подобный способ ношения длинных мечей впервые появился еще до нашей эры и в какой-то степени мог уже применяться для ношения мечей с кольцевым навершием.

Существование других способов ношения мечей у сарматов прослеживается очень плохо. Быть может, иногда мечи продолжали носить на боку, привязанными к поясу, и для этой цели применялись пряжки, которые находят возле рукояти мечей.

В способах ношения коротких мечей и кинжалов, насколько можно судить, особых изменений по сравнению с предшествующими эпохами не произошло.

Уже упоминавшийся армянский историк Фавст Бузанд описывает облачение Глака Мардпета, приближенного царя Папа (366—374 гг. н. э.): «Надев эту просторную одежду, он подпоясался кушаком, на котором висела шашка (Г. А. Тирацян уточняет, что правильно переводить не шашка, а короткий меч), и меч привязал к поясу, а с пояса ниспадала складка одежды и прикрывала шашку и меч. Надев штаны и обувь, он привязал к бедру кинжал, но складки штанов ниспадали на кинжал и закрывали его до голени» [324, стр. 475]. Под мечом имеется в виду длинный меч, висевший на свободно снимавшемся и одевавшемся портупейном ремне. Для обозначения поясного и портупейного ремня употребляют два разных слова [324, стр. 479].

Как явствует из текста, короткий меч висел на поясном ремне. Это подтверждается памятниками изобразительного искусства, прежде всего сасанидскими серебряными блюдами, на целом ряде которых короткий меч висит у правого бока всадника [243, табл. 5, 7, 8]. Так же должен был носиться короткий меч и у сарматов.

Кинжал, по словам Фавста Бузанда, продолжали носить привязанным к правому бедру. Об этом свидетельствует серебряное блюдо, изображающее Бахрам Гура и Азадэ (табл. XVI, 2) [243, табл. 11]. Так его носили сарматы, и так же он носился на Боспоре. Кинжалы могли или привязываться ремешками к бедру, или подвешиваться на ремешке к поясу. Различие между короткими мечами и кинжалами в значительной мере условное, и способы их ношения близки друг к другу.

III

ГЛАВА

ЛУКИ И СТРЕЛЫ

Сарматские луки

Хотя савроматские луки до нас не дошли, известное представление о них дает бронзовая бляшка с изображением небольшого сложного лука М-образной формы, найденная у пос. Благословенского под Оренбургом [412, стр. 176—177, рис. 11]. Аналогичные бляшки известны в Прикамье [147, стр. 52, табл. IX, 7] и в Южной Сибири [138, стр. 70 и сл., рис. 21]. Изображение подобного лука имеется на лопасти бронзового наконечника стрелы из погребения рубежа VI—V вв. до н. э. у с. Сара [292, стр. 32, рис. 21Б, 23]. Такие луки, вероятно, ничем существенным не отличались от скифских. Все они небольшие, длиной не свыше 80 см, и сложные — склеенные из нескольких пород дерева.

Эти луки бытовали у сарматов и в прохоровское время, судя по бляшке с изображением лука в порите из кургана № 6/8 могильника у с. Верхне-Погромное и находке из кургана № 19/2 у с. Усатово [280, стр. 16, рис. 39]. Там была найдена сравнительно хорошо сохранившаяся средняя часть лука, состоявшая из трех кусков дерева и обложенная в негнущихся частях двумя тонкими деревянными пластинками.

Лишь с конца сусловского времени подобные луки постепенно начинают вытесняться более мощными, с костяными накладками на концах и в середине¹. Но еще на изображениях колонны Траяна сарматские луки по размерам и внешнему виду очень походят на скифские [379, табл. XIX, XXIV, XXVIII].

Наиболее ранние находки луков нового типа у сарматов относятся к I—II вв. н. э. Концевые накладки, из которых самая длинная

достигала 18 см, обнаружены в кургане № 51 Сусловского могильника (табл. XVII, 7). Внутренняя сторона их прямая и шершавая, наружная — округлая и лощеная; около выреза для тетивы имеется желобок от трения тетивы о костяную поверхность. Костяная пластинка со скошенными концами — срединная накладка лука — найдена И. В. Синицыным в погребении с южной ориентировкой покойника в кургане № 5 СВ группы могильника Сайхин. На Кубани концевая и фрагменты срединных накладок происходят из кургана № 29 у ст. Усть-Лабинской (табл. XVII, 5).

Гораздо чаще костяные накладки на лук встречаются в погребениях позднесарматского времени. Обломки накладок — три широкие срединные и две узкие концевые — найдены в погребении 1-12 у с. Харьковки. На обратной стороне их царапины в виде сетки для более плотного сцепления с деревянной основой.

Вместе с истлевшей деревянной основой лука накладки обнаружены в кургане № 2 у ст. Нижний Баскунчак (табл. XVII, 8). Концевые накладки имеют длину соответственно 30 и 24,5 см при ширине 1,5 см. Срединных накладок всего две; длина их — 21 и 19,5 см, ширина — 3 см. Сам лук достигал длины 140 см.

В большом количестве костяные накладки обнаружены в Калиновском могильнике (курганы № 7/1, 11/2, 28/2, 36/1; табл. XVII, 1, 3). Однако все они фрагментарны, поэтому определить точно их размеры и количество в каждом отдельном случае трудно. Первые концевые накладки, найденные *in situ* в кургане № 11/2, имели в длину 25 см.

Костяные накладки плохой сохранности встречены также в Шиповском могильнике (V группа, курган № 2), в могильнике «Три брата» (II группа, курган № 26), в кургане № 3 из группы Абганеры.

¹ Сводку находок костяных накладок на луки в Восточной Европе см. в прил. 5.

Известны они и в греческих городах Северного Причерноморья: в Керчи костяные накладки были найдены в склепе № 154 (раскопки 1904 г. на Госпитальной улице) вместе с индикацией монеты Валентиниана I (364—379 гг.), а концевая накладка происходит из Тиритаки (табл. XVII, 2).

Луки с костяными накладками продолжают бытовать в Нижнем Поволжье и по окончании собственно сарматской культуры. Прежде всего следует отметить лук длиной до 165 см, найденный в кургане № 1 I группы близ хут. Авиловского. Несмотря на позднюю дату — VIII—IX вв. н. э. [209, стр. 20; 146, стр. 60], он еще стоит в самом конце типологического ряда луков описываемого типа. Деревянная основа сохранилась плохо, зато обнаружен в хорошей сохранности весь комплект костяных накладок. Их на этот раз девять. Парные концевые имеют в длину 24 см при ширине от 1,5 до 2 см. Кроме того, на каждом конце была добавочная костяная накладка клиновидной формы длиной 11,5 см. Две срединные накладки трапециевидной формы имели длину соответственно 30 и 27,5 см при ширине 3 см, третья — тонкая, несколько расширяющаяся к концам, длиной 19 см, при ширине 1 см.

Обломки костяных накладок найдены также в курганах с сожжением близ г. Покровска (курганы № 17 и 18; табл. XVII, 4) и у с. Ровное (Зеельман) в кургане Д-42.

Оба типа луков, бытовавшие у сарматов, не принадлежали к числу их национального оружия, а были распространены на очень широкой территории. Поэтому, для того чтобы осветить их историю, придется прибегнуть к помощи сравнительного материала из других районов.

«Скифский» лук и его эволюция

Из всех видов сложных луков наибольшую роль в иранском мире и далеко за его пределами довелось сыграть «скифскому» и его различным дериватам [345, стр. 29—44]. Но хотя термин «скифский» закрепился за ним уже в древности, в значительной мере стараниями греческих писателей, он весьма условен уже потому, что сам этот лук был распространен у очень многих народов.

Родиной «скифского» лука были евразийские степи, и появился он там весьма рано, очевидно еще в бронзовом веке. Наконечники стрел различных культур эпохи раннего железа на этой территории по форме, материалу и весу столь явно ведут свое начало от бронзовых и костяных наконечников эпохи средней и

поздней бронзы, что им должны были соответствовать и луки «скифского» типа или их прототипы.

Костяная пластинка с желобком для привязи тетивы, найденная на Алексеевском поселении, подтверждает такое предположение; обнаруженная там же широкая костяная пластинка, возможно, служила накладкой на среднюю часть лука [167, рис. 16, 12].

«Скифский» лук известен нам почти исключительно по изображениям² — нет ни одной находки в хорошей сохранности. Это, несомненно, лук сложный, основа которого состояла из нескольких кусков дерева, что видно на примере усатовского экземпляра. Концы и рукоять, прямые или изогнутые, должны были быть абсолютно негнущимися, зато плечи чрезвычайно гибкими.

Такое резкое различие отдельных частей лука в функциональном отношении обуславливало его своеобразный внешний вид: при надетой тетиве плечи выступали впереди рукояти и отчасти уже находились в изогнутом пружинящем состоянии, принимая дугообразные очертания. «В то время как луки всех народов сгибаются из гнущихся древков, луки скифские или парфянские, выгнутые с обеих сторон широкими и глубокими внутрь рогами, имеют вид луны во время ущерба, а середину их разделяет прямой и круглый брусок» [3, XXII, 8, 37].

В натянутом состоянии вся сила натяжения падала опять-таки на плечи, и они отходили почти прямо назад, еще больше изгибаясь. По меткому замечанию древних авторов, внешний вид подобного лука напоминает очертания северного берега Черного моря³.

Для изготовления «скифских» луков помимо дерева различных сортов употреблялись рог и сухожилия. Применение костяных накладок, особенно на концах, кажется маловероятным. Изогнутые концы могли получать, используя рога или, скорее, намеренно изгибая дерево.

Размеры подобного лука невелики. Обычно они определяются в 60—80 см [173, стр. 74; 177, стр. 68; 116, стр. 76; 211, стр. 14—15]. Сильной стороной его была довольна большая

² См., например, изображения на воронежском и кульбоском сосудах [258, табл. I, III, 446, рис. 93—табл. XVIII, 5]; на золотых бляшках из Куль-Обы [446, рис. 90 — табл. XVIII, 6]; на ольвийских, фракийских и македонских монетах [149, табл. XXXII, 15—17; XXXIII, 14—21; XXXVIII, 18; XLI, 4—6, 8; XLII, 11, 15]; на греческих вазах [464, табл. III, рис. 284, 344, 395, 400, 411].

³ Например, Страбон, II, 5, 22. Древнейшее упоминание об этом у Гекатея Милетского (Фрагменты 163).

отражающая способность при сравнительно небольших размерах, что, однако, оборачивалось и недостатком, так как главная нагрузка при натяжении и стрельбе падала на небольшую площадь гибких плеч. Поэтому лук был хорош для использования лишь небольших стрел с легкими наконечниками. Как установил Э. Ленц, длина стрелы едва ли многим превышала 60 см [176, стр. 64—65].

Вплоть до начала нашей эры и даже позднее «скифский» лук был излюбленным оружием кочевников по всему великому поясу евразийских степей. Именно таким луком пользовались савроматы с самого начала их исторического существования. О распространности его у среднеазиатских кочевников можно судить уже потому, что он был на вооружении парфян к моменту их появления в Иране [446, стр. 61, 66; 366, стр. 28—29]. «Скифские» луки были известны и в Сибири, во всяком случае в Южной [137, стр. 133], доходя на востоке до Китая [433, рис. 15, 18].

В Иране и на Переднем Востоке с этими луками познакомились не позднее VII в. до н. э., вероятно в результате походов киммерийцев и скифов. И снова на это указывает распространение наконечников стрел скифских типов, которым должен был соответствовать «скифский» лук [246, стр. 238—239]. Впрочем, имеется и иконографический материал. «Скифские» луки изображены на рельефе мидийской гробницы Кызкапан VII—VI вв. до н. э. [420, стр. 203—205, рис. 313]. Мидийцы, вероятно, первыми восприняли лук нового образца. Царь Киаксар отправлял к скифам мидийских юношей учиться искусству стрельбы из лука [15, I, 73]. Все это было следствием важного новшества в истории военного искусства Переднего Востока — заимствованием у скифов легковооруженной конницы, ее тактики и отчасти вооружения.

Однако «скифский» лук в Иране далеко не сразу вытеснил луки других типов, многие из которых насчитывали многовековую историю [345, стр. 29—31; 463, стр. 103—107]. Господствующим он становится лишь в парфянскую эпоху. К этому времени относятся его многочисленные изображения на реверсах монет [447а, рис. 140, 143, 153, 179 и т. д.; 183, рис. 3], а также на метопах II в. до н. э. [250, стр. 220, 221, рис. 97] и ритонах из Старой Нисы [204, стр. 170].

Греки заимствовали «скифский» лук еще в архаический период, в VI в., а может быть в VII в. до н. э. [374, стр. 139; 463, стр. 99, 141], и стали его главными распространителями на Западе, хотя в самой Греции, за исключением

Крита, лук никогда не был особенно популярным видом оружия [491, стр. 85]. И этруски, знавшие «скифский» лук, применяли его на охоте чаще, чем на войне [373, табл. 22, 23]. Находки наконечников «скифских» типов в долинах Сены и Луары и во Фландрии вновь заставляют предположить, что им соответствовал «скифский» лук [463, стр. 142]. Однако широкого распространения в Западной Европе он не получил.

На всей огромной территории — от Греции до Сибири — луки «скифского» типа представлены очень близкими вариантами. Но уже в последние века до нашей эры в евразийских степях начались нововведения, которые привели к появлению более совершенных луков. Их обычно называют луками «гуннского» типа и считают или непосредственно гуннскими, или заимствованными у них.

«Гуннский» лук (табл. XVII, 14—15), как и «скифский», имел деревянную основу из нескольких кусков дерева, иногда различных пород. К ней прикреплялись пластинки рога, сухожилия, костяные накладки и т. д. Характерной особенностью его являлось наличие костяных накладок для того, чтобы сделать определенные части лука негнущимися. Обычно их было семь: по две парные на каждый из концов лука и три в середине. Внутренняя сторона накладок шершавая, часто на ней заметны поперечно-косые насечки для лучшего приклеивания к дереву. Наружная поверхность залощена и делалась слегка выпуклой.

На концевых накладках имеются вырезы для тетивы, на которых часто прослеживаются бороздки от ее трения о костяную поверхность. Размеры концевых накладок неодинаковые — одна пара длиннее другой. Тетива крепилась наглухо только на конце с более длинными накладками, поэтому вырез здесь часто делался прямоугольным. На противоположный же конец она надевалась только перед тем, как лук натягивали для стрельбы, и для удобства надевания петли вырез был полукруглым.

Срединные накладки состояли из двух боковых, подтрапецевидной формы, располагавшихся по обе стороны рукояти таким образом, что их широкое основание было обращено вперед. Между ними, обычно с задней стороны лука, располагалась третья накладка, ровная и узкая, с несколько расширяющимися концами.

Таким образом, рукоять и концы лука были негнущимися, в то время как плечи — весьма гибкими. Поскольку длина пар концевых накладок была неодинакова, гибкая поверхность

каждого плеча была различной и соответственно само оружие — асимметричным.

В целом «гуннский» лук с его дугообразными плечами походил на «скифский», хотя и не имел изогнутых концов. Такой лук мы видим на китайских изображениях (табл. XVIII, 1) и на фигурках гуннских всадников из Внутренней Монголии (табл. XVIIIа, 2).

Отличительной чертой «гуннского» лука были его большие размеры. Длина в среднем достигала 120—160 см, и это не случайно. У сложных луков типа «скифского», с негнущимися рукоятью и концами, сила натяжения падала в основном на эластичные плечи. Поэтому, для того чтобы увеличить их дальность или усилить мощност, надо было в первую очередь изменить величину гибкой поверхности. А это могло быть достигнуто или за счет сокращения площади негнущихся частей, как это было в раннем средневековье, или за счет увеличения общих размеров. Развитие «гуннского» лука пошло в последнем направлении.

Наиболее ранние находки костяных накладок на лук происходят из Забайкалья и относятся ко времени около рубежа эр⁴. О древности традиции изготовления костяных накладок на лук в Восточной Сибири свидетельствует погребение VIII—IV вв. до н. э. у р. Цэпань [242, стр. 107, рис. 37], где было найдено две пары концевых накладок на лук, коротких и изогнутых.

В Южной Сибири в грунтовых погребениях изысского этапа таштыкской культуры найдены деревянные модельки сложных луков «гуннского» типа [172, стр. 110].

Далее на восток костяные накладки на лук, такие же, как забайкальские, найдены во Внутренней Монголии и в Восточном Туркестане [488, табл. L1; 487, табл. VI; 485, стр. 30, рис. 5, 12, табл. 9, 8; 367, стр. 77, 79]. Из этих находок лучше всего сохранился лук из погребения в дельте Кумдары, опубликованный Ф. Бергманом [372, стр. 121—124, табл. 18, 10, рис. 30]. Его деревянная основа состояла не менее чем из двух кусков дерева. К ней были прикреплены сухожилия, а снаружи — полоса рога, доходившая до костяных концевых накладок и даже частично перекрывавшая их. Одна пара концевых накладок имела в длину 25,5 см, другая — около 32 см. От срединных накладок сохранилась только узкая изогнутая полоса рукояти. Общая длина лука достигала

140—150 см. Очевидно, таким был обычный лук «гуннского» типа.

К сожалению, памятники, в которых были найдены все эти луки, датируются слишком общо — обычно временем ханьской династии в Китае.

Луки «гуннского» типа встречались также в самом Китае [377, стр. 9; 406, рис. 346; 463, стр. 116—117] и Корее [494, стр. 47], куда они, несомненно, проникли от северных кочевых соседей.

В довольно большом количестве костяные накладки на лук и даже сами луки обнаружены в Средней Азии, в погребениях первых веков нашей эры⁵.

Находки луков с костяными накладками на территории, занятой сарматами, были перечислены выше⁶.

Таким образом, уже в самом начале нашей эры сложный лук с костяными накладками бытует на весьма обширной территории, а временем появления его исходных вариантов следует признать по крайней мере вторую половину I тысячелетия до н. э.

Мнение о гуннской принадлежности луков с костяными накладками в евразийских степях появилось в 30-х годах, когда И. Вернер и А. Алфельди связали с гуннами находки костяных накладок на лук эпохи великого переселения народов в Центральной Европе, а Вернер сопоставил их с аналогичными находками в гуннских памятниках Забайкалья. Все остальные находки костяных накладок Вернер считал гуннскими или на худой конец непосредственно с ними связанными [495, стр. 33—52; 364, стр. 18 и сл.; см. также: 494, стр. 47 и сл.].

Высказанное в столь категорической форме, это мнение представляется неприемлемым. Наиболее ранние находки костяных накладок

⁴ Ноин-ула [263, стр. 25]; Ильмовая падь [320, стр. 10; 310, стр. 62]; Иволгинское городище [125, стр. 112; 126, стр. 291, рис. 21, 10—14].

⁵ Кенкольский могильник [80, стр. 21, табл. II; 121, стр. 148; 162, стр. 12, рис. 11, 7]; Джоон-Тобе, курган № 1 [162, стр. 56—57, рис. 11, 1—6]; Кызарт, катакомба № 7 [79, стр. 62]; Тарасу, курганы № 17 и 19 [159, стр. 114—115, рис. 19, 5]; Айгырджал, курганы № 10, 19, 26, [159, стр. 122, 125, 126—127]; Чомтобо, курган № 2 [159, стр. 128, рис. 26]; Чильпек, курган № 4 [99, стр. 175, рис. 33]; Калмак-Тюбе, курган № 1 [159, стр. 132]; Боркорбаз [306, стр. 137, табл. 15]; городище Шурабашат II [143, рис. 6, 3, 7—10]; Кара-Булак [77, стр. 61 и сл., рис. 11]; погребение на поселении Ак-Тобе 2 [195, рис. 33] (табл. XVII, 9); Янги-Юль [119, стр. 60]; городище Каунчи [118, рис. 42]; Кую-Мазар, курган № 31 [236, стр. 226, рис. 13]; Кой-Крылган-кала [161, стр. 137, рис. 54] (табл. XVII, 6); могильник Туз-Гыр [раскопки В. А. Лохвица и автора, 1965—1966 гг.]; городище Джеты-Асар 3 (Алтын-Асар) [328, стр. 249, рис. 122, 1]; Топрак-кала [328, стр. 33 и сл.]. Подробную характеристику этих находок см.: 345, стр. 36—37.

⁶ См. также прил. 5.

в Нижнем Поволжье лишь немногим моложе аналогичных находок в Забайкалье, но считать I—II вв. н. э. временем появления гуннов в Нижнем Поволжье нельзя. Следовательно, вопрос о самих гуннах уже отпадает и можно говорить только о гуннском влиянии⁷.

Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что территория распространения лука с костяными накладками в евразийских степях (Восточная Европа, Средняя Азия, Сибирь) в первых веках нашей эры удивительно совпадает с исконной территорией распространения «скифского» лука. Вряд ли это случайно.

По своему внешнему виду и основным конструктивным принципам оба эти лука не так уж сильно отличаются друг от друга: и тот и другой сложные с негнущимися рукоятью и рогами и гибкими эластичными плечами. По сути дела, «гуннский» лук является дальнейшим и более последовательным развитием конструктивных принципов, положенных в основу «скифского». Поэтому не будет чрезмерно смелым предположить, что луки «скифского» типа явились исходными для создания тех луков с костяными накладками, которые не совсем точно называют «гуннскими»⁸.

Но в таком случае кажется маловероятным, что только один народ или только на одной территории (гунны, Восточная Сибирь, таежная область Сибири — хотя смысл один, но у различных исследователей это конкретизируется по-разному) совершенствовал далее «скифский» лук, а остальные лишь пассивно восприняли готовое.

Представляется гораздо более правильным с исторической точки зрения предполагать, что развитие «скифского» лука шло у различных народов на всей территории евразийских степей. (Далее я постараюсь показать, что аналогичный процесс имел место и в Иране.)

⁷ Исходя из своей теории, Вернер считает, что у ала-нов был простой лук, а заимствованный у гуннов — сложный, с костяными накладками — не получил распространения [494, стр. 49]. Курган № 51 Сусловского могильника он датирует V в. н. э. [494, стр. 48], а Кенкольский и Кызартский могильники считает гунскими [494, стр. 47].

⁸ Подробнее об этом см.: 345, стр. 29—44; 183, стр. 68. Г. Раусинг отрицает всякую генетическую связь между «скифским» и «гуннским» луками на следующем основании: во-первых, концы первого изогнутые, а второго прямые; во-вторых, плечи «гуннского» лука шире, а размеры больше [463, стр. 116]. Эти доводы неубедительны, так как ясно, что по мере совершенствования «скифского» лука он претерпевал определенные изменения. Не случайно же Аммиан Марцеллин и Клавдий Клавдиан, видевшие гуннские луки воочию, называют их скифскими [об этом см.: 342, стр. 276].

При этом вполне вероятно, что Сибирь, в особенности Восточная, где традиция луков с костяными накладками восходит к неолиту [241, стр. 204, 219—229], сыграла в этом процессе ведущую роль, а у гуннов сложные луки с костяными накладками, представляющие собой дальнейшее развитие «скифских», появились раньше, чем у других народов, и оказали влияние на появление у тех подобных же луков. Не следует, однако, приписывать исключительно гуннам шедший на обширной территории процесс совершенствования «скифского» лука и считать гуннским или заимствованным непосредственно у гуннов любой лук с костяными накладками, найденный на территории евразийских степей.

Это подтверждается довольно большой вариативностью луков с костяными накладками, вероятно, значительно большей, чем луков «скифского» типа. Выше было дано описание, так сказать, классического варианта лука «гуннского» типа. Но он был далеко не единственным. Хотя судить об этом довольно трудно, поскольку деревянная основа сохраняется в погребениях очень редко, некоторые данные у нас все же имеются.

Основа, например, могла изготавливаться из кусков дерева различных пород, а могла — из дерева одного сорта (находки из Топрак-калы и Кара-Булака). Вместо костяных накладок могли употребляться роговые (курган около оз. Кара-Холь в Туве [117, стр. 93, рис. 32]). Да и само количество костяных накладок, а следовательно, и форма лука не остаются неизменными.

Особенно непостоянным в луках «гуннского» типа является количество и расположение срединных накладок. В классическом варианте их три (две трапециевидные, обращенные широким основанием вперед, и узкая накладка между ними с внутренней стороны). Но у лука из кургана № 2 у оз. Нижний Баскунчак, как и у некоторых других, центральных накладок всего две. В тех случаях, когда срединных накладок три, третья — тонкая и узкая, иногда располагается с передней стороны лука (например, у лука из кургана № 1 близ хут. Авиловского или у экземпляра из Ак-Тобе).

Количество концевых накладок также варьирует. У того же авиловского лука на каждом из концов не две, а три накладки. Третья, клиновидной формы, находилась, как явствует из отчета, «между концевыми накладками» [279, стр. 230]. Число подобных примеров можно увеличить. Кстати, такие же клиновидные концевые накладки известны у луков из аварских погребений в Венгрии, что

может служить одним из доказательств поздней даты авиловского погребения [421, табл. XVIII; 442, табл. III].

А. А. Гаврилова по форме концевых накладок выделяет две группы луков с костяными накладками [105, стр. 31]. К первой относятся луки, имеющие длинные, сильно изогнутые накладки, характерные для Центрального Тянь-Шаня. Луки с короткими, менее изогнутыми накладками типичны для гуннских и сарматских памятников. Это разделение можно принять как предварительное, так как уже сейчас оно нуждается в известных уточнениях.

Поэтому термин «гуннский» лук или лук «гуннского» типа (как, впрочем, и термин «скифский») можно употреблять лишь условно, в том смысле, что имеется в виду сложный лук определенной конструкции с концевыми и срединными костяными накладками. И только.

Что же явилось причиной быстрого распространения новых луков на столь обширной территории? Думается, прав был А. Н. Бернштам, связывая ее с появлением более совершенного защитного оружия, в частности панцирей [355, стр. 67].

В самом деле, в последние века до нашей эры — первые века нашей эры в вооружении и тактике степных кочевников происходят существенные изменения, связанные с увеличением удельного веса тяжеловооруженной конницы, против которой старые луки и стрелы в значительной мере теряли свою эффективность. В первых веках нашей эры, а может быть, и несколько ранее и в Сибири, и в Средней Азии, и у сарматов появляются крупные железные наконечники стрел. Для таких стрел требовались новые, более мощные луки. Это было достигнуто увеличением размеров лука, применением костяных накладок — словом, появлением того лука, который на несколько столетий стал господствующим в евразийских степях.

Далее на запад луки с костяными накладками встречаются в Центральной и Западной Европе (табл. XVII, 10—13). Такие накладки несколько раз обнаружены в погребениях эпохи великого переселения народов⁹. Довольно много костяных накладок найдено на позднеримских военных укреплениях вдоль Рейна, Дуная, и в других местах¹⁰. Часть из них

надо связывать с варварами, которые вели борьбу с Римом, а иногда и переходили к нему на службу, в первую очередь с гуннами и аланами.

Но костяные накладки встречаются в Западной Европе в течение всего императорского периода [494, стр. 48; 463, стр. 66—67]. Находки в Оберадине относятся к августовскому времени, в Виндониссе — к 45—100 гг. н. э., в Керлеоне — ко времени не позднее середины III в. н. э. Лагерь Бар Хилл был оставлен уже в конце II в. н. э. Эти и другие ранние находки можно связывать только со вспомогательными частями восточных лучников, главным образом сирийских, вооруженных луками парфянских образцов [486, стр. 110—114; 463, стр. 68—69]. Надпись из Бар Хилла свидетельствует о том, что здесь стоял *Cohors I Hamiorum Sagittariorum*, т. е. отряд сирийских лучников.

Подобные находки лишний раз подтверждают, что луки с костяными накладками были распространены в первых веках нашей эры на чрезвычайно большой территории и что их распространение далеко не всегда надо связывать с гуннами.

Войны с парфянами и сарматами заставили римлян императорского времени отказаться от былого пренебрежения к луку, и они стали рекрутировать в свое войско наемников-лучников. Судя по изображениям на колонне Траяна, уже в начале II в. н. э. у римлян имелись подразделения, сражавшиеся луками «скифских» типов [379, табл. LXXXI, LXXXVII].

Сначала лучники вербовались преимущественно в Сирии, и именно они принесли с собой луки, остатки которых находят на ранних римских укреплениях. Что это были за луки? Г. Раусинг на том основании, что находки центральных накладок редки, полагает, что сирийские вспомогательные части имели на вооружении луки типа Yrzi¹¹ (табл. XVIII, 2—3; XXIII, 8) с прямой, выступающей вперед рукоятью и негнувшимися концами, снабженными костяными накладками [463, стр. 68].

Его предположение может быть верным лишь отчасти. Луки типа Yrzi господствовали

⁹ Погребение в Вене, череп из которого имеет монгоидные признаки [458, стр. 239—266]; погребение из Блючины (около Брно) [494, стр. 48].

¹⁰ Лагерь Карнунтум (табл. XVII, 12) [495, стр. 33 и сл.]; Майнцкое укрепление (табл. XVII, 13) [495, стр. 35]; форт в Стокштаде [486, стр. 110]; Зельц

(Эльзас), легионарный лагерь Обераден (Вестфалия), Виндонисса (Брюгге), пограничные укрепления при Цугмантеле и Остербуркене [486, стр. 113]; Хеддернхайм [463, стр. 66]; лагерь Бар Хилл (Шотландия) [440, стр. 523 и сл., рис. 44] (табл. XVII, 10); легионарный лагерь Керлеон [364, стр. 22].

¹¹ Подробно о луке этого типа см.: 377, стр. 1 и сл.; 345, стр. 29—31, 43.

на Переднем Востоке в ахеменидское время¹², хотя продолжали встречаться и в парфянское¹³. Очевидно, под влиянием луков с костяными накладками их негнущиеся концы также получили костяные накладки, как это видно на примере находки II—III вв. н. э. из некрополя Багуз, давшей название всему типу [377, стр. 1—3, табл. I—III; 463, стр. 105].

Однако наибольшее распространение на Переднем Востоке в первые века нашей эры имели различные варианты «скифского» лука. Поэтому было бы весьма маловероятным, чтобы наемники Рима не принесли его с собой в империю со своей родины.

Но «скифский» лук в Иране в парфянское время получает дальнейшее развитие. Само оружие стало больше [427, стр. 305]¹⁴, рога его изготавливаются теперь длинными, прямыми или слегка изогнутыми. Изображения его в большом количестве найдены на граффити из Дура-Эвропоса (табл. XVIIIa, 3)¹⁵. Ни одной находки подобного лука на территории Передней Азии и Ирана мне неизвестно. Но, судя по изображениям, эти луки должны были быть чрезвычайно близкими к лукам «гунского» типа [465, стр. 215].

Под влиянием сходных причин (распространение оборонительных доспехов) приблизительно в одно и то же время (первые века нашей эры) из одной и той же исходной формы «скифского» лука в Иране, как и в евразийских степях, развились новые типы луков, безусловно родственные и сходные между собой.

Граффити из Дура-Эвропоса — к сожалению пока один из основных источников по истории парфянских луков — позволяют предполагать, что уже в парфянскую эпоху зародился тот тип лука, который обычно называют «сасанидским» и который известен нам по многочисленным изображениям, главным

образом на серебряных блюдах (табл. XVI, 1—3) [243, табл. 3, 6, 21]. Особенностью этого типа сложных луков в отличие от «гунских» являются их симметричность и длинные прямые рога. Впрочем, и в сасанидском Иране, насколько можно судить по тем же изображениям, бытовали различные типы сложных луков [243, табл. 9, 11, 12, 14, 15].

Тем более это характерно в период раннего средневековья для Средней Азии и Восточного Туркестана (табл. XVI, 5). В Средней Азии, например, мы можем предполагать наличие двух взаимовлиявших традиций: степной «гунской» и парфяно-сасанидской. Но этот вопрос нуждается в специальном исследовании.

Попытку Б. А. Литвинского искать родину «сасанидского» лука в Средней Азии [183, стр. 68—69] нельзя признать удачной. В качестве доказательства приводятся лишь находки костяных накладок в среднеазиатских погребениях и изображения на монетах Хувишки (II или III в. н. э.). Но костяные накладки, во всяком случае большинство их, принадлежат лукам «гунского» типа, а изображения на монетах не дают возможности судить, с какой разновидностью «скифского» лука или его дериватов мы имеем дело. К тому же для II—III вв. в Иране имеются бесспорные изображения «сасанидского» лука, например на упомянутых граффити из Дура-Эвропоса.

В Западной и Центральной Европе в эпоху великого переселения народов и в начале средних веков находки костяных накладок от луков «гунского» типа и их дериватов встречаются по-прежнему часто. Германцы заимствуют такие луки от гуннов и аланов, позднее от авар¹⁶. Последние принесли в Европу усовершенствованный вариант таких луков [435]. Рога стали еще более изогнутыми, снабженными еще одной добавочной клиновидной накладкой, но размеры лука несколько уменьшились и колеблются между 110 и 135 см. Именно такой лук был найден в кургане у хут. Авилковского.

Новая разновидность «гунского» лука проникла в Европу с мадьярами. Концевых накладок стало снова две, но узкая срединная накладка теперь отсутствует. Таким образом, общее число костяных накладок у лука сократилось до шести [463, стр. 69—70].

В Западной Европе эти луки не привились и в эпоху раннего средневековья постепенно выходят из употребления. Однако в Византии

¹⁶ Например, находки в аламанском погребении в Штуттгаде Бад Каннштадте [493, стр. 37, табл. 9, а] и в погребении 54 франкского некрополя в Айшлохе [495, стр. 53].

¹² См. изображения на рельефах Персеполя и Суз [476, табл. 27, 38; 406, табл. 18] (табл. XVIII, 2); на ахеменидских печатях [386, рис. 7] (табл. XVIII, 3); на монетах ахеменидского времени [447, рис. 17, 18, 36, 51]. Этот лук изображен также на золотой пластинке от ножен меча из амударьинского клада и на ножнах Мельгуновского меча [386, рис. 11].

¹³ См. изображения на граффити из Дура-Эвропоса [384, табл. XLIII, XCVIII; 396, II, табл. XLI, 2]; на пальмирских рельефах [448, рис. 132]; на терракоте из собрания Зарре [476, табл. 54]; на колонне Траяна [379, табл. I].

¹⁴ Б. А. Литвинский [183, стр. 57—58] удачно проследил увеличение размеров «скифского» лука в Парфии на нумизматическом материале.

¹⁵ См., например: 384, табл. LIV; XCVIII, 1; 396, V, табл. XXXV, 4; VI, стр. 22—23.

луки, генетически восходящие к «скифскому», доживают по крайней мере до XII в. [411, табл. XXXVI, L, LXIX].

Известны еще две находки из Центральной Европы, интересные для истории евразийских луков. В погребениях из Якушовиц, северо-западнее Кракова, и из Печюсега, в Венгрии, относящихся к V в. н. э., были обнаружены золотые пластинки, которые, как установлено работами Ласло, Феттиха и Вернера, служили золотыми обкладками клавиш в погребении моделей луков [434; 417; 494, стр. 49—50] (табл. XVII, 15).

Эти золотые накладки довольно обоснованно сопоставляются с аналогичными — из курганов № 8 и 9 у Новогригорьевки [218, стр. 97, 99, рис. 34] — и некоторыми другими. В свое время Т. М. Минаева уже сравнивала новогригорьевские пластинки с пластинками из Печюсега. Если это так, то напрашиваются весьма любопытные выводы.

Сложные луки описываемых типов были очень дорогим оружием. Этнографические материалы свидетельствуют, что для их изготовления требуется много лет. Не случайно они так редки в погребениях. Поэтому нельзя ли предположить, что по крайней мере в отдельных случаях в погребениях вместо самих луков могли класть их деревянные модели? Обивка их золотой фольгой, конечно, дело единичное. Как уже упоминалось, деревянные модели луков «гуинского» типа были найдены в Оглахтинском могильнике [489, стр. 84, рис. 21], но там этого требовал ритуальный обычай.

Настаивать на таком предположении я пока не берусь, но все же следует отметить, что очень часто в непотревоженных погребениях находят всего 1—3 костяные накладки. Это может быть свидетельством того, что в погребения иногда клали не целый лук, а сломанный или его часть. Впрочем, судя по экземпляру лука из кургана № 2 у ст. Нижний Баскунчак, возможно, он ломался преднамеренно.

Несколько слов об эволюции сложных луков с костяными накладками в период раннего средневековья. Распространены они по-прежнему чрезвычайно широко — от Восточной Сибири до южнорусских степей. Но сама тенденция развития теперь изменилась. Выше уже упоминалось, что усовершенствование сложных луков «скифского» типа могло достигаться или сокращением размеров негнувшихся частей, или увеличением общих размеров.

Теперь луки становятся меньше, что, несомненно, было удобнее для стрельбы с коня. Но для того чтобы не уменьшилась мощность ору-

жия, необходимо было оставить неизменной, а по возможности даже увеличить площадь гибкой поверхности. Это достигалось путем уменьшения размеров и сокращением числа костяных накладок.

Для Сибири этот процесс детально прослежен А. А. Гавриловой [105, стр. 87—88]. В VI—VII вв. наиболее типичны луки, у которых были четыре костяные или роговые накладки: две парные концевые и две срединные. Один из концов был без накладок, впрочем, изредка еще встречались луки с двумя парами концевых накладок или с тремя срединными. Луки этого времени в большом количестве найдены на Алтае (Кудыргэ, Яконур, Туекта и др.), а также на Енисее [139, стр. 62, рис. 112]. У луков VII—VIII вв. остаются только две широкие срединные накладки. Они бытуют в Южной Сибири до X в., когда на смену им приходят луки монгольского типа.

Та же тенденция уменьшения количества накладок до двух срединных наблюдается и в южнорусских степях, хотя и не столь последовательно. Такие накладки от лука обнаружены, например, в кургане № 18 из урочища «Три брата», в погребении, относящемся к VIII—X вв. [раскопки П. С. Рыкова, 1935; СОМК, инв. № 1516/1], и в позднекочевническом погребении из кургана № 7/1 I группы у с. Фринденберг (Мирное) [266, стр. 37]. В южнорусских степях срединные накладки могли сохраняться и позднее X в. Во всяком случае, они были обнаружены В. П. Шиловым в кургане № 3/2 у с. Ленинск, в погребении X—XII вв. [ВОКМ, инв. № 5824/31].

Раннесарматские железные трехлопастные черешковые наконечники стрел

Еще Б. Н. Граков в своей ранней работе указывал на восточную часть Евразии как на территорию, откуда сарматы заимствовали образцы ранних черешковых наконечников [116, стр. 86]. В Сибири, Алтае и Монголии древнейшие экземпляры бронзовых черешковых наконечников известны с VIII—VII вв. до н. э. К. Ф. Смирнов предполагает, что такие наконечники возникли здесь самостоятельно под влиянием древних костяных черешковых и отсюда распространились к западу — в Среднюю Азию, Прикарье и в савроматские области [292, стр. 65].

Наиболее ранние бронзовые черешковые наконечники появляются у савроматов в конце VI—начале V в. до н. э. Не позднее V в. до н. э. появляются черешковые наконечники,

кованные из железа. Но на протяжении V и большей части IV в. до н. э. стрелы с такими наконечниками в Южном Приуралье встречаются очень редко, а в Поволжье неизвестны.

Во второй половине IV в. до н. э., с началом прохоровской культуры, в распространении черешковых наконечников у сарматов происходят значительные изменения. Во-первых, теперь все они, как трехлопастные, так и трехгранные, изготавливаются только из железа; во-вторых, значительно возрастает их количество.

Однако в начале прохоровской эпохи трехлопастных черешковых наконечников еще сравнительно мало. Как правило, они встречаются в погребениях вместе с бронзовыми втульчатыми наконечниками различных типов, а также с железными трехгранными черешковыми (в Приуралье) и железными втульчатыми (в Поволжье, реже в Приуралье). Следует также отметить, что в конце IV—начале III в. до н. э. трехлопастные черешковые наконечники встречаются в Южном Приуралье чаще, чем в Поволжье, где на первом месте среди железных наконечников стрел стоят втульчатые.

В конце прохоровской культуры железные трехлопастные черешковые наконечники стрел выходят на первое место. Как в Приуралье, так и в Поволжье во многих погребениях встречены только такие наконечники, притом часто в весьма значительных количествах¹⁷.

Во II в. до н. э. трехлопастные черешковые наконечники окончательно вытесняют бронзовые, железные втульчатые и железные трехгранные черешковые. Начиная с I в. до н. э. только они встречаются на протяжении нескольких веков в колчанах сарматских воинов.

Изучение сарматских трехлопастных черешковых наконечников стрел показывает преемственность их развития в течение долгого времени. Ранние этапы их эволюции хорошо прослежены К. Ф. Смирновым [292, стр. 65—66] и М. Г. Мошковой [229, стр. 32—33], выделившими несколько типов таких наконечников.

1. *Наконечники с широкой сводчатой головкой* появляются в конце VI—начале V в. до н. э. Сперва они бронзовые (Альт-Веймар, курган № 17; табл. XIX, 1), с конца IV в. до н. э. их начинают ковать из железа (Буруктал; табл. XIX, 5). Ранние экземпляры наконечников этого типа крупные и массивные, лопасти у них прямые. Длина наконечника из

Альт-Веймара — 6,1 см при длине головки 3 см.

В дальнейшем такие наконечники быстро исчезают. В погребениях III—II вв. до н. э. они изредка встречаются, но в измененном виде, становятся более мелкими и узкими (табл. XIX, 8—9)¹⁸.

2. *Наконечники с узкой сводчатой головкой* появляются в Приуралье также в конце VI—начале V в. до н. э. Лопасти их обычно прямые или срезанные под тупым углом. Первоначально они бронзовые (Сара, курган № 7; табл. XIX, 2; Покровка, курган № 2; табл. XIX, 3), но с рубежа IV—III вв. до н. э. в Приуралье их коуют из железа (Алебастрова гора, курган № 4; табл. XIX, 6). Такие наконечники встречаются и в погребениях III—II вв. до н. э., но очень редко¹⁹. К тому же размеры их уменьшаются, а головки некоторых экземпляров приближаются к треугольно-вытянутой форме.

3. *Наконечники со сводчатой, иногда приближающейся к треугольной головкой*, кованные из железа, известны в Приуралье начиная с V в. до н. э. (Блявинский рудник; табл. XIX, 4). Дальнейшее развитие этого типа представляют крупные наконечники с узкой вытянутой головкой, появляющиеся в IV в. до н. э. (пос. Благословенский, курган VI, I; табл. XIX, 7). Вероятно, именно из них к рубежу IV—III вв. до н. э. выработались наконечники с треугольными головками.

У ранних наконечников лопасти обычно бываю т срезаны под острым углом. Близкие к ним экземпляры продолжают встречаться и в погребениях развитой прохоровской культуры, но головка их по форме уже приближается к треугольной²⁰.

В развитии железных трехлопастных черешковых наконечников стрел проявляется та же тенденция, что и в развитии железных трехгранных и различных типов бронзовых: сводчатая головка сменяется треугольной. Все типы сводчатых черешковых трехлопастных наконечников стрел представлены у сарматов лишь небольшим количеством экземпляров. Они рано выходят из употребления, и только отдельные наконечники, встреченные в погребениях развитой прохоровской культуры, напоминают о прежних традициях.

Наконечники с треугольной головкой появ-

¹⁸ Калиновка, курган № 8/34 (табл. XIX, 8); Бережновка II, курган № 13/2 (табл. XIX, 9).

¹⁹ Верхне-Погромное, курган № 14/7 (табл. XIX, 10); Увак, курган № 2/7 (табл. XX, 11—12).

²⁰ Заплавное, курган № 8/3 (табл. XIX, 12); Верхне-Погромное, курган № 14/7 (табл. XIX, 11).

¹⁷ Калмыково, курган № 1/1, — около 40; Верхне-Погромное, курган № 7/6, — около 45; Соленое Займище II, курган № 3, — 84 (и еще 2 железных втульчатых наконечника).

ляются уже на рубеже IV—III вв. до н. э.²¹ и широко распространяются в III—II вв. до н. э. Размеры их невелики — меньше савроматских и раннепрохоровских. Общая длина обычно равняется 3—5 см при длине головки 1,7—3 см. Головка бывает узкой или расширяющейся к концам лопастей. Можно выделить три типа таких наконечников, различающихся по срезу нижней части лопастей.

4. *Наконечники с треугольной головкой и лопастями, срезанными под прямым углом к черешку*, являются господствующим типом среди трехлопастных черешковых наконечников, найденных в погребениях Приуралья и Поволжья III—II вв. до н. э. (табл. XIX, 13—15).

5. *Наконечники с треугольной головкой и лопастями, срезанными под острым углом к черешку*, встречаются гораздо реже²². Их находят в погребениях в небольшом количестве и всегда вместе с наконечниками типа 4.

6. *Наконечники с треугольной головкой и лопастями, срезанными под тупым углом к черешку*, встречаются еще реже²³. В погребениях III—II вв. до н. э. они представлены лишь единичными экземплярами.

Большинство наконечников трех последних типов имеет короткий, заостренный к концу черешок. Как правило, длина его равняется длине головки, но бывает и меньше. Изредка встречаются наконечники с очень длинными черешками — до 5—7 см²⁴. Вероятно, длинный черешок у трехлопастных наконечников появился под влиянием некоторых трехгранных, среди которых экземпляры с подобными черешками известны с рубежа IV—III вв. до н. э. и продолжают бытовать в III—II вв. до н. э. [292, стр. 64; 229, стр. 32].

Постепенное распространение железных трехлопастных черешковых наконечников стрел было характерно не только для сарматов. Аналогичное явление мы наблюдаем и в Средней Азии, где они появляются очень рано — в конце эпохи бронзы [292, стр. 64—66; 184, стр. 80]. Начиная с III в. до н. э. на всей территории Средней Азии и Казахстана распространяются небольшие железные наконечники²⁵, которые

²¹ Например, Старые Кишки, курган № 10/13 (табл. XX, 1).

²² См., например, Старые Кишки, курган № 13/8 (табл. XX, 5).

²³ См., например, Калиновка, курган № 1/9 (табл. XX, 13).

²⁴ Харьковка, погребение III-I; Верхне-Погромное, курган № 7/6 (табл. XX, 15—17).

²⁵ К III—I вв. до н. э. относятся наконечники из круглого и квадратного погребальных сооружений Чирик-Рабата [332, стр. 210, рис. 8; 185, стр. 219—220, рис. 4, 6]; с городища Ниса [206, стр. 17—18]; из Там-

некоторое время еще сосуществуют с аналогичными бронзовыми, даже встречаясь с ними в одних погребениях (Куян-Тугай, курган № 13).

Среднесарматские наконечники стрел

К I в. до н. э. железные трехлопастные черешковые наконечники вытеснили все остальные. Причины их победы не вызывают особых сомнений. Железо, как более доступный и дешевый металл, рано или поздно должно было вытеснить бронзу в производстве такого массового вида оружия, как наконечники стрел, а черешок, являвшийся для железных наконечников техническим усовершенствованием по сравнению с втулкой, облегчал ковку.

В среднесарматскую эпоху старые типы наконечников со сводчатой головкой, никогда не имевшие у сарматов широкого распространения, окончательно выходят из употребления. Наконечники типа I не встречены ни разу. Лишь отдаленное сходство с ними имеют немногочисленные экземпляры с сильно расширяющейся книзу треугольной головкой и слегка округлыми лопастями, срезанными под прямым углом к черешку. Наконечники типов 2 и 3 представлены единичными экземплярами, которые можно рассматривать как видоизмененные дериваты древних форм. Так, наконечник из кургана № 4/2 Курпе-Байского могильника (табл. XIX, 20) имеет довольно крупную, приближающуюся к сводчатой узкую головку, т. е. представляет собой вырождающийся тип 2. Наконечник из кургана № 14/8 могильника у с. Верхне-Погромное (табл. XIX, 21) с длинной узкой сводчатой головкой и лопастями, срезанными под острым углом к черешку, соответствует типу 3.

Все остальные наконечники стрел сусловского времени представлены исключительно типами, имеющими треугольную головку.

4. *Наконечники с треугольной головкой и лопастями, срезанными под прямым углом к черешку*, господствуют в погребениях I в. до н. э. (табл. XIX, 22—24), причем большинство их ничем существенным не отличается от аналогичных наконечников, распространенных в III—II вв. до н. э.

динского могильника [197, стр. 120; 81, стр. 72]; кургана № 1 Каракольского могильника [99, стр. 174]; кургана № 13 Куян-Тугайского могильника [419, стр. 18, табл. VI]; кургана № 3 могильника Аличур [184, стр. 79, рис. 2, 2—3]; кургана № 19 Кую-Мазарского могильника [236, стр. 210, рис. 18]; кургана № 1 Лявандакского могильника [237, стр. 105, рис. 10] и др.

У всех у них головка треугольная, то вытянутая, то более приземистой формы, расширяющаяся к концам лопастей. Сами лопасти то совсем прямые, то слегка округлые. Черешок обычно короткий, заостренный к концу. Можно лишь наметить две главные разновидности этих наконечников. У первой — четко выражена треугольная головка, у второй — она более округлая.

5. *Наконечники с треугольной головкой и лопастями, срезанными под острым углом к черешку* (табл. XIX, 25—26), встречаются реже. Единственное отличие их от наконечников типа 4 — опущенные жалыца лопастей, «свисание» которых иногда совершенно отчетливо, а иногда лишь слегка заметно.

6. *Наконечники с треугольной головкой и лопастями, срезанными под тупым углом к черешку* (табл. XIX, 27—28), также достаточно редки. Лопастей их более или менее плавно срезаны в нижней части. В остальном они ничем не отличаются от наконечников типа 4.

Уже в сусловское время появляются пока еще единичные экземпляры наконечников новых типов.

7. *Наконечники с ромбическим пером* (табл. XIX, 29—31) отличаются от наконечников предшествующего типа тем, что лопасти их срезаны приблизительно посередине и поэтому образуют не тупоугольный треугольник, а ромб. Единственный хорошо сохранившийся наконечник этого типа происходит из кургана № 47 Сусловского могильника (табл. XIX, 29). Другой наконечник найден в кургане № 51 того же могильника. Однако нижние стороны его ромбических лопастей не прямые, а слегка округлые (табл. XIX, 30).

8. *Наконечники с трапецевидными лопастями* представлены единственным, стоящим особняком экземпляром, обнаруженным в кургане № 51 Сусловского могильника (табл. XIX, 32; XXI, 17). Подобные наконечники характерны для раннесредневековых памятников Алтая и Тувы [105, стр. 30, табл. XI, 10—12; XVII, 9—10; XIX, 11—14; XXII, 4]. В более раннее время они пока неизвестны.

Размеры подавляющего большинства наконечников стрел сусловского времени невелики и, в общем, довольно стандартны. Очень мелкие наконечники, длина которых не превышает 3—3,5 см при длине головки 1,5—2 см, немногочисленны²⁶. Как правило, они состав-

ляют соответственно 4—5,5 см и 2—3 см. Длина черешка равна головке или немного меньше ее.

Наконечники с длинными черешками в I в. до н. э.— I в. н. э. еще иногда встречаются²⁷, но черешки их все же короче, чем у некоторых наконечников прохоровского времени.

Уже в сусловскую эпоху у сарматов появляются более крупные наконечники, соответствующие иному типу лука. Наиболее полно они представлены в комплексе из кургана № 51 Сусловского могильника (табл. XXI, 22—27). В нем наряду с мелкими встречаются более крупные наконечники типов 4, 5 и 6. Общая длина их достигает 6,6 см при длине головки 4,6 см. Здесь же найден еще более крупный наконечник с ромбическими лопастями — длиной 10 см (длина головки — 6 см).

Погребение в кургане № 51 Сусловского могильника очень своеобразно по инвентарю. Но отдельные крупные наконечники стрел найдены и в других погребениях сусловского времени²⁸. В целом, однако, крупные трехлопастные наконечники стрел в сусловскую эпоху встречаются еще очень редко.

Начиная с I в. до н. э. железные трехлопастные черешковые наконечники стрел широко распространяются в Восточной Европе. На Северном Кавказе они уже в начале века полностью вытесняют железные втульчатые и встречаются как в курганах, так и в грунтовых могильниках. Погребения I в. до н. э.— I в. н. э. Усть-Лабинского могильника № 2 содержали от нескольких экземпляров до нескольких десятков таких наконечников [67, стр. 198]. Из курганных захоронений раньше всего они обнаружены во впускном погребении Воздвиженского кургана [ГИМ, инв. № 42418] (табл. XX, 18), хорошо датированного I в. до н. э.

Северокавказские, трехлопастные черешковые наконечники последнего века до нашей эры — первых веков нашей эры не отличаются от поволжских. Все они небольших размеров, имеют треугольную головку. Характерны наконечники с узкой вытянутой головкой. Лопастей обычно срезаны под прямым углом, реже — под острым²⁹.

²⁷ Длина черешка наконечников из кургана около хурула Дедломинского — 4,6 см (табл. XXI, 6); из кургана № 12/23 Калиновского могильника — 6 см (табл. XXI, 7).

²⁸ Например, Бережновка II, курган № 17/1; длина наконечника — 6,7 см, длина головки — 3,4 см (табл. XXI, 8); Верхне-Погромное, курган № 14/8; длина наконечника — 7 см, длина головки — 4 см.

²⁹ Например, ст. Казанская, курган № 8 [ГИМ, инв. № 42380]; ст. Тифлисская, курганы № 8 и 10 [ГИМ, инв. № 48478] (табл. XX, 23).

²⁶ См., например, экземпляры из курганов № 32 и 43/1 Сусловского могильника (табл. XXI, 4); кургана № 9 III группы у хут. Шульц (табл. XXI, 5); курганов № 7/9 и 7/12 у хут. Ляпичева (табл. XX, 25); из Усть-Лабинского могильника № 2 и т. д.

Следует отметить, что на Кавказе даже в грунтовые погребения, а тем более в курганные, клали меньше стрел, чем в Поволжье. В Воздвиженском кургане их найдено 37, в кургане № 10 у ст. Тифлиской — 24, в остальных — всего по несколько штук. Погребальный обряд в данном случае отражает реальное соотношение отдельных видов вооружения: на Кавказе, особенно в среде всаднической аристократии, лук и стрелы не были тем доминирующим оружием, как у степных кочевников.

Во II—IV вв. н. э. и на Кавказе размеры наконечников стрел увеличиваются. Об этом свидетельствуют материалы грунтовых могильников, например Таркинского [290, стр. 271, рис. 18, 1], хотя еще по-прежнему встречаются мелкие наконечники.

На Дону железные трехлопастные черешковые наконечники появляются в погребениях конца прохоровского и среднесарматского времени³⁰. В погребениях некрополя Кобыкова городища наряду с мелкими обнаружены крупные наконечники³¹.

На Украине трехлопастные наконечники распространяются вместе с сарматскими племенами во II—I вв. до н. э. Однако там их клали в погребения в меньшем количестве и реже, чем в Поволжье, как, впрочем, и остальное оружие. Больше всего наконечников стрел (40) найдено в кургане № 2/1 у восточной окраины с. Ново-Филипповка [104, стр. 45]. Изредка встречаются они и в женских погребениях [104, стр. 18]. На Украине трехлопастные черешковые наконечники представлены теми же типами, что и в Поволжье—Приуралье. Господствуют небольшие наконечники типа 4. Известны экземпляры с лопастями, срезанными под острым углом³². У наконечников из кургана № 4/1 у д. Переездной длинные черешки.

Процесс вытеснения железных втульчатых наконечников черешковыми хорошо прослеживается на материалах из мавзолея Неаполя скифского. В двух его погребениях начала I в. до н. э. (каменная гробница и ящик II) трехлопастные черешковые наконечники обнаружены вместе с втульчатыми, причем первые преобладают [248, стр. 116, 118].

В I в. до н. э.—I в. н. э. трехлопастные че-

решковые наконечники стрел появляются в погребениях некрополей боспорских городов [ОАК за 1911 г., стр. 59—60; 357, стр. 70—71; 203, стр. 121, рис. 4, 19а, 19б]. Изредка их находят и в Западной Европе [116, стр. 87], куда они могли проникнуть не только в результате сарматского, но и иранского влияния.

Железные трехлопастные черешковые наконечники стрел продолжают бытовать на обширных пространствах Средней Азии и Казахстана, где становятся в I в. до н. э.—I в. н. э. единственным видом наконечников³³.

По-прежнему встречаются наконечники двух типов: с лопастями, срезанными под прямым, и лопастями, срезанными под острым углом к черешку. Выделить локальные районы их распространения пока не удастся. Впрочем, С. С. Сорокин считает, что для Киргизии характерны наконечники с прямо срезанными лопастями [309, стр. 11]. В Бухарском оазисе, очевидно, преобладают наконечники со «свисающими» жальцами, но все же в погребениях иногда попадаются наконечники обоих типов (например, в кургане № 19 Кую-Мазарского могильника).

В Иране и на Среднем Востоке железные трехлопастные черешковые наконечники стрел появились, очевидно, в среднесарматское время [443, II, стр. 548—549; III, табл. 206, рис. 41; 405, стр. 58, табл. XXXVI; 396, IX, pt II, стр. 57, 72, 86, табл. XLVI, LI, LVI] и скорее всего из среднеазиатских районов. В Таксиле подобные наконечники обнаружены в сакском слое [443, II, стр. 549]. Наконечники из некрополя Дура-Эвропоса датируются I в. до н. э.—II в. н. э. [396, IX, pt II, стр. 135, 139].

В последние века до нашей эры и в Средней Азии встречаются отдельные экземпляры крупных трехлопастных черешковых наконечников стрел. Таких наконечников еще очень мало. Однако, как и сложный лук нового образца, они, возможно, появляются здесь несколько раньше, чем у сарматов. В пользу этого говорят находки крупных наконечников в могильниках Бухарской области³⁴. Наконечник длиной около 10 см найден в Таксиле [443, II, стр. 549].

³⁰ Хут. Ляпичев, курганы № 7/7 и 7/9: ГЭ, инв. № 1113/97, табл. XX, 24, 25.

³¹ Например, в погребении на западном участке некрополя вместе с кинжалом с кольцевым навершием [504, стр. 14, 65].

³² Д. Переездная, курганы № 3/2 и 4/1/11; стр. 310, рис. 64.

³³ Фергана, курумы [101, стр. 62, рис. 13, д]; городище Афрасиаб, слой Афрасиаб IV [322, стр. 117—118, рис. 50; 323, рис. 69, V, 14]; Старая Ниса: квадратный зал дворца [124, стр. 119; 126, рис. 8]; могильники Кую-Мазарский и Лявандакский [236, стр. 221—222, рис. 18; 235, стр. 116; 237, стр. 136—143, рис. 10]; могильник Тура-Таш [78, стр. 56] и др.

³⁴ Кую-Мазарский могильник, курганы № 19 и 35 [236, стр. 210, 217, рис. 18]; Лявандакский могильник. I группа, курган № 1 [237, стр. 105, рис. 10, 7].

Позднесарматские железные наконечники стрел

Во II—IV вв. н. э. наконечники стрел претерпевают значительные изменения, как и все сарматское вооружение. Распространяются крупные наконечники и наконечники новых типов, старые постепенно исчезают.

Окончательно выходят из употребления наконечники со сводчатой головкой (тип 1—3). Трехлопастные наконечники с треугольной головкой (типа 4—6) продолжают бытовать и в позднесарматское время. По-прежнему среди них решительно преобладают наконечники типа 4 — с лопастями, срезанными под прямым углом к черешку (табл. XIX, 33—34). Тип 5 представлен довольно крупным наконечником из кургана № 69/1 Старицкого могильника (табл. XXII, 5). Хорошо сохранившиеся экземпляры наконечников типа 6 мне неизвестны.

Размеры наконечников стрел с треугольной головкой колеблются довольно значительно. Мелкие наконечники в погребениях II—III вв. н. э. встречаются еще весьма часто³⁵. Совсем мелкие наконечники обнаружены, например, в кургане № 40/1 Калиновского могильника, который датируется II в. н. э. Длина их равняется 2,5 см, а головки — 1,5 см.

Мелкие наконечники в погребениях конца III—IV вв. н. э. мне неизвестны, но они, вероятно, продолжали бытовать в Поволжье и в это время, так как попадаются даже в погребениях второй половины I тысячелетия н. э. Наряду с наконечниками других, уже ранне-средневековых типов они были найдены в кургане № 1 I группы у хут. Авиловского (табл. XXII, 4). Вообще же трехлопастные черешковые наконечники доживают в Восточной Европе до X в. [209, стр. 68]. Но они уже сильно отличаются от сарматских.

Крупные трехлопастные наконечники стрел с треугольной головкой попадают также и в позднесарматских погребениях. Для примера сошлюсь на наконечники из кургана № 69/1 Старицкого могильника (табл. XXII, 5) или из кургана № 36 Калиновского могильника (табл. XXII, 6). Последние достигают длины 8, 9 см при головке в 5 см и ширине лопастей внизу 1 см.

Эти наконечники отличаются от более мелких только своими размерами и соответственно большим размахом лопастей. У всех у них черешок короткий. Наконечники с длинными

черешками в позднесарматское время не обнаружены. Уступчика, характерного для позднесарматских наконечников иных типов, наконечники типа 4—5 не имеют.

К трехлопастным наконечникам с треугольной головкой очень близок наконечник с трапезиевидными лопастями (тип 8), найденный в кургане № 54/1 Старицкого могильника. Как и аналогичный наконечник среднесарматского времени, он является единственным найденным в позднесарматском погребении (табл. XIX, 37).

Наконечники типа 7 (с ромбическим пером) наибольшее распространение получают в послесарматское время. Они являются господствующим типом в погребениях с сожжением IV—V вв. н. э. (табл. XXII, 10, 11), но известны и в погребениях конца IV в. н. э.³⁶

Все наконечники этого типа представлены крупными экземплярами — длиной до 8 см. У них короткий черешок, имеющий у основания расширение в виде уступчика или порожа. Нижняя и верхняя части головки приблизительно равны, а у наиболее ранних экземпляров верхняя часть головки даже несколько длиннее. Наконечники сарматского времени имеют прямые или почти прямые края.

Дальнейшая эволюция наконечников данного типа привела к увеличению нижней части головки, которая становится значительно длиннее верхней, и превращению краев из прямых в выпукло-вогнутые. Примером может служить один из наконечников, найденных в погребении у с. Федоровки (табл. XXII, 10).

Наконечники с ромбическими лопастями скорее всего произошли от наконечников с треугольной головкой, имеющих лопасти, срезанные под тупым углом к черешку. Правда, они довольно редки, но и стрелы с ромбическими лопастями в сарматское время тоже встречаются не часто. Начальный этап этой эволюции могут отражать мелкие наконечники с ромбическими лопастями, без порожа, впервые появившиеся в конце среднесарматского времени.

Менее ясной представляется территория, где впервые зародились подобные наконечники. Хотя восточное происхождение их вполне вероятно, однако нигде не известны ранние наконечники этого типа. В Центральной Европе они обнаружены в погребениях начала V в. н. э. [432, стр. 55, табл. 25, 4—5]. Пока наиболее ранними являются наконечники, найденные в Сусловском могильнике.

³⁵ Например, Калиновка, курганы № 34/1, 38, 40/1; Бородаевка, курган № F 4; Старица, курган № 75 и т. д. (табл. XXII, 1—3).

³⁶ Шипово, VI группа, курган № 2 (табл. XXII, 9); Бережновка, Южная группа, курган № 4/2 (табл. XXII, 7).

Последний, тип 9 наконечников стрел представлен плоскими наконечниками с ромбическим или округло-ромбическим пером и уступом у основания черешка. Общая длина их составляет 6—6,5 см. В Поволжье они проникают в IV—V вв. н. э.³⁷, и дальнейшая история их целиком относится к раннему средневековью. По своему происхождению наконечники типа 9, вероятно, связаны с сибирско-центральноазиатскими районами. В Хакасско-Минусинской котловине наиболее ранний такой экземпляр найден в Джесосе, в кургане № 5, который Л. Р. Кызласов относит к уйбатскому этапу и датирует III—началом IV в. н. э. [ОАК за 1894 г., стр. 108, рис. 179; 172, стр. 139, рис. 51—4].

Развитие трехлопастных черешковых наконечников стрел в Средней Азии шло в том же направлении, что и у сарматов. В первые века нашей эры по-прежнему употребляются мелкие наконечники с треугольной головкой и прямыми или опущенными лопастями³⁸. Время их исчезновения нельзя считать точно установленным. С. С. Сорокин думает, что это произошло уже во II—III вв. н. э. [308, стр. 11]. Видимо, более прав Б. А. Литвинский, полагающий, что мелкие наконечники стрел в Средней Азии продолжают существовать в III, а может быть, и в IV в. н. э. [184, стр. 82]. В Беграме сравнительно мелкие наконечники попадают наряду с крупными в слои III—IV вв. н. э. [405, стр. 77, табл. XXI, 13, 15—19].

В это же время в Средней Азии довольно широко распространяются крупные трехлопастные наконечники—длиной до 10—11 см³⁹. К более позднему времени относятся экземпляры из Боркорбазского могильника, датированного V—VI вв. н. э. [306, табл. 11, 0]. Такие наконечники доживают в Средней Азии до VII—VIII вв. н. э. [184, стр. 84].

Наконечники с ромбическими лопастями впервые появляются в Средней Азии в IV—V вв. н. э. [163, стр. 119—120]. В дальнейшем этот тип дает большое количество вариантов.

³⁷ Покровск, ЮВ группа, курган № 18 (табл. XXII, 13); Калиновка, курган № 28/2 (табл. XXII, 12).

³⁸ Хас-Кяриз, курган № 3 [202, стр. 114, рис. VII, 2]; Кенкольский могильник [419, табл. IX, 3; 164, стр. 74—75, рис. 15, 1—4; 163, стр. 73]; Кара-Булакский могильник [77, стр. 62—63, рис. 12]; курумы Ленинадской области [184, стр. 114, рис. 3, 3]; Джунский могильник [184, стр. 80].

³⁹ Джунский могильник [100, стр. 337]; Кырк-тепе [131, стр. 129—130, рис. 7]; Кенкольский могильник [80, стр. 22; 312, стр. 10]; Кара-Булакский могильник [77, стр. 62—63, рис. 12]; Айгырджал, курган № 10 [159, стр. 123, рис. 22, 5]; Ворух, курган № 17 [180, стр. 67; 184, стр. 84, рис. 7, 3]; тепе Кугай [174, стр. 135—136, рис. 19].

Позднесарматские костяные наконечники стрел

Костяные наконечники стрел, в том числе черешковые, известны со времен срубной и андроновской культур. В небольшом количестве они бытовали на юге Восточной Европы в течение всего раннего железного века и значительной части средневекового периода, но гораздо больше были распространены в северных лесных культурах Евразии.

У сарматов, равно как и на Северном Кавказе, костяные наконечники использовались, хотя и очень редко, на протяжении всех четырех эпох. Несколько подробнее следует остановиться на наконечниках позднесарматского времени неизвестных ранее типов, которые отражают определенные культурно-исторические связи.

Костяные наконечники в позднесарматское время встречаются очень редко. Все они черешковые. Выделяются три типа:

1. Наконечники с листовидной ромбической в сечении головкой и прямоугольным черешком, заостренным на конце путем срезов с его широких сторон (Калиновка, курган № 7/1, № 36; табл. XXII, 14—15).

2. Наконечники с треугольной вытянутой головкой ромбической в сечении и коротким заостренным черешком (Бородаевка, курган № F 4; табл. XXII, 16).

3. Наконечники с вытянутой треугольной головкой треугольной в сечении (Бородаевка, курган № F 4; табл. XXII, 17; Успенка, I группа, курган № 2; табл. XXII, 18; Мариенталь, курган № Д 21).

В это же время аналогичные наконечники стрел появляются в Средней Азии (Кенкольский могильник [80, стр. 22, табл. XXIX]). Как по форме, так и по времени к позднесарматским костяным наконечникам близок роговой, найденный во впускной могиле пазарыкского кургана № 6, который А. А. Гаврилова относит к единцовскому этапу [105, стр. 52, рис. 3, 1]. По форме головки к ним близки также некоторые костяные гуннские наконечники, однако последние имеют раздвоенный черешок, в который вставлялось заостренное с двух сторон древко [263, рис. 22е, и; табл. IV, 5]. Таким образом, гуннский способ крепления черешка с древком противоположен сарматскому.

И у сарматов, и в Средней Азии такие наконечники вряд ли можно признать местными. Скорее всего они были заимствованы от населения лесных культур, хотя откуда именно, сказать трудно. Особого внимания заслуживает Сибирь, прежде всего Западная. Там костя-

ные черешковые наконечники стрел появляются очень рано и бытуют в течение чрезвычайно длительного времени. Они известны в большом количестве в памятниках раннего железного века и средневековья [120, табл. XV, 5—7; XVIII, 5—7; XXXII, 3—6; XXXIV, 20; LI, 10; 226, стр. 206, табл. X, 15; 227, стр. 74—75, табл. 1, 7, 12, 13, 24; II, 1].

Появившись в степях Восточной Европы в позднесарматское время, костяные черешковые наконечники стрел без особых изменений доживают до средневековья. Это подтверждают находки в позднечувшских погребениях, например в кургане № 14/3 Быковского могильника [291, стр. 208, рис. 15 а-в].

Сложен вопрос и о назначении костяных наконечников. В литературе довольно прочно укоренилось мнение, что их главным образом использовали на охоте [263, стр. 26; 227, стр. 74—75]. Однако в кургане № Д 21 у с. Мариенталь найден покойник, у которого в бедре глубоко сидел такой наконечник [462, стр. 44]. Следовательно, они могли иногда использоваться и в качестве боевых.

Древки стрел, колчаны и способы ношения

Древки стрел обычно изготавливались из дерева: березы, реже клена, тополя и других пород. Страбон упоминает о еловых древках [48, XI, 7, 4]. Из березы изготавливали древки стрел гунны [263, стр. 25]. О том, какое значение придавали степные кочевники выбору хорошего материала для древков, свидетельствует поступок шаньюя Учжулю-жоди, отказавшегося уступить Китаю определенный участок земли на том основании, что «на этом клине растет очень хороший лес, годный на древки стрел, и водятся орлы, коих перья употребляются на опушку стрел» [83, стр. 98].

В среднесарматское и позднесарматское время, как и прежде, для этой цели мог также употребляться тростник. В Средней Азии традиция использования тростниковых древков живет очень долго. Они найдены, в частности, в Кара-Булакском могильнике [77, стр. 62]. Марк Анней Лукан [4, IX, 827], упоминая о «скифском тростнике», подразумевает стрелы.

В I в. до н. э.—I в. н. э., когда сарматские воины имели на вооружении преимущественно небольшие сложные луки, длина древков стрел, судя по остаткам в погребениях⁴⁰, не превышала 60 см, а толщина равнялась 4—

5 мм. Основания стрел имели грушевидные утолщения до 6 мм, с вырезом для наложения тетивы (табл. XXIII, 3—6).

Находки во II Бережновском могильнике (курганы № 17/1 и 102) подтвердили обычай оперения таких стрел. Перья, вероятно беркута, прикреплялись в три ряда при помощи тонкой узкой кожицы, обернутой несколько раз вокруг древка. Древки стрел из ноинулинских курганов оперялись орлиными перьями [263, стр. 25, табл. IV, 5—8].

Способ крепления наконечников в древках стрел был прослежен благодаря находкам в курганах № 47 Суслевского и № 17/1 II Бережновского могильников. Черешок наконечника вставлялся в расщепленный конец древка, который затем обматывался растительным волокном или сухожилиями. Аналогичный способ отмечен А. Н. Бернштамом на Памире [79, стр. 307, рис. 133].

Древки стрел окрашивались в разные цвета: нижние концы с выемкой для тетивы — обычно в красный цвет, сами древки имели красные, зеленые, синие, белые полосы.

В позднесарматское время с увеличением длины лука и размеров наконечников должна была измениться и длина древков. Но остатки их в погребениях II—IV вв. н. э. не обнаружены. Судя по находкам в Кара-Булакском [77, стр. 62] и Кенкольском [355, стр. 67] могильниках, длина древков была не менее 80 см.

Овидий в «Тристиях» и «Письмах с Понта» неоднократно упоминает сарматские колчаны, полные ядовитых стрел. Античные авторы часто отмечают наличие ядовитых стрел и у других народов Северного Причерноморья, прежде всего у скифов, а также у парфян [53, IX, 15, § 2; 48, XI, 2, 19; 28, 79; 23, IX, 15; 49, 27].

Количество стрел в среднесарматских и позднесарматских погребениях разнится очень сильно — от одной до ста и выше. Большое количество стрел, как правило, находят в колчанах. Естественно, что одна или несколько стрел в погребении никак не могли играть роль реального оружия, а служили скорее его символом. Это подтверждается и тем, что они встречаются в погребениях в самых различных местах, в то время как колчаны обычно имеют фиксированное положение по отношению к покойнику.

Для погребений среднесарматского времени характерно большое количество стрел⁴¹. Это

⁴⁰ Бережновка II, курган № 50; Суслы, курган № 16; Старица, курган № 4/6 и др.

⁴¹ Например, Бережновка II, курган № 23—110 стрел, курган № 102—103 стрелы; курган № 66—99 стрел и т. д.

отражает реальное положение дел. В I в. до н. э.—I в. н. э. рядовой сарматский воин был прежде всего легковооруженным всадником-лучником.

В позднесарматское время количество стрел в погребениях значительно уменьшается. Обычно их не больше десятка. Находят и пустые колчаны⁴². Обычай символизации оружия выходит теперь на первый план. Но в какой-то степени это можно связывать и с изменениями в вооружении. Лук и стрелы играют теперь меньшую роль, уступая первенство длинному мечу и копью. Впрочем, во II в. н. э. стрел в погребениях еще много⁴³.

В среднесарматское время стрелы еще встречаются в женских погребениях, иногда даже находят полные колчаны⁴⁴. В отдельных случаях они сопровождались мечами и кинжалами с кольцевым навершием⁴⁵. Имеем ли мы здесь только далекие отголоски былой воинственности сарматских женщин? Но тогда скорее можно было бы ожидать не полного комплекта вооружения, а всего лишь его символ, например несколько стрел, как это и бывает.

Возможно, и в сусловское время отдельные сарматки принимали участие в военных действиях. Даже во II в. н. э. встречаются погребения, подобные кургану № 34/1 Калиновского могильника, в котором вместе с женским костяком с деформированным черепом был обнаружен кинжал с кольцевым навершием и свыше 60 наконечников стрел.

Остатки колчанов изредка зафиксированы в погребениях всех четырех сарматских эпох в виде полусгнивших остатков кожи, дерева или бересты. Берестяной каркас иногда обтягивался тонкой кожей⁴⁶, которая при этом обычно окрашивалась в ярко-красный цвет. Дно таких колчанов изготавливали из дерева или бересты (Ново-Филипповка, курган № 2, раскопки 1947 г.). Иногда вместе с колчанами в погребениях находят костяные ворворки (Суслы, курган № 16) и бусы (Суслы, курган № 27), которые играли какую-то роль в их украшении, как и в украшении мечей.

Форма колчанов восстанавливается лишь приблизительно. Вероятно, они представляли собой сужающуюся книзу цилиндрическую коробку. П. С. Рыков по остаткам колчанов в

Сусловском могильнике определил их длину в 75—80 см [270, стр. 10]. Аналогичные колчаны бытовали в Иране в парфянскую и сасанидскую эпохи, как это видно по многочисленным изображениям, например: на фреске со сценой охоты и граффити из Дура-Эвропоса [396, II, табл. XLI, 1; XLIII, 2; VI, табл. XLII, 1], на рельефе из Фирузабада [407, рис. 165, 166], на сасанидских серебряных блюдах [304, рис. 286; 407, рис. 247, 253] (табл. XVI, 1, 3) и т. д. М. И. Ростовцев предполагает, что колчаны, изображенные на граффити из Дура-Эвропоса, сделаны из дерева. Кстати, на них отчетливо видно прикрепленное к стенке колчана кольцо, надевавшееся на большой палец при натягивании лука [466, стр. 194]. Сверху колчаны могли иметь кожаную крышку, наподобие той, которая была прослежена в кургане № 47 Сусловского могильника. Закрытыми наглухо колчаны предстают и на некоторых сасанидских изображениях⁴⁷, хотя преобладают открытые, с торчащими из них оперенными древками стрел.

В среднесарматских погребениях колчаны в большинстве случаев находят слева от покойника, около бедра или ног. Поэтому мы вправе предполагать, что колчан обычно носился слева, как и в предыдущие эпохи, справа — короткий меч или кинжал. Однако иногда колчаны со стрелами положены справа от костяка. Поэтому можно допустить, что в I в. до н. э.—I в. н. э. их изредка подвешивали к правому бедру. Это особенно характерно для случаев, когда меч в погребении помещался у левого бока покойного и, вероятно, носился слева при жизни⁴⁸. Ношение колчанов на правом бедре прослеживается у сарматов начиная с савроматского времени, возможно под влиянием хормийского обычая [296, стр. 34—35].

Что касается позднесарматского времени, то вероятно, что именно в этот период устанавливается обычай ношения колчана справа, так как слева теперь находился длинный всаднический меч. Только так несут колчаны в Иране в парфянскую и сасанидскую эпохи.

Способы прикрепления колчанов к поясу не совсем ясны. В среднесарматскую эпоху для этих целей могли использоваться колчаные крючки, столь характерные для более раннего времени. Их иногда еще находят в погребениях. Вероятно, судя по иранским рельефам, фрескам и серебряным блюдам, были и иные способы ношения, например на отходящем от пояса портупейном ремне.

⁴² Накши-и-Рустам [407, рис. 220].

⁴³ Курпе-Бай, курган № 8, раскопки 1953 г.; Верхне-Погромное, курган № 14/8.

⁴⁴ Абганеры, курган № 2; «Три брата», I группа, курган № 3/2.

⁴⁵ Бережновка II, курган № 109, — 110 стрел; Калиновка, курган № 34/1.

⁴⁶ Суслы, курган № 4, — 22 стрелы; Бережновка I: курган № 22, — 50 стрел; курган № 2, — 63 стрелы.

⁴⁷ Бережновка I, курган № 2.

⁴⁸ Бережновка II, курган № 17/1; Суслы, курган № 16.

IV

ГЛАВА

КОПЬЯ И ДРУГИЕ ВИДЫ НАСТУПАТЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ

Копья

Копья всех четырех сарматских эпох в погребениях встречаются очень редко¹. Всего из сарматских погребений и случайных находок происходят 39 наконечников. Часть их утеряна и тем самым недоступна для исследования, часть найдена в слишком фрагментарном состоянии, чтобы можно было восстановить их форму. Из 39 наконечников 17 относятся к савроматскому времени, 8 — к прохоровскому, 9 — к сусловскому, 2 — к шиповскому, 2 происходят из погребений IV—V вв. н. э., а последний, также, вероятно, поздний, найден случайно.

Если исходить из того, что набор оружия, который встречаются в погребениях, полностью соответствует реальному вооружению сарматских воинов, то следует признать, что на протяжении почти тысячи лет копья у сарматов были в употреблении очень мало. Правда, копья были непременным оружием катафрактариев — тяжеловооруженной конницы, но их погребений в Поволжье мы почти не знаем. Поэтому и в данном случае отсутствие копий в погребениях, казалось бы, легко можно объяснить². Однако некоторые данные заставляют предполагать, что с вопросом о распространности копий у сарматов дело обстоит гораздо сложнее.

Прежде всего это сведения письменных источников. Античные авторы неоднократно отмечают наличие копий на вооружении в сарматском войске. Так, Страбон [48, VII, 3, 17], описывая вооружение роксоланов в период их

войны с Диофантом, выделяет копье на первое место среди наступательного оружия, перед луком и мечом. Сведения Страбона особенно для нас важны, потому что они касаются легковооруженной сарматской конницы еще до появления катафрактариев.

О копье как непременном оружии язигов упоминает Овидий [30, 135]. О сарматских копьях и пиках сообщает целый ряд римских авторов I в. н. э. [21, XV, 685; 33, II, 130—134; 12, VI, 162].

Тацит [52, VI, 35], описывая битву Фарасмана иберийского и его союзников-сарматов с войсками Орода, сына Артабана III, в 35 г. н. э., отмечает, что «сарматы, оставив луки, которыми они не могли действовать так далеко, как парфяне, бросались на них с пиками и мечами...». Он же [51, I, 79] упоминает копья роксоланских катафрактариев во время их набега на Мезию.

Из более поздних писателей Арриан [7, 44, 1] отмечает копеечников в составе сарматского войска. Аммиан Марцеллин [3, XVII, 12, 2, XIX, 11, 10] пишет о длинных сарматских пиках, Клавдий Клавдиан [22, I, 106] — о сарматском копье.

Любопытно, что значительная часть упоминаний о сарматских копьях относится ко времени сусловской культуры. Быть может, это объясняется не только случайностью или повышенным вниманием к племенам, вышедшим на тогдашнюю мировую арену. До сих пор не получил удовлетворительного объяснения факт господства в I в. до н. э. — I в. н. э. короткого меча с кольцевым навершием, который пришел на смену длинному мечу с серповидным навершием. Трудно поверить, что сарматы в период своей широкой экспансии были вооружены хуже, чем их предшественники. Скорее всего это объясняется тем, что именно

¹ Савроматские наконечники копий собраны К. Ф. Смирновым. Сводку наконечников копий остальных эпох см. в прил. 6.

² Такого мнения, например, придерживается К. Ф. Смирнов [295, стр. 321].

в сусловское время в сарматском войске широко распространяются копья [339]. Прежде всего их должна была взять на вооружение сарматская знать, поставлявшая ударные контингенты войска, что не исключает применения их и рядовыми воинами. Тогда можно понять, почему произошло некоторое укорочение мечей, которые вооруженные копьями всадники теперь пускали в ход главным образом при спешивании, в рукопашном бою.

Широкое и умелое использование копий катафрактариями говорит, что освоение этого оружия и достаточно массовое его распространение потребовали определенного отрезка времени. Предполагая появление тяжеловооруженной конницы в первые века нашей эры, нужно относить время освоения к предшествующему периоду, т. е. к концу II в. до н. э.—I в. н. э., а может быть даже ко времени развитой прохоровской культуры. Во всяком случае, если в савроматское и прохоровское время у знатных всадников на первом месте среди вооружения стоял длинный меч, то в сусловское время его должно было занять длинное копьё.

Возможно, широкому распространению копий у сарматов способствовали установившиеся именно в это время особенно тесные связи с Кубанью. Если не считать копий, которые часто встречаются в кубанских курганах и грунтовых могильниках, остальной комплект и типы вооружения на Кубани и в Поволжье одинаковы.

В таком случае небольшое количество копий, обнаруженных в погребениях сусловского времени, быть может, следует объяснять не столько малым количеством известных нам в Поволжье аристократических захоронений, сколько тем, что сарматы просто не клали копья в погребения. Если это так, то мы имеем здесь дело с особенностью погребального ритуала, отличавшегося от кубанского.

Большая длина всаднического копья — а именно такие копья получили распространение у сарматов — естественно препятствовала помещению его в могилу, а класть сломанное копьё или только его наконечник, вероятно, было не в обычае. Любопытно, что могильная яма в кургане № 7/12 у хут. Ляпичева была специально удлинена, чтобы вместить копьё с древком, которое достигало длины 2,5 м [74, стр. 186]. Но это исключительный случай.

Можно также допустить, что копья втыкали в насыпь кургана — обычай, до недавнего времени распространенный в казахстанских степях [157, стр. 211].

Что касается сарматов Северного Кавказа,

то они могли перенять обычай класть копья в погребения, вероятно в сломанном виде, у местного меотского населения.

Роль и место копья в наступательном оружии сарматов в общем виде представляются следующими. Копья в арсенале савроматского оружия занимали третье место после лука со стрелами и меча [292, стр. 70]. Однако в отличие от скифов копья у савроматов имели значительно меньшее распространение. Это можно объяснить ранним появлением длинных всаднических мечей, отчасти заменявших копья. Напротив, у меотов копья играли настолько важную роль, что копейщики даже выделялись в особый контингент войска [296, стр. 306].

Подлежащее большинство копий в прохоровских погребениях относится к IV—III вв. до н. э., в то время как в погребениях III—II вв. до н. э. они почти совершенно неизвестны. Однако и в это время они скорее всего были на вооружении отдельных знатных воинов; более того, их значение могло постепенно возрастать³.

В сусловскую эпоху копья стали постоянным оружием сарматов. Причем немалое влияние в этом оказал Северный Кавказ, прежде всего Прикубанье, где сарматы рано познакомились с меотскими копьями и приняли их на вооружение. В дальнейшем копья становятся основным наступательным оружием катафрактариев.

В нашем распоряжении имеется столь мало наконечников копий, что трудно дать сколько-нибудь полную их типологию и проследить эволюцию. Можно лишь отметить, что в целом они близки к наконечникам копий, в тех или иных вариантах бытовавших на довольно обширных пространствах Восточной Европы и Северного Кавказа, причем с последними обнаруживается особое сходство.

Уже в савроматское время в Поволжье и Приуралье появляются копья, несомненно заимствованные с Кавказа [292, стр. 72]. В то же время отдельные наконечники савроматского и прохоровского времени близки к скифским⁴. Наконечники копий сусловского и шиповского времени особенно близки к северокавказским. Поэтому на последних следует остановиться

³ На увеличение удельного веса копий в конце прохоровской культуры косвенно указывает тот факт, что в это время длинные мечи встречаются уже реже, чем в ее начале (подробнее об этом см. гл. VI).

⁴ Например, наконечник из кургана у с. Кочкарь с лавровлистным пером и постепенно сужающимся к острию валиком, составляющим продолжение втулки [229, стр. 35, рис. 20, 24].

несколько подробнее, имея в виду, что полная типология северокавказских наконечников копий не входит в задачу автора.

В погребениях раннего железного века на Северном Кавказе наконечники копий представлены в большом количестве и различными типами. Наибольшее распространение получили листовидные наконечники (табл. XXIV, 1—7), которые появились на Переднем Востоке еще во второй половине II тысячелетия до н. э. [500, стр. 80].

На Северном Кавказе они известны с эпохи поздней бронзы⁵ и характеризуются рядом общих черт: перо сравнительно короткое — длина его равна или немного превышает $\frac{1}{2}$ общей длины; наибольшая ширина в нижней трети или четверти общей длины; нижняя часть листа обычно имеет овальные очертания, но иногда и более прямые. В таком случае перо резко переходит во втулку; возможно, это делалось под влиянием закавказских копий. По всей длине пера проходит валикообразное продолжение втулки, постепенно сужающееся кверху. Наиболее ранние экземпляры бронзовые, в VIII—VII вв. до н. э. их сменяют железные (табл. XXIV, 2)⁶. Различия касаются общих размеров, соотношения общей длины с максимальной шириной пера, очертаний пера. Общая длина наконечников колеблется от 6,5 до 20 см, отдельные экземпляры превышают 30 см.

Северокавказские наконечники копий с листовидным пером входят в группу наконечников, широко распространенных в Восточной и Центральной Европе и встречающихся в Закавказье [152, стр. 112; 211, стр. 12, 40—42]. А. А. Иессен считает их местными для Северного Кавказа и отмечает, что «картина распространения описываемых относительно коротких наконечников с цельнолитой трубкой заставляет видеть в них широко распространенный тип, более или менее синхронно появившийся во многих районах нашей страны» [152, стр. 113—114].

В савроматских погребениях наконечники подобной формы не встречены, но архаические листовидные наконечники копий, существовавшие в начале железного века, могли быть известны и савроматам.

⁵ Первая сводка их сделана А. А. Иессеном [152, стр. 111—114]. К ней можно прибавить наконечники из могильника у с. Никольского и еще несколько, найденных в различных местностях Северного Кавказа [70, стр. 116—117].

⁶ Например, наконечники из могильника у с. Николаевского [70, стр. 117], с горы Бештау [151, стр. 124—125, рис. 14], из могильника Ясеновая поляна [127, стр. 142—143, табл. 1, 4].

На Кавказе наконечники копий с листовидным пером бытовали у местного населения и в последующее время, но у них ребро посредине пера уже не переходит во втулку или совсем отсутствует. Часть их довольно близка к ранним.

Таковы, например, наконечники копий, обнаруженные в погребениях IV—III и III—I вв. до н. э. Усть-Лабинского 2-го могильника (табл. XXIV, 3) [67, стр. 182, рис. 12, 1; 12, 2]. Длина их иногда превышает 30 см, втулка достигает 14 см, максимальная ширина пера — 5—6 см. Они насаживались на тонкие древки — диаметр втулок равен всего 2,5 см. Найдены и более мелкие наконечники. Концы втулок часто имеют валикообразные утолщения, в которые, вероятно, упиралась часть древка.

Наконечники с ребром посредине пера встречаются и в последние века до нашей эры — первые века нашей эры⁷. Втулка у них короткая, иногда, как у ранних наконечников, с двумя отверстиями в нижней части (Бесленевка, курган № 26). Перо очень тонкое, довольно широкое, максимальная ширина его — 5 см.

Общая длина таких наконечников не особенно большая, обычно менее 30 см и никогда не достигает 40 см. Все они слишком тонки, чтобы быть эффективными для борьбы с закованным в доспехи противником. Не случайно наконечник из кургана № 26 ст. Бесленевской уже в древности был изогнут и частично сломан. Подобные копья бытовали в основном в среде местного меотского населения. Среди сарматов они не получили сколько-нибудь широкого распространения. Сравнительно небольшой наконечник копья с узким листовидным пером обнаружен в среднесарматском погребении кургана № ССLIII/2 в окрестностях г. Славянска (табл. XXIV, 8). По форме он неоригинален. Близкие к нему экземпляры известны на Кавказе и особенно в Скифии.

Как уже упоминалось, наконечники копий с листовидным пером, восходящие к архаическим, представлены большим количеством довольно сильно отличающихся друг от друга типов, из которых нас особенно интересуют два.

Наконечники копий с массивным листовидным пером и короткой втулкой (табл. XXV,

⁷ Ст. Ладожская (табл. XXIV, 6) [66, стр. 156, рис. 59]; ст. Бесленевская, курганы № 21 и 26 (табл. XXIV, рис. 4—5) [ГЭ, инв. № 2232/129 и 2232/163]; могильник Ясеновая поляна, погребения № 16 и 17 (табл. XXIV, 7) [127, стр. 145—146, табл. IX, 3, 4]; Таркинский могильник, погребение № 24 [290, стр. 236, 259].

1—4) немногочисленны и не дают полного единства в типологическом отношении. Однако всем им присущи некоторые общие черты: очень короткая втулка и длинное массивное и широкое перо с ребром посередине. На Кавказе они представлены наконечником копья из кургана в. с. Алды (общая длина — 50 см, длина втулки — 7 см, наибольшая ширина пера — 9 см; табл. XXV, 1) [96, стр. 57, рис. 22] и наконечником, происходящим из Ичкерии (юго-восточная часть горной Чечни), из собрания Н. Семенова (общая длина — 28 см, длина втулки — 2,5 см, наибольшая ширина пера — 5 см; табл. XXV, 2) [ГИМ, инв. № 35179]. Очень близок к ним наконечник копья из могильника близ хут. Санькова с короткой втулкой и массивным вытянутым листовидным пером (табл. XXV, 3) [69, стр. 89, рис. 27—1]. Общая длина его равна 40 см, но в отличие от других у него на перо отсутствуют ребро.

Подобные наконечники скорее всего происходят от северокавказских наконечников копий с широким листовидным пером, имеющих ребро посередине и максимальное расширение в нижней части. Развитие шло по линии увеличения общих размеров наконечника и длины пера за счет втулки.

В Поволжье такие копья представлены наконечником из кургана № 55/14 Калиновского могильника (табл. XXV, 4) [362, стр. 406, рис. 50, 1], у которого отличается лишь втулка с несмыкающимися краями. Перо по всей длине имеет продольные бороздки. В. П. Шилов справедливо предполагает возможность северокавказского происхождения наконечника [358, стр. 462].

Все наконечники копий этого типа можно датировать в пределах последних веков до нашей эры — первых веков нашей эры. Ко II—I вв. до н. э. относится погребение в кургане у с. Алды⁸. Второй половиной I в. до н. э.—I в. н. э. датирует Н. В. Анфимов могильник близ хут. Санькова [69, стр. 156]. Позднепроторовским временем датируется захоронение из Калиновского могильника, судя по наконечникам стрел с трехгранной головкой и длинными черешками. Вполне возможно бытование таких наконечников и в более позднее время.

Такие наконечники насаживались на толстые древки и, несомненно, употреблялись всадниками. Хотя погребения, в которых они

были найдены, за исключением калиновского, вряд ли принадлежат катафрактариям, такие копья чуть позднее могли применяться и ими.

Сарматы могли познакомиться с ними или даже участвовать в их выработке на Северном Кавказе. Отсюда, вероятно, они распространились в Поволжье. В настоящее время это представляется наиболее вероятным, несмотря на то, что именно в Поволжье найден пока наиболее ранний наконечник этого типа.

Наконечники копий с коротким массивным листовидным пером и длинной втулкой (табл. XXVI; XXVII, 1—4). Перья таких наконечников имеют максимальное расширение в нижней части. Они массивные, линзовидные в сечении. Острие пера чуть скруглено. Длина пера не особенно большая. Втулки широкие и длинные, составляют около половины или даже более общей длины. На конце втулки имеются валик⁹ или муфта-кольцо¹⁰. Муфта одного из наконечников копий из ст. Казанской дополнительно укреплена двумя железными колышками. Назначение муфты могло состоять в том, чтобы препятствовать копью вонзаться слишком глубоко в тело противника, но скорее всего на нее опиралась часть толстого древка, на которую насаживались подобные наконечники. Если это так, то муфты служили тем же целям, что и валики.

По длине такие наконечники варьируют довольно сильно. Наконечник из кургана № 15 ст. Тифлисской (табл. XXVII, 2) имеет общую длину 18 см при длине втулки 7,5 см; из кургана № 6/5 Калиновского могильника (табл. XXVI, 4) [358, стр. 342, рис. 50, 19] — 26 см при длине втулки 12 см (наибольшая ширина пера — 6,6 см, диаметр втулки — 6 см); из кургана № 17 у ст. Казанской — 44 см, при длине втулки 27 см.

Наиболее крупные из наконечников были рассчитаны на всадников и могли применяться катафрактариями. Курган № 17 у ст. Казанской с ограбленной катакомбой, в которой были найдены остатки панциря, вероятно, следует датировать I—II вв. н. э. [261, стр. 573—574], а обнаруженные в нем копья должны были быть особенно эффективными при пробивании доспехов, в том числе конских.

Происхождение этих наконечников не вполне ясно. На Кавказе с раннего времени быто-

⁸ Встретившиеся в этом погребении железные трехлопастные втульчатые наконечники стрел исчезают на Северном Кавказе во II в. до н. э., но пережиточно могут встречаться и в начале I в. до н. э.

⁹ Ст. Тифлисская, курган № 3 [ГЭ, инв. № 2238/9] (табл. XXVII, 1), курган № 15 [ГИМ, инв. № 48478] (табл. XXVII, 2).

¹⁰ Ст. Казанская, курган № 17 [ГИМ, инв. № 42380/82] (табл. XXVI, 1—2).

вали наконечники со сравнительно небольшим листовидным пером, у которых нижняя часть имела овальные очертания¹¹. С другой стороны, такие наконечники издавна бытовали у сарматов. Таковы небольшие наконечники IV в. до н. э. из кургана № 11 могильника Кара-Оба [277, стр. 134, рис. 35] и кургана № 58/26 у хут. Попова на Дону (табл. XXVII, 3) [153, стр. 74; ГЭ, инв. № К-198] с широкой и массивной втулкой и коротким пером. С ними можно сопоставить наконечник копья из прохоровского кургана № 2 [229, табл. 20, 25], хотя его перо длиннее.

Возможно, подобные наконечники копий проносились вместе с сарматами на Северный Кавказ, где под влиянием близких к ним кавказских к I—II вв. н. э. выработался тот тип наконечника тяжелого копья, который представлен в ст. Казанской и был, вероятно, общим для сарматов Северного Кавказа и Поволжья, судя по наконечнику копья из кургана № 6/5 Калиновского могильника¹².

Помимо листовидных некоторого внимания для нашей темы заслуживают наконечники копий двух других типов.

Наконечники копий с узким ланцетовидным пером (табл. XXVII, 5—6) на Северном Кавказе особенно хорошо представлены в меотских грунтовых могильниках¹³ и курганных захоронениях¹⁴ IV—I вв. до н. э.

Перо у них узкое и плоское, без срединного ребра. У более ранних экземпляров оно составляет от $\frac{1}{2}$ до $\frac{2}{3}$ всей длины наконечника, у более поздних — не менее $\frac{2}{3}$. Длина ранних не превышает 25 см, у более поздних она обычно равняется 30—46 см, хотя известны и мелкие экземпляры, которые могли служить в качестве дротиков.

Северокавказские ланцетовидные наконечники копий включаются в группу ланцетовидных, или «остролистных», наконечников, в различных вариантах широко распространенных на юге СССР и за его пределами начиная с V в. до н. э. [211, стр. 40—42; 292, стр. 73].

¹¹ См., например, наконечники из кургана № 1 ст. Крымской [ОАК за 1895 г., рис. 41; 152, рис. 49, 2]; из комплекса № 15 Верхней Рутхи [168, табл. VI, 4]; из Лугового могильника [168, табл. XIII], из погребения 26 Усть-Лабинского могильника № 2 (раскопки 1938 г.) [67, рис. 12, 5].

¹² Возможно, к этому же типу близок плохо сохранившийся наконечник копья из кургана № 7/12 у хут. Ляпичева [ГЭ, инв. № 7113/1110] (табл. XXVII, 4).

¹³ Могильники: Пашковский [296, стр. 596, рис. 5, 2—5; 9—13; 8, 8, 10, 2]; Усть-Лабинский № 2 [67, стр. 182, рис. 4, 12]; у хут. Зеленского [502, стр. 5].

¹⁴ Ст. Воронежская, курган № 16 [ГИМ, инв. № 48478]; Лысая гора, курган № 1 [ГЭ, инв. № 2248/17].

Узкое перо было очень удобно для пробиивания доспеха. На Северном Кавказе, судя по материалам меотских могильников, такие копия были особенно популярны среди пехотинцев, так как давали им возможность бороться с закованными в доспехи всадниками. Они были известны и сарматам¹⁵, но вряд ли играли большую роль в вооружении их войска — в первую очередь конного.

Для первых веков нашей эры такие копия неизвестны, но потребность в них вряд ли могла прекратиться. В раннесредневековых могильниках Черноморского побережья Кавказа имеются наконечники с очень узким пером и двумя выступами при переходе в широкую и массивную втулку [217, стр. 93—94, рис. 23, 4]. Подобный наконечник обнаружен в погребении IV—V вв. н. э. в кургане № 28/2 Калиновского могильника (табл. XXVII, 7) [358, стр. 509, рис. 60, 9]. Еще один, найденный случайно, хранится в Саратовском музее (табл. XXVII, 8) [СОМК, инв. № 876]. Таким образом, и этот тип представлен как на Кавказе, так и в Поволжье.

Хотя между этими наконечниками и наконечниками копий с ланцетовидным пером существуют значительный хронологический разрыв и топологические отличия, функциональная близость их несомненна.

Наконечники копий «закавказского» типа имеют довольно узкое перо с прямыми, сходящимися к острию гранями. Перо резко переходит во втулку под тупым или почти прямым углом и имеет, таким образом, вид выгнутого треугольника. В сечении оно уплощенное или линзовидное, ребра не имеет. Длина пера составляет от $\frac{1}{2}$ до $\frac{2}{3}$ общей длины. В целом преобладают небольшие наконечники, не превышающие 30 см, хотя встречаются и более крупные.

Такие наконечники восходят к закавказским образцам доскифского времени [170, стр. 47—48, рис. 46, 8, табл. XVI; 220, стр. 192, рис. 6; 196, стр. 231, рис. 9]. На Северном Кавказе они появились еще в бронзовом веке и особенно распространились в раннем железном. Рано проникают они и в восточноевропейские степи. Четыре таких наконечника известны среди скифских древностей Северного Причерноморья [211, стр. 42, табл. 13, 7—9]. Они встречаются также у сарматов [292, стр. 71—72] и у носителей прохоровской культуры¹⁶ (табл. XXVII, 9). Подобные наконечники копий имелись у сарматов и в более позднее время.

¹⁵ Ак-Булак [292, стр. 73, рис. 41, 18].

¹⁶ Старица, курган № 4, кенотаф I [515, стр. 40].

Один из них был найден в язигском погребении в Чонград-Вендельшалом (табл. XXVII, 10), которое хорошо датируется II в. н. э. благодаря монете Антонина Пия [454, стр. 153, табл. XXX, 9].

На Кавказе традиции производства таких наконечников, вероятно, сохранялись без прерыва в течение многих столетий. Не исключено, что к ним генетически восходят наконечники копий, найденные в раннесредневековых могильниках: Ахачхархва [356, стр. 263, рис. 2, 4], Сопино [503, стр. 15, рис. 22], Агойском [217, стр. 94, рис. 23, 1—3] и Борисовском [275, стр. 126, табл. I, 26].

Подтоки копий известны лишь в савроматскую эпоху [292, стр. 71]. Встречаются они и в Прикубанье, но тоже только в раннее время¹⁷. В последние века до нашей эры они выходят из употребления, так как для длинных всаднических копий были бесполезны.

Размеры обычных сарматских копий точному определению не поддаются. Лишь по аналогии со скифскими, савроматскими, греческими и персидскими копьями можно предположить, что они вряд ли многим превышали 2 м. Длина копья из блюменфельдского кургана А-12 была немногим менее 2 м [292, стр. 71], скифских копий — 1,75—2,20 м [211, стр. 43]. Длина копья из среднесарматского погребения кургана № 7/11 у хут. Ляпичева, как уже упоминалось, предположительно достигала 2,5 м.

Определенное представление о трозном оружии катафрактариев — пиках — мы получаем по фрескам пантикапейских склепов I—II вв. н. э. [258, стр. 234, табл. LXXVIII, 1; LXXIX, LXXXVIII, LXIV, 1]. Сопоставление высоты всадника и длины копья говорит, что размеры последних достигали нескольких метров. Так, в склепе 1873 г. пика с огромным наконечником, которую держит всадник, имеет в длину 1,05 м, в то время как высота фигуры самого всадника достигает лишь 0,45 м. Пика на стеле Трифона не только занимает всю длину рельефа, но теряется за верхним углом рамки [258, стр. 330—331, табл. LXXXIV, 3; 106, стр. 56].

Владение таким оружием требовало определенных навыков. На боспорских росписях видно, что всадники держат пики обеими руками: левая, вытянутая, поддерживает

древко, согнутая в локте правая направляет удар. Но этого было недостаточно. Лошади катафрактариев стремян не имели, поэтому при сильном ударе всадник мог оказаться выброшенным из седла. Чтобы этого не случилось, торс всадников был повернут левым плечом вперед, а ноги согнуты в коленях [85, стр. 97].

Гелиодор [14, IX, 15] оставил интереснейшее описание того, как воины управлялись с подобной пикой: «Острые копья сильно выдаются вперед, само копьё ремнем прикреплено к шее коня; нижний его конец при помощи петли держится на крупе коня, в схватках копьё не поддается, но, помогая руке всадника, всего лишь направляющей удар, само напрягается и твердо упирается, нанося сильное ранение, и в своем стремительном натиске колет кого ни попало, одним ударом часто пронзая двоих».

Последствия таких ударов, очевидно, были достаточно знакомы жителям Боспора, если они отмечали их в своих эпитафиях. В одной из них говорится про покойника, который «лежит в земле боспорской, сраженный копьем» [425, II, 298], в другой сообщается про умершего, «наткнувшегося на страшное варварское копьё» [175, стр. 52].

Пики были на вооружении не только у сарматских катафрактариев, но и у иранских катафрактариев и клибанариев. Эти пики изображены на многочисленных рельефах, фресках и граффити¹⁸. Интересна деталь рельефа из Фирузабада, на которой изображен сын Арташира I—Шатур. Огромная пика пробила доспехи и глубоко вонзилась в тело противника, выбив его из седла.

На большинстве иранских изображений всадники держат пики так же, как на боспорских: вытянутая левая рука поддерживает древко, а правая направляет удар.

Представление о размерах иранских пик дают фрески Дура-Эвропоса, изображающие всадников, преследующих врагов (табл. XVI, 4), причем высота всадников равняется 29 см, длина копья — 42 см.

Такие пики были для своего времени чрезвычайно эффективным оружием. Не случайно римляне в III в. н. э. окончательно забрасывают свой национальный *pilum* и берут на вооружение кавалерии пики [382, стр. 471 и сл.; 363, стр. 209]. В качестве примера можно со-

¹⁸ См., например, рельефы из Никши-Рустама и Фирузабада [407, рис. 156, 163, 165, 219, 220], граффити из Дура [396, II, табл. XLII, 1; табл. XX, 3; 407, рис. 63], фрески из Дура [396, IV, табл. XVII, XVIII; 407, рис. 223].

¹⁷ См., например, курган № 16 ст. Воронежской ГИМ, инв. № 48478].

слаться на *ala Ulpia contariorum civium Romanorum*—римское конное формирование, которое уже во II в. н. э. сражалось с кладами длинными пиками [9, 35, 2].

Время появления длинного и тяжелого копья, которое всадник держал обеими руками и использовал только как ударное оружие, нельзя считать окончательно установленным. Ясно только, что оно должно было появиться раньше, чем сами катафрактары с их набором вооружения и тактическими приемами. Скифские всадники, равно как и греческие, использовали копья в конном бою и как ударное и как метательное оружие. Поэтому их копья были сравнительно легкими и короткими, и держали они их одной правой рукой [85, стр. 96]. У сарматов же, судя по массивным тяжелым наконечникам, известным с савроматского времени, рано появляются копья, предназначенные исключительно для нанесения сильного удара с коня [292, стр. 74]. Длина таких копий, согласно последним данным Астраханской экспедиции, достигала 3,4 м [359, стр. 87; 508, стр. 57]. Их должны были держать обеими руками.

О том, что такой прием появился задолго до того, как эволюция военного искусства вызвала к жизни катафрактары, свидетельствуют и рельефы на хорезмийских сосудах IV—III вв. до н. э. [326, табл. 82, 1; 328, рис. 72]. Посадка всадника и манера держать копье на них совершенно такие же, как у катафрактариев боспорских склепов. В среднеазиатских и казахстанских погребениях последних веков до нашей эры — первых веков нашей эры наконечники копий неизвестны. Однако хорезмийские изображения говорят о том, что, как и у сарматов, это грозное оружие будущих катафрактариев появляется значительно раньше, чем о нем упоминают греческие и римские писатели.

Дротики

Дротики получили довольно значительное распространение в Скифии, особенно лесостепной, Подонье и на Кубани. Они имеют длинную втулку и короткое треугольное жало с двумя шипами. У сарматов этот вид оружия находят крайне редко.

Для савроматского времени известен всего один экземпляр¹⁹, для прохоровского — два²⁰.

¹⁹ Случайная находка у с. Лабовки [292, стр. 74]. Дротики у савроматов отмечает Лукриан Самосатский [29, 40].

²⁰ Старица, курган № 4, кенотаф 1 [515, стр. 40].

Позднее они не встречаются. Как метательные могли использоваться копья с маленькими наконечниками, которые иногда обнаруживают в прикубанских курганах²¹, но в целом сарматские копья предназначались прежде всего для нанесения удара с коня.

В качестве единичной находки можно отметить римский пехотный дротик — *pilum*, найденный в Воздвиженском кургане (табл. XXIII, 1). Его, быть может, следует связывать с закавказскими походами сарматов или с третьей Митридатовой войной (74—64 гг. до н. э.), в которой сарматы выступили на стороне Митридата [303, стр. 20].

Арканы

Этот вид оружия в сарматских погребениях, естественно, не сохранился. А между тем арканы довольно часто упоминаются в письменных источниках и, видимо, играли некоторую роль в сарматском вооружении.

Об аркане сообщает Иосиф Флавий [56, VII, 7, 4], описывая аланский набег в Закавказье в 68 г. н. э.: «Царем Армении был Тиридат, который, выйдя к ним навстречу и дав битву, едва не попался живым в плен во время самого боя; именно некто издала набросил ему на шею аркан и готовился уже притянуть его, если бы он не успел убежать, перерубив мечом веревку».

Этот же эпизод описан Амвросием, автором IV в. н. э.: «Царь Армении Тиридат... во время сражения он чуть было не попал от заброшенной петли во власть врагов, если бы не разрубил проворно преострым мечом безобразного узла. Ибо аланы искусны, и у них в обычае накинуть петлю и опутать врага» [2, V, 1].

Сарматские арканы отмечает Павсаний: «На попавшихся им врагов они накидывают арканы и затем, повернув лошадей, опрокидывают попавшихся в арканы» [32, I, 21, 5]. Помпоний Мела сообщает, что этим оружием пользуются и женщины, которые «накидывают на врагов арканы и умерщвляют их затягиванием...» [43, I, 21, 5].

Арканы применяли и другие кочевники евразийских степей. По сообщению Аммиана Марцеллина, гунны «набрасывают крепко свитые арканы для того, чтобы, опутав члены противников, отнять у них возможность усидеть на коне или уйти пешком» [3, XXXI, 2,

²¹ Например, миниатюрный наконечник из кургана № 41 ст. Усть-Лабинской, длиной едва достигший 12 см [ГЭ, инв. 2239/104].

7—9]. Л. Н. Гумилев даже считает их чуть ли не главным гуннским оружием [122, стр. 247].

Сообщение Аммиана Марцеллина подтверждает находка в гуннском погребении в Ильмовой пади костяного блока, вероятно, от аркана [ГЭ, инв. № 1354/125]. Аналогичный блок, но из камня, был найден в Кудэргинском могильнике. Он был привязан к поясу погребенного [105, стр. 31, табл. XVII, 3].

Употреблялись арканы и парфянами²². Но, конечно, и у сарматов, и у гуннов, и у парфян они могли иметь только вспомогательное значение.

²² [472, стр. 119.] Приспособление для крепления аркана имеется на катафракте лошади, найденной в Дугра-Эвропосе [396, VI, стр. 449].

Топоры и секиры

Топоры и секиры как боевое оружие сарматами почти не применялись. Скифы и племена лесостепи пользовались ими несколько чаще, но и у них они играли второстепенную роль [211, стр. 65—66].

Секира была найдена лишь однажды в кургане № 46 Сусловского могильника (табл. XXIII, 2) [270, стр. 11, 43, рис. 14] и при этом скорее всего служила символом власти. Дважды встречены топоры в погребении II в. до н. э. из кургана № 2/4 Мечетсайского могильника [509, стр. 79] и в позднесарматском погребении из кургана у с. Олонешты [213, стр. 206]. Нет уверенности, что эти топоры боевые. Они могли иметь и хозяйственное назначение.

V

ГЛАВА

ОБОРОНИТЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ

Ранние сарматские металлические панцири

Панцири савроматского и прохоровского времени нам известны очень плохо. Несколько железных чешуек найдено вместе с бронзовыми наконечниками стрел V в. до н. э. в с. Ковыловке близ Аткарска (табл. XXVIII, 1) [292, стр. 75, рис. 42, 3].

К V в. до н. э., судя по наконечникам стрел, надо относить и 10 бронзовых чешуек, обнаруженных П. С. Рыковым у с. Тонкошуровка (табл. XXVIII, 2) [СОМК, инв. № 678].

Савроматским временем датируется и панцирь из кургана № 1/1 Никольского могильника. Среди его чешуек выделяются два вида: мелкие, размером $2 \times 1,7$ см, прямоугольной формы с округлыми углами и длинные, прямоугольные, размером $4,5 \times 1,5$ см [508, стр. 6].

Обломки железного панциря происходят из раннепрохоровского погребения IV в. до н. э. кургана № 1/5 у 15 поселка (табл. XXVIII, 3, 12) [513, стр. 76].

Бронзовые чешуйки прямоугольной формы были встречены в засыпи разграбленного погребения в кургане № F 11 у с. Усатово [280, стр. 86].

К III—II вв. до н. э. принадлежит железный чешуйчатый панцирь из кургана № 7/6 у с. Верхне-Погромное (табл. XXVIII, 4, 5) [512, стр. 35].

Цельнометаллический панцирь, состоящий из передней и задней половин, был найден в первом прохоровском кургане [260, стр. 12—14]. Он явно импортного происхождения.

Эти немногочисленные находки дают лишь самое общее представление о раннесарматских панцирях. Как и панцири скифов и меотов, они были чешуйчатыми, т. е. состояли из большого числа чешуек, прикрепленных к подкладке из

кожи или ткани. Чешуйки располагались горизонтальными рядами, перекрывая одна другую. В свою очередь верхний ряд частично перекрывал нижний.

Железные, реже бронзовые чешуйки прямоугольной формы, со слегка скругленной нижней частью. Размеры их колеблются от $2—2,2 \times 1,5$ см (Ковыловка) до 6×5 см (Верхне-Погромное), что соответствует размерам чешуек скифских панцирей [211, стр. 71]. В верхней части имеется несколько отверстий для прикрепления к подкладке. Их количество и взаимное расположение варьируют. Известны чешуйки с тремя горизонтально расположенными отверстиями (Тонкошуровка) — это особенно характерно для скифских панцирей. У других четыре отверстия расположены парно в верхних углах (15 поселок, курган № 1/5).

Между собой чешуйки соединялись только по горизонтали. Это делало доспех достаточно гибким и подвижным. Для более жесткого крепления, которое требовалось в отдельных частях панциря, например на рукавах, в нижней или средней части чешуек пробивались дополнительные отверстия (Тонкошуровка).

Устройство скифских чешуйчатых панцирей подробно прослежено Е. В. Черненко [350, стр. 77—103; 352, стр. 7—56]. Раннесарматские, очевидно, были такими же, разве что чуть попроще.

Чешуйчатые панцири наибольшее распространение получили в I тысячелетии до н. э. Поскольку их история, как и ранняя история металлического доспеха вообще, изучена еще очень плохо, следует остановиться на этом вопросе несколько подробнее. Это будет необходимо и для выявления происхождения катафрактариев, о чем будет идти речь в следующей главе.

Ранняя история металлического доспеха

В литературе, посвященной металлическим доспехам, выделяют несколько типов панцирей. Чешуйчатый панцирь¹ состоит из большого количества прикрепленных к подкладке чешуек, частично перекрывающих друг друга. Пластинчатый панцирь² — из отдельных металлических пластин, прикрепленных к подкладке. Пластинчато-наборный панцирь³ изготовлен из соединенных друг с другом металлических пластин и в подкладке не нуждается.

Главным отличием чешуйчатого панциря от пластинчатого является то, что пластины последнего, обычно более крупные, чем чешуйки, не перекрывают друг друга, а жестко прикреплены к подкладке. Главной особенностью пластинчато-наборного панциря является отсутствие подкладки. Составляющие его пластины имеют большое количество отверстий, через которые ремнями или проволокой соединяются в горизонтальные и вертикальные ряды.

Каждый из этих типов панцирей имеет свои достоинства и недостатки. Чешуйчатый обеспечивает надежную защиту и вместе с тем достаточно гибок, но очень тяжелый. Пластинчатый легкий и надежный, но недостаточно гибок. Пластинчато-наборный легкий, но хуже, чем другие панцири, защищает от оружия ближнего боя.

Еще один тип панцирей — кираса, цельнолитая или изготовленная из отдельных частей для спины и груди, — делался более или менее по форме тела.

В свою очередь кольчатые доспехи подразделяются на два основных типа: собственно кольчугу⁴ и кольчатый доспех⁵, состоящий из крупных металлических колец, закрепленных на подкладке. Последний в чистом виде почти не встречался и применялся главным образом для защиты рук или ног, в качестве наручей и поножей.

Все эти типы металлических доспехов бытовали порознь. Но отдельные элементы и части их могли сочетаться и комбинироваться в одном доспехе.

Первые примитивные доспехи из кожи или кости появились независимо друг от друга у

различных народов начиная с неолитического времени. Однако история металлических панцирей начинается на Переднем Востоке в III тысячелетии до н. э.

Древнейшие металлические доспехи изображены на штандарте Ура и панели храма Иштар в Мари (середина III тысячелетия) [133, стр. 178—179; 498, стр. 269—273, табл. 92; 459, стр. 97—99, рис. 303, 305; 500, стр. 49, рис. на стр. 132—133, 138—139] и представляли собой безрукавный плащ, усыпанный круглыми металлическими пластинками. Они защищали в основном от стрел, но предоставляли известную защиту и от копья или дротика. В Месопотамии такие доспехи быстро выходят из употребления. Однако они очень долго бытуют в Закавказье, причем традиция их изготовления прослеживается непрерывно с конца III тысячелетия до н. э. по V в. до н. э. [140, стр. 200—202, рис. 2; 141, стр. 232; 221, стр. 68—71; 348, стр. 60—61, рис. 9; 201, стр. 121; 352, стр. 124—126].

Относительно последующего развития металлических доспехов на Переднем Востоке нам ничего не известно в течение почти тысячелетия. Ясно только, что оно не прекращалось, потому что к середине II тысячелетия мы застаем в Египте, Сирии, Палестине и Месопотамии вполне сформировавшиеся типы панцирей, безусловно развившихся из «прото-панцирей» предшествующего времени. Большинство археологического и иконографического материала этого времени происходит из Египта и Сирии.

В летописи Тутмоса III (конец XVI — начало XV в. до н. э.) сообщается, что в битве у Мегиддо были захвачены в качестве военного трофея «одна добротная бронзовая броня того врага, одна добротная бронзовая броня владельца Мегиддо, двести... броней его жалкого войска» [349, стр. 87; см. также: 500, стр. 84]. Изображение панциря, состоявшего приблизительно из 450 пластин, имеется на фресках гробницы Кенамона — крупного сановника Аменхотепа II (XV в. до н. э.) (табл. XXXII, 1) [497, стр. 163, табл. XXIX; 485, стр. и рис. 197], а во дворце Аменхотепа III в Фивах (XV в. до н. э.) найдены бронзовые пластины (табл. XXXII, 2) [389, табл. XVI; 500, стр. и рис. 197]. Панцирные пластины обнаружены также в Мегиддо, в слоях XV—XII вв. до н. э. [445, табл. 177, рис. 68].

Такие панцири представляли собой длинную прямую рубаху с короткими рукавами и высоким стоячим воротником. Крупные овальные пластины книзу немного расширялись; верхний край их был округлым, нижний — за-

¹ Англ. scale armour, нем. Schuppenpanzer, лат. lorica squamata.

² Англ. plate armour, нем. Spangenharnisch, или Schienenpanzer, лат. lorica segmentata.

³ Англ. splint armour, нем. Schuppenpanzer.

⁴ Англ. chain mail от франц. maille (лат. macula), лат. lorica hamata.

⁵ Англ. ring mail,

остренными. Каждая из них имела значительное число отверстий, при помощи которых прикреплялась к подкладке (остатки ее сохранились на одной из пластин, происходящих из дворца Аменхотепа III). Сами панцири были пластинчатыми: лишь заостренные концы пластин верхнего ряда слегка перекрывают нижний.

Такие панцири носят воины Сирии и Палестины на рельефе с колесницы Тутмоса IV (XV в. до н. э.) [459, стр. 103, рис. 314—315; 500, стр. и рис. 192—193, 196]. Здесь хорошо показано одно из уязвимых мест подобных панцирей: стрела пробила доспех ханаанского водителя колесницы в месте соединения рукава с рубахой и вынудила его повернуть колесницу (табл. XXXII, 3) ⁶.

Остатки панциря XV в. до н. э. найдены в Нузи (Месопотамия) [459, стр. 49, рис. 161; 500, стр. 85, стр. и рис. 196]. Он несколько отличается от египетско-ханаанских — пластины, по форме приближающиеся к чешуйкам с прямым верхним краем и округлым нижним, перекрывают друг друга и в вертикальных и в горизонтальных рядах (табл. XXXII, 4). Размеры чешуек варьировали соответственно их положению в доспехе. Наиболее мелкие равнялись $6,4 \times 3,6$ см, средние — $10,1 \times 4,5$ см, самые крупные — $11,8 \times 6,3$ см. В целом чешуйки были значительно более крупными, чем в последующее время. Доспех из Нузи является, таким образом, наиболее ранним из дошедших до нас архаических типов чешуйчатых панцирей.

Все эти материалы указывают на то, что к середине II тысячелетия до н. э. в Месопотамии, Сирии, Палестине и Египте были уже известны различные типы металлических панцирей. Из них наибольшее распространение получили пластинчатые. Какая из указанных областей внесла наибольший вклад в их создание и совершенствование, в настоящее время решить трудно. Большинство материала, относящегося ко II тысячелетию до н. э., происходит из Египта и Сирии, однако надо помнить, что месопотамское вооружение и военное искусство, по крайней мере до середины II тысячелетия до н. э., несколько опережали египетское. Поэтому мнение Бонна, с которым солидаризовался Е. В. Черненко, что честь изобретения и распространения панциря

принадлежит Египту [374, стр. 212; см. также: 352, стр. 134], представляется по-прежнему недоказанным.

Во второй половине II тысячелетия до н. э. металлический доспех прочно входит в арсенал армий Переднего Востока, более того, распространяется за его пределами ⁷. В целом продолжается традиция предшествующих эпох в изготовлении панцирей, но ведутся поиски, наиболее удобного типа — максимально легкого и гибкого и вместе с тем достаточно надежного. Это было необходимо уже потому, что в передневозточных армиях этого времени усиливается роль наступательного оружия ближнего радиуса действия.

Если на стенах гробницы Рамзеса II (XIII в. до н. э.) видны такие же панцири, как и на гробнице Кенамона [351, стр. 139, рис. 6], то на рельефах, изображающих битву при Кадеше, и сам фараон, и его противники — хетты — изображены в доспехах из мелких квадратных металлических пластин (табл. XXXII, 6) [500, стр. 85, стр. и рис. 240—241]. Очевидно, длинный доспех из крупных пластин был слишком тяжелым и предпринимались попытки облегчить его.

В это же время, во второй половине II тысячелетия до н. э., окончательно расходятся пути развития металлического доспеха на Переднем Востоке и в Средиземноморье. Страны Средиземноморья, прежде всего Греция и острова, стали родиной кирасы. В микенском некрополе в Дендрах были найдены металлические доспехи, состоящие из отдельных крупных пластин [365, рис. на стр. 255, 387, стр. 671 и сл., рис. 1—2; 388, стр. 747—748, рис. 4]. Похожие доспехи носят воины «народов моря», очевидно филистимляне, изображенные сражающимися с египтянами на рельефе в МедINET-Набу [500, стр. 251, рис. на стр. 340—341]. Сходные доспехи упоминаются в «Илиаде». В начале I тысячелетия до н. э. усовершенствование подобного доспеха привело к появлению состоящей из двух сплошных частей кирасы, как это видно по находкам в некрополе Аргоса (VIII в. до н. э.) [351, стр. 133; 352, стр. 129—130].

На Переднем Востоке начало I тысячелетия до н. э. ознаменовалось появлением уже вполне сформировавшегося чешуйчатого панциря. Древнейшим известным нам экземпляром такого доспеха является панцирь фараона Шешонка (X в. до н. э.) [369, стр. 735; 496,

⁶ Ср. с Библией: «А один человек случайно нагнул лук и ранил царя израильского сквозь сочленения панциря. И сказал он своему вознице: поворачоти назад и выведи меня из войска, ибо я ранен» [11, 22, 35]. Канонический русский перевод («сквозь швы лат») неточен.

⁷ См., например, пластинчатый панцирь, изображенный на доске для игры из слоновой кости из Энкоми на Кипре (около 1200 г. до н. э.) [450, стр. 12—13, рис. 19, табл. I; 500 рис. на стр. 338] (табл. XXXII, 5).

стр. 368, рис. 324; 500, стр. и рис. 354]. Мелкие бронзовые чешуйки с округлым нижним краем имели всего по два отверстия в верхних углах — одно под другим. Через эти отверстия чешуйки крепились на кожаной основе в горизонтальные ряды, так что верхний ряд частично перекрывал нижний (табл. XXVIII, 13; XXXII, 7).

Поиски наиболее удобного типа металлического доспеха шли в различных направлениях. Одно из них привело к появлению пластинчато-наборных панцирей, появившихся, вероятно, в конце II тысячелетия или в начале I тысячелетия до н. э. Эти лишенные подкладки панцири имели весьма сложную систему набора, а их пластины — множество отверстий, через которые соединялись друг с другом. О происхождении пластинчато-наборных панцирей ничего определенного сказать нельзя, помимо того, что и они впервые зародились на Переднем Востоке. Во всяком случае, мнение Б. Тордемана и В. В. Антроповой, что они появились в Центральной Азии значительно позднее чешуйчатых, неправильно [492, стр. 143 и сл.; 63, стр. 215—220].

Из дошедших до нас немногочисленных экземпляров подобных панцирей, безусловно, лучший принадлежал урартскому царю Аргишти (вторая четверть VIII в. до н. э.). Набор состоял из бронзовых пластин девяти различных видов и размеров, украшенных точечным орнаментом в виде розеток [247, стр. 32, 35, рис. 23]. Такой же панцирь найден в районе Севана [140, стр. 203]. В середине пластин имелась небольшая выпуклина подпрямоугольной формы, очевидно для удобства набора. Другой схожий панцирь происходит с Кипра (табл. XXXIII, 1) [500, рис. на стр. 14]. Наконец, на поселении Тель-Рифаат в Сирии, в ассирийско-арамейском слое IX—VII вв. до н. э., найдены панцирные пластины, почти тождественные севанским [481, стр. 79, табл. XLI, 7].

Пластинчато-наборные панцири не получили широкого распространения. Их главное достоинство — легкость — не окупало большие недостатки, в первую очередь уязвимость. На Переднем Востоке они быстро выходят из употребления.

И все же чешуйчатые панцири победили далеко не сразу. В ассирийской армии начала I тысячелетия до н. э., наиболее передовой в военном отношении, по-прежнему господствуют пластинчатые панцири. На рельефах дворца Ашшурназирпала II (884—859 гг.) в Кальху (совр. городище Нимруд) воины защищены длинным, до пят, пластинчатым доспехом с

короткими рукавами. Пластины довольно странной формы: верхняя часть округлая, нижняя — прямая. Нижняя часть лица воинов, под шлемом, прикрыта такой же пластинчатой броней (табл. XXXIII, 2) [500, стр. и рис. 388—389].

Сходные панцири изображены на Балаватских воротах Салманасара III (859—825 гг.). Различие лишь в том, что пластины крупные, прямоугольной формы, а сам панцирь подпоясан широким поясом (табл. XXXIII, 4) [431, табл. L, LVI; 370, табл. 140, 162; 500, стр. и рис. 398—401].

У ассирийцев IX—первой половины VIII в. до н. э. такие панцири имелись не только на вооружении воинов, сражавшихся на колесницах, но и пехотинцев, преимущественно лучников. Тяжелая пехота становится главной силой ассирийского войска.

Подобные панцири бытуют и в Сирии, судя по рельефу из Сакче-Гезу IX—VIII вв. до н. э. [404, табл. XXXIX; 403, стр. 262—263, табл. XLVI; 423, табл. XLVI; 381, табл. XIV].

Но длинные пластинчатые панцири были непригодны как массовый вид оружия. Дело не только в их дороговизне, сложности изготовления, наконец, сравнительной несоввершенности. Они ограничивали подвижность и маневренность пехоты, и этот их недостаток оказался решающим. Ассирийцы столкнулись с противоречием, часто встречавшимся в истории военного искусства, — необходимо было усилить защитное вооружение и непригодностью имеющихся для этой цели средств.

Однако ассирийцам повезло. К этому времени на Переднем Востоке уже был известен короткий чешуйчатый панцирь — достаточно гибкий и не сковывающий движения. Оставалось только принять его на вооружение, что ассирийцы и сделали во второй половине VIII—VII вв. до н. э.

Впрочем, пластинчатый доспех полностью из употребления не вышел, но претерпел некоторые изменения — стал коротким, едва достигающим до пояса. Такие панцири, пластинчатые и чешуйчатые, — иконографический материал не всегда дает возможность их различить — видны на рельефах дворцов Тиглатпаласара III (745—727 гг. до н. э.) в Кальху [483, табл. VII, XVIII; 370, табл. XXXVII—XL; 371, табл. XXXVII—L], Саргона II (722—705 гг. до н. э.) в Дур-Шаррукине (совр. Хорсабад) [402, стр. 165, табл. 15; стр. 166, табл. 16; стр. 178, табл. 18; 483, табл. XXXIX, LVIII] и Синахериба (705—680 гг. до н. э.) в Ниневии (совр. Куюнджик) [375, I, табл. 55; II, табл. 86, 99, 145; 456,

стр. 282, рис. 115; 394, стр. 35—40; 500, рис. на стр. 418—419; 424—425]. Все же чешуйчатые панцири с короткими рукавами, укрепленными металлическими пластинками (табл. XXXIII, 3), почти на тысячелетие стали господствующими на Востоке.

Короткий панцирь, принятый на вооружение в ассирийской армии во второй половине VIII в. до н. э., оказался пригодным не только для пехоты, но и для конницы. Еще в IX—VIII вв. до н. э. конница отнюдь не была ведущим родом войска в ассирийской армии, и в значительной мере это объясняется тем, что всадник не умел полностью контролировать лошадь [500, стр. 286—287, 297]. Только в VII в. до н. э., вероятно под влиянием киммерийцев и скифов, намечается прогресс и всадники уже выступают самостоятельными подразделениями с особыми задачами в бою. В том же, VII в. до н. э. впервые появляется тяжелая панцирная конница, судя по рельефам с дворцов Синахериба и Ашшурбанипала (668—626 гг. до н. э.) в Ниневии [402, стр. 195, 204, табл. 44; 483, табл. XVIII; 370, стр. 100 и сл., табл. 114; 500, рис. на стр. 443, 450, 452].

В ахеменидском Иране чешуйчатый панцирь с самого начала был господствующим типом металлического доспеха. Флиндерс Петри полагает, что именно персидским завоевателям принадлежали многочисленные бронзовые и железные панцирные чешуйки, найденные в Мемфисе, Дафни и Хорсабаде [401, стр. 38, табл. XLII, XLIII]. Панцирные чешуйки и пластины из железа и бронзы, иногда даже обтянутые золотом⁸, обнаружены в персепольской сокровищнице [480, стр. 44, рис. 27; 478, стр. 172, 174, 185—186, 207—208, 211; 479, стр. 97—100, табл. 77] (табл. XXVIII, 15). О персидских и мидийских панцирях «из железных чешуек, наподобие рыбьей чешуи», сообщает Геродот.

Однако и в ахеменидское время пластинчатый доспех полностью не вышел из употребления. Двухчастный панцирь из крупных бронзовых пластин был найден в Гордионе [501, стр. 257].

Скифы, безусловно, познакомились с металлическими доспехами во время своих походов на Передний Восток. Об этом говорят материалы Кармир-Блура, где было найдено большое количество бронзовых и железных панцирных чешуек с тремя горизонтально расположенными отверстиями в верхней части [247,

стр. 36, рис. 2] (табл. XXVIII, 14), т. е. таких же, как более поздние скифские. У себя на родине скифы смогли наладить собственное производство чешуйчатых панцирей [112, стр. 132; 350, стр. 103].

В ранней истории металлических доспехов на территории Средней Азии пока еще много неясного. Наиболее ранней находкой является комбинированный панцирь IV—III вв. до н. э. с городища Чирик-Рабат (табл. XXIX, 1—3) [327, стр. 148, 150, рис. 82], представляющий собой сочетание чешуйчатого и пластинчатого доспехов. Обломки комбинированных панцирей, найденные в Старой Нисе, относятся к гораздо более позднему времени [252, стр. 33—34, рис. 2]. Пластинчатый панцирь изображен на некоторых скульптурах из Халчаяна [253, стр. 212—213, рис. 98].

В то же время металлический доспех упоминается уже в Авесте [424, стр. 118; 181, стр. 42]. Геродот [15, VII, 62] отмечает наличие у тирканцев чешуйчатого панциря. О массагетских панцирях сообщает Страбон [48, XI, 8, 6]. Арриан [7, III, 13, 4; IV, 4, 4] и Курций Руф [26, IV, 9, 3] пишут о металлических доспехах саков и массагетов во время похода Александра.

Распространению доспехов в Средней Азии могли способствовать контакты как со скифами и другими степными кочевниками, так и с ахеменидским Ираном.

На востоке евразийских степей металлические доспехи распространились позднее, чем на западе. У гуннов они вошли в употребление, согласно письменным источникам и археологическим материалам, лишь в последние века нашей эры (табл. XXVIII, 16). Китайский историк Сыма Цян писал, что гунны одеты в металлические доспехи [83, стр. 40]. В Китае металлические доспехи распространяются еще позднее. Только в эпоху ранних Хань отмечаются первые панцири с медными чешуйками листовидной формы. В I в. н. э. появляются железные панцири, а сами чешуйки становятся прямоугольными [436, стр. 214, 266, 269].

Чешуйчатые панцири на Востоке господствуют почти до рубежа эр, но и в первые века нашей эры встречаются еще очень часто.

Панцирные чешуйки найдены при раскопках Дура-Эвропоса [396, VI, стр. 73]. В правом верхнем углу они имели четыре отверстия для прикрепления к подкладке и два посредине длинных сторон для соединения друг с другом. Размеры чешуек колебались от 2,3×1,5 см до 9×5,4 см. Самые мелкие изготовлены из бронзы, остальные — из железа.

⁸ Ср. с золотым чешуйчатым панцирем сатрапа Бактрии Масистия [15, IX, 22].

Крупные чешуйки использовались для защиты наиболее уязвимых мест, мелкие, бронзовые, применялись там, где важнее всего была свобода движения, а опасность поражения меньшей.

В иконографическом материале парфянский чешуйчатый доспех представлен двумя главными разновидностями: длинным, до колен, панцирем с рукавами⁹ и коротким безрукавным доспехом, доходящим до пояса или опускающимся немного ниже его. Обычно он сочетается с отдельными покрытиями для оставшихся незащищенными частей тела. Подобный доспех представлен на граффити из Дура-Эвропоса [см.: 396, IV, табл. XXI, 3; XXII, 2; 407, рис. 64].

Наряду с чешуйчатым панцирем по-прежнему встречается пластинчатый, который на Востоке, вероятно, никогда полностью и не исчезал. Детальное изображение таких панцирей видно на рельефе пальмирских богов, хранящемся в Лувре [407, рис. 10, 84]. Они состоят из отдельных рядов прямоугольных пластин, не соединенных и даже не соприкасающихся друг с другом. Из таких же пластин изготовлено и оплечье, по внешнему виду напоминающее оплечье панциря с солохского гробня.

Однако наибольшее распространение в парфянное время получили комбинированные доспехи, в которых сочетались элементы различных типов панцирей. Они хорошо прослеживаются на граффити из Дура-Эвропоса¹⁰. Эти доспехи состоят из нескольких частей (табл. XXIX, 4). Грудь покрыта чешуйчатым панцирем, середина тела — продолговатыми пластинками, не перекрывающими друг друга, а нижняя часть доспеха иногда снова состоит из нескольких рядов чешуек. Рукава бывают чешуйчатые или имеют наручи из широких параллельных металлических колец. Из таких же колец состоит и ножной доспех. Эти кольца-полосы для защиты рук и ног могли быть и кожаными. Таковы были доспехи иранских катафрактариев.

Вероятно, в парфянскую эпоху уже применяются и кольчуги, первоначально как элемент комбинированного доспеха. Но бесспорных изображений их мы пока не имеем. Можно лишь предположить, что на некоторых граффити из Дура-Эвропоса грудь и руки всадников прикрывает не чешуйчатый доспех, а кольчуга.

⁹ Такой панцирь хорошо виден у всадника, охотящегося на льва, с терракоты из Британского музея (табл. XXIX, 5) [407, рис. 122; 396, IV, табл. XXII, 1].

¹⁰ См., например: 396, IV, табл. XXI, 3; XXII, 2; 407, рис. 64.

Время и место появления кольчужных доспехов нельзя считать установленным, хотя наиболее вероятно, что родиной их был Иран или эллинистический Восток. Достоверные изображения кольчуг мы встречаем на сасанидских рельефах. Особенно интересны рельефы из Накш-и-Рустама и Фирузабада [477, стр. 74, 83], на которых кольчуга наблюдается наряду с другими типами металлических доспехов. На рельефах из Таг-и-Бустама видна кольчуга, доходящая до колен всадника [477, стр. 203, см. также стр. 249].

Употреблялась ли в это время кольчуга как деталь комбинированного доспеха, сказать трудно. На рельефах она обычно прикрыта кожаной безрукавкой [см., например: 407, рис. 163—165]. Грудь под ней в принципе могла защищаться не только кольчугой, но и металлическими пластинами или чешуйками.

Доспехи парфянского и сасанидского Ирана оказали определенное влияние на защитное вооружение других народов, в частности римлян. На вооружении войск императорского времени находились различные типы чешуйчатых и пластинчатых панцирей [475, IV, 2, стр. 1314 и сл.; 415, XIII, стр. 1444], в том числе и близкие к иранским. Панцирные чешуйки довольно часто встречаются среди многочисленных и территориально разбросанных находок оружия в римских провинциях (табл. XXIX, 6) [492, стр. 133, рис. 8—25].

Комбинированные доспехи распространяются в первые века нашей эры и на востоке евразийских степей, в Монголии и Китае. Особенно популярны там были различные комбинации пластинчатого и пластинчато-наборного доспеха. Об этом свидетельствуют найденные в Монголии железные пластины от гуннских панцирей с большим количеством отверстий. Они датируются началом нашей эры [492, стр. 137, рис. 23]. Пластинчато-наборный панцирь китайцев изображен на глиняных статуэтках династии Вэй (220—265 гг. н. э.) [492, стр. 138].

В эпоху великого переселения народов чешуйчатые панцири постепенно выходят из употребления, но комбинированные продолжают встречаться наряду с кольчугами. Чешуйки от пластинчатого или, скорее, пластинчато-наборного панциря были обнаружены в случайно разрытом кургане в урочище Кутр-тас бывшего Кустанайского уезда (табл. XXX, 13)¹¹.

¹¹ [249] В. П. Шилов необоснованно сближает с ним остатки панциря из кургана № 55/14 Калиновского могильника [358, стр. 462]. На самом деле между обоими доспехами существует большой типологический и хронологический разрыв.

К ним близки пластины от двух пластинчатонаборных панцирей, найденных в Керчи, в одном погребении с монетой императора Льва (457—473 гг. н. э.) [368, стр. 49 и сл.]. На пластинах сохранились остатки ремней, которыми они были скреплены.

В одном и том же доспехе по-прежнему могли сочетаться пластинчатые и кольчатые части. Об этом можно судить по материалам из аварского погребения VI в. н. э. в Бачуйфалу, в Венгрии [385, табл. XXXV, 1—3]. Однако в целом в средние века в истории оборонительного доспеха начинается новая глава.

Ранние образцы чешуйчатых панцирей сарматы вероятнее всего получили от скифов. Тот факт, что металлический доспех в савроматскую и прохоровскую эпохи встречается редко, можно объяснить сравнительной слабостью производственной базы. Необходимость завозить доспехи делала их особенно дорогими.

Сарматские кожаные и костяные панцири

Небольшое количество металлических панцирей, обнаруженных в савроматских и прохоровских погребениях, заставляет предполагать наличие оборонительных доспехов из более дешевых материалов. Ими могли быть кожа и кость. Это подтверждают античные авторы. Страбон [48, VII, 3, 17] сообщает о шлемах и панцирях роксоланов, изготовленных из сырой воловьей кожи. Павсаний [32, I, 21, 6] описывает сарматский панцирь из пластин, нарезанных из лошадиных копыт и расположенных наподобие змеиной чешуи или сосновой шишки. Аммиан Марцеллин [3, XVII, 12] упоминает о сарматском панцире из маленьких чешуек полированного рога, прикрепленных к плотной подкладке, как оперение птицы.

Кожаные панцири были широко распространены у самых различных народов. Как и костяными, ими не пренебрегали даже римляне [54, IV, 9; см. также: 376, стр. 455] и парфяне [38, XVIII, XXV]. В Монголии и Маньчжурии они употреблялись еще в XIX в. Относительная дешевизна делала этот вид оборонительного доспеха доступным рядовым воинам. Вместе с тем он был достаточно эффективным, особенно при борьбе с легковооруженным противником: защищал от стрел, мог в какой-то степени ослабить удар меча и копья и т. д. Особенно надежны были панцири, изготовленные из нескольких слоев кожи. Такие панцири были у монголов, как это явствует из описания Марко Поло [200, стр. 63].

Кожаные панцири имели и скифы. Наиболее уязвимые части их они укрепляли иногда металлическими пластинами. Такой панцирь, найденный в мавзолее Неаполя скифского, представлял собой куртку без рукавов с разрезом спереди. На грудной части были прикреплены две железные позолоченные пластины [248, стр. 120; 353, стр. 148, рис. 4]. По времени (рубеж II—I вв. до н. э.) этот панцирь соответствует сарматским, описанным Страбоном, и последние, возможно, походили на него.

Сарматы могли изготавливать также в подражание металлическим панцири из кожаных чешуек. Такие панцири обнаружены в Дура-Эвропосе [376, стр. 450 и сл., табл. XXIII]. Кожаные чешуйчатые панцири известны также в Китае и Восточном Туркестане [488, I, стр. 462—465; IV, табл. I].

Другим материалом, шедшим на изготовление сарматских панцирей, могла быть кость. Возможно, именно к таким панцирям относятся не совсем ясные сообщения Павсания и Аммиана Марцеллина¹².

Широкое распространение костяных панцирей устанавливается данными этнографии. До недавнего времени их употребляли чукчи¹³, эскимосы Аляски и североамериканские индейцы [422, стр. 632, и сл.]. В Сибири древнейшие костяные доспехи относятся ко II тысячелетию до н. э. [241, стр. 248—254, рис. 118—120]. В Западной Сибири доспехи из костяных чешуек, по форме близких к металлическим, известны с I тысячелетия до н. э. вплоть до позднего средневековья [226, стр. 91—101, табл. 11, 8—9; 225, стр. 34—35; 418, рис. 90, 92, 94]. Возможно, для оборонительного доспеха предназначались костяные пластины, найденные О. Н. Бадером на селище Скородум в Прикамье (IV—III вв. до н. э.) [76, стр. 51, рис. 15, 11—15].

Несколько раз костяные чешуйки от панциря, копирующие металлические, встречались в курганах скифского времени на Днепровском Левобережье [211, стр. 72; 350, стр. 84]. Доспех, составленный из таких пластин, имел вид чешуйчатого панциря. Вероятно, такими же были и костяные панцири сарматов.

¹² Этнографии известны и примеры роговых панцирей, хотя они никогда не получали широкого распространения. Так, известен тлинкитский панцирь из маленьких кусочков оленьего рога, прикрепленных к лосиной шкуре на манер чешуйчатого. С островов Сулу (Филиппины) происходит панцирь из бычьего рога. О панцирях, изготовленных из рога, упоминается в китайских источниках [см.: 436, стр. 191—192].

¹³ Такой панцирь хранится в МАЭ, инв. № 4859—14.

Сарматские еталлические панцири I в. до н. э. — IV в. н. э.

Хотя данные письменных источников не оставляют сомнений в том, что знатные сарматские воины сусловского и шиповского времени имели металлические доспехи [см.: 51, I, 79], в погребениях Поволжья и Украины они почти совершенно не встречаются.

Это может объясняться несколькими причинами. Одной из главных является крайняя немногочисленность раскопанных пока в Поволжье и на Украине аристократических погребений в отличие от Кубани с его знаменитым Золотым кладбищем. Другой могла быть большая дороговизна доспеха, который поэтому избегали класть в погребения.

На Траяновой колонне имеется изображение всадников — противников римлян, с головы до ног закованных в чешуйчатую броню [379, табл. XXIII, XXVIII]. Цихориус, издавший эти рельефы, высказал предположение, что всадники — сарматы [379, стр. 150 и сл.; 179 и сл.]. Его поддержал М. И. Ростовцев [258, стр. 332; 471, стр. 99]¹⁴. Однако изображение в достаточной степени условно, так как ни сами всадники, ни их лошади в таких доспехах сражаться не могли.

Значительно более реалистичное изображение мы видим на триумфальной арке императора Галерия в Салониках [429, табл. IV, 1]. М. И. Ростовцев убедительно доказал, что именно сарматов надо видеть в воинах из личной охраны императора, представленных в длинных, почти до колен, чешуйчатых панцирях и яйцевидных шлемах, с большими копьями в руках. Галерий окружал себя сарматами, чью храбрость высоко ценил [258, стр. 333; см. также 363, стр. 217—218].

Изображения подобных панцирей мы часто встречаем на Боспоре. (Как известно, боспорское вооружение в первые века нашей эры очень походило на сарматское [262, стр. 173; 87, стр. 141 и сл.].) Правда, на погребальных стелах в панцирях обычно предстают не сами покойники, в чью честь они были воздвигнуты, а слуги-оруженосцы, конные или пешие [430, № 575, 593, 594, 618 и др.]. Но на рельефе Трифона сам наместник Танаиса изображен в виде одетого в чешуйчатый панцирь тяжело-вооруженного всадника на скачущей лошади [258, стр. 330—331, табл. XXXIV, 3]. Воины, одетые в панцири, имеются и на росписях

некоторых пантикапейских гробниц: склепа 1873 г. [258, стр. 234, табл. LXIV, 1], склепа 1872 г. (стасовского) [258, стр. 305 и сл., табл. LXXIX], склепа Ашика [258, стр. 352—353, табл. LI, 7]. Наконец, такие же чешуйчатые панцири мы видим на боспорских монетах, начиная с Савромата II, особенно на монетах Рескупорида II [258, стр. 331; 106, стр. 335].

Все перечисленные изображения панцирей очень близки друг другу и дают лишь один вид панциря — чешуйчатый, который, следовательно, бытовал у сарматов и на Боспоре в первые века нашей эры. Выделяются две разновидности таких панцирей. Первая — в виде длинной рубахи, доходящей почти до колен, обычно с короткими, чешуйчатыми же, рукавами — прослеживается на рельефе Трифона, на арке Галерия и т. д. Вторая имеет вид кафтана с двумя полами внизу. Рукава то короткие, то длинные, также чешуйчатые. Эти панцири встречаются на росписях боспорских склепов и на погребальных стелах.

Остатки доспехов в большом количестве открыты в кубанских курганах, раскопанных Н. И. Веселовским. К сожалению, материал этот в значительной степени обесценен: отчеты страдают крайней неполнотой, инвентарь погребений сохранился неполностью и частично перепутан. Еще М. И. Ростовцев сетовал на то, что остатки доспехов только в единичных случаях привозились в Петербург, а вещи из раскопок были распылены [261, стр. 562]. Все же эти материалы остаются важнейшим источником в изучении сарматского оборонительного оружия.

Чешуйчатые панцири появляются в Прикубанье весьма рано (Ульский аул, Семибратние кураганы, ст. Костромская — табл. XXX, 7) и получают довольно широкое распространение. Эти ранние панцири, изготовленные из бронзы и железа, ничем по существу не отличаются от скифских.

В IV—II вв. до н. э. традиция в изготовлении панцирей оставалась прежней. Все они чешуйчатые, железные или биметаллические — железные и бронзовые (ст. Казанская, курган № 33, — табл. XXX, 6) [ГИМ, инв. № 42380-82].

Довольно полное представление о кубанских панцирях этого времени дает сравнительно хорошо сохранившийся панцирь из кургана № 18 у ст. Воронежской (табл. XXX, 1) [ГИМ, инв. № 48478]. Все его чешуйки железные, прямоугольные, с округлым нижним концом. Большинство имеет в верхней части по три отверстия, расположенных горизонтально или в виде треугольника. Некоторые чешуйки

¹⁴ Предположение Г. А. Пугаченковой о том, что мы имеем здесь дело не с сарматами, а с парфянами [252, стр. 36], неверно. Парфяне не имели никакого отношения к дакийским воинам.

снабжены дополнительными отверстиями в нижней части. Вероятно, через них чешуйки скреплялись друг с другом железной проволокой (в нижней части панциря не требовалась такая гибкость, как в других его частях). Рукава должны были быть короткими, состоящими из длинных прямоугольных пластин, наподобие панциря из IV Семибратнего кургана [350, рис. 13].

В кургане № 18 ст. Воронежской были также найдены железные ворворки, возможно от ремней, соединявших переднюю и заднюю части панциря, и железные пластины с закраиной, может быть части пояса.

Вряд ли сираки и аорсы познакомились с чешуйчатыми панцирями на Северном Кавказе, они были известны им и раньше. Но под влиянием местного населения они, очевидно, стали употреблять их значительно чаще, чему способствовала развитая местная производственная база. К рубежу эр чешуйчатые панцири уступают место комбинированным¹⁵.

Такие панцири состоят из сочетания железных чешуек и пластин различного размера с кусками кольчужного плетения. Куски кольчужного плетения появляются в Прикубанье очень рано — уже в I в. до н. э.¹⁶ Обрывки кольчуги имеются в более ранних комплексах, но нет никакой уверенности в том, что материал из них не был перепутан¹⁷. Однако, по-видимому, можно считать установленным, что кольчуга происходит из погребения IV—II вв. до н. э. на Васюринской горе [352, стр. 55, прим. 3].

Хотя Прикубанье предоставляет пока самый ранний материал, вряд ли кольчужное плетение является местным изобретением. Скорее всего оно проникло на Северный Кавказ с юга.

Все кольчужные брони комбинированных панцирей имеют стандартное плетение; каждое кольцо пропущено через четыре соседних. Размеры их колеблются очень мало. Кольчужная броня из Воздвиженского кургана сплетена из проволоки сечением 3×1 мм. Внешний диаметр колец — до 9 см. Толщина кольчуги — 8—9 см.

Какую роль играли кольчужные элементы в

комбинированном доспехе, сказать трудно. Н. И. Веселовский не оставил на этот счет никаких указаний, за исключением утверждения о том, что чешуйки защищали наиболее уязвимые места кольчуги, например ее наплечные части [95, стр. 353]. Наблюдение Н. И. Веселовского, возможно, подтверждается материалами из Воздвиженского кургана, из кургана у Зубова хутора, из кургана № 2 у Лысой горы (табл. XXX, 11) [ГЭ, инв. № 2248/30]. В них помимо обрывков кольчуги сохранились куски кожаной подкладки с прикрепленными к ней чешуйками. Это наводит на мысль, что защитный доспех состоял из двух отдельных частей — кольчуги и надевавшегося поверх нее чешуйчатого панциря. Чешуйки скорее всего прикрывали лишь грудь и, быть может, плечи (табл. XXXIV, 3).

Такая гипотеза в какой-то степени объясняет, почему кольчуга этого времени не встречается при изображении доспехов: она была просто скрыта под чешуйчатым нагрудником. Однако у нее имеются и слабые стороны. Приняв ее, мы должны предположить, что доспех состоял из целой кольчуги и чешуйчатого панциря, нагрудные части которого в свою очередь могли прикрываться фаларами. Для времени около рубежа эр это кажется маловероятным. Есть сомнения и в целесообразности такого доспеха: он должен был быть слишком тяжелым и сковывать движения всадника.

Возможно и другое объяснение: чешуйчатые и кольчатые части соединялись непосредственно в одном доспехе, быть может, даже прикреплялись к одной подкладке. В этом случае часть панциря была кольчатой, часть — чешуйчатой. Каково же было их взаимное расположение, сказать трудно. Скорее всего, чешуйками была прикрыта грудь воина (табл. XXXIV, 4).

Наряду с чешуйками обычных форм и размеров встречаются более крупные железные пластины. Форма их обычно повторяет форму чешуек — прямоугольная, с округлыми нижними концами. Размеры достигают 5×4 см (табл. XXX, 3) [ГИМ, инв. № 42380]. Такие пластины представляли третий составной элемент комбинированного доспеха — пластинчатый. Они имеют большое количество отверстий — не менее двух в центре верхней стороны и по три на каждой из боковых сторон, через которые наглухо прикреплялись к подкладке. Судя по тому, что в чешуйчатых панцирях наиболее крупные чешуйки пришивались внизу, а также по аналогии с изображением комбинированного доспеха на парфян-

¹⁵ См.: ст. Казанская, курганы № 8 и 9 (табл. XXX, 3—5); ст. Тифлисская, курган № 51; ст. Усть-Лабинская, курган № 41, и др.

¹⁶ Ст. Воздвиженская, впускное погребение [ГИМ, инв. № 42418] (табл. XXX, 9); курган у Зубовского хутора [ГЭ, инв. № 2234/27] (табл. XXX, 10).

¹⁷ Ст. Тифлисская, курган № 17 [ГИМ, инв. № 42380]; ст. Воронежская, курган № 18 [ГИМ, инв. № 48478].

ских граффити можно довольно уверенно сказать, что такие пластины располагали в нижней части панциря, там, где не требовалось особой гибкости.

Следует упомянуть еще об одной составной части комбинированного доспеха, правда не обязательной. Имеются в виду совсем мелкие, размерами 1,3×1 см, чешуйки с выпуклинами в виде полых полушарий в нижней части и отверстиями в верхней (табл. XXX, 8). Эти чешуйки соединялись друг с другом в правильные ряды так, что верхняя, снабженная дырочками часть каждой чешуйки закрывалась выпуклинами чешуек из следующего ряда. Сами чешуйки прикреплялись к кожаной подкладке.

Такие чешуйки встречаются в курганах рубежа эр, а также более ранних (ст. Тифлисская, курган № 17) и поздних (ст. Тифлисская, курган № 51) [ГИМ, инв. № 42381]. Назначение их определить трудно. Возможно, они обеспечивали особую гибкость доспеха, но вместе с тем могли иметь определенное декоративное назначение.

Таким образом, кубанский комбинированный доспех представлял собой сочетание различных типов панциря — чешуйчатого, пластинчатого, а также кольчуги. Такой доспех должен был быть близок к описанному выше парфянскому.

Отдельные чешуйки и пластины таких панцирей могли покрываться тонкими золотыми листочками¹⁸. В Воздвиженском и Зубовском курганах железные чешуйки сочетаются с бронзовыми, которые в данном случае имели декоративное значение: чередуясь с железными, образуют обращенный книзу треугольный узор. Эти панцири блестели и сверкали на солнце, как те парфянские, о которых писали античные авторы.

Панцири могли подпоясываться цельнометаллической железной лентой-поясом, наподобие найденной в кургане № 4 ст. Некрасовской [ГЭ, инв. № 2244/43]¹⁹, или богато украшенным кожаным поясом (Зубовский курган). Нагрудные части панциря иногда прикрывались фаларами, имевшими частично оборонительное, частично декоративное, быть может, даже магически-охранительное назначение [314, стр. 18—53; 208; 397, стр. 127—178].

В Поволжье и на Украине в погребениях сусловского времени панцири обнаружены все-

го два раза. Доспех, найденный в богатом погребении в кургане № 55/14 Калиновского могильника (табл. XXX, 12) [358, стр. 406, 462, рис. 50, 8, 18; ГЭ, инв. № 2206/87], сделан из больших прямоугольных пластин размером 8×12 см. Панцири с пластинами таких размеров мне неизвестны. Не является ли этот доспех катафракт лошади? Однако чешуйки от конских катафракт из Дура-Эвропоса значительно более мелкие. В кургане № 2/1 Никольского могильника обнаружены обломки доспеха, состоявшего из кусков кольчужного плетения и панцирных чешуек с рельефным вертикальным ребром по центру, размером 3,6×2,3 см [508, стр. 9—10].

В первые века нашей эры комбинированный доспех еще продолжает бытовать в Прикубанье. Такой доспех, найденный в кургане № 51 ст. Тифлисской, по золотой пряжке с язычком, инкрустированной зеленой смальтой, можно датировать II—III вв. н. э. [ГИМ, инв. № 42381]. Однако в это время он уже начинает понемногу вытесняться кольчугой.

Целые кольчуги хорошей сохранности ни разу не встретились в кубанских курганах, а в музейных коллекциях все они представлены лишь фрагментами. Но если в предшествующий период фрагментам кольчуги сопутствовали металлические чешуйки и пластины, то теперь во многих погребениях встречена только кольчуга. Несмотря на низкий уровень раскопок и фиксации материала кубанских курганов, отмеченный выше, в целом создается впечатление о постепенном распространении кольчуги в первых веках нашей эры и вытеснении ею комбинированного доспеха. Только кольчужные фрагменты, и в довольно большом количестве, найдены в кургане № 15 ст. Тифлисской [ГИМ, инв. № 48478], который, судя по комплексу вещей (золотые украшения, медный сосуд с изображением Гермеса на ручке) и оружия (железный кинжал без металлического наконечника, трехлопастные черешковые наконечники стрел), следует датировать II, может быть, I—II вв. н. э. К этому же времени относится кусок кольчуги из кургана № 6 ст. Тифлисской [ГИМ, инв. № 48478]. Кольчуга из кургана № 52 ст. Тифлисской [ГИМ, инв. № 42381] более поздняя. В этом погребении обнаружены предметы, выполненные в полихромном стиле, что позволяет отнести его к III в. н. э.

Интересно, что в первые века нашей эры кольчуги на Северном Кавказе находят не только в богатых курганах. Изредка встречаются они и в грунтовых погребениях, что

¹⁸ См., например: ст. Казанская, курганы № 8 и 10; [ГИМ, инв. № 42380—82].

¹⁹ Возможно, такой цельнометаллический пояс изображен на стеле Трифона.

свидетельствует о довольно широком их распространении²⁰.

В Поволжье в погребениях II—IV вв. н. э. панцири и кольчуги не встречены. Кольчуги найдены в двух погребениях IV—V вв.²¹.

Где изготавливались сарматские панцири и кольчуги, мы не знаем. Одним из главных центров их производства мог быть Пантикапей. Большое количество оборонительных доспехов, найденных в Прикубанье, говорит о том, что по крайней мере часть их изготавливалась на месте. Были ли в Поволжье и на Украине свои производственные центры? Почти полное отсутствие панцирей и кольчуг в рядовых погребениях говорит против такого предположения.

Шлемы

Вероятно, до I в. н. э. сарматы мало пользовались металлическими шлемами. Те единичные экземпляры, которые у них найдены, явно импортного происхождения.

VI в. до н. э. датируется бронзовый шлем северокавказского происхождения, найденный близ г. Старый Печеур [292, стр. 76, рис. 42, 5а и 6]. Обломки бронзового шлема округлой формы с резко выраженной затылочной частью и треугольным мысом обнаружены в савроматском погребении из кургана № 1/1 Никольского могильника. Шлем имел бармицу из бронзовых чешуек [508, стр. 5]. Два других бронзовых шлема имеют латенское происхождение и хорошо известны по кельтско-латенским древностям Подунавья и Северной Италии IV—III вв. до н. э. [169, стр. 38]. Один из них происходит из разрушенного погребения у хут. Веселого, по мечу с серповидным навершием датированного III—II вв. до н. э. [72, стр. 209, рис. 191, 6—7], другой вместе с мечом с кольцевым навершием — из погребения Д-22 у с. Мариенталь [462, стр. 54, рис. 46], которое нельзя относить ко времени ранее II—I вв. до н. э. Поэтому можно предположить, что оба шлема использовались у сарматов в течение длительного времени, а это говорит об их редкости и ценности для владельцев.

Возможно, отсутствие металлических шлемов частично компенсировалось наличием ко-

жаных головных уборов, о которых писал Страбон [48, VII, 3, 17].

В аристократических кубанских погребениях последних веков до нашей эры — первых веков нашей эры несколько раз встречались железные шлемы. Один из них, скорее восточного происхождения, описан Э. Ленцем [177, стр. 120—123, рис. 1—3]. Он имеет коническую форму с горизонтальным делением тульи, с закругленной верхней частью, наклепанным носом, дугообразными бровями и крупными наушниками, закрывающими обе стороны лица. Шлем, найденный в ст. Ярославской, был украшен золотой пластинкой с изображением дракона; форма его не поддается реконструкции из-за очень плохой сохранности [ОАК за 1896 г., стр. 56 и сл.]. Еще один шлем был найден в кургане № 4 ст. Некрасовской [ГЭ, инв. № 2244/43]. О нем речь пойдет ниже.

В погребениях Поволжья и Украины шлемы сусловского и шиповского времени ни разу не были обнаружены. Однако сарматы, изображенные на Траяновой колонне и арке Галерия, имеют своеобразные шлемы яйцевидной формы [379, табл. XXIII, XXVIII, см. также табл. LVII; 429, табл. IV, 1]. Такие же яйцевидные или конические шлемы наблюдаются и на фресках боспорских склепов I—II вв. н. э. [258, стр. 329 и сл.]. Они же встречаются на надгробных стелах, и притом гораздо чаще, чем обычные эллинистические шлемы горшковидной формы [430, № 575, 593, 594, 606, 618, 619 и др.]. Такой шлем отчетливо виден и на рельефе Трифона.

Довольно многочисленные изображения дают возможность представить в общих чертах устройство подобных шлемов. Все они имели яйцевидную или конусовидную форму. Каркас их состоял из нескольких сходящихся кверху вертикальных ребер, которые внизу прикреплялись к металлическому ободу и, кроме того, для прочности скреплялись еще двумя поперечными ободками. К ребрам гвоздями прикреплялись металлические пластины. Нижний обод в задней части мог расширяться, образуя назатыльник. Иногда шлемы снабжались нащечниками. Вверху ребра оканчивались металлическими шариком или пуговицей.

Эти шлемы известны только по изображениям. Возможно, именно таким был шлем, найденный в ст. Некрасовской (табл. XXXI, 3), но он слишком плохой сохранности, чтобы об этом можно было судить с уверенностью. В одной из пантикапейских катакомб III—IV вв. н. э. обнаружен железный шлем, набранный из длинных узких вертикальных

²⁰ Ст. Владимирская, земляной склеп; раскопки Н. В. Анфимова, 1958 г.; Краснодарский могильник на ул. Тельмана; Краснодарский могильник за кожзаводами, погребение № 13 [68, стр. 164]; Карабудахкентский могильник [294, стр. 217]; ст. Даховская [187, стр. 38].

²¹ Погребение близ г. Покровска [284, стр. 75]; погребение близ с. Федоровки [109, стр. 134].

пластин [ОАК, за 1891 г., стр. 61; ГИМ, инв. № 28787]. Но по форме он сильно отличается от описываемых и не имеет аналогий на пантикапейских фресках и рельефах. Шлем представляет собой полусферическую шапку с вырезами для глаз и ушей.

Каркасные шлемы были известны и в Парфии. Изображения их встречаются на граффити из Дура-Эвропоса и в гапдхарском искусстве [396, II табл. XLII, 1; IV, табл. XXII, 2]. В различных музеях хранится несколько экземпляров таких шлемов сасанидского времени [414].

М. И. Ростовцев считал, что они были заимствованы жителями Боспора у сарматов [258, стр. 329—332, см. также стр. 338—339]. В более поздней работе он писал, что парфяне также заимствовали эти шлемы у сарматов, но допускал возможность появления их у обоих народов (откуда-то с Востока) [466, стр. 197]. Второе предположение кажется более предпочтительным, поскольку сарматские погребения не дают пока даже намеков на возможность местного происхождения каркасных шлемов. Трудно сказать, насколько они были распространены даже в среде сарматской аристократии. Нельзя исключать также, что родной каркасных шлемов был Иран.

Дальнейшая судьба их хорошо известна.

Различные типы таких шлемов, в западноевропейской археологической литературе обычно называемых *Spangenhelm*, широко распространились в эпоху великого переселения народов и в раннее средневековье безраздельно господствовали в Европе. Встречаются они и на территории СССР: один такой шлем, например, был найден в Суворовском могильнике [108, стр. 70, табл. XX—1].

Щиты

Сарматские щиты до нас не дошли. Вероятно, они изготовлялись из прутьев, дерева или другого плохо сохраняющегося в погребениях материала. Неясно также, как широко сарматы пользовались щитами. Страбон [48, VII, 3, 17] упоминает о роксоланских щитах, сплетенных из прутьев, но позднее Тацит [51, I, 7, 9] пишет, что «у них не в обычае защищаться щитом».

Слова Тацита говорят о том, что защищенные доспехом и вооруженные тяжелым наступательным оружием катафрактарии щита не имели. Но ими по-прежнему могли пользоваться легковооруженные воины, в численном отношении всегда преобладавшие в сарматском войске. Это подтверждает и Аммиан Марцелин [3, XVII, 12, 9; XVII, 13, 7].

VI ГЛАВА

ВОЙСКО И ВОЕННОЕ ИСКУССТВО САРМАТОВ

В истории сарматского военного дела можно выделить два больших периода. Первый охватывает время с VI по II в. до н. э., второй — I в. до н. э.—IV в. н. э. При этом I в. до н. э.—I в. н. э. являются переходным временем, когда сарматское войско, вооружение и военное искусство претерпевают кардинальные изменения [346].

Оба периода в истории военного дела сарматов характеризуются не только специфическим вооружением и особенностями военного искусства, но и отличительными чертами войсковой организации, которые вытекают из характера общественных отношений внутри сарматского общества.

Первый период (VI — II вв. до н. э.)

Располагая достаточным количеством источников по истории сарматского военного искусства лишь с VI в. до н. э., я вынужден именно этим временем датировать начало его первого периода. Однако вряд ли можно сомневаться, что и в VIII—VII вв. до н. э., когда савроматы как определенная этническая общность со специфической материальной культурой еще находились в заключительной стадии формирования, их военное дело уже основывалось на тех же принципах, которые в полной мере и в более развитом виде проявились в последующее время.

Об этом можно судить по немногим известным пока погребениям с оружием VIII—VII вв. до н. э. [292, стр. 31—32], но главным образом по ряду косвенных данных. Принципиальная общность военного искусства кочевников евразийских степей во второй половине I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э. своими корнями уходит в эпоху поздней бронзы, когда их предки впервые освоили лошадь в качестве верхового животного [297, стр. 214—217; 289, стр. 46, 71—

72], что открыло возможность появления легковооруженной конницы. Эта общность не могла не существовать и в начале I тысячелетия до н. э. Между тем скифское войско VIII—VII вв. до н. э. предстает перед нами уже как легковооруженная конница с соответствующим вооружением и тактическими приемами, что согласно подтверждается всеми источниками: письменными¹, археологическими [211, стр. 13, 79], иконографическими [470, стр. 180 и сл.].

Не случайно реформы, которые в конце VIII—VII вв. до н. э. были проведены в ассирийской, урартской и наиболее последовательно в мидийской армиях, были направлены на увеличение контингентов легковооруженной конницы, прежде всего лучников.

Участие савроматов в скифских походах на Передний Восток письменными источниками не зафиксировано, а археологический материал пока молчит. Однако этого нельзя исключать, так же как участия среднеазиатских кочевников — саков. К такому выводу приходит все большее число исследователей [132, стр. 245 и сл.; 298, стр. 26, 211].

Все говорит о том, что в VIII—VII вв. до н. э. савроматы в военном отношении качественно ничем не отличались от своих потомков столетие или два спустя. И все же недостаток конкретного материала заставляет ограничиться этими общими рассуждениями.

Но уже с VI в. до н. э. можно проследить непрерывную эволюцию сарматского вооружения и военного искусства на протяжении целого тысячелетия.

В VI—II вв. до н. э. все сарматские племена

¹ Например, свидетельство Геродота [I, 73] о том, что Киаксар отправлял к скифам мидийских юношей учиться искусству верховой езды и стрельбе из лука. См. также описание скифов в речах пророка Иеремии: «Колчан его — как открытый гроб... Держат в руках лук и копье... и несугся на конях, выстроены, как один человек...» [10, V, 16; VI, 23].

вступают в последнюю стадию первобытно-общинного строя — эпоху классовообразования, а складывающаяся политическая организация их общества, как это нередко бывало у кочевников, принимает форму военной демократии или военной иерархии. Выделяется и постепенно усиливается родо-племенная знать. Война становится постоянным занятием, и общество максимально к нему приспосабливается.

Судя по археологическим материалам, социальная дифференциация и имущественное неравенство особенно заметно проявляются в сарматском обществе начиная с IV—III вв. до н. э., а начавшееся именно в это время продвижение сарматов на запад, связанное с определенными экспансионистскими устремлениями, еще раз подтверждает вступление их в эпоху классовообразования. Погребения прохоровских, красногорского и других курганов с большим количеством оружия, с золотыми и серебряными вещами, в том числе импортными, наглядно демонстрируют богатства, иногда скапливавшиеся в аристократических родах и семьях, их широкие связи, их роль в сарматском обществе.

Межплеменные и межродовые столкновения, борьба за скот и пастбища, стремление к добыче становятся постоянными явлениями, столь характерными для эпохи классовообразования вообще, но особенно ярко проявляющимися именно у кочевников². Археологически этот факт подтверждается большим количеством ограбленных прохоровских погребений. Часто можно проследить, что ограбление совершалось в то время, когда части тела покойника еще не распались. Прохоровская культура сформировалась в начале IV в. до н. э. в Южном Приуралье, по предположению К. Ф. Смирнова, в среде протоаорсов [298, стр. 286 и сл.]. Проникновение ее носителей в Поволжье, очевидно, было далеко не мирным. Не исключено, что с этими событиями сопряжено также передвижение сираков и сирматов — возможно, осколков поволжских племенных объединений времен Геродота.

С изменениями, происходящими внутри сарматского общества, связаны многие факты их внешней истории. В VI—V вв. до н. э. связи со скифами носили дружественный характер. Через территорию савроматов пролегал скифский торговый путь на восток, а сами они участвовали в войне с Дарием. Отдельные стычки [15, IV, 110, 115] не меняли общей

² Ср. со словами скифа Токсариса, по Лукиану: «У нас ведутся постоянные войны, мы или сами нападаем на других, или выдерживаем нападение, или вступаем в схватки из-за пастбищ и добычи...» [29, 36].

картины. Но уже в конце V в. до н. э. отмечаются первые набеги и столкновения [35, 24].

По мере роста сил сарматских племенных объединений начинается их экспансия в западном направлении. На рубеже V—IV вв. до н. э. сарматы переходят на правый берег Дона, и во второй половине IV в. до н. э. сарматское племя сирматов обитает уже к западу от него, в приазовских степях [36, § 68]. Вскоре начинается сарматское продвижение в юго-западном направлении, в сторону Кавказа, в авангарде которого шли сираки, а яксаматы воюют с Синдикой и Боспором [42, VIII, 55].

В III—II вв. до н. э. сарматы активно вмешиваются в политические отношения Северного Причерноморья и даже Малой Азии. Легендарная сарматская царица Амага спасает осажденный скифами Херсонес [42, VIII, 56; 257, стр. 58 и сл.]; царь каких-то европейских сарматов Гатал воюет на стороне Понта и вместе с другими государствами участвует в 179 г. до н. э. в заключении мирного договора [41, XXV, 2].

Усиливается натиск на слабеющую Скифию. Сарматские погребения появляются в бассейне Северного Донца и Днепровском Левобережье [321, стр. 48—49; 92, стр. 88—89; 190, стр. 96; 317, стр. 348 и сл.; 153, стр. 61 и сл.; 189, стр. 147]. Решающая война произошла в конце III или во II в. до н. э. Сарматы «попустили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню» [16, II, 43]. В конце II в. до н. э. одно из сарматских племен, точнее, племенных союзов — роксоланов, мы вновь видим в союзных отношениях со скифским государством в Крыму. Они участвуют в войне с Диафантом и терпят поражение [48, VII, 3, 17]. В результате всех этих событий сарматы окончательно занимают во II в. до н. э. всю территорию между Доном и Днепром [62, стр. 92].

На востоке заметно активизируются связи с племенами лесостепного Зауралья и особенно Казахстана и Средней Азии. Если письменные источники ничего об этом не говорят, то археологические материалы достаточно красноречивы³. Не позднее прохоровского времени

³ Возможно, одновременно с продвижением сарматов на запад или немного позднее какая-то часть их двинулась на восток, в Среднюю Азию, и сыграла определенную роль в бурных политических событиях II в. до н. э. Хотя Лявндакский, Кую-Мазарский, недавно открытый Тузгырский и некоторые другие могильники нельзя прямо связывать с сарматами, они указывают на присутствие в Средней Азии определенного сарматского, или сарматоидного, элемента в последние века до нашей эры — первые века нашей эры.

устанавливаются контакты с далекой Парфией.

На севере сарматы, не ограничиваясь обычными набегами, постепенно занимают южные районы Башкирии.

Ни о каком объединении, включающем всех сарматов или хотя бы большую часть их, для VI—II вв. до н. э. говорить не приходится. Античные писатели сохранили для нас названия многих сарматских племен, но не расшифровывают, что за ними скрывается. Априорно можно предполагать, что это были племенные союзы или объединения — форма складывающихся политических образований⁴. В этом случае имя роксоланов, аорсов, сираков и т. д. могло принадлежать главному и наиболее могущественному племени, давшему наименование всему объединению⁵.

Наличие племенных союзов косвенным образом подтверждается данными о численности сарматского войска. В конце II в. до н. э. роксоланы смогли выставить против Диафанта 50 тыс. воинов [48, VII, 3, 17]. Вполне вероятно, что цифра эта сильно завышена [86, стр. 27], — вольное обращение античных авторов с цифрами хорошо известно. Однако сведения Лукиана, который сообщает, что в одном из савроматских набегов на Скифию приняло участие 10 тыс. всадников и 30 тыс. пехоты [29, 39], удивительно совпадают с данными о численности роксоланского войска. Учитывая, во-первых, что отношение числа потенциальных воинов к общей численности населения у кочевников обычно равняется 1:5 или 1:4, а во-вторых, что в войне против Диафанта едва ли участвовали все боеспособные роксоланы, мы можем определить их численность как приближающуюся к 150 тыс.

Наличие столь многочисленного племени у сарматов крайне маловероятно, даже если согласиться с распространенным мнением о том, что переход к кочевому хозяйству на первых

порах вызвал значительный подъем производительных сил и как следствие рост населения. Правильнее будет, на наш взгляд, предположить, что роксоланы представляли объединение ряда племен, и притом весьма крупное. Впрочем, не столь сильные и влиятельные объединения, как роксоланское, могли быть гораздо малочисленнее.

Как известно, савроматская культура археологически представлена двумя вариантами — поволжским и приуральским. Трудно сказать, насколько они соответствуют реально существовавшим объединениям, однако территория их все же кажется слишком большой, чтобы в каждом случае принадлежать лишь одному племенному объединению. Более вероятно предположить, что в Поволжье и тем более в Приуралье их существовало несколько. Одним из таких союзов, первоначально базировавшимся в Приуралье, мог быть союз предков аорсов, который впоследствии возглавил движение приуральских сарматов в Поволжье — движение, которое, очевидно, захватило многие племена и союзы племен.

Организация войска у сарматов, очевидно, основывалась на тех же принципах, что и у многих других народов, переживающих эпоху классового образования: они представляли собой народ-войско, и все взрослое мужское население было воинами. Народ-войско не представляет в эту эпоху ничего исключительного.

Таковыми были, например, ближайшие соседи и сородичи сарматов — скифы, по крайней мере до времени Атея или даже перенесения центра своего царства в Крым. Таковыми были и древние германцы в эпоху союзов Ариовиста, Арминия, Цивилиса [233, стр. 128], да и в более позднее время. Однако именно у кочевников подобное явление получило максимальное развитие.

Дело не в извечной воинственности кочевников, а в специфических условиях их существования. С одной стороны, им не требовалось каждодневно большого количества рабочих рук в хозяйстве, а с другой — они нуждались в новых пастбищах, продуктах ремесла и земледельческого хозяйства. Если к этому прибавить природную стойкость и выносливость людей, с детства сроднившихся с конем, и идеологию варваров, для которых разбой и грабеж — дело не только выгодное, но и почетное, то только в таком случае образ «агрессивного от природы» кочевника получит историческую расшифровку.

Рост военных столкновений в жизни сарматского общества и участие в них всего взрослого населения археологически подтверж-

⁴ Киммерийцы и скифы VIII—VI вв. до н. э. также представляли собой крупные союзы племен.

⁵ Старое представление Моргана о равноправии всех племен, входящих в такие союзы [223, стр. 78, 125, 143], в настоящее время нуждается в пересмотре даже по отношению к североамериканским индейцам. Так, в конфедерации криков одно из племен, мускоги, составляло $\frac{2}{3}$ всего населения, а остальные были покоренными или явно к нему тяготели. В ирокезском союзе половину населения составляло племя сенека, и не случайно оба военных предводителя назначались только из этого племени. Сарматы, опережавшие индейцев в своем развитии, должны были знать еще большее неравноправие племен, составлявших племенное объединение.

даются тем, что количество вооружения в погребениях, заметно увеличившись начиная с VI в. до н. э., непрерывно возрастает на протяжении всего периода. Оружие присутствует почти во всех мужских погребениях IV—II вв. до н. э.

Особенность военной организации сарматов — широкое участие в военных действиях женщин, особенно незамужних [114; 298, стр. 209; 341]. По словам Псевдо-Гиппократа, «их женщины ездят верхом, стреляют из луков и мечут дротики с коня и сражаются с врагами, пока они в девушках. Они остаются в девицах, пока не убьют трех врагов, и не прежде поселяются с мужем, как совершат установленные обычаем жертвоприношения. Раз добыв себе мужа, они перестают ездить верхом, пока не явится необходимость во всеобщем походе» [35, 24]. Не менее 20% женских погребений VI—IV вв. до н. э. содержат вооружение или конскую сбрую [298, стр. 201]. Оружие часто встречается в женских погребениях и в IV—II вв. до н. э.

Какую же конкретную форму приобретала военная организация народа-войска вообще и сарматов в частности? Большое количество исторических и этнографических параллелей говорит о том, что родо-племенная структура, очевидно являющаяся необходимой и неотъемлемой структурой любого кочевого общества, одновременно была и формой его войсковой организации. Тем более должны были сохраняться родо-племенные деления в войске сарматов — ведь они находились только в начале эпохи классообразования. Родо-племенные вожди, составлявшие аристократическую верхушку общества, как правило, были и военными предводителями.

Помимо общих для всего племени и союза племен войн, таких, как борьба с Дарием, вся на со скифами, приведшая к захвату большей части их территории, война роксоланов с Диафантом, эти предводители могли предпринимать свои собственные походы и набеги. Среди жадных к добыче варваров никогда не было недостатка в желающих принять в них участие.

Лукиан оставил интереснейшее описание того, как легко и просто набиралось войско для частного грабительского набега у скифов: «Если кто-нибудь, потерпев от другого обиду, захочет отомстить за нее, но увидит, что он сам по себе недостаточно силен для этого, то он приносит в жертву быка, разрезает на куски его мясо и варит их, а сам, разостлав на земле шкуру, садится на нее, заложив руки назад, подобно тем, кто связан по локтям...

Родственники сидящего и вообще все желающие подходят, берут каждый по части лежащего тут бычьего мяса и, став правой ногой на шкуру, обещают сообразно со своими средствами: один — доставить бесплатно пять всадников на своих харчах, другой — десять, третий — еще больше, иной — тяжеловооруженных или пеших, сколько может, а самый бедный — только самого себя. Таким образом, иногда у шкуры собирается большая толпа, и такое войско держится очень крепко и для врагов непобедимо, как связанное клятвой, ибо вступление на шкуру равносильно клятве» [29, 48]. Если отбросить этнографические детали, так же могли набирать войско и сарматские предводители.

Юридический статут участников подобных набегов покоился на незыблемых нормах обычного права, и о нем сообщает тот же Лукиан. В ответ на обвинения боспорцев скифы отвечают: «Относительно разбойников, которых вы обвиняете в том, что они делают набеги на вашу страну, скифы отвечают, что они не высылаются по общему решению, но каждый из них занимается грабежом на свой страх и риск ради прибыли: если кто-нибудь из них попадется, то ты сам властен наказать его» [29, 49]. Если подобное положение было возможно в обществе, уже переступающем рубеж государственности, то тем более естественным оно должно было быть у отстававших в своем развитии от скифов сарматов⁶.

В войсках и отрядах, собиравшихся ради грабежа вокруг того или иного предводителя, могли участвовать выходцы из различных родов и даже племен, что отнюдь не исключало предпочтения, отдававшегося сородичам [ср.: 29, 47, 48]. Поэтому обычную родовую структуру войска в них трудно было соблюдать с большой строгостью. Здесь старый принцип родовой организации войска и родовой сплоченности уступал место личным отношениям предводителя с присоединившимися к нему воинами.

Из таких набиравшихся от случая к случаю войск постепенно вырастали постоянные дру-

⁶ Ср. со словами послов царя скифов (саков) Александру, что на македонцев напали шайки разбойников и грабителей, а не весь народ в целом, который, следовательно, не несет ответственности [8, 4, 5, 1]. «Частные» походы и набеги являются одной из норм разлагающегося первобытнообщинного строя. У ирокезов, например, военные операции были предоставлены добровольной инициативе, и каждому предоставлялось право организовать отряд и предпринять военный поход. Желавший объявлял о своем намерении тем, что устраивал военный танец и приглашал добровольцев — способ не так уж далекий от скифского [223, стр. 70].

жины, группировавшиеся вокруг наиболее удачливых предводителей. Подобные дружины хорошо известны у скифов — как по письменным источникам [15, IV, 71, 72], так и по данным археологии [71, стр. 83 и сл.; 362, стр. 112; 211, стр. 82—83]. Существовали они и у древних германцев [50, XIII—XIV].

Можно с уверенностью говорить о существовании таких дружин у сарматов в III—II вв. до н. э., когда социальная и имущественная дифференциация общества зашла достаточно далеко. К выводу о наличии их приводит и анализ сарматского вооружения, к которому я скоро перейду. Вполне возможно, что появились они еще в савроматское время. К. Ф. Смирнов на основании своих раскопок на Илеке в 1960 г. устанавливает существование их у приуральских сарматов [298, стр. 213—214]. Однако наличие и роль их у савроматов вряд ли стоит переоценивать. Бедь даже у скифов процесс выделения военной аристократии завершился лишь в IV—III вв. до н. э. [362, стр. 112], а савроматское общество еще заметно отставало в своем развитии от скифского, и его родо-племенная верхушка столь резко не противостояла остальному обществу, как в последующее время.

Весьма проблематично существование у сарматов в VI—II вв. до н. э. особых военных вождей, которые, будучи, как правило, выходцами из среды родовой аристократии, часто конкурировали с последней, опираясь на свои дружины, а не на традиционные институты. Для этого сарматское общество еще не было достаточно развитым⁷. Но уже к III—II вв. до н. э. сарматская аристократия настолько выделилась из массы рядовых соплеменников, что в условиях постоянных военных столкновений дружинники, группировавшиеся вокруг знатного и удачливого предводителя, вероятно, постепенно превращались в полупрофессиональных воинов. Они составляли лучшие части сарматского войска и, как всегда в эпоху классового образования, были одновременно основой социального господства родо-племенной верхушки в целом, и особенно военной аристократии.

Таким образом, общая организация войска

⁷ Роль этих вождей у кочевников, да и не только у них, усиливается в заключительный период эпохи классового образования, непосредственно предвещающий появление государства. Тогда они, опираясь на свои дружины, нередко захватывают верховную власть, оттесняя родовую верхушку. По существу, узурпаторами были Молдэ, Тэмуджин и, возможно, Атей. Но сарматскому обществу до этой стадии развития было еще далеко.

и принципы его комплектования у сарматов VI—II вв. до н. э. мало чем отличались от скифских. Не меньшая близость наблюдается в военном искусстве и основных видах вооружения. Поэтому первый период в истории сарматского военного дела с полным основанием можно называть «скифским»⁸.

Согласно письменным источникам, сарматское войско этого периода состояло из пехоты и конницы. Пехота иногда могла быть довольно многочисленной, как явствует из уже приводившихся сведений Лукиана. Однако никакого специфического вооружения у нее не было, насколько об этом можно судить по материалам погребений. Скорее всего пехотинцы были вооружены луками и короткими мечами, возможно, имели щиты и дротики в качестве вспомогательного оружия. Да и само разделение родов войска в какой-то мере, вероятно, было непостоянным — при соответствующих условиях вчерашний пехотинец завтра легко мог сесть на коня и влиться в общую массу легковооруженных всадников. В целом пехота играла в сарматском войске несущественную роль, меньшую, чем у скифов и меотов. В войне с Дарием принимала участие только савроматская конница [15, IV, 120—122].

Основную массу сарматского войска составляла легковооруженная конница, применявшая «скифскую» тактику. Такая конница, подвижная и маневренная, внезапно атаковывала противника и быстро отступала в случае неудачи. В. Д. Блаватский установил, что у скифов наиболее распространенным боевым строем была лава [87, стр. 22]. Атакующие всадники осыпали врага дождем стрел и пытались расстроить его ряды еще до перехода в рукопашный бой, которого старались избежать. Но отборные части стягивались в конный кулак, обычно в центре войска, для нанесения в случае необходимости решающего удара противнику [84, стр. 101—106; 87, стр. 23—24]⁹.

Скифское вооружение соответствовало тактике, и главная роль в нем принадлежала луку

⁸ О военном искусстве скифов см.: [219; 86; 87, стр. 6—29; 210; 211, стр. 79—85].

⁹ Этот прием был известен и легковооруженной персидской коннице ахеменидского времени — см., например, описание Ксенофонтom битвы при Кунаксе [24, I, VIII]. Ср. с его же словами: «Все же военачальники варваров занимают место в центре войска, которым они командуют, полагая, что они таким образом находятся в наибольшей безопасности, если они с обеих сторон имеют свое войско, и что в случае необходимости передачи приказа войско будет оповещено о нем в половину времени» [24, I, VIII, 22].

со стрелами. Короткий меч-акинак, копье и другие виды наступательного оружия ближнего действия получили меньшее распространение. Зато, как теперь выясняется, металлические доспехи отнюдь не были редкостью [350, стр. 78—79, 102—103]. Однако скифы, у которых ближний бой никогда не имел самодовлеющего значения, а был всего лишь одним из боевых эпизодов, так и не смогли в полной мере использовать все их преимущества.

Сильные стороны легковооруженной конницы впервые наглядно проявились во время скифских походов на Передний Восток, когда перед ней не смогла устоять тяжелая пехота и колесницы хорошо организованных регулярных армий. Крах замыслов Дария только подтвердил ее высокую репутацию. Однако у нее был предел возможностей — слабая подготовленность к ближнему бою. Малоуязвимая для стрел фаланга гоплитов почти всегда брала над ней верх.

Анализ сарматского вооружения VI—II вв. до н. э. приводит к выводу, что их военное искусство сродни скифскому, причем черты сходства особенно заметны в начале периода, а различия постепенно нарастают к его концу.

Главным оружием был лук со стрелами. У всех кочевников евразийских степей второй половины I тысячелетия до н. э. лук был одинаковым, а стрелы принципиально близких типов. В савроматское время стрелы встречаются во всех погребениях воинов, и число их достигает 300 [292, стр. 31]. В прохоровское время количество их уменьшается, но это лишь частично может свидетельствовать об уменьшении роли лука по сравнению с другими видами наступательного оружия. Не весь запас стрел, которыми владел покойник, должны были обязательно класть в погребение.

Наступательное оружие ближнего радиуса действия получило у сарматов большее распространение, и прежде всего это относится к мечам. В то время как у скифов мечи никогда не были ведущим видом оружия и встречаются преимущественно в аристократических погребениях, у сарматов их количество в погребениях, в том числе и в рядовых, возрастает от века к веку. Даже в савроматское время мечи содержат, например, до 20% всех известных нижеволжских погребений [192, стр. 95]. В работе М. Г. Мошковой приведены сведения о 542 прохоровских погребениях [229, стр. 15—18]. В них найдено 129 мечей и кинжалов различных типов. Если учесть, что

этот вид оружия сравнительно редко встречается в женских и детских погребениях, то получается, что мечи и кинжалы находились не менее чем в 40—50% всех мужских погребений. Интересно отметить, что из 116 погребений с мечами и кинжалами стрелы имеются в 67—70, т. е. не менее чем в $\frac{2}{3}$. Рядовой воин, даже вооруженный мечом, не переставал быть лучником.

Уже с конца VI в. до н. э. появляются всаднические мечи, достигавшие в длину 70—110 см. Все же степень распространенности их у савроматов не следует переоценивать. К. Ф. Смирнов собрал сведения о 70 савроматских мечах и кинжалах [292, стр. 9—27]. Из них лишь 12 имеют длину свыше 70 см, причем только 3—4 экземпляра относятся ко времени ранее IV в. до н. э.

Длинные всаднические мечи довольно широкое распространение у сарматов получают начиная с IV в. до н. э. Однако создается впечатление, что их количество в погребениях IV—II вв. до н. э. медленно, но неуклонно уменьшается. В 46 погребениях V в. до н. э. найдено 7—9 длинных мечей (всего найдено 22 меча и кинжала), в 71 погребении IV—III вв. до н. э. — 6—7 (всего мечей и кинжалов найдено 23), а в 425 погребениях III—II вв. до н. э. — 12—14 (всего 84). Быть может, это связано с распространением копья в качестве главного ударного оружия.

Массивные всаднические копья, достигавшие в длину 3,5 м, известны с савроматского времени, причем большая часть их найдена в погребениях богатых воинов. Их держали обеими руками, и предназначались они исключительно для нанесения сильного удара с коня. Такие копья заметно отличались от скифских — коротких, полуударных, полуметательных. Но широкого распространения в VI—II вв. до н. э. они, вероятно, не получили, быть может потому, что в качестве ударного оружия ближнего боя их в какой-то мере заменял длинный меч. Количество их могло начать увеличиваться лишь в конце описываемого периода.

Оборонительное оружие сарматы применяли значительно меньше, чем скифы и меоты. Металлические панцири встречаются очень редко и, вероятно, являлись импортными изделиями. Они имелись только у самых знатных воинов, рядовые же, вероятно, носили панцири, изготовленные из кожи и кости. Были, конечно, и щиты, но до нас они не дошли. В целом защитное вооружение сарматов уступало оборонительному оружию соседних народов. Это могло явиться одной из при-

чин развития у них наступательного оружия ближнего радиуса действия. В рукопашном бою такое неравенство до известной степени сглаживалось.

Особенности вооружения должны были определять и некоторое своеобразие применявшейся сарматами тактики. Разумеется, основную массу их войска составляла легковооруженная конница. Поэтому внезапная атака и быстрое отступление в случае ее неудачи имели первостепенное значение. Однако весьма значительный удельный вес наступательного оружия ближнего боя определенно указывает на то, что рукопашная схватка играла в их действиях большую роль, чем у скифов. Поэтому первый этап боя, когда войско сближалось с противником, осыпая его стрелами, мог носить лишь подготовительный характер. В случае если он не достигал цели, не расстраивал ряды противника и не обращал его в бегство, сарматы скорее всего не отступали для подготовки следующего натиска, а переходили к рукопашной схватке.

И сама схватка протекала не так, как у скифов. Акинак мог эффективно использоваться только пешими воинами или спешивавшимися в бой всадниками, именно такое его применение мы видим на солохском гребне. Длинные сарматские мечи и копья давали возможность успешно вести рукопашный бой непосредственно с коня. Это обеспечивало определенные преимущества в бою против пехоты и не имевшей такого оружия конницы.

Особенности сарматского вооружения и тактики должны были начать заметно сказываться со второй половины описываемого периода, с усилением роли аристократических дружин в их войске.

Уже в VI—IV вв. до н. э. в сарматском войске выделяются знатные воины, вооруженные длинным мечом и тяжелым копьем, которые практиковали ближний бой. Поэтому прием конного кулака был, несомненно, известен и савроматам. Более того, при наличии оружия, лучше приспособленного для рукопашной схватки, этот прием был у них особенно эффективным. Неясно, насколько постоянным стало выделение подобных ударных контингентов. Судя по тому, что длинные мечи и тяжелые копья встречаются еще очень редко, надо полагать, что это носило эпизодический характер. Аристократические дружины также находились в самом начале своей длинной истории.

В III—II вв. до н. э. отдельные контингенты в сарматском войске различались уже значи-

тельно четче. Часть воинов, и в их числе большинство воительниц, имела на вооружении только луки со стрелами. Основным костяком войска составляли всадники, вооруженные наряду с луком мечом или кинжалом. Знать и ее дружинники были вооружены прежде всего длинными мечами и кинжалами, иногда копьями, в отдельных случаях имели оборонительные доспехи. Однако и они еще полностью не расстались с луком и стрелами. В кургане № 1/13 Верхнепогромненского могильника найдены два длинных меча и два кинжала, а вместе с ними железные втульчатые наконечники стрел [512, стр. 11—12]. В кургане № 7/6 того же могильника был похоронен знатный воин, в комплект вооружения которого входили очень длинный меч, кинжал, металлический панцирь, а также колчан с 40—45 наконечниками стрел [512, стр. 33—35]. Покойник из кургана № F 19/2 у с. Усатово имел длинный меч, кинжал, а вместе с ними лук со стрелами [280, стр. 62—64].

Вероятно, аристократические дружины в это время составляли основную силу сарматского войска, а тактика удара конным кулаком получает дальнейшее развитие. Эти отборные части рубились непосредственно с коня, врезаясь в боевые порядки противника.

Но в ближнем бою все войско принимать участие не могло. Воины, вооруженные коротким мечом или кинжалом, должны были составлять нечто вроде второго эшелона, шедшего за ударным кулаком аристократических дружин. Те из них, которые были вооружены только луком и стрелами, в рукопашной схватке вообще бесполезны. Они могли составлять прикрытия, участвовать в первом натиске, пытаться расстроить ряды противника, не прибегая к ближнему бою, осуществлять маневры обхода и охвата, преследовать неприятеля и т. д. Любопытно, что стрелы решительно преобладают в женских погребениях с оружием. Женщины участвовали в сражениях, обстреливали противника из луков, но все же в рукопашный бой, как правило, не вступали.

Оружие и военное искусство сарматов в VI—II вв. до н. э. развивались в тесной связи с окружающими народами, чему немало способствовало их географическое положение. Сарматы как определенный этнический массив кочевников евразийских степей занимали промежуточное положение между родственными им племенами скифов на западе и саков и массагетов на востоке. В тесном контакте находились они и с населением лесостепного Зауралья. Очень важное значение имели их

юго-западные связи с меотами и другими племенами Северного Кавказа.

Особенно много общих черт в области военного дела наблюдается с сако-массагетским миром Средней Азии и Казахстана. В обеих этих областях рано появляются **длинные мечи**. Имеются намеки на то, что в Средней Азии уже в прохоровское время применяют тяжелые и длинные копья, которые всадники держали обеими руками.

Через Среднюю Азию осуществлялись контакты с Ираном. Очевидно, именно среднеазиатским происхождением и связями парфянской династии в Иране объясняется тот факт, что иранское войско последних веков до нашей эры приобретает ряд черт, роднящих его с войском среднеазиатских кочевников и сарматов. Решающую роль снова приобретает конница, и помимо легковооруженных лучников имеются всадники с наступательным оружием ближнего радиуса действия. Даже в типах оружия наблюдается много общего.

Скифы сами перенимали сарматское вооружение. Однако и сарматы в какой-то степени могли заимствовать у них опыт более широкого применения оборонительных доспехов и копий. Впрочем, на археологическом материале это почти не прослеживается.

На довольно высоком для своего времени уровне стояло военное искусство меотов. В меотском войске определенную роль играли всадники, защищенные металлическим доспехом и имевшие на вооружении длинные мечи. Значительное распространение получили копья. Поэтому использование ударного кулака конницы было у меотов весьма эффективным. В прохоровское время вооружение сарматов и меотов испытало определенное взаимное влияние. В Приуралье, и особенно в Поволжье, распространяются железные втульчатые стрелы, отдельные экземпляры длинных меотских мечей¹⁰, некоторые типы северокавказских наконечников копий. В свою очередь на Северный Кавказ проникают сарматские мечи с серповидным навершием¹¹.

К последнему веку до нашей эры сарматы

¹⁰ Старица, курган № 4, кенотаф 3 [515, стр. 42]; Старица, курган № 76/3 [516, стр. 187]; Мечет-сай, курган № 31/1.

¹¹ Случайная находка казаков на Кубани [113, стр. 152]; ст. Кореновская [65, стр. 48, рис. 17, 1]; Елизаветинский могильник, погребение № 18, раскопки 1931 г. [65, стр. 48]; ст. Псебайская, курган № 7 [ОАК за 1895 г., стр. 135, рис. 324; 261, стр. 609]; ст. Тихорецкая [Архив АК, д. № 84 от 1889 г.]; ст. Даховская [187, стр. 36, 38]; Буерова могила [ОАК за 1870—1871 гг., стр. IX и сл., XXI и сл.; 261, стр. 550; 410; табл. 23, а, в]; Чми (из коллекции В. И. Долбежева) [ГИМ, инв. № 345].

уже смогли выработать вооружение и тактические приемы, лучше приспособленные к ведению ближнего боя, что давало им определенные преимущества в войнах с соседями. Вероятно, появились отдельные дружины полупрофессиональных воинов, небольшие численно, но лучше других вооруженные и обученные, зачастую определявшие исход сражений.

Все это сказалось в борьбе со скифами, и, очевидно, уже заметное военное преимущество сарматов наряду с другими факторами социально-политического порядка явилось причиной относительно легкой победы над ними.

Но когда сарматы столкнулись с фалангой, а затем и с легионом, достигнутого оказалось недостаточно, и война с Диафантом показала это со всей наглядностью и очевидностью. «Против сомкнутой и хорошо вооруженной фаланги всякое варварское войско оказывается бессильным. И действительно, роксоланы в числе почти пятидесяти тысяч не могли устоять против шести тысяч, бывших под началом Митридатова полководца Диафанта, и большинство их погибло», — писал Страбон, демонстрируя отличное понимание сути дела [48, VII, 3, 17]. Вероятно, это понимали и сами сарматы, готовившиеся к выходу на тогдашнюю мировую арену, где их столкновение с греко-римским миром было неизбежным. Против фаланги и легиона требовалось найти контроружие, требовалась реформа войска. И она была проведена довольно быстро в основном в I в. до н. э. — I в. н. э.

Реформа привела к появлению в сарматском войске специализированной тяжелой конницы катафрактариев. Поскольку их история отнюдь сарматами не ограничивается, следует осветить ее на более широком материале.

Из истории катафрактариев

В последние века до нашей эры — первые века нашей эры в составе и вооружении войска многих государств и народов Востока происходят значительные реформы, связанные с резким увеличением веса тяжеловооруженной конницы, которую вслед за греко-римским миром обычно называют катафрактариями.

Собственно катафрактарии по письменным источникам отмечаются у парфян, армян и сарматов, может быть, также у албанов и иберов¹². Существование такой конницы на

¹² Страбон [XI, 4, 4—5] отмечает у них всадников, имевших панцири, но неясно, были ли они катафрактариями.

Боспоре засвидетельствовано археологическими материалами и памятниками изобразительного искусства [258, стр. 332—338; 87, стр. 141 и сл.]. Несомненно, она была и в Средней Азии, но строгих доказательств этого мы пока не имеем. Далее на восток тяжеловооруженная конница, сходная с катафрактариями, прослеживается в Индии [441, стр. 90], а также у гуннов и китайцев [436, стр. 217, 222 и сл.].

Вопросам, связанным с появлением и распространением катафрактариев, посвящена значительная литература [436, стр. 220 и сл.; 258, стр. 337 и сл.; 491, стр. 73 и сл.; 382, стр. 512 и сл.; 326, стр. 211 и сл. Анализ письменных источников см.: 475, стр. 966 и сл.; 399, стб. 22; см. также: 465, стр. 217—221], однако они еще далеки от окончательного разрешения. Не выяснено, когда и где впервые зарождаются катафрактарии, по-разному трактуется их роль в истории военного искусства. Нет полной ясности даже в самом применении термина «катафрактарии», не говоря уже об их специфических особенностях. Поэтому прежде всего следует остановиться на том, что же представляли собой катафрактарии.

В соответствии со всеми без исключения источниками я понимаю под катафрактариями определенный, хронологически ограниченный строй тяжеловооруженной конницы, атакующей противника в определенном боевом порядке — тесно сомкнутом строю и с определенной тактической целью (прорыв, режé охват). Для катафрактариев характерны специфическое вооружение и специфические способы ведения военных действий.

Термин «катафрактарии» нельзя употреблять расширительно, распространяя его на всякую или почти всякую тяжеловооруженную конницу, например на ассирийскую [326, стр. 225—226] или конницу Кира-младшего [436, стр. 219 и сл.]. И та и другая имели отличное вооружение, боевые порядки и тактическое назначение. Нельзя также ставить знак равенства между катафрактариями и средневековыми рыцарями, несмотря на внешнее сходство их вооружения. Их задачи в бою были совершенно различными. В то время как рыцари решали исход сражения в индивидуальных схватках, катафрактарии могли успешно действовать только целыми подразделениями.

Слово «катафрактарии» происходит от *катафракта* греческого наименования всаднического доспеха. В дальнейшем в греко-римском мире этим словом в двух написаниях — *cataphracti* и *cataphractarii* — стали называть появившуюся на Востоке тяжело-

вооруженную конницу. Сам термин впервые прослеживается в эллинистическом Египте в начале III в. до н. э., где им называли панцири солдат тяжелой кавалерии [34]. Возможно, уже во II в. до н. э. он переносится на саму панцирную кавалерию. Мы встречаем его при описании войска Селевкидов и его вооружения [41, XXXI, 3,9; 27, XXXV, 48; XXXVII, 40].

В источниках, посвященных событиям I в. до н. э. и последующего времени, термин «катафрактарии» уже прочно устоялся. Им теперь называют тяжеловооруженную конницу, с которой римляне впервые столкнулись на Востоке и с которой им пришлось бороться в течение многих веков. Этот термин употреблялся до конца существования Римской империи, но наряду с ним в официальном языке и литературе поздней империи появляется термин «клибанарии» (*clibanarii*), который скорее всего имеет иранское происхождение [465, стр. 217; 399, стб. 22]. В литературных источниках оба термина употребляются, почти чередуясь, и установить четкое различие в их применении очень трудно. Его, очевидно, и не было, хотя все же ощущается некоторая хронологическая последовательность. В целом же термин «катафрактарии» чаще употреблялся в III—V вв. н. э. для наименования вспомогательных частей римской армии, вербовавшихся на Востоке, в то время как термин «клибанарии» служил главным образом для обозначения собственно римской и сасанидской тяжелой кавалерии [465, стр. 217]¹³.

Для вооружения катафрактариев характерны три главные особенности. Первой отличительной чертой их было наличие тяжелого оборонительного доспеха. Он состоял прежде всего из металлического панциря, чешуйчатого или комбинированного, позднее кольчуги. В I в. до н. э. панцирь, как правило, был коротким — едва доходил до бедер. Ноги также оставались незащищенными. Это учитывали римские тактики, рекомендовавшие разить катафрактариев мечом в бедра и голени — «единственные части тела, которые не закрывала броня» [39, XXVIII]. В первые века н. э. появляются более длинные доспехи — достигающие до колен. Широкое распространение получает комбинированный доспех, который включал набедренник, металлические или кожаные

¹³ М. Е. Массон [205, стр. 45] сводит все различие между катафрактариями и клибанариями исключительно к особенностям вооружения, полагая, что первые были тяжеловооруженными лучниками, а вторые тяжеловооруженными копейщиками. Такое утверждение противоречит всем известным нам источникам, как письменным, так и археологическим, и с ним трудно согласиться.

наручи и поножи. Голову катафрактария защищал конический шлем, часто имевший металлическую маску, которая закрывала лицо. В целом состоявший из различных частей доспех покрывал тело всадника с головы до ног. Особенно это характерно для клибанариев III—IV вв. н. э.

Источники сохранили яркие описания таких, закованных в доспехи клибанариев. По словам Свида, «все они сидели на своих лошадях, как статуи, к их конечностям были подогнаны доспехи, которые точно соответствовали формам человеческого тела. Они покрывали руку от запястья до локтя, а оттуда до плеча, в то время как пластинчатая броня защищала плечи, спину и грудь. Голова и лицо были покрыты шлемом с металлической маской, которые делают их носителя выглядящим как статуя, потому что даже бедра и ноги и самые кончики ног покрыты доспехом. Он соединен с панцирем прекрасным кольчужным плетением, наподобие ткани, так что ни одна часть тела не остается видимой и непокрытой, потому что это плетеное покрытие защищает руки и является таким гибким, что носители его могут даже сгибать пальцы» [47].

Так же описывает Аммиан Марцеллин тяжелую конницу персидского полководца Мерены во время похода Юлиана: «То были закованные в железо отряды; железные пластины так тесно охватывали все члены, что связки совершенно соответствовали движениям тела, и прикрытие лица так хорошо прилегалo к голове, что все тело оказывалось закованным в железо, и попадавшие стрелы могли вонзиться только там, где через маленькие отверстия, приходившиеся против глаз, можно кое-что видеть или где через ноздри с трудом выходит дыхание» [3, XXV, 1, 12; см. также: 3, XVI, 10, 8; 3, XXIV, 6, 8].

Второй особенностью как катафрактариев, так и более поздних клибанариев было их главное наступательное оружие — пики, достигавшие в длину 4—4,5 м, которые держали обеими руками. Гелиодор оставил интереснейшее описание того, как управлялись с подобной пикой: «Когда наступает время битвы, то, ослабив поводья и горяча коня боевым криком, он (катафрактарий.—А. Х.) мчит на противника, подобный какому-то железному человеку или движущейся кованой статуе. Острие копья сильно выдается вперед, само копьё ремнем прикреплено к шее коня; нижний его конец при помощи петли держится на крупе коня, в схватках копьё не поддается, но, помогая руке всадника, всего лишь направляющей удар, само напрягается и твердо упира-

ется, нанося сильное ранение, и в своем стремительном натиске колет кого ни попало, одним ударом часто пронзая двоих» [14, IX, 15]¹⁴.

Длинный меч и кинжал служили вспомогательным оружием, равно как и лук со стрелами. Но пики были на вооружении катафрактариев с самого начала. «Ведь вся сила этой броненосной конницы — в копьях, у нее нет никаких других средств защитить себя или нанести вред врагу, так как она словно замурована в свою тяжелую негнущуюся броню» [39, XXVIII]. С полным основанием можно сказать, что без пики не было бы катафрактария.

Существует мнение, что парфянские катафрактарии были по преимуществу лучниками [87, стр. 114, прим. 8]. Действительно конные лучники были неотъемлемой частью парфянского войска, так же как сарматского, а действия тяжелой конницы были особенно успешными, если они проходили во взаимодействии с легковооруженными лучниками. Но сами лучники не являлись катафрактариями, так же как последние не являлись лучниками¹⁵. Дело даже не столько в различии вооружения, сколько в совершенно различных задачах, ставившихся в бою перед этими двумя подразделениями конницы.

Правда, имеются изображения как парфян, так и сарматов, закованных в доспехи, но держащих в руках лук вместо копья. Но, во-первых, и лучники иногда могли иметь доспех, хотя это, вероятно, было достаточно редко, а, во-вторых, лук со стрелами встречается у катафрактариев в качестве вспомогательного оружия¹⁶. Главным наступательным оружием катафрактариев всегда и всюду была только пика.

Третья особенность вооружения катафрактариев заключалась в том, что доспех имел не только сам всадник, но зачастую и его лошадь. Этот доспех состоял из нескольких отдельных частей и с течением времени не оставался неизменным. Однако он не был таким непременным атрибутом катафрактариев, как панцирь или пика. Довольно многочисленны

¹⁴ Ср. со словами Плутарха, что парфянские катафрактарии в битве при Каррах «вонзали во всадников тяжелые, с железным острием копья, часто с одного удара пробивавшие двух человек» [38, XXVII; см. также: XVIII и 20, XI, 22].

¹⁵ Под катафрактариями здесь, как и всюду в тексте, понимается особый род тяжелой кавалерии, а не просто вооруженные доспехом всадники.

¹⁶ Даже у сасанидских клибанариев в полный комплект вооружения входили колчан со стрелами, два лука и две запасные тетивы [см.: 154, стр. 78].

изображения иранских катафрактариев, лошади которых не имеют металлических доспехов. Еще меньшее распространение он получил в евразийских степях. Гораздо чаще употреблялся он клибанариями сасанидского и позднеримского времени. Впрочем, в сасанидское, позднеримское и византийское время повсюду наблюдается тенденция к облегчению конского доспеха — замене металлических частей кожаными и т. д.

При описании вооружения катафрактариев я намеренно использовал данные, относящиеся главным образом к Ирану. Из предыдущих глав, посвященных отдельным видам сарматского оружия, видно, что вооружение сарматских катафрактариев принципиально ничем не отличалось от парфянских. Только конский доспех у них, вероятно, не получил такого широкого распространения, как в Иране.

Различия в вооружении между катафрактариями и более поздними клибанариями также несущественны. Доспех клибанария был более совершенным и покрывал все тело целиком, а не только наиболее уязвимые части. Доспех лошади также стал сложнее, хотя и легче. Во всяком случае, качественного характера эти отличия не имели.

Особенности вооружения катафрактариев определили применявшиеся ими боевые порядки и тактические приемы. Они всегда атаковали неприятеля в тесно сомкнутом строю, который давал возможность наилучшим образом использовать преимущества вооружения и свести до минимума его недостатки: ограниченную подвижность и вызванную этим слабую маневренность. Отряд катафрактариев, оцетинившийся пиками, малоуязвимый для стрел и дротиков, имевший достаточную защиту от ударов копий и мечей, представлял собой грозную силу. Многие авторы сообщают, на какие ухищрения приходилось идти, чтобы нейтрализовать пики катафрактариев и вступить с ними в ближний бой¹⁷.

Но отдельный катафрактарий был уязвим и становился довольно легкой добычей, осо-

бенно если он был сброшен на землю. Достаточно вспомнить роксоланских катафрактариев, рассыпавшихся для грабежа по Мезии во время их неудачного набега в 69 г. н. э. «Римские солдаты в легких латах нападали с метательными дротиками или длинными копьями и, когда требовалось, легкими мечами кололи рукопашную беззащитных сарматов» [51, I, 79]¹⁸.

Об этой слабой стороне катафрактариев пишет и Вегеций, военный теоретик конца IV в. н. э.: «Катафракты вследствие тяжелого вооружения, которое они носят, защищены от ран, но вследствие громоздкости и веса оружия легко попадают в плен: их ловят арканами; против рассеявшихся пехотинцев в сражении они пригоднее, чем против всадников. Однако поставленные впереди легионов или смешанные с легионарной конницей, когда начинается рукопашный бой грудь с грудью, они часто прорывают ряды врагов» [54, III, 23]¹⁹.

Поэтому эффективно использовать катафрактариев в бою можно было не поодиночке, а лишь целыми подразделениями. В зависимости от конкретной задачи и особенностей противника катафрактарии применяли различные боевые построения. Аланские катафрактарии любили атаковать клином [9, 16, 6], парфяне в битве при Каррах выстроились в линию, представлявшую, по сути дела, конную фалангу [38, XXV]. Катафрактарии врзались в строй противника, прорывали его, рассекая надвое, и тем самым решали исход сражения²⁰.

При этом если легкая конница могла спастись бегством и имела некоторые шансы, заключавшиеся в ее большей маневренности, то положение пехоты было особенно угрожающим. В битве с катафрактариями римский тяжелый пехотинец, доселе непобедимый, лишался большинства своих преимуществ. Тяжелая конница оказалась единственным родом войск, способным противостоять легиону, и притом не эпизодически, а постоянно. Если легион был высшим достижением античной военной мысли в отношении пехоты, то катафрактарии — в отношении кавалерии.

В античной литературе имеются указания на то, что катафрактарии, будь то у сарматов

¹⁷ Так, пехотинцы Лукулла в битве у Тигранокерт совершили обходной маневр, чтобы зайти катафрактариям вбок и поразить их мечами в незащищенные доспехами части тела [39, XXVIII], а галльские всадники Публия Красса, сына триумвира, хватились за пики катафрактариев, чтобы выбросить их из седла, или подползли под брюхо лошадей и поражали их в живот [38, XXV]. Последний прием использовали пехотинцы аламаннов в битве с римскими клибанариями в 357 г. Они пытались незаметно подкрасться по земле и ударить в бок коня [3, XVI, 12, 22]. Сброшенный на землю всадник оказывался совершенно беспомощным. Видимо, этот прием был широко распространен. Так же борются с катафрактариями в романе Гелиодора [14, IX, 15].

¹⁸ Именно рассеянность роксоланских катафрактариев предредила исход дела. Оттепель только облегчила римлянам их задачу и помешала роксоланам искать спасения в бегстве. Ср.: 14, IX, 15; 3, XVI, 12, 38.

¹⁹ Следует отметить, что Вегеций, идеализировавший старую римскую армию, недооценивал роль конницы, в том числе и катафрактариев.

²⁰ Наряду с прорывом они применяли также заход во фланг и тыл противника — см., например: [38, XXV].

или парфян, вербовались из аристократической верхушки общества [51, I, 79; 60, XII, 2; 3, XXII, 5, 83]. Обычно это понимается буквально [258, стр. 337; 472, стр. 102, 119; 491, стр. 89; 205, стр. 45], но вряд ли такое положение является полностью приемлемым. Тысяча катафрактариев личного войска Сурены, сопровождавшая его во всех походах и передвижениях наряду со слугами, рабами, обозом и гаремом, вряд ли набиралась из представителей парфянской знати. В них скорее можно видеть людей, зависимых от первого сановника государства или связанных с ним вассальными отношениями²¹. Вероятно, социальный состав парфянских катафрактариев не был однородным. Тут были и сами аристократы, и вооруженные ими лица, составлявшие отряды личного войска такой аристократии, и рядовые представители господствующего класса, так называемые «свободные» (иран. *āzātan*), обязанные являться на службу в полном вооружении. Вероятно, и у сарматов, хотя их общество находилось на более низкой стадии развития, катафрактарии состояли не только из самой аристократии, но и из вооруженных ею дружинников.

Как бы то ни было, число катафрактариев никогда не было особенно велико. У Тиграна в битве у Тигранокерт их было 17 тыс. [39, XXVI]²², у сына Тиграна, Артавазда II, — 10 тыс. [38, XIX], у Сурены была тысяча катафрактариев его личного войска [38, XXI]²³, у роксоланов в 69 г. н. э. — 9 тыс. Разумеется, доверять каждой отдельной цифре нельзя, но в целом можно вывести заключение, что в I в. до н. э., когда катафрактарии впервые стали играть важную роль у парфян, отношение их числа к общей численности войска было меньше чем 1:10. В последующие века численность тяжеловооруженной конницы должна была увеличиться, но все же она всегда составляла меньшинство по отношению к остальному войску, хотя бы из-за дороговизны доспехов. Регулярной армии в Парфии не было. Парфянская знать приводила на войну отряды зависимых от нее людей, клиентов, которые по большей части были легковооруженными лучниками

²¹ Различная форма таких отношений очень характерна для слабоцентрализованного парфянского государства [см.: 135, стр. 195 и сл.].

²² Всего у Тиграна было свыше 200 тыс. человек. Эти цифры сообщались Лукуллом в его победной реляции Сенату. Они могли быть преувеличены, но соотношение катафрактариев с общей численностью войска, вероятно, было близким к истинному.

²³ Общая численность личного войска Сурены достигала 10 тыс.

[60, XII, 2,5—7; см. также: 132, стр. 206; 205, стр. 45 и сл.].

Поэтому потери такой кавалерии были трудновосполнимыми, и ее берегли, выпуская только в решающие моменты битвы. Легковооруженная конница по-прежнему была необходимым и численно преобладающим родом войска — как парфянского, так и сарматского. Античным авторам такие легковооруженные всадники парфянского войска, прежде всего лучники, были известны под именем *hippotoxotai*. Им соответствовали *sagittarii* вспомогательных частей римской императорской армии, вербовавшиеся в Сирии. Только при взаимодействии с легковооруженной кавалерией в полной мере раскрывалась сила катафрактариев.

Отличным примером такого взаимодействия служит знаменитая битва при Каррах²⁴. Парфяне быстро отказались от первоначального замысла прорвать атакой катафрактариев римское войско, оценив глубину его построения и, вероятно, опасаясь больших потерь. Вместо этого они охватили римлян полукругом и стали методично расстреливать их из луков, одновременно пытаясь обойти крыло Публия Красса и зайти в тыл основному войску. И в дальнейшем они использовали катафрактариев очень экономно, выпуская их только тогда, когда надо было отразить контратаки римлян или оттеснить их на невыгодные позиции [38, XXIV—XXVII]²⁵.

Где же родина катафрактариев и какие причины вызвали их к жизни? Исследователи отвечают на этот вопрос по-разному. Лауфер считал, что катафрактарии впервые появились в ахеменидском Иране уже в самом конце V в. до н. э. [436, стр. 221]. Тарн думал, что в окончательно сформировавшемся виде они прослеживаются в Иране не позднее I в. до н. э., но отмечал, что происхождение их восходит к коннице кочевых или полукочевых народов Средней Азии [491, стр. 72 и сл.]. Относительно сарматских катафрактариев он полагал, что они развились независимо от парфянских [491, стр. 76]. М. И. Ростовцев отказался решать вопрос, у кого впервые появились катафрактарии [472, стр. 99]. По мнению С. П. Толстова, они впервые появились в Хорезме задолго до нашей эры и оттуда про-

²⁴ Источники и литературу о битве при Каррах и парфянском походе Красса см.: 390, стр. 78 и сл., прим. 36. Из советской литературы см.: 326, стр. 211 и сл.; 135, стр. 210 и сл.; см. также: 91, стр. 41—50.

²⁵ Следует подчеркнуть часто упускаемый из виду факт, что катафрактариев у Сурены было совсем немного. Ведь основная масса войска находилась с Ородом.

ники в Иран и к сарматам [326, стр. 214 и сл.]. С его мнением солидаризовались Рубин [474, стр. 264 и сл.] и С. В. Киселев [160, стр. 321]. Г. А. Пугаченкова полагает, что формирование катафрактариев произошло «не в степной среде, а в системе организованных армий тех крупных государств, которые сложились на территории старых оседло-земледельческих культур Бактрии и Парфии» [252, стр. 43]. Лозинский ищет родину катафрактариев на Иртыше [439, стр. 33 и сл.].

Такой разноречивой во мнениях не случаен. Наши источники слишком скудные, и впредь до появления значительного нового материала вряд ли можно установить конкретную родину катафрактариев, особенно если под ней понимать территориально узкую область. Зато следует подробнее остановиться на условиях, вызвавших появление катафрактариев, и обстоятельствах их развития. Здесь выделяются три момента:

1. Различные народы, которым в течение длительного времени приходилось сталкиваться с греками и римлянами, должны были выработать действенное оружие, способное противостоять македонской фаланге и римскому легиону. Без этого они могли оказаться легкой добычей завоевателей. В конкретных условиях Востока, с его традиционным преобладанием конницы над пехотой, такое оружие можно было создать только путем реформы кавалерии.

2. Сам ход развития военного искусства у кочевников евразийских степей и в Иране приводил к увеличению удельного веса тяжеловооруженной конницы, которая явилась предшественницей более поздних катафрактариев. Развитие шло по линии усиления ближнего боя и приспособления к нему наступательного и оборонительного оружия.

3. Тесные культурные и этнические связи между кочевниками Восточной Европы, Средней Азии и Казахстана и Южной Сибири, с одной стороны, и земледельческими районами Средней Азии и Ирана — с другой, особенно заметно проявлялись в военной области. Каждое новшество, будь то в оружии или в способах ведения военных действий, быстро распространялось на весьма обширной территории. Здесь прослеживается не только общность многих типов вооружения, но и общность тактических принципов.

Таковы три главных фактора, приведших в конечном счете к появлению катафрактариев. Разумеется, в различное время и у различных народов действия каждого из них, взятого в отдельности, было неодинаковым.

То, что катафрактарии впервые появились на указанной выше территории, представляется бесспорным, хотя степень участия различных народов в их создании была неравнозначной. Определить вклад каждого из них трудно, но зато можно проследить в общих чертах процесс, вызвавший в конечном счете появление катафрактариев. В целом наиболее близкими к истине мне представляются взгляды Тарна, с той поправкой, что тяжелая конница у сарматов развивалась в тесном контакте со среднеазиатско-парфянской средой.

Конница составляла главную военную силу ахеменидского Ирана. Пехота играла подчиненную роль и вербовалась частично из недисциплинированных горных племен, частично из греческих наемников. Сами персы служили только в коннице. Она была легковооруженной, и главным оружием ее были лук со стрелами, затем копье и короткий меч-акинак [15, VII, 61; VII, 84; см. также: IX, 49]. Такая конница, естественно, предпочитала рукопашному бою действия на расстоянии. Оборонительные доспехи имелись только у знатных воинов и у тех, кто составлял особые отборные отряды, наподобие 600 всадников Кира-младшего [24, I, VIII, 6]. Они обычно сосредоточивались в центре войска, где находился царь или главный военачальник. Эти стянутые в кулак силы были лучше других подготовлены к рукопашному бою, и нередко их атака решала исход сражения²⁶.

Слабость персидской кавалерии полностью выявилась во время греко-персидских войн, когда она столкнулась с фалангой тяжеловооруженных гопплитов. У Марафона и Платей [15, VI, 111 и сл.] греки успешно атаковали, несмотря на персидские стрелы, но персидская конница не могла атаковать ошетилившуюся копьями фалангу. Мардоний в битве у Платей пытался это сделать, но безуспешно, и только сам сложил голову в бою [15, IX, 53 и сл.; IX, 59 и сл.].

После греко-персидских войн в Иране стремились как-то компенсировать выявившиеся недостатки конницы. Даже не пытаясь создать боеспособную пехоту из местного населения, которая смогла бы противостоять фаланге, персидские цари широко практикуют наемничество, вербуя себе на службу греческих гопплитов. Кроме того, наблюдаются попытки реорганизовать саму конницу за счет создания более тяжелых подразделений.

²⁶ И у Артаксеркса, и у Кира Младшего в битве при Кунаксе в центре войска находились отборные части конницы, действия которых оказались решающими [см.: 24, I, VIII].

В уже упоминавшейся битве при Кунаксе у Кира-младшего был отборный отряд конницы, в котором и сами всадники, и их лошади имели защитные доспехи.

Ксенофонт в Киропедии неоднократно описывает оборонительные доспехи всадников и их лошадей, которые якобы имела персидская кавалерия во времена Кира-старшего [25, VI, 1, 50—51; VI, 4, 1; VII, 1, 2]. В заключительной главе, оплакивая вырождение современных ему персов, он противопоставляет им Кира-старшего с его войском: «Уничтожив метательный способ сражения, Кир одел их и их лошадей в броню, дал каждому в руки копье и этим заставил их сражаться вблизи» [25, VIII, 8, 22]. Из произведений Ксенофонта следует, что он и его современники отлично понимали главный недостаток персидской кавалерии — непригодность к ближнему бою. Пелтастов она атаковать еще могла — битва при Кунаксе это доказала, но голпыты были для нее непреодолимой преградой. Киропедия, конечно, не больше чем исторический роман, но роман, отражающий современный автору опыт, в том числе начавшийся процесс реорганизации персидской кавалерии.

Эти попытки реформ не производят впечатления достаточной целеустремленности. Скорее они были делом рук того или иного полководца, лучше других понимавшего суть проблемы. Во всяком случае, к моменту похода Александра она решена не была. Персидская кавалерия еще раз потерпела сокрушительное поражение, на этот раз от македонской фаланги. Однако и в это время в ней имелись отдельные части, лучше других приспособленные к ближнему бою. Сакская конница была закована в доспехи [8, III, 13, 4], а «бессмертные» — отборный корпус царских телохранителей — смогли в последней фазе битвы у Гавгамел прорваться сквозь лучшую часть македонской кавалерии [8, III, 15]. Беда была в том, что такой конницы у персов было слишком мало.

В эпоху наследников Александра конница, хотя и ценилась, но была немногочисленной и не играла большой роли. Главной силой эллинистического войска была тяжелая пехота — фаланга и гипасписты. Исход сражения обычно решал бой фаланг. Конница располагалась на флангах войска с целью предохранять пехоту от обхода. В битве она сражалась на флангах с кавалерией противника или преследовала отступающих. Пехоту она атаквала лишь в том случае, если фаланга при своем движении образовывала брешь. Тогда

да для конницы появлялся единственный шанс прорвать линию пехоты [491, стр. 62 и сл.]. Оружием такой конницы служили короткое копье и дротик, реже меч, в войсках Селевкидов — также лук и стрелы. Так продолжалось в Иране до тех пор, пока реформа, произведенная в парфянское время, не открыла перед конницей новые возможности.

Если попытки создания тяжеловооруженных подразделений, лучше приспособленных для ближнего боя, в Иране были прерваны македонским вторжением, то у кочевников евразийских степей, в том числе у различных племен Средней Азии и Казахстана, этот процесс протекал без перерывов. Хотя наши источники пока очень скудны, имеются все основания предполагать наличие там в последние века до нашей эры довольно сильной тяжеловооруженной конницы. Об этом, в частности, говорит раннее появление длинных мечей и копий.

Парфяне принесли с собой в Иран тот комплект вооружения и те тактические приемы, которые сложились на их среднеазиатской родине. Их вооружение в целом и отдельные его виды и типы демонстрируют очень большое сходство с сарматским и, разумеется, с оружием народов Средней Азии. Эта близость объясняется не только происхождением парфянской династии, но и тесными связями Парфии с кочевым миром, связями, которые не прерывались и в дальнейшем.

Большое сходство, вероятно, было и в способах ведения военных действий. Конница всегда была главной силой парфянского войска, а в первый период их истории пехота вообще играла подчиненную роль. Но и конница сперва была преимущественно легковооруженной²⁷ и еще уступала эллинистической пехоте. Если войны с Селевкидами в целом оказались успешными, то в немалой степени это объясняется внутренней неустойчивостью селевкидского государства. В отдельных сражениях парфянская кавалерия довольно часто терпела неудачи.

Достаточно вспомнить поражения, которые нанесли парфянам войска Антиоха III, в результате чего они были вынуждены даже признать на время верховный суверенитет Селевкидов [41, X, 27—31; 60, XII, 5, 7; см. также: 390, стр. 17; 135, стр. 177]²⁸. Первое столкно-

²⁷ В 232—231 гг. до н. э. легковооруженная парфянская конница применяет «скифскую» тактику, отступая к амударьинским степям и заманивая туда тяжелую армию Селевка II [41, X, 48; 48, XI, 8, 8].

²⁸ Десятитысячная конница бактрийского правителя Эвтидема, с которым Антиох вступил в борьбу сразу

вание с Римом также окончилось неудачей. Легат Помпея Афраний легко разбил захвативших спорную область Кордуэну парфян и гнал их до самых Арбелл в Северной Месопотамии [40, XXXVI]²⁹.

Одно время даже делались попытки создать по примеру эллинистических соседей тяжелую пехоту из наемников, но она оказалась ненадежной. Так, в 129 г. до н. э. во время битвы с саками греческая пехота перешла на сторону врага, что привело к поражению и гибели Фраата II [60, XIII]. Поэтому мысли о создании боеспособной пехоты были отброшены. А между тем потребности борьбы с пехотой Селевкидов, а затем римлян в последние века до нашей эры настоятельно требовали реорганизации парфянского войска. И она была проведена путем реформы конницы.

Реформа была проведена во II — начале I в. до н. э. Она сводилась не только к созданию полностью специализированной тяжеловооруженной конницы, но и к овладению искусством наилучшим образом использовать эту конницу в бою. Основой для ее проведения послужило наличие в парфянском войске отборных частей, вербовавшихся из аристократической среды, которые были лучше вооружены и чаще практиковали рукопашный бой.

В последние века до нашей эры в Парфии происходит дальнейшее совершенствование оборонительного и наступательного оружия, распространяется конский доспех, наконец, появляется тяжеловооруженная конница, главной и единственной задачей которой становится атака противника и прорыв его линии в ближнем бою.

Одновременно производилась отработка тактических приемов, поиски наилучшего взаимодействия между катафрактариями и легковооруженной конницей. Надо помнить, что сами парфяне всегда составляли меньшинство по отношению к остальному населению Ирана, которое отнюдь не было теми прирощенными наездниками, конными стрелками из лука, как кочевники евразийских степей. Поэтому и легкую кавалерию требовалось, если не создать заново, то переобучить и, во всяком случае, увеличить количественно³⁰.

Хотя катафрактарии были известны уже во II в. до н. э., максимально использовать их

преимущества научились далеко не сразу. Антиох III мог познакомиться с ними во время своего вторжения в Парфию и ввести их в свое войско [491, стр. 76]³¹. Но судьба их с очевидностью показывает, что мало иметь катафрактарию, надо еще уметь их использовать. В битве при Магнезии в 189 г. до н. э. Антиох распорядился ими так же, как обычно распоряжались конницей эллинистические полководцы: бросил в брешь, открывшуюся между центром и левым флангом Эвмена II. Эвмен сумел отступить, а затем зайти им во фланг, что решило исход битвы [27, XXXVII, 34—44; 60, XXI, 8]. Лукулл тоже не имел особых хлопот с армянскими катафрактариями, и это объясняется неправильным выбором позиции и плохим руководством. Вскоре после битвы у Тигранокерта последовала битва при Каррах, где катафрактарии в полной мере раскрыли все свои преимущества.

Было бы очень соблазнительно связать эти реформы с передвижениями среднеазиатских племен во второй половине II в. до н. э., в частности с продвижением их на территорию Ирана и Индии. К сожалению, конкретными данными мы почти не располагаем, за исключением того факта, что сакские контингенты появляются в иранском войске не позднее 130 г. до н. э. [60, XIII, 2, 1—3]. Можно только предположить, что мирные и враждебные отношения с этими племенами привели к количественному увеличению в парфянском войске тяжелой и легкой кавалерии, к улучшению их боевых качеств и взаимодействия.

Реформа кавалерии у кочевников евразийских степей была вызвана сходными причинами. В Средней Азии тяжеловооруженная конница могла появиться как оружие кочевников в борьбе с войсками оседлого земледельческого населения. Нечто подобное, вероятно, происходило и на Дальнем Востоке. Потребностями борьбы с Китаем, в войске которого главную роль играла пехота, была вызвана реорганизация гуннской кавалерии, о которой мы можем судить по скудным сведениям китайских источников. Уже Модэ-шаньюй в самом конце III в. до н. э. создал корпус регулярной конницы, действующей по единому слову командира, но это были по-прежнему лучники [83, стр. 47 и сл.]. Впрочем, источники отмечают, что знатные воины образовывали панцирную конницу [83, стр. 40], что подтверждается и данными археологии [492, стр. 137]. В свою очередь китайцы перенима-

же после парфянского похода, также не устояла перед фалангой [41, X, 48, 49].

²⁹ Впрочем, по Диону Кассию [XXXVII, 5], эта область была занята римлянами без боя.

³⁰ Ср. со словами Юстина [XII, 2, 4] о подготовке воинов легкой кавалерии у парфян.

³¹ В селевкидской кавалерии было много иранцев [см.: 472, стр. 170].

ют у гуннов кавалерию с ее вооружением, в том числе и доспехами³².

Лауфер считает, что реформа гуннской кавалерии была произведена под иранским влиянием, которое шло через юэчжей [436, стр. 227, 230]. Определенное внешнее влияние, очевидно, имело место, но оно скорее непосредственно исходило из Средней Азии или от других кочевников евразийских степей, чем из Ирана.

Тяжеловооруженная конница гуннов и тем более китайцев все же довольно сильно отличалась от парфянской и сарматской, и поэтому ее вряд ли следует называть катафрактариями. Пики, хотя и были известны, играли меньшую роль. Нет упоминаний о конских доспехах. Вооружение в целом было более легким. Это могло вызываться не только особенностями природных условий, но и специфическими причинами: на Дальнем Востоке никогда и в помине не было тяжелой пехоты, по своим боевым качествам приближавшейся к греческой или римской.

Разумеется, не только потребности борьбы с пехотой противника, но и сам ход военного и исторического развития, непрерывные войны и столкновения вынуждали кочевников евразийских степей наряду с издревле присущей им легковооруженной конницей создавать контингенты, вооруженные оборонительными доспехами и наступательным оружием ближнего боя, способные атаковать и побеждать противника в рукопашной схватке. Там, где эта общая тенденция превращалась в необходимость в силу того, что противник имел сильную пехоту,— там появлялись катафрактарии.

Задачу облегчала близость культур кочевников, их постоянные контакты и перемещения, тесные связи с земледельческими областями Средней Азии и Ирана. Поэтому с любой новинкой военного искусства они могли познакомиться и перенять ее на очень обширной территории.

В иранском войске тяжеловооруженная кавалерия оставалась главной силой и в сасанидское время, а в численном отношении была гораздо больше, чем в парфянском. Всадники вербовались из «свободных», экономическое положение которых было различным. Одни находились в феодальной зависимости от представителей высшей знати, другие были мелкими землевладельцами, третьи — свободными крестьянами [135, стр. 290]. Роль лег-

кой кавалерии относительно уменьшилась. Значение пехоты было невелико. «Пехотинцы...— пишет Аммиан Марцеллин,— несут службу обозных. Вся их масса следует за конницей, как бы обреченная на вечное рабство, не будучи никогда вознаграждаема ни жалованьем, ни какими-либо подачками» [3, XXIII, 6, 83].

Ему вторит Прокопий, для которого персидская пехота — это «толпа несчастных крестьян, которая следует за войском для того лишь, чтобы разрушать стены, собирать трупы и служить воинам» [45, I, 14]. Регулярного войска в сасанидской армии не было, за исключением царской стражи. И в этом отношении продолжалась старая парфянская традиция. Военная реформа была проведена только в царствование Хосрова I Аноширвана (531—579 гг.), когда впервые было создано регулярное войско, состоящее из тяжелой кавалерии, получавшей от царя жалованье [135, стр. 312].

Катафрактарии оказали большое влияние на военное искусство римлян и даже на состав их войска. Для борьбы с ними вырабатываются специальные тактические приемы [9, 4, 7; 11, 1]. Но этого оказывается недостаточно. В римской императорской армии постоянно растет удельный вес кавалерии, в том числе и тяжеловооруженной. Особенно активно этот процесс происходит во II—III вв. н. э.³³ Первоначально конные формирования в римской армии рекрутировались из варваров или жителей восточных провинций империи. Достаточно вспомнить сирийских сакиттариев. Но уже во II в. появляются конные подразделения, хотя и состоящие из романизированных жителей, но сражающиеся на варварский манер и варварским оружием. В качестве примера можно привести *ala Ulpia contaricrum civium Romanorum*, вооруженную длинными копьями и применявшую в борьбе с квадами сарматскую тактику [9, 4, 4]. В состав римской армии входят и катафрактарии. Известна, например, *ala I Gallorum et Pannoniorum Catafractata* [449, XI, 5632]. Два набора катафракта лошадей, вероятно принадлежавших *Cohors XX Palmyrenorum*, были найдены в Дура-Эвропосе [396, VI, стр. 440 и сл.].

Роль катафрактариев в римской армии особенно возрастает в III в. н. э. Для борьбы с кавалерией персов, сарматов и других народов император Галлиен провел реформу ар-

³² Впервые кавалерия появляется в Китае при царе Ву-лине (325—299 гг. до н. э.). В конце II в. до н. э. появляется тяжелая кавалерия, носившая панцири [см.: 436, стр. 222, 230].

³³ Первые катафрактарии появляются в римской армии во времена Александра Севера [382, стр. 513 и сл.].

мии, соединив различные конные формирования под одним командованием. Дальнейшие изменения происходят при Аврелиане, при котором количество катафрактариев в римской армии значительно увеличивается. Галерий окружал себя сарматскими катафрактариями и опирался на них во время своего персидского похода [258, стр. 333]. С III в. н. э. длинная всадническая спата вытесняет короткий гладий, характерный для классического периода. Этот процесс продолжается и в IV в. н. э. Вегетий, оплакивающий упадок легионарной пехоты, отмечает увеличивающееся значение катафрактариев и улучшение их вооружения [54, 1, 20].

Катафрактерии продолжали существовать и в период раннего средневековья. Тяжеловооруженная конница — прямая наследница катафрактариев парфяно-сарматского времени — имела и в Византии. Арабы же переняли ее у Сасанидов [154, стр. 41 и сл.].

Точное время появления катафрактариев у отдельных сарматских племен все еще является предметом споров. Так, по мнению К. Ф. Смирнова, они появились у сарматов Поволжья в конце II в. н. э. [302, стр. 110], а в сарматском мире в целом сформировались в I—II вв. н. э. [293, стр. 203]. Того же мнения придерживается и В. Д. Блаватский [87, стр. 114]. Напротив, В. П. Шилов относит время появления катафрактариев в Поволжье к рубежу эр, а может быть, даже к I в. до н. э. [358, стр. 462].

Письменные источники в разное время отмечают наличие катафрактариев у отдельных сарматских племен. Тацит свидетельствует о том, что у роксоланов они были в середине I в. н. э.; аланские катафрактерии предстают перед нами в тактическом уставе Арриана (II в. н. э.), а язигских упоминает Дион Кассий (начало III в. н. э.). Но эти авторы пишут о катафрактариях только в связи с интересующими их событиями. Поэтому нельзя надеяться, что они зафиксировали их первое появление у того или иного сарматского племени.

На помощь приходят данные археологии. Материалы кубанского Золотого кладбища дают довольно ранние комплексы с длинными и массивными копьями, мечами, оборонительными доспехами. На Северном Кавказе катафрактерии вообще могли появиться ранее всего. Меотская и сиракская аристократия еще в последние века до нашей эры создала сильные конные дружины, а участие северо-

кавказских сарматов и меотов в митридатских войнах с Римом и их связи с Закавказьем, эллинизированной Малой Азией и Ираном могли способствовать этому.

Но и у других сарматских племен они не могли появиться намного позднее. В последнее время в Поволжье становятся известными погребения, относящиеся к последним векам до нашей эры, содержащие комплект вооружения, предназначенного для катафрактариев³⁴. Боспорские фрески из склепов I—II вв. н. э. [258, табл. LXIV, 1; LXXVIII, 1; LXXIX; см. также табл. XXXIV, 3] свидетельствуют не только о распространенности катафрактариев у сарматов, но и о том, что по образцу последних боспорцы создают свою тяжеловооруженную кавалерию. Следует также напомнить о ряде косвенных данных, подтверждающих широкое использование пики у сарматов в I в. до н. э.—I в. н. э., применение которой неразрывно связано с вооружением и тактикой катафрактариев.

Все это указывает на то, что катафрактерии появляются у сарматов в I в. до н. э.—I в. н. э., а к концу I в. н. э. они имелись уже у всех или по крайней мере у большинства сарматских племен. Реформа была проведена довольно быстро и основательно. Уже в середине I в. н. э. роксоланы, которые потерпели такое сокрушительное поражение от Диафанта, для набега на Мезию смогли выставить 9 тыс. катафрактариев³⁵.

Однако само их появление было подготовлено всем ходом развития сарматского военного дела. В сарматском войске рано появились части, практиковавшие ближний бой. Длинные мечи и копья аристократических дружин прохоровского времени обеспечивали им успех в рукопашных схватках, которые нередко решали исход сражения. Такие дружины еще не были катафрактариями, но они были определенным шагом вперед в развитии конницы кочевников.

Однако к концу II в. до н. э., когда прежние контакты с греко-римским и парфяно-иранским миром сменились постоянным и прочным взаимодействием, когда соответственно меняются противники, с которыми приходилось иметь дело, достигнутый сарматами уровень развития военного дела оказался недостаточным. Реформа кавалерии стала насущной необходимостью. Ее облегчали два фактора.

³⁴ Например, Калиновка, курган № 55/14 [358, стр. 406].

³⁵ Для сравнения напомним, что у Сурены при Каррах их было едва ли многим более тысячи.

Тесные связи с Ираном, Средней Азией и Кавказом давали возможность следить за всеми достижениями военного искусства и техники и по мере необходимости перенимать и приспособлять их к местным условиям.

Само сарматское общество также было вполне подготовлено к реформе. Богатство родо-племенной аристократии и ее социальное положение позволяли ей держать постоянные дружины профессиональных воинов с их дорогостоящим оружием.

В I в. до н. э.—I в. н. э. основные реформы в сарматском войске коснулись не столько массы легковооруженной конницы, сколько ударных аристократических контингентов. Но одновременно вырабатываются новые тактические приемы и соответственно изменяется наступательное и оборонительное оружие. В целом сарматское войско оказывается уже достаточно сильным, чтобы на равных воевать и с парфянами, и с римлянами, не говоря уже о другом противнике.

Второй период (I в. до н. э.—IV в. н. э.)

С I в. до н. э. сарматы становятся постоянным фактором в политической истории античного мира. Продолжается их продвижение на запад, и карта расселения отдельных племен и племенных союзов все время претерпевает изменения. Вместе с другими народами сарматы активно участвуют в борьбе с отживающей свой век Римской империей. То мирные, то враждебные контакты с государствами Закавказья и парфянским и сасанидским Ираном приобретают постоянный характер. Оживленные культурные и этнические связи с народами и племенами Средней Азии и Казахстана становятся еще более интенсивными. Тесные сношения поддерживаются с греческими городами Северного Причерноморья, прежде всего с Боспором.

История сарматских племен в I в. до н. э.—IV в. н. э. более чем когда-либо полна войнами, походами, набегами и переселениями.

На западе они проникают в Подунавье [48, VII, 3, 2; 20, II, 26, 1—2], и сосланный в Томы Овидий неоднократно упоминает сарматских воинов, наводящих своими набегами страх на местное население. Август пишет в своей автобиографии, что к нему пришли послы сарматских царей, «живущих по сю сторону реки Танаиса и за ней» [1, 31, 1].

Язиги, вероятно, уже к середине I в. н. э.,

а точнее, в конце правления Тиберия прошли районы, занятые бастарнами и даками, и заняли равнину между Дунаем и Тиссой, где они на несколько веков становятся беспокойными соседями Рима [37, IV, 80—81; см. также: 472, стр. 92]. В частности, они выступают на стороне Веспасиана в его борьбе с Вителлием. К границам Рима продвигаются и роксоланы. Наконец, в середине I в. н. э., по сообщению Сенеки, дунайских границ империи достигают набеги аланов [5, 629].

С середины I в. н. э. становится все более заметной разница в политической ориентации и экспансионистских устремлениях различных сарматских объединений. В то время как главные интересы основного массива сарматских племен остаются по-прежнему тесно связанными с Северным Причерноморьем, западный форпост сарматского мира — объединения язигов и роксоланов — оказывается вовлеченным в сложные и изменчивые отношения Рима с его варварскими соседями.

Уже с самого начала I в. н. э. язиги и особенно роксоланы усиливают давление на римскую провинцию Мезию [20, IV, 30, 4]. В надгробной плите правителя провинции Плавтия Сильвана (56—66 гг. н. э.) [449, XIV, 3608] говорится, что он подавил волнение, начавшееся среди сарматов, а также даков и бастарнов, с которыми западные сарматы вступают теперь в довольно прочные союзы [148, стр. 58—59]. Но вскоре роксоланы вновь вторгаются в Мезию, и набег следует за набегом [51, I, 79; 56, VII, 4, 3]. В конце I в. н. э. роксоланы вместе с другими племенами (квадами, свевами и маркоманами) наносят поражение Домициану [46, VIII, 62; 20, LXIX, 7; 18, VII, 23]. Активное участие принимают роксоланы и другие сарматские племена на стороне Децибала в его борьбе с Римом.

Ко II в. н. э. роксоланы добиваются от Рима уплаты довольно регулярной дани под видом даров и с оружием в руках борются против попыток ее уменьшить [57, 5, 6; см. также: 449, V, 32—33]. Среди участников Маркоманских войн упоминаются роксоланы и сарматы, а также аланы, и характерно, что первая из них была названа римлянами Сарматской [59, 22, 24, 25].

В III в. н. э. усиливается продвижение западносарматских племен в римские провинции, возможно из-за давления со стороны готов [194, стр. 115]. Однако к этому времени они уже сильно смешались с окружающими племенами и утратили многие специфические особенности сарматской культуры.

Важно отметить, что связь основного сар-

матского массива с западносарматскими племенами никогда не прекращалась. В письменных источниках, повествующих о событиях на территории империи, наряду с язигами и роксоланами часто упоминаются аланы и просто сарматы. Вероятно, в некоторых случаях мы должны видеть в них группы выходцев из более восточных сарматских объединений или их войска, привлекавшиеся западными сарматами для борьбы с Римом.

В степях Восточной Европы в это время прочно устанавливается господство сарматов. Усиливается сарматское проникновение в Крым и на Кавказ, происходит сарматизация Боспора. Одновременно продолжают набегать в Закавказье и Малую Азию.

Сарматы принимают участие на стороне Митридата в его борьбе с Римом [6, 15, 19, 69, 102], и, вероятно, археологическим отражением этого служат находки римского пилума в Воздвиженском кургане и серебряной чаши из храма Аполлона в Фасиде в Зубовском кургане [303, стр. 20]. Бежавший на Боспор Митридат в своей последней отчаянной попытке продолжать борьбу наряду с другими варварскими племенами опирался на сарматов. В 50-х годах I в. до н. э. сарматы активно вмешиваются в междоусобные войны и смуты на Боспоре [106, стр. 312 и сл.].

В I в. н. э. сираки и аорсы, а вслед за ними и аланы неоднократно вторгаются в Закавказье и в более отдаленные области, играют важную роль в парфяно-армяно-иберийских политических отношениях. В 35 г. н. э. сарматы выступают на стороне иберов в их борьбе с парфянами за армянский трон и помогают одержать победу, в то время как какие-то другие сарматы поддерживают парфян [52, VI, 33, 35]³⁶. В 72 г. н. э. опустошительный набег на Армению и Мидию Атропатену совершают аланы. Вологез I был вынужден даже обратиться за помощью к Веспасиану, но получил отказ [56, VII, 7, 4; 20, LXVI, 15; 46, VIII, 2]. В 134—136 гг. н. э. аланы опустошают Албанию, Гордиену, Медию, доходят до Каппадокии. Для того чтобы их остановить, потребовались совместные усилия римского прокуратора Каппадокии Арриана и парфянского царя Вологеза II [472, стр. 111].

Так продолжалось до конца IV в. н. э., когда гуннское нашествие разметало создан-

ные сарматами политические объединения³⁷, а большая часть их оказалась вовлеченной в решающий натиск варваров на Римскую империю и в дальнейшем растворилась среди многих племен и народов.

Процесс классообразования внутри сарматского общества становится более интенсивным по сравнению с предшествующим временем. Заметно усиливаются социальная дифференциация и имущественное неравенство. Родо-племенная верхушка продолжает богатеть, и влияние ее на жизнь общества усиливается.

Античные писатели называют имена царей различных сарматских племен. Вероятно, их власть уже стала наследственной в руках наиболее знатного рода или семьи. Иначе Плавтию Сильвану не было бы нужды брать заложниками сыновей царей роксоланов.

Сарматские цари и племенная верхушка уже свободно распоряжаются массой рядовых соплеменников. Им единолично принадлежит решающее слово, с кем начать войну и с кем заключить мир и союз. Царь аорсов Евнон поставляет силы своего объединения Котису и союзникам-римлянам для борьбы с братом Котиса — Митридатом [52, XII, 15]. Предводители язигов, «в руках которых находилось управление народом», предлагают свое войско борющемуся за трон Веспасиану [51, III, 5].

Не только военные походы и набег обогащали сарматскую аристократию. Именно ей перепали дары и подачки, на которые все чаще приходилось идти дряхлеющему Риму. Сарматская знать также участвовала в торговле с другими странами и контролировала транзитную торговлю. Сиракская аристократия обменивала сырье и рабов на предметы роскоши, изготовленные на Боспоре. Аорсы участвовали в далекой караванной торговле [48, XI, 5, 8].

Наряду с обособлением аристократии происходит дальнейшая дифференциация внутри племени и рода. Помимо рядового свободного населения появляются неимущие и неполноправные прослойки, находившиеся в кабальной или в какой-то иной зависимости от своих сородичей или аристократии.

Уже в сусловское время наблюдается некоторая имущественная дифференциация среди рядовых сарматов, внутри семьи или рода, хотя и с трудом, но все же уловимая на археологическом материале. В позднесармат-

³⁶ Какие именно сарматские племена участвовали в этих событиях, Тацит не сообщает. Ростовцев [472, стр. 94—95] видит в них аланов, В. Б. Виноградов [96, стр. 149 и сл.] — аорсов и сираков.

³⁷ «Именно гунны, вторгнувшись в земли... аланов... многих перебили и ограбили, а остальных присоединили к себе по условиям мирного договора...» [3, XXXI, 3, 1].

скую эпоху увеличивается количество бедных погребений и даже погребений, совершенно лишенных какого-либо инвентаря, причем они встречаются в тех же небольших могильниках, что и более богатые погребения (например, могильник Бис-Оба под Оренбургом). Вряд ли мы имеем здесь дело с этническими различиями. Все погребения, как богатые, так и совсем бедные, принадлежат одним и тем же сарматам-соплеменникам; на это указывают одинаковые могильные сооружения, погребальный обряд и, главное, деформированные черепа покойников.

К началу IV в. н. э. относится краткое упоминание сарматских рабов [58, 6, 30]. Хотя оно скорее всего касается западных сарматов, все же это достаточно ясное свидетельство остроты противоречий внутри сарматского общества³⁸.

Вероятно, наиболее распространенной формой объединения у сарматов по-прежнему оставался племенной союз. Но большая часть созданных в последние века до нашей эры союзов племен теперь прекращает свое существование; вместо них возникают новые, а, главное, их внутренняя структура и система связей претерпевают сильные изменения.

Птолемей [III, 5] подразделяет живущие в Европейской Сарматии племена на «большие» и «малые». К числу первых он относит язигов, роксоланов, а также гамаксобиев и скифов-аланов. Скорее всего под «большими» племенами географ понимает крупные союзы племен, которые своей численностью и влиянием заметно отличались от остальных, под «малыми» — отдельные племена или мелкие племенные объединения.

Уровень развития различных сарматских объединений был неодинаковым. Вероятно, наиболее развитые социальные отношения существовали у сираков. Хотя сиракская аристократия была всаднической и сохраняла кочевой образ жизни, рядовое население в какой-то мере уже оседало и переходило к земледелию, как об этом можно судить по словам Страбона [48, XI, 2, 17]. Очевидно, в состав сиракского объединения входили и меотские земледельческие племена. Уже были города или, скорее, племенные центры, вроде

называемой Тацитом Успы. Сиракская знать эксплуатировала большое количество зависимого населения. Если верить Тациту, в одной Успе было 10 тыс. рабов [52, XII, 17]³⁹. О ее богатствах говорят кубанские курганы. Положение сираков — господствующего племени — могло напоминать положение царских скифов. Не исключено, что у сираков на какое-то время возникло примитивное варварское государственное образование.

Другие племенные объединения к рубежу эр, вероятно, несколько отставали в своем развитии от сираков, но вряд ли намного. Аристократические погребения в Поволжье и на Украине раньше совершенно не были известны, но в последнее время их стали находить и там. Встречаются и богатые женские погребения, уже без оружия. О богатстве, сосредоточивавшемся в руках аристократии, свидетельствуют так называемые «клады», найденные в Приазовье и на Украине, как правило относящиеся к первым векам нашей эры. Частично это действительно клады, частично разрушенные погребения. Они состоят из посуды и предметов личного обихода, изготовленных из драгоценных металлов, богато украшенных цветными камнями, а также фаларов всадников и их лошадей. Их обладатели по богатству вряд ли уступали сиракской аристократии. Достаточно сравнить федюловский или янчокракский «клады» с бедным инвентарем рядовых могильников Украины вроде Ново-Филипповского, чтобы увидеть пропасть, отделяющую сарматскую аристократию от рядового населения.

Внутри сарматского мира в последнем веке до нашей эры — первых веках нашей эры также происходят значительные изменения. Долгая борьба между сираками и аорсами заканчивается победой последних [96, стр. 103—104, 176]. На Северном Кавказе появляются аланы. В целом сюда усиливается приток сарматского населения из волжско-донских степей. Со второй половины I в. н. э. имя аорсов уже не встречается в письменных источ-

³⁸ Однако я не склонен считать их рабами в прямом смысле слова, а скорее каким-то зависимым населением, возможно земледельческим. Кочевое хозяйство не допускало концентрации значительных масс рабов в одном месте. Ср. с рассказом Геродота о восстании скифских рабов, в которых также видят автохтонные земледельческие племена, покоренные скифами-кочевниками.

³⁹ Однако вряд ли рассказ Тацита можно полностью принимать на веру. Прежде всего нельзя доверять называемой им цифре. Она кажется намного преувеличенной, даже если учесть, что в город, спасаясь от военных действий, стеклось окрестное население. Ведь многие греческие города Северного Причерноморья насчитывали в это время всего несколько тысяч жителей, считая и рабов. Кроме того, вызывает сомнение, что все рабы, сосредоточенные в Успе, были ими на самом деле. По крайней мере часть их могла быть просто зависимым населением. Царские скифы также считали всех прочих своими рабами, а сарматы-аркараганты считали своими рабами сарматов-лимигантов (см. 3, XVII, 12, 18).

никах, но зато все чаще упоминаются аланы⁴⁰. Вероятно, в I в. н. э. было создано аланское объединение, которое постепенно включило в себя большинство сарматских племен. Ранняя история аланов изучена очень плохо и в значительной мере остается дискуссионной. Мы, по существу, не знаем, были ли они наиболее восточным сарматским или наиболее западным сако-массагетским племенем⁴¹; впрочем, между ними могло и не быть большой разницы. Малоизвестны и обстоятельства продвижения аланов. Возможно, оно было связано с большими миграциями племен в Средней Азии в последние века до нашей эры. В свою очередь передвижение аланов могло оказать влияние на продвижение к западу других сарматских племен, в частности роксоланов и язигов.

Как бы то ни было, восточные, среднеазиатско-казахстанские связи аланов, проявлялись ли они в форме близости материальной культуры или непосредственного родства, кажутся несомненными. Вполне возможно, что аланский племенной союз с самого начала включал восточный этнический элемент.

Аланам суждено было сыграть важную роль в сарматской истории, впервые за много столетий им удалось объединить большую часть сарматских племен. Начало было положено еще во второй половине I в. н. э. включением в аланское объединение аорсов. В дальнейшем оно помимо самих аланов и аорсов могло включать сираков и часть роксоланов, а также другие племена, в том числе и несарматские, например часть меотов. О характере этого объединения судить трудно — источники сообщают о нем слишком скупо. Вероятно, оно создавалось далеко не мирным путем, поэтому внутри объединения могли существовать сложные отношения господства и подчинения между отдельными родами и племенами.

Такие отношения характерны для кочевых варварских обществ эпохи классового образования⁴². Прослеживаются они и у сарматов. О сираках уже говорилось. Тот же Аммиан Марцеллин, который сообщает об успехах аланов в деле объединения сарматских пле-

мен, пишет о двух племенах в Дунайском Левобережье — сарматах-лимигантах и сарматах-аркарагантах, из которых первые находились в зависимости от вторых [3, XVII, 3, 1; см. также: 17, 4, 6].

Аланы, давшие свое имя всему объединению, несомненно, были господствующим племенем. Очевидно, объединению сарматских племен способствовали потребности борьбы с окружающими народами, и не в последнюю очередь с Римом. Во всяком случае, начиная со второй половины I в. н. э. мы уже не слышим о войнах между отдельными сарматскими племенами. Вероятно, аланское объединение оказалось гораздо более прочным и сплоченным, чем можно было бы думать. Оно просуществовало около трех веков, и, по словам Аммиана Марцеллина, сарматы в это время «приняли одно имя и теперь все вообще называются аланами за свои обычаи и дикий образ жизни и одинаковое вооружение» [3, XXXI, 2, 17]. Археологически это подтверждается исключительным единообразием позднесарматской культуры на широких пространствах Поволжья, Подонья, Северного Кавказа и Украины⁴³.

Вопрос о характере этого объединения очень сложен. Походы аланов в Закавказье и Иран в I — начале II в. н. э. свидетельствуют о том же уровне развития, что и походы скифов (а также руссов, викингов и др.), т. е. о заключительном этапе эпохи классового образования. Вполне возможно, что в ходе дальнейшего развития аланское объединение приблизилось к известному типу кочевых «варварских» государственных образований, в которых родо-племенные отношения еще далеко не были изжиты, а внутренние противоречия частично сглаживались за счет успешных войн, захватов и набегов⁴⁴.

В результате всех этих перемен происходят значительные изменения в составе сар-

⁴⁰ Впервые об аланах сообщают одновременно Лукан применительно к Кавказу [4, VIII, 133; X, 454] и Сенека — к Дунаю [5, 629].

⁴¹ Дион Кассий [LXIX, 15, 1] и Аммиан Марцеллин [XXIII, 5, 16; XXXI, 2, 12] называют аланов массагетами.

⁴² У матрилинейных туарегов Сахары, например, каждый эттебел, племенной союз, включал одно господствующее и несколько зависимых от него племен [244, стр. 332].

⁴³ По этим причинам термин «конфедерация», которым К. Ф. Смирнов именует аланское объединение [290, стр. 204], представляется не совсем точным. Конфедерация предполагает равноправие участников при очень большой степени автономии. И то и другое вряд ли имело место в аланском объединении. Сам термин восходит еще к Моргану и по отношению к племенным союзам эпохи классового образования в целом не может считаться при нынешнем уровне наших знаний удачным.

⁴⁴ Под «варварским» государством я понимаю политические структуры с зародышами государственных институтов, появляющиеся в обществах, завершающих, но еще не завершивших процесс классового образования. Примерами могут служить скифское общество VI—IV вв. до н. э., варварские государства V—VI—VII вв. в Западной Европе, Гана VIII—XI вв. и др. [см. 337].

матского войска и в способах его комплектования. С развитием социальной и имущественной дифференциации сарматы постепенно теряют многие черты народа-войска, которые так отчетливо проявились в предшествующий период. Имеется много указаний на то, что в первые века нашей эры удельный вес, роль и значение рядовых сарматов в войске неуклонно снижаются.

Еще в I в. до н. э., в царствование Фарнака на Боспоре (63—47 гг. до н. э.), по словам Страбона, «царь сираков Абеак... выставил двадцать тысяч всадников, царь аорсов Спадин — даже двести тысяч, а верхние аорсы — еще больше» [48, XI, 5, 8]. Цифры весьма внушительные, даже если они преувеличены. Для того чтобы выставить такое количество всадников, вероятно, требовалось провести нечто вроде всеобщей мобилизации, а она была возможна лишь при условии, что все взрослое население было воинами, во всяком случае потенциальными.

Но так и было еще на самом деле. В I в. до н. э.—I в. н. э. оружие, хотя бы в виде символизирующих его нескольких наконечников стрел, находят даже в самых бедных мужских погребениях.

Впрочем, женщины уже, как правило, не участвуют в военных действиях. Оружие в их погребениях встречается редко и обычно сводится к нескольким наконечникам стрел. Но отдельные воительницы, судя по археологическим материалам, были даже во II в. н. э.⁴⁵, а по письменным источникам — еще позднее⁴⁶. В их погребениях находят полные колчаны стрел и даже мечи и кинжалы.

Однако можно предположить, что в II—IV вв. н. э. уже не каждый сармат был воином. Хотя, по словам Аммиана Марцеллина, в войне не участвуют те, кто непригоден к ней по полу и возрасту [3, XXXI, 2, 20], надо думать, что беднейшие слои сарматского общества нечасто принимали участие в военных действиях, а когда принимали, то лишь во вспомогательной роли. Во II—IV вв. н. э. гораздо чаще, чем раньше, встречаются мужские погребения, совершенно лишенные всякого оружия.

Зато роль аристократических дружин в составе сарматского войска еще более усилилась — ведь катафрактарии вербовались из среды сарматской знати и вооруженных ею

дружинников. О наличии таких дружин у сарматов античные авторы прямо почти ничего не сообщают, и существование их устанавливается главным образом по данным археологии и по аналогии с другими народами, достигшими сходного уровня развития. В условиях кочевого хозяйства и еще отнюдь не потерявших своего значения родо-племенных связей такие дружинники должны были вербоваться прежде всего из среды сородичей и соплеменников того или иного вождя, но были всем обязаны ему лично. Тем самым подрывались основы традиционной власти и авторитета.

Эти дружинники постепенно становились профессиональными воинами, окончательно забросившими мирные занятия. Их вооружение, боевой опыт и выучка были значительно выше, чем у рядовых воинов. Соответственно возрастала их роль в боевых действиях.

С другой стороны, сила дружины в значительной мере определяла положение того или иного предводителя в сарматском обществе. Вероятно, наиболее сильные дружины были у «царей» сарматских племенных союзов.

В какой-то степени их можно сравнить с дружинами монголов накануне образования государства Чингисхана, блестяще описанными Б. Я. Владимирцовым: «Нукеры как постоянное военное содружество, сожительствующее вместе со своим вождем, были эмбрио-армией, и эмбрио-гвардией; каждый нукер — будущий офицер и полководец. Дружина древнемонгольского предводителя была, следовательно, своеобразной военной школой». Число и качество нукеров определяли силу и авторитет вождей [98, стр. 91].

В этих условиях сарматская аристократия в военном отношении все меньше зависела от рядовых соплеменников. Со своими дружинниками и слугами она могла теперь предпринимать самостоятельные походы и набеги. Из рассказа Тацита о роксоланском набеге на Мезию явствует, что их войско состояло из катафрактариев и насчитывало всего 9 тыс. человек. Цифра поразительно мала, особенно в сравнении с многочисленными войсками, выступавшими сарматами в предшествующее время. Следовательно, рядовые общинники в походе не участвовали.

Из всего сказанного не следует, что рядовая масса свободных сарматов была теперь совершенно отстранена от участия в военных действиях. Ведь процесс классообразования у сарматов отнюдь не завершился. Напротив, рядовые сарматы в численном отношении по-прежнему составляли большинство войска и

⁴⁵ См., например, Калиновка, курган № 34/1.

⁴⁶ Флавий Вописк [55, 33] сообщает, что даже в конце III в. на стороне готов против римлян сражались женщины, одетые в мужскую одежду. Вероятно, они были сарматками.

по мере надобности брали в руки оружие. Но их роль и влияние в войске неуклонно снижались.

Сарматское войско I в. до н. э.— IV в. н. э. по-прежнему было представлено двумя родами войск — пехотой и конницей.

О пехоте письменные источники почти не упоминают — все внимание уделялось коннице, составлявшей главную силу сарматского войска. По словам Тацита, «сарматы крайне трусливы в пешем бою, но, когда появляются конными отрядами, вряд ли какой строй им может противиться» [51, I, 79]. Про конницу язигов он же пишет, что в ней одной у них заключается вся сила [51, III, 5]. Пехота имела лишь вспомогательное значение и, вероятно, вербовалась из самых неимущих слоев сарматского общества.

Так, пехотинцами по преимуществу были сарматы-лимиганты — зависимое язигское племя в Дунайском Левобережье, — которых Аммиан Марцеллин называет рабами. Они были вооружены копьями, дротиками и щитами [3, XVII, 12, 9; XVII, 13, 7; XIX, XI, 10]. Другим оружием пехотинцев могли быть мечи и кинжалы, а также луки и стрелы. В целом их вооружение должно было быть очень близким к вооружению легковооруженных всадников.

Вероятно, несколько большую роль пехота играла у сираков и в западных объединениях сарматских племен. У первых она вербовалась из меотского земледельческого населения, а в ее составе важное место занимали копейщики. У вторых это могло быть связано с частичным оседанием сарматов и смешением их с соседними племенами.

Сарматская конница теперь четко делится на тяжеловооруженную — катафрактариев — и легковооруженную, и успешное ведение военных действий строилось на их умелом взаимодействии в бою. В I в. до н. э.— IV в. н. э. сарматская тактика претерпевает изменения, становится более гибкой, оказывается в большей степени приспособленной к новым противникам.

Главным наступательным оружием сарматских катафрактариев стала пика, и в их действиях прием конного кулака, известный и в предшествующий период, получил дальнейшее развитие. Тесно сомкнутый строй защищенных металлических доспехами всадников оказался достаточно эффективным и против манипулярного построения римских легионеров, и против боспорской фаланги. Не случайно римляне напали на опустошавших Мезию роксоланских катафрактариев только после того,

как те, увлекшись грабежом, рассеялись по стране. Примечательно, что Тацит при этом отмечает, что вряд ли какой строй может противиться сарматам, когда они действуют конными отрядами [51, I, 79].

Благодаря Арриану мы знаем, что в атаке сарматские катафрактарии применяли клинообразное построение, которое у них перенимали другие народы [9, 16, 6]⁴⁷. Построенные клином катафрактарии на карьере [87, стр. 121] врзались во вражеский строй, разрезали его надвое и пиками опрокидывали неприятеля. Рубка мечами в конном строю могла при необходимости довершать дело — со II в. н. э. длинные мечи вновь появляются у сарматской аристократии, теперь катафрактариев, в качестве вспомогательного оружия. Недаром Арриан, сам боровшийся, будучи прокуратором Каппадокии, с аланами, рекомендует строить против них фалангу поглубже [9, 11, 1—2].

Лук со стрелами также были на вооружении сарматских катафрактариев в качестве вспомогательного оружия. Они могли применять его наподобие парфянских — перед вступлением в рукопашный бой или когда надо было расстреливать окруженного противника.

Отличительной особенностью сарматских катафрактариев было то, что конский доспех получил у них меньшее распространение, чем в Иране. Тацит, сообщая о роксоланском набеге на Мезию, ни словом не упоминает о катафрактах лошадей, из чего можно заключить, что их в то время у роксоланской тяжеловооруженной конницы не было. Отсутствуют они и на изображениях катафрактариев на погребальных росписях пантикапейских склепов. Однако из этого ни в коей мере нельзя делать вывод, что конский доспех был совсем неизвестен сарматам.

Катафракта лошади изображена на погребальной стеле Афения, сына Мена [430, № 650], причем она защищает лошадь не самого Афения, а его слуги-оруженосца. Катафракта чешуйчатая, довольно короткая, покрывает только бока и круп лошади, не спускаясь к ногам. Нагрудник и налобник, кажется, отсутствуют. Такие катафракты, конечно, проникли на Боспор от сарматов.

Катафракт сарматских лошадей изображены на Траяновой колонне [379, табл. XXXI,

⁴⁷ У сарматов это построение перенимали римляне [см.: 3, XVII, 13, 8]. Было ли оно известно иранским катафрактариям, неясно — источники об этом молчат. О распространении его в средневековой Европе см.: 87, стр. 122.

XXXVII; 438, табл. 17, 20]. Они также чешуйчатые. Никаких других подробностей установить не удастся, потому что катафракты лошадей, как, впрочем, и катафракты самих всадников, изображены слишком условно. Лошади, как в футляр, одеты в катафракты, покрывающие их с головы до ног, и передвигаться в них было бы крайне трудно. Но рельефы Траяновой колонны подтверждают наличие конского доспеха у сарматских катафрактариев.

Достоверных находок катафркт лошадей в погребениях пока нет, однако некоторые из ранее найденных могли принадлежать не самим всадникам, а их лошадям. Так, в одном из курганов, раскопанных Н. И. Веселовским в 1896 г. у ст. Ярославской, лежали два покойника, одетые в кольчуги, и, кроме того, была обнаружена «огромная свернутая кольчуга, может быть конская броня» [ОАК за 1896 г., стр. 57]. Конской катафрактой мог быть медный чешуйчатый панцирь, найденный П. М. Леонтьевым в одном из курганов около ст. Елизаветовской. Он имел в длину не менее двух аршин (1,4 м) [178, стр. 516]. Не исключено, наконец, что большое количество железных пластин, происходящих из кургана № 55/14 Калиновского могильника, принадлежало конской катафракте [358, стр. 406]. Они очень крупные (12×8 см), других подобных я не знаю⁴⁸.

Вполне возможно, что большая редкость конских катафркт у сарматов и в Северном Причерноморье вообще объясняется тем, что доспех чаще всего изготовлялся из кожи. Такие доспехи, как и металлические, могли украшаться фаларами, частично имевшими защитное значение. Наиболее крупные из фалар, найденных в «кладах» Северного Причерноморья, вероятно, носили не сами воины, а их лошади. Вместе с сопутствующими им более мелкими бляхами они образовывали нагрудный набор, в какой-то мере заменивший металлический нагрудник.

Меньшая распространенность конского доспеха у сарматов связана не с отставанием вооружения, а со специфическими условиями кочевой среды. Большие расстояния, плохие дороги, ненадежность фуражировки — все это требовало большей по сравнению с Ираном подвижности и маневренности даже от тяжеловооруженной конницы. В таких условиях большой вес металлического конского доспеха

оборачивался не столько своими положительными, сколько отрицательными сторонами.

Так, вероятно, обстояло дело и в Средней Азии и Казахстане, хотя катафракты лошади были известны и там. Одетую в доспех лошадь изображает скульптура из Халчаяна [253, стр. 209, рис. 97]. А далее на восток металлический конский доспех был распространен еще меньше. У гуннов он в сколько-нибудь значительных размерах не употреблялся; в Китае впервые появился только в танское время, а наибольшее употребление получил лишь в минское, может быть под влиянием монголов [436, стр. 234, 306, 312, рис. 52—54].

Реформа, проведенная в сарматском войске в I в. до н. э.— I в. н. э., раньше всего коснулась тяжеловооруженных контингентов. Легкая конница качественных изменений вначале не претерпела. Главным оружием ее по-прежнему оставались лук со стрелами и короткий меч или кинжал, которые получили теперь повсеместное распространение. В массе рядовых сарматских погребений Поволжья короткие мечи или кинжалы постоянно встречаются наряду со стрелами, являясь, таким образом, общеупотребительным видом оружия. Поэтому и рядовые воины могли вступать в рукопашный бой, но спешившись, так как мечи были короткими. Отдельные воины могли иметь копье. Оборонительных доспехов они не имели, за исключением кожаных или костяных панцирей. Красочные описания таких воинов оставил Овидий.

Таким образом, между тяжелой и легкой конницей в I в. до н. э.— I в. н. э., вероятно, образовался некоторый разрыв. Появившиеся катафрактариИ были приспособлены исключительно для ведения рукопашного боя, и это стало их главной и единственной задачей в бою. Поэтому их взаимодействие с легкой конницей должно было строиться на новых основаниях. Между тем вооружение последней вынуждало ее действовать по-старому.

Разумеется, внезапная атака и быстрое отступление легковооруженной конницы по-прежнему были одним из известных сарматам тактических приемов, однако его значение должно было постепенно уменьшаться. В битве против греческой и римской пехоты он оказался малоэффективным. Решающее значение окончательно приобрел рукопашный бой, и Тацит пишет про сарматов I в. н. э., что «у них все подстрекают друг друга не допускать битвы метанием стрел, говоря, что следует предупредить ее быстрым ударом и рукопашной схваткой» [52, VI, 35]. Именно от такого боя зависел исход битвы, и, хотя основное

⁴⁸ Впрочем, размеры чешуек конских катафркт, найденных в Дуре-Эвропосе, не превышают размеры чешуек от панцирей самого всадника [см.: 396, VI, стр. 443—444].

слово оставалось за катафрактариями, в ней теперь чаще, чем раньше, должны были принимать участие и легковооруженные воины, которые помимо этого завязывали битву, преследовали разбитого противника и охраняли фланги своего войска. Но тут не могли не сказаться слабости наступательного вооружения ближнего радиуса действия у легковооруженной конницы. Не случайно уже с I в. н. э. вновь спорадически появляются длинные мечи.

Была еще одна причина, по которой прежнее вооружение легкой конницы оказалось устаревшим. С появлением катафрактариев действия лавой в значительной мере утратили смысл. Ведь эффективное использование катафрактариев и тяжеловооруженной конницы вообще возможно только при ее взаимодействии с легкой. При действиях лавой, когда отдельные контингенты не расчленены или расчленены довольно слабо, такое взаимодействие затруднено. Более четкая дифференциация функций тяжелой и легкой конницы, различные задачи, выполнявшиеся ими в сражении, привели к тому, что появилась необходимость вести бой отдельными отрядами, координировавшими свои действия. Сарматы сражались подобным образом уже в I в. н. э., как об этом свидетельствует донесенное до нас Тацитом описание битвы соединенного сармато-иберийско-албанского войска с парфянским в 35 г. н. э. [52, VI, 33, 35].

Сражение с обеих сторон открыли лучники, при этом парфяне попытались применить характерный для них тактический прием, заключавшийся в охвате неприятельского войска и в дальнейшем расстреливании его из луков. В битве при Каррах он оказался очень эффективным, но против сарматов не удался. Сарматы, луки которых были не столь дальноточными, как парфянские, предпочли перейти в рукопашную, бросившись на парфян с пиками и мечами. При этом дело не ограничилось одним ударом. Сарматы атаковали несколько раз, то отдельными отрядами, то в сомкнутом строю. Пехота иберов и албанов только довершила дело. Главная заслуга в победе над парфянами принадлежала сарматской коннице.

Новые потребности привели к тому, что ко II в. н. э. вооружение легкой конницы сарматов претерпевает довольно значительные изменения, которые катафрактариев коснулись сравнительно мало.

Новые типы оружия по большей части появляются у сарматов еще в конце сусловской эпохи, но их широкое применение падает уже

на последующее время. Постепенно распространяются мощный лук с костяными накладками и сопутствующие ему крупные наконечники стрел. Короткий меч с кольцевым навершием сменяется длинным мечом без металлического навершия.

Лук и стрелы, вероятно, по-прежнему оставались неизменным оружием рядовых сарматских воинов. Но в их использовании, очевидно, происходят некоторые изменения. Мощный лук и крупные наконечники стрел позволяли вести не только массовую, но и прицельную стрельбу. В этом случае воин уже не нуждался в столь большом количестве стрел, как раньше. И действительно, в позднесарматских погребениях они встречаются реже и в значительно меньших количествах, чем в погребениях предыдущих эпох.

Наряду с луком и стрелами в рядовых погребениях появляются длинные мечи и кинжалы. Следовательно, легковооруженная сарматская конница во II—IV вв. н. э. регулярно участвовала в ближнем бою и, не спешиваясь, рубилась с коня. О том, что такая конница доспехов не имела, сообщает Арриан [7, 31].

Со II в. н. э. реформу сарматского войска можно считать полностью завершенной, а сарматская тактика больше чем когда-либо раньше строится на эффективном использовании тяжелой и легкой конницы, при решающей роли первой.

Однако и значение легковооруженной конницы было достаточно велико. Она могла теперь не только начинать сражение и преследовать противника, но во взаимодействии с катафрактариями активно участвовать в решающей части боя. Как всегда и всюду, катафрактарии наиболее успешно действовали только тогда, когда их поддерживала легкая конница. Вероятно, именно к последней относятся слова Аммиана Марцеллина: «Они проезжают огромные пространства, когда преследуют неприятеля или когда бегут сами, сидя на быстрых и послушных конях, и каждый ведет еще в поводу запасную лошадь, одну, а иногда и две, чтобы, пересаживаясь с одной на другую, сохранить силы коней и, давая отдых, восстанавливать их бодрость» [3, XVII, 12, 3]. Возможно, и прием ложного отступления, безусловно практиковавшийся сарматами, выполнялся легковооруженной конницей.

Значительным шагом вперед в сарматском военном искусстве было то, что атака теперь производилась не сплошной лавой или массивными конными кулаком, а отдельными крупными отрядами, координировавшими свои действия. Как уже отмечалось, первые следы

такой тактики наблюдаются в I в. н. э., но только к началу II в. сарматское войско оказывается готовым использовать все ее преимущества. Сражение теперь протекало как четко координированные действия отдельных отрядов тяжелой и легкой конницы, выполнявших самостоятельные тактические задачи, и управление ими в бою требовало большого искусства.

По словам Арриана, оно облегчалось специальными значками, которые имел каждый отряд. Он пишет: «Скифские (т. е. аланские.— А. Х.) военные значки представляют собой драконов, развевающихся на шестах соразмерной длины. Они шиваются из цветных лоскутьев, причем головы и все тело, вплоть до хвостов, делаются наподобие змеиных как только можно представить страшнее. Выдумка состоит в следующем. Когда кони стоят смирно, видишь только разноцветные лоскутья, свешивающиеся вниз, но при движении они от ветра надуваются так, что делаются очень похожими на названных животных и при быстром движении даже издают свист от сильного дуновения, проходящего сквозь них. Эти значки не только своим видом причиняют удовольствие или ужас, но полезны и для различения атаки и для того, чтобы разные отряды не нападали один на другой» [9, 35, 3]⁴⁹.

Умение действовать отдельными отрядами косвенно указывает на то, что сарматам были известны многие приемы, применявшиеся в это время парфянской конницей, как-то обход и охват, хотя источники об этом молчат.

Но сарматам приходилось иметь дело не только с тяжелой пехотой римлян. Они сталкивались с парфянскими катафрактариями, а также с катафрактариями и клибанариями позднеримского войска. Наверняка сражались они и с конницей соседних кочевых народов. В таком случае исход сражения решали не только столкновение и рукопашный бой тяжеловооруженной конницы, но и превосходство в подвижности и маневренности, что в значительной степени обеспечивалось за счет легковооруженной конницы.

⁴⁹ Изображения таких значков имеются на арке Галерия в Салониках. Римляне, сперва считавшие их варварскими, заимствовали драконов у сарматов. «Главным знаком всего легиона является орел, его носит орлоносец. Кроме того, в отдельных когортах драконарии выносят в бой драконов» [54, II, 13]. Интересно, откуда появилось у аланов это животное, столь характерное для мифологии и искусства Дальнего Востока? Не является ли оно отражением их далеких восточных связей наряду с китайскими зеркалами, нефритовыми скобам мечей и т. д.?

Из отдельных военных приемов, использовавшихся сарматами во II—IV вв. н. э., источники сохранили упоминание о засаде [3, XVII, 12, 2]. Никаких подробностей не сообщается, за исключением того, что в ней участвует конница. Быть может, сарматские засады в какой-то степени походили на те, которые применялись сасанидским войском, как они описаны в анонимном военном трактате, дошедшем до нас в арабском переводе: «И следует выбирать для засады воинов смелых, храбрых, осторожных и деятельных, которые не будут громко вздыхать, кашлять и чихать; и выбирают для них верховые животные, которые не будут ржать или шалить⁵⁰; и выбирают для их засады места, в которые нельзя внезапно проникнуть и прийти, близкие от воды, чтобы запастись ею, если продолжится выжидание... И пусть избегают они добычи. И пусть выходят они из засады, разделившись, когда враг перестанет охранять себя и высылат лазутчиков, и когда заметят в передовых частях врага небрежность и упущение, и когда выпустят те своих верховых животных на пастбище... И [следует] им, выйдя из засады, развернуться и разделиться, распределить между собой обязанности и спешить с нападением на врага, не медлить и не колебаться» [154, стр. 48].

В I в. до н. э.— IV в. н. э. вооружение и военное искусство сарматов продолжали развиваться в тесной связи с окружающими народами. Связи со Средней Азией, с племенами, населявшими евразийские степи, становятся еще более интенсивными. Происходит постоянный обмен всеми достижениями военной техники и искусства.

Потребности борьбы с Римом, Ираном и другими противниками вызвали появление и развитие конницы катафрактариев. При этом могло сказаться некоторое парфянское влияние. С Кавказа, а позднее из восточных районов Евразии сарматы заимствуют отдельные типы оружия.

В свою очередь сарматское вооружение и военное искусство оказывают глубокое и всестороннее влияние на военное дело окружающих народов: римлян, боспорцев, германцев, парфян и др.

Хотя имеющиеся в нашем распоряжении материалы относятся по большей части к сарматам, населявшим поволжско-украинские

⁵⁰ Ср. со словами Аммиана Марцеллина [3, XXII, 12, 2], что у сарматов кони по большей части вылощенные, «чтобы не бросались при виде кобыл и, когда приходится засесть в засаду, не бесились, выдавая ездов усиленным ржанием». Ср. также: 48, VII, 4, 8.

степи и входившим в аланское объединение, есть все основания полагать, что вооружение и военное искусство всех сарматских племен в эту эпоху были более чем когда-либо едины. Об этом упоминает Аммиан Марцеллин [3, XXXI, 2, 17]. Даже у язигов, рано оторвавшихся от основного сарматского массива, мы наблюдаем те же типы оружия и те же тактические приемы, что и у воинов других сарматских племен.

Существует мнение, что к концу IV в. н. э. под влиянием гуннов у аланов происходит реорганизация кавалерии и тяжелая конница уступает место легкой [214, стр. 159—160; 122, стр. 247]. При этом ссылаются на Аммиана Марцеллина, который пишет, что аланы «очень подвижны вследствие легкости вооружения и во всем похожи на гуннов» [3, XXXI, 2, 21]. Однако вряд ли эти слова следует понимать буквально.

Прежде всего вопрос о составе гуннского войска и его вооружении к моменту их появления в Восточной Европе далеко не ясен, ввиду отсутствия надежного археологического материала. Судя по китайским источникам, гуннам была известна одетая в доспехи тяжеловооруженная конница, и это подтверждается центральноазиатским археологическим материалом. Те комплексы из Центральной и Западной Европы, которые связывают с гуннами, дают оружие, обычное для тяжеловооруженного всадника IV—V вв. н. э. [494, стр. 56]. Современники наряду с луками [19, 126—127, 128, 255] и арканами [3, XXXI, 2, 7—9] называют в составе гуннского вооружения мечи [44, фр. 8, 10; 3, XXXI, 2, 7—9], копьа [3, XXXI, 2, 7—9]; упоминают о доспехах гуннских всадников [54, I, 206]; пишут о том, что гуннская конница рубилась мечами не спешиваясь и употребляла клинообразное построе-

ние [3, XXXI, 2, 7—9], а оно могло быть эффективным только при наличии тяжеловооруженной конницы.

Поэтому слова античных писателей о подвижности гуннской конницы и о большом значении лука у гуннов нельзя понимать в том смысле, что главную роль у них играла легкая конница. Конечно, гуннская конница была быстрее и подвижнее, чем римская и, возможно, аланская, и славилась своими лучниками, но в целом она должна была включать в себя и тяжелые и легкие подразделения и не так уж сильно отличалась от позднесарматской.

Что касается аланов, то у нас нет никаких данных о замене у них тяжелой конницы легкой. Напротив, Иордан, описывая битву племен при Недао с наследниками Аттилы в 453 г., отмечает: «...можно было видеть... алана, строящего ряды с тяжелым... оружием» [19, 261]. Его слова хорошо согласуются с материалами «речных» погребений Восточной Европы, в которых представлено оружие тяжеловооруженных воинов IV—V вв.: длинные мечи, копьа, кольчуги.

Все это не означает, что в вооружении сарматов IV—V в. н. э. не произошло решительно никаких изменений. Изменения были и в типах наступательного оружия, и, возможно, в совершенствовании оборонительного — оно сделалось более легким и удобным. Но эти новшества не носили принципиального характера. В позднесарматской коннице, так же как в позднеримской, сасанидской и византийской, решающую роль играли тяжеловооруженные контингенты.

Подлинная реформа кавалерии начинается не ранее VI в. — с появлением в евразийских степях жесткого седла, стремян и сабли [93, стр. 62 и сл.].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ различных категорий и типов сарматского оружия и сопоставление всех имеющихся в нашем распоряжении источников — археологических, письменных и иконографических — приводят к выделению двух основных периодов в истории сарматского вооружения, организации войска и военного искусства. Каждый из них имеет ряд характерных черт и особенностей.

Начало первого совпадает по времени с формированием савроматской культуры. Его окончание я склонен относить к концу II в. до н. э. Первый период в развитии военного искусства сарматов совпадает со вступлением их в эпоху классообразования и резким усилением роли войны в жизни общества. Сарматы предстают перед нами как народ-войско, у которого практически все взрослое население участвует в войнах. Особенностью было широкое участие в них женщин. Родо-племенная структура общества одновременно должна была обеспечивать форму его военной организации. Но аристократические дружины, очевидно появившись еще в савроматское время, прежде всего в Приуралье, в III—II вв. до н. э. уже играют значительную роль и в войске, и в обществе в целом.

Большая часть войска состояла из легковооруженных всадников. Пехота была, но не имела большого значения. Главным оружием служили лук и стрелы. Лук был таким же, как у всех кочевников евразийских степей этого времени, — небольшим, сложным, «скифского» типа. Уже в савроматское время появляются первые экземпляры бронзовых и железных черешковых наконечников. К концу прохоровского времени железные трехлопастные черешковые наконечники стрел становятся господствующими. Сводчатая головка у них сменяется треугольной. По форме среза

нижней части лопастей среди них выделяется несколько типов.

В отличие от скифов у сарматов уже с конца VI в. до н. э. стали известны длинные всаднические мечи, служившие для рукопашного боя с коня. Особенно широко мечи и кинжалы распространяются начиная с IV в. до н. э.

В прохоровское время господствует тип меча с серповидным навершием, формирование которого заканчивается в IV в. до н. э. Но уже к III в. до н. э. завершается генезис мечей с кольцевым навершием, начало которого восходит к савроматской эпохе. Иногда они встречаются в погребениях III—II вв. до н. э. Также к савроматскому времени восходит начало генезиса мечей без металлического навершия. Для III—II вв. до н. э. они чрезвычайно редки, хотя и представлены вполне сформировавшимся типом с прямым перекрестием.

Копий известно мало. В какой-то мере их редкость могла компенсироваться наличием длинных мечей. Как правило, наконечники копий малооригинальны по форме; часть их ведет свое происхождение с Кавказа. Однако найдены тяжелые и длинные всаднические копья, служившие оружием ближнего боя. Такие копья могли получить несколько большее распространение в конце периода, когда наблюдается некоторое укорочение мечей. По каким-то причинам в погребения их, как правило, не клали.

Оборонительное оружие встречается значительно реже, чем у скифов и меотов. Металлические панцири единичны и, возможно, были импортными. Вероятно, чаще применялись не дошедшие до нас кожаные или костяные. Именно слабость оборонительного оружия могла быть одной из причин, вызвавшей раз-

вите оружия наступательного, ближнего радиуса действия.

Тактика и стратегия сарматского войска в VI—II вв. до н. э. были близкими к скифским. Они строились на внезапной атаке и быстром отступлении. Боевым порядком конницы была лава. Несомненно, был известен прием конного кулака. Появление оружия ближнего боя — длинных мечей и тяжелых копий — говорит о начавшемся отходе от «скифской» тактики. Это особенно заметно для III—II вв. до н. э., когда ядро конного кулака должны были составлять аристократические дружины, лучше других вооруженные наступательным оружием ближнего радиуса действия, которое позволяло им сражаться непосредственно с коня. В битве они врезались в ряды противника и часто этим решали ее исход.

Второй период датируется I в. до н. э. — IV в. н. э., причем I в. до н. э. — I в. н. э. являются переломными в развитии военного дела сарматов. Продолжается процесс классообразования. У некоторых племенных союзов он приближается к рубежу, когда возможно появление первых примитивных государственных образований. Сарматская аристократия уже очень сильно обособляется от остального общества. С другой стороны, появляются прослойки обедневшего населения, о чем говорят погребения, лишенные всякого оружия.

Все это не могло не сказаться на организации и структуре сарматского войска. Его основной силой стали катафрактарии — тяжеловооруженная конница, вербовавшаяся из представителей сарматской знати и их дружинников, ставших теперь профессиональными воинами. В погоне за добычей они предпринимали теперь самостоятельные походы и набеги.

Рядовые сарматы пополняли легковооруженную конницу, наиболее бедные — пехоту. Однако беднейшие слои населения редко участвовали в военных действиях, и то лишь во вспомогательной роли.

Я полагаю, что катафрактарии у сарматов появляются в I в. до н. э. — I в. н. э., а уже к концу I в. н. э. они были у большинства сарматских племенных союзов. Среди многообразных причин, вызвавших их появление у сарматов, следует отметить потребность в войске, способном противостоять тяжелой пехоте греков и римлян, тесные контакты с другими кочевниками евразийских степей и земледельческим населением Средней Азии, Кавказа и Ирана и сам ход развития вооружения и военного искусства, который вел к увеличению в их войске удельного веса кон-

тингентов, вооруженных тяжелым наступательным и оборонительным оружием.

Главным оружием сарматских катафрактариев были пики. Массивные наконечники их частично могли быть заимствованы с Кавказа. Металлические панцири, судя по кубанским находкам, были чешуйчатыми или комбинированными — состоящими из комбинации железных чешуек и пластин с кусками кольчужного плетения. Собственно кольчуги постепенно распространяются с первых веков нашей эры. Голову катафрактариев защищали каркасные шлемы с поперечными ободками и прикреплявшимися к каркасу металлическими пластинками, происхождение которых не вполне ясно.

Особенностью сарматских катафрактариев было слабое распространение у них конских доспехов. Это вызывалось специфическими условиями кочевой среды, требовавшими большой подвижности и маневренности даже от тяжеловооруженной конницы.

Реформа, происшедшая в сарматском войске в I в. до н. э. — I в. н. э., сначала коснулась преимущественно тяжеловооруженных контингентов. Вооружение легкой конницы претерпело сравнительно мало изменений. Лук в основном остается прежним. В колчанах безраздельно господствуют различные типы железных трехлопастных черешковых наконечников стрел. Правда, широкое распространение среди рядовых воинов получают мечи и кинжалы с кольцевым навершием, но они были короткими, малопригодными для рубки с коня.

Между тем появление катафрактариев вызвало большие изменения в тактике — переход к ведению боя отдельными отрядами тяжелой и легковооруженной конницы, имевшими самостоятельные задачи, но координировавшими свои действия. Первые следы новой тактики мы встречаем в I в. н. э. В этих условиях задачи легкой конницы усложнились, и ей чаще, чем раньше, приходилось участвовать в рукопашном бою. В результате в ней также происходит смена вооружения, завершившаяся во II в. н. э.

Новые типы оружия: длинные мечи, луки с костяными накладками, крупные наконечники стрел — повысили ударную силу обоих главных подразделений сарматского войска, но прежде всего легкой конницы.

Луки с костяными накладками широко распространяются во II—IV вв. н. э. Их появление было вызвано распространением оборонительных доспехов — старые луки против них были малопригодны. Различные варианты та-

жих луков встречаются от Китая до Центральной Европы, и их широкое распространение нельзя связывать исключительно с гуннским влиянием, хотя у последних они появились уже на рубеже эр.

Наконечники стрел претерпевают значительные изменения. Мелкие трехлопастные черешковые наконечники еще встречаются, но в погребениях конца III—IV вв. н. э. они уже очень редки. Значительно больше становится крупных трехлопастных наконечников с треугольной головкой. Появляются наконечники с ромбическим пером и уступом у основания черешка. По своему происхождению они связаны с сибирско-центральноазиатскими районами, и история их в основном относится к раннему средневековью.

Мечи и кинжалы представлены различными типами без металлического навершия, имеющими некоторые территориально-хронологические различия. Единичные экземпляры их вошли в употребление уже в среднесарматское время. Мечи вновь длинные, поэтому и рядовые воины теперь также могли рубить с коня. Короткие мечи с кольцевым навершием доживают до III в. н. э., но встречаются редко. Металлические защитные доспехи были только у катафрактариев.

Сарматская тактика строилась на эффективном взаимодействии тяжелой и легкой конницы. В числе прочих катафрактариев было известно клинообразное построение. Они на карьере врезались во вражеский строй, разрезали его надвое и пиками опрокидывали неприятеля. Рубка мечами в конном строю довершала дело. Но и роль легковооруженной конницы в войске была достаточно велика. Только во взаимодействии с ней раскрывались все преимущества катафрактариев. Атака производилась отдельными крупными отрядами, координировавшими свои действия, и управление ими в бою требовало большого искусства.

Несмотря на то что на протяжении большей части своей истории сарматы предстают перед нами раздробленными на ряд племенных союзов, их вооружение и военное искусство являются общими для всего народа, а различия носят лишь второстепенный характер.

В первый период наблюдаются некоторые отличия в степени распространенности некоторых типов наконечников стрел и мечей. У приуральских савроматов, в своем развитии опережавших поволжских, раньше появляются аристократические дружины. Но уже к концу периода эти различия стираются.

Сарматы Северного Кавказа перенимают в

I в. до н. э. от своих сородичей в Поволжье и Приуралье трехлопастные черешковые наконечники стрел и мечи с кольцевым навершием, а вскоре и мечи без металлического навершия. В свою очередь они передают в Поволжье отдельные типы наконечников копий и оборонительных доспехов, так что и это оружие становится единым для всего народа.

В первых веках нашей эры, насколько можно судить по имеющимся в нашем распоряжении источникам, устанавливается полное единство военного дела всех сарматских племен. Сарматы Украины, Молдавии и Северного Кавказа вооружены так же, как их поволжские сородичи, и демонстрируют в бою те же военные приемы. Этому, безусловно, способствовала унификация сарматской культуры в рамках аланского объединения, но даже язиги в междуречье Дуная и Тиссы имели такое же оружие, как и остальные сарматы.

Сарматское вооружение и военное искусство развивались в тесном контакте с окружающими народами и оказали на многих из них сильное влияние. Отдельные типы сарматского оружия: трехлопастные черешковые наконечники стрел, мечи с кольцевым навершием и без металлического навершия и др. — распространяются далеко за пределы сарматского мира. В свою очередь сарматы заимствуют некоторые типы наконечников стрел, копий, металлических доспехов. В целом в военном деле сарматов всегда больше сказывались восточные, а не западные влияния. Они особенно хорошо прослеживаются с первых веков нашей эры, но носили не столько характер прямого заимствования, сколько взаимного влияния.

Наибольшую близость вооружение и военное искусство сарматов демонстрирует с военным делом населения Северного Кавказа, Средней Азии и Казахстана, а также Ирана, военное искусство которого в парфянское время было тесно связано со Средней Азией. О близости военного дела сарматов и парфяно-сасанидского Ирана говорят не только сходство или общность многих типов оружия и наличие тяжеловооруженной конницы катафрактариев, но и прямые свидетельства письменных источников¹.

Сарматские традиции в вооружении и военном деле живут у многих народов Восточной Европы и после IV в. н. э. Серьезные измене-

¹ «Население ее (Сарматии.—А. Х.) по одежде и вооружению ближе всего подходит к парфянскому, но отличается более суровыми нравами, подобно самому климату» [43, III, 4, 33].

ния начинаются только с VI в.— с появлением жесткого седла, стремян и сабли. Но и позднее в Европе бытуют многие типы оружия, генетически восходящие к сарматским прототипам.

Выделение из общей массы войска тяжело-вооруженных контингентов является общей тенденцией развития, в той или иной степени присущей всем древним кочевникам евразийских степей. Но у многих из них она прерывалась или сказалась недостаточно отчетливо. У сарматов же она проявилась в полной мере. Мы видим, как на протяжении тысячелетия их непрерывного исторического существо-

вания в результате контактов с самыми различными в военном отношении странами и народами и собственного органического развития совершенствуется их войско, его вооружение и тактика.

За многие века своего исторического развития сарматы смогли создать полностью специализированную тяжеловооруженную конницу с присущим ей особым вооружением и тактическими приемами, которая приходит в степях на смену легкой скифской коннице и знаменует собой новый этап в развитии военного дела кочевников евразийских степей и многих европейских народов.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

МЕЧИ И КИНЖАЛЫ С КОЛЬЦЕВЫМ НАВЕРШИЕМ НА ТЕРРИТОРИИ СССР

№ п/п	Место находки	Длина меча (в см)	Ширина клинка (в см)	Рукоять (в см)	Д кольца наворачия (в см)	Перекрестие (в см)	Положение в могиле	Где опубликован или хранится
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Катон-Карачай, кург. № 17	ок. 36						307, стр. 56 — 57, рис. 17, 9
2	Лявандакский мог-к, I гр., кург. № 1	30	3		3		Ниже пальцев правой руки	237, стр. 105 — 106, рис. 10, 15
3	Берель, кург. № 3							105, стр. 55, рис. 4, 12
4	с. Чумляк (случайная находка)							260, стр. 55, табл. VII, 13
5	д. Бугульчан (случайная находка)	ок. 100	3,8	дл. 14; шир. 2	6,5	дл. 6,5; шир. 2		272, стр. 122, табл. XIII, 4
6	Старые Кишки, кург. № XIV/1	сохр. 21	2,9	дл. 4,7; шир. 1			У правой руки	272, стр. 107, табл. IX, 3
7	II Мало-Кизылский мог-к, кург. № 3							273, стр. 94
8	Марычевка; раскопки М. А. Миллера	52						ГИМ, инв. № 44657
9	Калмыково, кург. № 1/1	38					Справа, между кистью и тазом, вдоль бедра	278, стр. 149 — 150, рис. 50, 1
10	Калмыково, кург. № 1/2	35					В правой руке	278, стр. 150, рис. 51, 4
11	Калмыково, кург. № 2	32					Под кистью правой руки и вдоль бедра	278, стр. 150
12	Калмыково, кург. № 4/4	39	св. 3,5	шир. 1,5		шир. 1,2		278, стр. 155
13	Курган у с. Андреевка, погр. 25	ок. 47	5	дл. 13	св. 4,5	дл. 6	Справа, у кисти руки	

1	2	3	4	5	6	7	8	9
14	Мариенталь, погр. Д-22	40						462, стр. 54, рис. 47
15	Суслы, кург. № 1	50	4	дл. 10,5; шир. 1,3	4,8		Справа, между кистью и тазом	270, стр. 27
16	Суслы, кург. № 16	54					Справа, между рукой и тазом	270, стр. 32
17	Суслы, кург. № 23/1	до 55	3,5	дл. 10			Справа, около бедра	270, стр. 35
18	Суслы, кург. № 27	сохр. 40					Справа, между рукой и бедром	270, стр. 36
19	Суслы, кург. № 43/1	сохр. 25	3	дл. 10	4,5		Около правого бедра, руко- ятью к ногам	270, стр. 42
20	Суслы, кург. № 44	45					Справа, между рукой и бедром	270, стр. 42
21	Суслы, кург. № 49/2	47					У правой руки, вдоль бедра	270, стр. 45
22	Черобаево, кург. № 1/1	46					Справа, около бедра; рукоять в кисти	278, стр. 40, рис. 1, 2
23	Черобаево, кург. № 2/1	49					Справа, между рукой и бедром	278, стр. 44, рис. 1, 3
24	Черобаево, кург. № 3/1	49					В правой руке	278, стр. 45— 46, рис. 1, 9
25	Черобаево, кург. № 5/1	53					В правой руке	278, стр. 47, рис. 6, 3
26	Харьковка, погр. III—1	62					Справа, у бедра; конец уходил под бедро	ГИМ
27	Альт-Веймар, кург. № 6	41	3				У левой руки	280, стр. 110, рис. 74
28	хут. Шульц, погр. В-1	40					Справа, вдоль бедра, у кисти руки	461, стр. 29, рис. 33А
29	хут. Шульц, кург. № Е25/29	38					Справа, вдоль бедра	282, стр. 91, рис. 24
30	Новая Молчановка, кург. № 1/5	ок. 50	6				В правой руке	281, стр. 132
31	Бережновка I, кург. № 1	75					Справа, вдоль руки	278, стр. 58

1	2	3	4	5	6	7	8	9
32	Бережновка I, кург. № 2	42					Справа, между рукой и бедром; конец уходил под бедро	278, стр. 58, рис. 1, 4
33	Бережновка I, кург. № 4/5						Справа, вдоль ноги	278, стр. 64, рис. 6, 8
34	Бережновка I, кург. № 14/3	40	дл. 15				Справа, вдоль бедра	278, стр. 78, рис. 19, 6
35	Бережновка I, кург. № 15/2	42					Справа, вдоль бедра и под кистью руки	278, стр. 78—80
36	Бережновка I, кург. № 18	42					Справа, вдоль бедра; рукоять в руке	278, стр. 81
37	Бережновка I, кург. № 27	40					В правой руке	278, стр. 90, рис. 23, 5
38	Бережновка I, кург. № 29	55	шир. 1,1	3,5			Справа, на тазе и бедре	278, стр. 90—91, рис. 23, 10
39	Бережновка I, кург. № 35/15	65					Справа, в руке и вдоль бедра	278, стр. 98, рис. 30, а
40	Бережновка, южн. гр., кург. № 2/3	до 42					Справа, вдоль бедра	278, стр. 114, рис. 37, 1
41	Бережновка, южн. гр., кург. № 2/11	45					Справа, между тазом и рукой	278, стр. 115—116, рис. 37, 2
42	Бережновка, южн. гр., кург. № 3/4	35					Справа, вдоль бедра; рукоять в руке	278, стр. 116
43	Бережновка южн. гр., кург. № 4/1	28					Справа, около колена	278, стр. 117, рис. 35, 4
44	Бережновка. II, кург. № 14/15	до 40					Справа, вдоль бедра	281, стр. 24
45	Бережновка II, кург. № 17/1	45		дл. 11,7; шир. 1,6	ок. 3		Справа; рукоять у пояса	281, стр. 32, рис. 9, 6
46	Бережновка II, кург. № 19/2	40	5,5	дл. 13; шир. 2,6			Справа; рукоять в руке	281, стр. 34, рис. 9, 5
47	Бережновка II, кург. № 21/2	45	2,8	дл. 12; шир. 2			Справа, вдоль бедра	281, стр. 36
48	Бережновка II, кург. № 21/2	48	4	дл. 13; шир. 2		шир. 0,6	В правой руке	281, стр. 37
49	Бережновка II, кург. № 29/2	42					Справа, под кистью и вдоль бедра	281, стр. 43

1	2	3	4	5	6	7	8	9
50	Бережновка II, кург. № 66	55					Справа, между рукой и тазом	281, стр. 73, рис. 27, 8 ₄
51	Бережновка II, кург. № 67	35					Между черепом и северной стенкой подбоя	281, стр. 74
52	Бережновка II, кург. № 81	до 38					Справа, между рукой и тазом	281, стр. 84
53	Бережновка II, кург. № 84	42					Справа, вдоль бедр	281, стр. 85
54	Бережновка II, кург. № 95/1	54					Справа, между рукой и тазом	281, стр. 96
55	Бережновка II, кург. № 102	47					Справа, между рукой и тазом	281, стр. 103
56	Политотдельское, кург. № 4/17						Справа, у кисти руки, острием к бедру	235, стр. 243
57	Политотдельское, кург. № 4/20	ок. 36					Слева, от плеча, вдоль бедра, клинком к голове	295, стр. 244
58	Политотдельское, кург. № 4/32	33,5					Справа, вдоль бедр	235, стр. 248, рис. 16, 18
59	Политотдельское, кург. № 6/1	ок. 55					Справа, вдоль бедр	295, стр. 253, рис. 18, 7
60	Политотдельское, кург. № 19/16	102,5					Справа, вдоль бедр, вплот- ную к ноге	235, стр. 283
61	Политотдельское, кург. № 20/10	33					Справа, вдоль бедр	235, стр. 293, рис. 31, 3
62	Политотдельское, кург. № 20/10	103,5	3,5				Слева, от локтя до ноги	295, стр. 293, рис. 32, 9
63	Быково I, кург. № 4/9	49					Справа, вдоль бедр	291, стр. 183, рис. 6, 5
64	Быково I, кург. № 5/1	55					Справа, под бедром; кисть руки на рукоят	291, стр. 184, рис. 7, 1
65	Быково I, кург. № 7/4	49					Справа, под кистью, парал- лельно бедру	291, стр. 191
66	Быково I, кург. № 10/10	сохр. 23		дл. 14			Справа, под предплечьем	291, стр. 200, рис. 11, 6
67	Быково II, кург. № 1/14	св. 30					Справа, вдоль бедр; рукоят в руке	291, стр. 225

1	2	3	4	5	6	7	8	9
68	Ново-Никольское, кург. № 5/16	40			4		Справа, вдоль бедра	510
69	Ново-Никольское, кург. № 9/2	55	2,8	дл. 11,5; шир. 1,1	2,9	дл. 3,3; шир. 0,7	Справа, вдоль бедра	510
70	Калиновка, кург. № 1/2	42,5	4				Справа, в руке	358, стр. 326, рис. 49, 5
71	Калиновка, кург. № 1/2						У северо-запад- ной стенки под- боя	358, стр. 326, рис. 50, 16
72	Калиновка, кург. № 4/2	48					Справа, вдоль бедра, плашмя	358, стр. 340, рис. 49, 7
73	Калиновка, кург. № 6/5	57	3,3	дл. 12; шир. 2,6			Справа, в руке	358, стр. 342, рис. 49, 8
74	Калиновка, кург. № 12/13	35,5	5	дл. 12,6; шир. 2	ок. 4,7	дл. 8; шир. 1,6	Справа, у бедра	358, стр. 366, рис. 50, 2
75	Калиновка, кург. № 14	54	3,8	дл. 12,6; шир. 2,8	5	дл. 5,2; шир. 0,7	Справа, вдоль бедра	358, стр. 338, рис. 49, 1
76	Калиновка, кург. № 19/17	104	4,8				Справа, вдоль бедра	358, стр. 376, рис. 40, 1
77	Калиновка, кург. № 19/20	50	4,3				Справа, вдоль бедра	358, стр. 377, рис. 49, 6
78	Калиновка, кург. № 22/3	44,5	4,6	шир. 1,5	5,5	дл. 4,8; шир. 1,2	Справа, вдоль руки	358, стр. 381, рис. 50, 7
79	Калиновка, кург. № 34/1	58	3,5	дл. 10,5	4,2		Справа, у бедра	358, стр. 390, рис. 49, 9
80	Верхне-Погромное, кург. № 1/13 (раскопки 1954 г.)	44	5	дл. 11; шир. 3,4	5	дл. 6,5	Справа, вдоль руки, плашмя	510
81—82	Верхне-Погромное, кург. № 1/13 (раскопки 1957 г.)						Справа, у таза, под клинком меча	512
83	Верхне-Погромное, кург. № 7/2						Слева, вдоль туловища, плашмя	512
84	Верхне-Погромное, кург. № 7/6	133					Слева, вдоль туловища, плашмя	512
85	Верхне-Погромное, кург. № 10/5		4,8				Справа, вдоль бедра	512
86	Верхне-Погромное, кург. № 11/4	ок. 45					Справа, вдоль бедра	512

1	2	3	4	5	6	7	8	9
87	Верхне-Погромное, кург. № 14/8	ок. 50			6 × 4,5		Слева от локтя	512
88	15 поселок, кург. № 5/2	40					Справа, на пред- плечье	513
89	Заплавное, кург. № 4/2						Слева, с наруж- ной стороны руки	513
90	Заплавное, кург. № 7/4	48					Справа, вдоль бедр	513
91	Кара-Оба, кург. № 3/1	28	ок. 4	дл. 10; шир. 1,5	ок. 3	дл. 5,2; шир. 1,2	Справа, вдоль бедр, между рукой и тазом	277, стр. 125, табл. IX, 1
92	Кара-Оба, кург. № 11/2	43	ок. 4	дл. 12,5; шир. 1,7	5	дл. 6; шир. 1,5	Справа, вдоль бедр; клинок в руке	277, стр. 134, рис. 38
93	Курпе-Бай, кург. № 4/2	60					Справа, на руке и вдоль бедра	277, стр. 107
94	Курпе-Бай, кург. № 8	31	4	дл. 11			Слева, у кисти руки	276, стр. 149, табл. VII, 1
95	Сайхин, северо-восточ- ная гр., кург. № 1/2	54	ок. 4			дл. 6,5; шир. 0,8	Справа, вдоль бедр	278, стр. 144— 145
96	с. Ленинск, кург. № 2/2	38					Справа, у бедра, между рукой и тазом	278, стр. 140, рис. 48, 1
97	Болхуны (случайная находка)							265, стр. 148
98	Дмитриевка, кург. № 1/1	30	4	дл. 7	5	дл. 5; шир. 1	Справа, на тазе	265, стр. 139
99	с. Куликовка (случай- ная находка)							344, стр. 249— 250, рис. 1
100	Верхний Колышлей, кург. № 2/2	65		дл. 15			Справа, ниже кисти руки	285, стр. 62, табл. II, 1
101	хут. Авиловский, II гр., кург. № 1	34		дл. 13			Слева, вдоль берцовых костей	279, стр. 237, рис. 10
102	хут. Авиловский, II гр., кург. № 3/2	48		дл. 12	3		Справа, под рукой	279, стр. 240, рис. 13
103	хут. Авиловский, II гр., кург. № 7/7	33					Справа, ниже локтя	279, стр. 252, рис. 27
104	Старица, кург. № 42/4				4 × 3,2		Справа, с внут- ренней стороны бедр	516

1	2	3	4	5	6	7	8	9
105	Старица, кург. № 76/2	сохр. 24,4	4		ок. 6	дл. 6; шир. 0,8	Слева, вдоль бедра	516
103	Кузин хутор, кург. № 2/1	38,6	4,6		3,6×4,8		Справа, вдоль бедра, плашмя; рукоять в руке	517
107	Соленое Займище II, кург. № 3	46	3				Справа, на уровне плеча	518
108	Соленое Займище II, кург. № 5	46	2,5				Справа, на руке	518
109	Хурул Дедломинский, кург.	до 60					Справа, на бедре	268, стр. 74
110	«Три брата», II гр., кург. № 25	св. 30			ок. 3		Вдоль стенки, острием к пра- вому колену	237, стр. 154— 155
111	хут. Ляпичев, кург. № 7/4	43	5,2	дл. 11; шир. 2,5	4			74, стр. 185
112	хут. Ляпичев, кург. № 7/9	45	5	дл. 12	ок. 4			74, стр. 185
113	хут. Тузлукова	до 40					Справа, около кисти руки	186, стр. 20, рис. 4
114	Тамань, близ Голубиц- ких хуторов	48	4,5	дл. 13	3,5			319, стр. 45
115	ст. Крымская							67, стр. 202
116	Краснодар, мог-к на Почтовой ул.							67, стр. 202
117	ст. Воронежская							502
118	Усть-Лабинский мог-к № 1, погр. 5	51						215, стр. 90, рис. 18
119	Усть-Лабинский мог-к № 1, погр. 10	58					Справа, у бедра	215, стр. 92
120	Усть-Лабинский мог-к № 2, могила 9 (раскопки 1931 г.)	28—30	3				Справа, у бедра	67, стр. 197
121	Усть-Лабинский мог-к № 2, могила 22 (раскопки 1932 г.)	40					Справа, вдоль плеча	67, стр. 197
122	Усть-Лабинский мог-к № 2, могила 7 (раскопки 1936 г.)	28—30	3				Справа, у бедра	67, стр. 197, рис. 18, 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9
123	Усть-Лабинский мог-к № 2, могила 55 (раскопки 1938 г.)	47	4	дл. 12	4		Справа, вдоль плеча	67, стр. 197
124	Усть-Лабинский мог-к № 2, могила 71 (раскопки 1938 г.)	49	4	дл. 11	4		Под черепом	67, стр. 197, рис. 18, 2
125	Усть-Лабинский мог-к № 2, могила 88 (раскопки 1938 г.)	57	4	дл. 12	4		Слева, вдоль руки	67, стр. 197
126	ст. Тбилисская, южн. окраина, у городища № 1							66, стр. 152
127	Между ст. Казанской и Тифлисской, погр. № 32	52						ОАК за 1902 г., стр. 80
128	ст. Казанская	сохр. 43		дл. 12,6	4,5			ГИМ, инв. № 42381
129	Аул Габукой, кург. № 1/6	55	4	дл. 12	4		Справа, у ноги	319, стр. 37, табл. 2, 10
130	ст. Воздвиженская	37	4	13	4		Справа, у бедра	ОАК за 1899 г., стр. 45, рис. 72
131	Лысая гора, кург. № 1	36,7	7,7	дл. 11,4; шир. 2	4			ГЭ, инв. № 2248/5 (Ку. 1914 4/2)
132	ст. Баговская	57		дл. 13	4			319, стр. 44
133— 134	Мог-к близ хут. Сань- кова (около ст. Удоб- ной)							69, стр. 89, рис. 27, 2
135	р-н Кубани (раскопки Е. Д. Фелицына)							ГИМ, инв. № 44752
136	р-н Кубани (раскопки Филимонова)			дл. 10,7	4,9			64, стр. 239, табл. I, 3
137	с. Бамут, кург. № 1/13						Справа, у бедра	231, стр. 177, рис. 4
138	Карабудахкентский мог-к № 3, кв. IX							294, стр. 218
139	Моздокский мог-к, погр. № 2	28,8	2,9	дл. 10,3; шир. 1	2,3	дл. 4,7; шир. 0,6		ГЭ, инв. № 1468/6
140	Кобяково городище, некрополь, погр. № 7							501

1	2	3	4	5	6	7	8	9
141	Кобяково городище, некрополь, погр. № 14	29			3,6		Вдоль правой руки	505
142	пос. Донской, кург. № 1/7						Справа, вдоль костяка от плеча	503
143	пос. Донской, кург. № 5/23						Справа, у бедра	507
144	Ново-Курлакский с/с, Воронежская обл. (случайная находка)	46		дл. 12	4 — 5			105, стр. 246— 247, рис. 1
145	д. Переездная, кург. № 3/2]						Справа у бедра,	111, стр. 235, рис. 68
146	г. Славянск, кург. № ССЛIII/2	сохр. 37	3,8	шир. 2,7		дл. 4,7; шир. 1	Слева, вдоль плеча и руки	142, стр. 162
147	г. Славянск, кург. № ССЛIII/5	св. 42,3	3,5	шир. 2		дл. 5,5	Справа, вдоль руки	142, стр. 163
148	г. Славянск, кург. № ССЛIII/6		4,5	дл. 14	5		Слева, у черепа	142, стр. 163]
149	Ново-Филипповка, кург. № 4	50	3,5		5		Справа, вдоль бедра	104, стр. 46, рис. 29, 5
150	Ново-Филипповка, кург. № 1	сохр. 40		дл. 10			Справа, вдоль ноги	104, стр. 39, рис. 20, 1
151	Ново-Филипповка, кург. № 2	59					Справа, вдоль бедра	240, стр. 45, 46, рис. 3, 7
152	Аккермень I, кург. № 3/8	50					Справа, вдоль бедра	104, стр. 103
153	Аккермень II, кург. № 5	80	3	дл. 14	5		Справа, вдоль бедра и ноги	104, стр. 71, рис. 57, 4
154	Аккермень II, кург. № VI	сохр. 40	4				Справа, вдоль бедра, на ребре	104, стр. 86, рис. 67, 14
155	с. Долина, кург. № 1/1	сохр. 40	6				Справа, вдоль бедра	336, стр. 135, рис. 100, 4
156	Неаполь скифский, мавзолей, погр. XXIV	42					Справа, у пояса	248, стр. 114, рис. 30, 1
157	Неаполь скифский, мавзолей, каменная гробница						Справа, у пояса	248, стр. 114, рис. 4, 1, а
158	с. Заветное							90, рис. 6, 2
159— 161	с. Заветное							Раскопки Н. А. Богдановой, 1962—1963 гг.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
162	Днепрострой, кург. № 26/6	ок. 60					Слева, у пояса	Раскопки М. А. Мил- лера, 1930 г.
163	Днепрострой, кург. № 29	45						Раскопки М. А. Мил- лера, 1930 г.
164	Некрополь к западу от Заячьей балки (ок. Ольвии)							ОАК за 1908 г., стр. 84, рис. 75
165	Смела, кург. XIV, впускное погр.						Справа, вдоль руки и наискось до левого колена	88, т. I, стр. 40—41
166	с. Залевки (случайная находка)	сохр. 19,6	3,6	дл. 12; шир. 2	3,5			88, т. I, стр. 153
167	с. Залевки (случайная находка)							88, т. I, стр. 153
168	Каневские курганы							130, т. III, табл. LV
169	Курган ок. с. Олонешты	45						213, стр. 205
170	Мог-к у с. Михайлов- ское (Рыбницкий р-н Молд. ССР)							158, стр. 152

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

БУСЫ, НАЙДЕННЫЕ ВМЕСТЕ С МЕЧАМИ И КИНЖАЛАМИ С КОЛЬЦЕВЫМ НАВЕРШИЕМ

№ п/п	Место находки	Описание бусины	Местоположение по отношению к мечу	Примечания
1	2	3	4	5
1	Суслы, кург. № 1	Стеклянная золоченая бусина средних размеров	Непосредственно у конца клинка	
2	Суслы, кург. № 43/1	Бусина фиолетового цвета средних размеров	Около рукояти меча	
3	Бережновка II, кург. № 17/1	Стеклянная золоченая бусина боченкообразной формы	Около рукояти кинжала	
4	Калиновка, кург. № 1/2	Зонная бусина из темного стекла, D = 0,7 см	Под мечом	
5	Калиновка, кург. № 22/3	Костяная цилиндрическая бусина с хорошо лощеной наружной поверхностью длиной 3 см, D = 1,2 см	Рядом с мечом	
6	Калиновка, кург. № 34/1	Овальная цилиндрическая бусина из светлого стекла с внутренней позолотой, D = 0,9 см	Под мечом	
7	Сайхин, северо-восточная гр., кург. № 1/2	Крупная бусина темно-синего цвета белыми кружочками	У ступней	Меч справа, вдоль бедра покойника
8	Верхний Колышлей, кург. № 2/2	Темно-синяя бусина, орнаментированная зигзагообразными опоясывающими белыми линиями длиной 3,7 см	Около рукояти меча	
9	хут. Тузлукова	Стеклянная белая кольцевая бусина, инкрустированная разноцветной пастой, D = 3 см	Не зафиксировано	В погребении еще две мелкие бусины
10	Сцентес-Киштоке	Стеклянная бусина	В рукояти навершия	
11	Погребение на Бахрейских островах	Зеленая ребристая стеклянная бусина	Рядом с рукоятью меча	

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

ПРЯЖКИ, НАЙДЕННЫЕ ВМЕСТЕ С МЕЧАМИ И КИНЖАЛАМИ С КОЛЬЦЕВЫМ НАВЕРШИЕМ

№ п/п	Место находки	Описание пряжек	Положение пряжки на костяке	Положение меча в могиле	Другое оружие	Положение его в могиле
1	2	3	4	5	6	7
1	Калмыково, кург. № 2	Железная, с прямым язычком, согнутая из круглого в сечении стержня	Около кисти правой руки	Под кистью правой руки и вдоль бедра	35 железных наконечников стрел Кинжал без металлического навершия I типа	Вдоль левой ноги Вдоль стенки катакомбы
2	хут. Шульц, кург. № Е 25/19	Железная с подвижным язычком	Под навершием кинжала	У правого бока	Пучок железных наконечников стрел	На левом бедре
3	Политотдельское, кург. № 4/20	Бронзовая, литая, восьмеркообразная, с неподвижным крючком и тремя выступами	На левой подвздошной кости	Слева, между плечом и ребром, клинком к голове		
4	Политотдельское, кург. № 19/26	Круглая, сильно окислившаяся, в обломках Бронзовая, литая, с боковым выступом	Слева от поясничных позвонков На левой подвздошной кости	Вдоль правой ноги	Кинжал с серповидным навершием	Параллельно мечу, под правой подвздошной костью
5	Быково I, кург. № 4/9	Круглая железная	Слева, у поясничных позвонков	Справа, вдоль бедра	Три железных наконечника стрел	Один — под клинком меча, два — правее предплечья
6	Быково I, кург. № 7/4	Железная, большая, круглая, с подвижным язычком	На левой подвздошной кости	Под правой кистью, параллельно бедру		
7	Быково II, кург. № 1/14	Бронзовая, литая, круглая с перекладиной посредине	Близ левого бедра	Вдоль левого бедра	2 железных наконечника стрел	Около левой подвздошной кости

1	2	3	4	5	6	7
8	Калиновка, кург. № 4/2	Круглая, железная пряжка, D=4,8 см Железная пряжка, D = 3 см	На левой половине таза Под костяком	Вдоль правого бедра	43 железных наконечника стрел	У правой ноги и стенки могильной ямы
9	Калиновка, кург. № 22/3	Круглая, железная пряжка с подвижным язычком	На левой тазовой кости	Вдоль правой лучевой кости		
10	Калиновка, кург. № 34/1	Круглая, железная пряжка с прямоугольным приемником, на котором сохранилась медная заклепка для прикрепления ремня	В области таза	У правого бедра	60 железных наконечников стрел	У левого колена
11	Верхне-Погромное, кург. № 1/13	2 костяные пластинки-пряжки прямоугольной формы с 5 рядами отверстий для заклепок	На поясничных костях	Вдоль правой руки		
12	Кара-Оба, кург. № 3/1	Железная пряжка с язычком, D = 4,5 см	У рукояти кинжала	Справа, вдоль бедра		
13	Сайхин, северо-восточная гр., кург. № 1/2	Бронзовая массивная пряжка прямоугольной формы	На поясничных позвонках	Справа, вдоль бедра		
14	с. Ленинск, кург. № 2/2	Железная пряжка Округлая железная пряжка с язычком	Около тазовой кости Слева, около тазовой кости	Справа, вдоль бедра		
15	Курган ок. хурула Дедломинского	Бронзовая пряжка с 3 шишечками по кольцу и язычком, D = 3 см	У правого виска. Первоначально в левой части таза	На правом бедре	33 железных наконечника стрел	В ногах
16	хут. Ляпичев, кург. № 7/4	Железная пряжка			Железные наконечники стрел	
17	с. Бамут, кург. № 1/13	Железная пряжка	На тазовой кости	Справа, вдоль бедра		
18	Кобяково, городище, некрополь, погр. № 14 (1960)	Железная пряжка	Найдена при зачистке костяка	У правой руки		

1	2	3	4	5	6	7
19	пос. Донской, кург. № 5/23	Бронзовая, кольце- вая пряжка	У левого бедра	У правого бедра	1 бронзовый нако- печник стрелы	На груди
20	Ново-Филип- повка, кург. № 2	Небольшая желез- ная круглая пряж- ка с язычком Массивная желез- ная круглая пряж- ка с язычком	Справа над крестцами Около правого локтя	Справа, от бед- ра до колена, заходя под бед- ро	Пучок железных наконечников	Около правого колена
21	Аккермень II, кург. № VI	Бронзовая трапе- циевидная пряжка, длина 6 см	В куче костей	Справа, вдоль бедра		
22	д. Переездная кург. № 3/2	Железная пряжка	У левого бедра	У правого бедра	2 железных нако- нечника	У левого колена

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

МЕЧИ И КИНЖАЛЫ БЕЗ МЕТАЛЛИЧЕСКОГО НАВЕРШИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЮГА СССР (типы 1 — 4)

№ п/п	Место находки	Длина меча	Ширина меча	Рукоять-штырь	Тип	Навершие	Положение в погребении	Где опубликован или хранится
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Агаповский мог-к, кург. № 6					Халцедоновое, круглое	Слева, от плеча до колена	274, стр. 119
2	Бис-Оба, кург. № 3	св. 90	св. 7	дл. 15	3		Слева, от локтя до колена, на ребре	ГИМ, инв. № 68127
3	Бис-Оба, кург. № 3	42	4		3		Слева, рукоятью у затылка, острием у локтя	ГИМ, инв. № 68127
4	Шипово, VI гр., кург. № 3				—		Справа, у пояса	266, стр. 15
5	Березняки				2			110
6	Федоровка, «речное» погребение	61			4			109, стр. 134, рис. 63
7	Бородаевка, кург. F 4	66	7		2		Между ног, в особом желобке, острием к тазу	280, стр. 35, рис. 7
8	«Речное» погребение ок. г. Энгельса	89,5			3			284, стр. 74, рис. 1
9	Кано, погр. B-2	72			2		Вдоль левого бедра	461, стр. 30
10	Кано, погр. C-10	90			2	Грибовидное, из черного стекла, с инкрустацией	Слева от щеки, вдоль руки	461, стр. 51, рис. 81 и 82B
11	Кано (случайная находка)	23	4,2	дл. 5,5; шир. 1,3	2			СОМК, инв. № 883
12	Суслы, кург. № 32				2		Справа, вдоль бедра	270, стр. 38
13	Суслы, кург. № 42	86	5		2		Вдоль устья подбоя	270, стр. 41

1	2	3	4	5	6	7	8	9
14	Суслы, кург. № 51	95			1		Справа, вдоль костяка	270, стр. 46
15	Суслы, кург. № 58	82	4	дл. 7	2		Справа, вдоль руки	270, стр. 484
16	Суслы, кург. № 69						Справа; рукоять около руки	СОМК, инв. № 688
17	Мариенталь, погр. Д-21	24			—		Справа, у стенки могильной ямы	462, стр. 51, рис. 42
18	Фриденберг, II гр., кург. № 1	68	5,5	шир. 2,3	3	В виде деревянной бусины	Справа от покойника, перед ним, вдоль стенки могилы, на ребре	236, стр. 38 — 39
19	Иловатка, кург. № 3/2	сохр. 22	3		1 (?)		Поперек поясницы, на поясничных позвонках и правом предплечье	295, стр. 219, рис. 7, 5
20	Альт-Веймар, кург. № Д-16	115	4		2	Дисковидное, халцедоновое	Слева, на ребре; рукоять у ступни	462, стр. 38, рис. 29
21	хут. Шульц, погр. Д-1	94			2		Слева, у бедра	462, стр. 13, рис. 1
22	хут. Шульц, кург. Е 25/22	24,5	4		2		Слева, у бедра	282, стр. 92, рис. 28
23	д. Щербаковка (случайная находка)	св. 85	4,2	дл. 9; шир. 2	3			ОАК за 1899 г., стр. 120
24	Бережновка II, кург. № 23	30			2	В виде круглой янтарной бусы, D=1,3 см, толщина 0,5 см	Справа, вдоль бедра	281, стр. 37
25	Бережновка II, кург. № 58	св. 67	5,1	шир. 1,4	2		Слева, между ребрами и рукой	281, стр. 59
26	Бережновка II, кург. № 103/2	105	3,5	дл. 14	1	Большая бочковидная ребристая буса-навершие (?)	Слева, вдоль западной ступки	281, стр. 104, рис. 39, 9
27	Политотдельское, кург. № 12/19	ок. 100	6	дл. 17; шир. 2,6	1		Слева, от локтя до середины голени	295, стр. 270, рис. 25, в
28	Политотдельское, кург. № 13				2 (?)		Справа, около колена	295, стр. 273, рис. 26, 5
29	Политотдельское, кург. № 21				2 (?)			295, стр. 294, рис. 33, 4

1	2	3	4	5	6	7	8	9
30	Калиновка, кург. № 16	32,5	3,1	дл. 5,6; шир. 1	2		Справа, параллельно плечевой кости	358, стр. 358, рис. 60, 2
31	Калиновка, кург. № 17/1	33,5	3,2	дл. 8; шир. 2	2		Справа, под рукой	358, стр. 370, рис. 60, 3
32	Калиновка, кург. № 40	103,5	4,3	дл. 12; шир. 2	2		Вдоль восточной стенки	358, стр. 393, рис. 60, 1
33	Калиновка, кург. № 48	22,5	2,5	шир. 1,2	2		Справа, у локтя	358, стр. 398, рис. 60, 4
34	Калиновка, кург. № 55/14	24,5	3,5	дл. 3,7; шир. 1,4	2			358, стр. 392, рис. 49, 4
35	Верхне-Погромное, кург. № 1/11	сохр. 34	3,3	дл. 9; шир. 2	1		Справа, вдоль руки и бедра	510
36	Верхне-Погромное, кург. № 4/4	сохр. 75	7		2		Справа, на бедре	510
37	Курпе-Бай, кург. № 2	110	4	дл. 20; шир. 4	1		Справа, вдоль костяка	277, стр. 106, табл. II, 1
38	Курпе-Бай, кург. № 2	35	4	дл. 7,5; шир. 1,8	2	В виде короткого железного гвоздя с выпуклой шляпкой	Слева, у бедра	277, стр. 103, рис. 18
39	Калмыково, кург. № 1	86			1	В виде круглой бронзовой пластинки D=3,3 см	Справа, под коленом	278, стр. 149—150
40	Калмыково, кург. № 2	33,5	2,8	дл. 9; шир. 1,8	1		Вдоль стены катакомбы	278, стр. 150
41	Ординский бугор, кург. № 3/2	сохр. 22,5	3,5				За черепом, у стенки подбоя	518
42	Ординский бугор, кург. № 5/1		5					518
43	Цаца, кург. № 8	сохр. 21,5	5,2					517
44	Сидоры, кург. № 1/8	ок. 25					На поясничных позвонках и под правой рукой, поперек корпуса, плашмя	514
45	Старица, кург. № 13	33	3,5	дл. 6; шир. 1,3	2		Слева, параллельно плечевой кости	516
46	Старица, кург. № 13	94	4,8	дл. 13; шир. 3	2	Полусферическое, гипсовое, D=3,2 см, D отверстия=0,7 см	Слева, параллельно плечевой кости	516

1	2	3	4	5	6	7	8	9
47	Старица, кург. № 26/2	32,5	5	дл. 6,6; шир. 1,5	1		Слева, вдоль бедра	516
48	Старица, кург. № 29	31	3,55		2		Между голенями	516
49	Старица, кург. № 54/1	сохр. 18,7	3,75		2		Слева, вдоль костей предплечья	516
50	Старица, кург. № 62	сохр. 18,8	3,9		2		Вдоль стенки могильной ямы	516
51	Старица, кург. № 63	72	4	дл. 2,1	2		Слева от костяка	516
52	Старица, кург. № 63	28,2	2,6	дл. 8; шир. 1,5	1		Под ребрами и тазом	516
53	Старица, кург. № 64	34,5	4,5	дл. 8,5; шир. 1,7	3		Справа, вдоль бедра	516
54	Старица, кург. № 69	31,5	5	дл. 8,6	2		Ниже таза, поперек бедер	516
55	Старица, кург. № 75	91,5	4,8	шир. 2,4	2		Справа, вдоль ноги	516
56	Кузин хутор, кург. № 13	91	4,5	дл. 12,5; шир. 2,2	3		Слева, вдоль костяка	517
57	Кузин хутор, кург. № 13	23	3	дл. 6			Слева, у плеча	517
58	Абганеры, кург. № 1	сохр. 29	2,5		2		Справа, около кисти руки	268, стр. 72
59	Абганеры, кург. № 2	ок. 30	3,2	дл. 5; шир. 1,2	2		Справа, около локтя	268, стр. 72
60	Абганеры, кург. № 3	86	4,5	дл. 8; шир. 2	2	В виде круглого прясловидного кольца	Справа, вдоль стенки могилы	268, стр. 72 — 73
61	Абганеры, кург. № 3	32	4,5	дл. 8,6; шир. 2	2		Справа, рядом с мечом	268, стр. 72 — 73
62	«Три брата», II гр., кург. № 25					В виде плоского халцедонового диска с бронзовым штифтом	Вдоль стенки ямы	267, стр. 154
63	«Три брата», II гр., кург. № 26						Среди костей	267, стр. 155
64	«Три брата», II гр., кург. № 30	56	6	дл. 6	2		Справа, вдоль руки и бедра	283, стр. 37 — 38
65	Краснодар, мог-к за коззаводами, погр. № 11							68, стр. 164

1	2	3	4	5	6	7	8	9
66	Ясеновая поляна, погр. № 16	91	3,5	дл. 18	2		Слева, вдоль ноги	127, стр. 139, рис. 7, 1 ^а
67	Ясеновая поляна, погр. № 17	90	4	дл. 18	2		Слева, на бедре, заходя концом между голеньями	127, стр. 139, рис. 7, 2
68	Лысая гора, кург. № 1	39,5	2,4	дл. 6,7; шир. 1,4	1			ГЭ, инв. № 2248/16
69	ст. Новокорсунская	94	3	дл. 15; шир. 1,5	2	Круглое, хал- цедоновое; на нем медная бляха, обтяну- тая золотым листом, ук- рашенным филигранью, зернью, сер- доликом и камнями из синего стекла		ОАК за 1902 г., стр. 235, рис. 240
70	ст. Усть-Лабинская, кург. № 45	сохр. 39	4,5		1	Золотое, ип- крустирован- ное яитарем		ОАК за 1902 г., стр. 84, рис. 189
71	Усть-Лабинский мог-к № 2, могила № 13 (раскопки 1931 г.)				2			67, стр. 197
72	Усть-Лабинский мог-к № 2, могила № 81 (раскопки 1939 г.)	76	4	дл. 16	2	Костяное, по- лусферическое	Справа, вдоль плеча	67, стр. 197; рис. 17, 19
73	Усть-Лабинский мог-к № 2, могила № 2 (раскопки 1944 г.)							67, стр. 197
74	ст. Тифлисская, кург. № 11	36	4	дл. сохр. 6; шир. 2,8	1	Круглое, хал- цедоновое		ГИМ, инв. № 48478
75	ст. Тифлисская, кург. № 15				2			ОАК за 1902 г., стр. 69—71
76	ст. Тифлисская, кург. № 52				2			ГИМ, инв. № 42382
77	ст. Тифлисская	82	4	дл. 6	2		У стенки катакомбы	176, стр. 129, рис. 21
78	ст. Казанская, кург. № 44	39,5	6	дл. сохр. 4; шир. 2,4	2			ОАК за 1901 г., стр. 85
79	Геймановский пос., «Острый» курган	40	4—5		2		В виде золотой пишечки с зеле- ным камнем	ОАК за 1900 г., стр. 44, рис. 104

1	2	3	4	5	6	7	8	9
80	Хабадинский мог-к, раскоп. 3, погр. № 10				1			245, стр. 146
81	Хабадинский мог-к, раскоп. 3, погр. № 7	80—85		дл. 15	2	Деревянное, полукруглое	В выкладке из каменных плит, примыкавшей к погребению	245, стр. 145
82	Хабадинский мог-к, раскоп. 3, погр. № 9	80—85		дл. 15,5	2		К северу от изголовья	245, стр. 146
83	Моздок, кург. № 1	27,5	3,5	дл. 4,3; шир. 1,5	2			74, стр. 242, табл. XL, 7
84	Карабудахкентский мог-к № 3, погр. № 5						В виде эллипсо- идной бусины из серого камня	294, стр. 213
85	Борисовский мог-к, I гр., погр. 30	105	4,5	дл. 14	3		Справа, вдоль костяка	275, стр. 85, рис. 17
86	Борисовский мог-к, (случайная находка)				3			275, стр. 85, рис. 17
87	Агойский мог-к, погр. 10	90	4		3		Слева, вдоль костяка	217, стр. 90
88	Сонино (случайная находка)	37	3,5	дл. 5,5	3			503
89	Мог-к Ахаччархва, погр. № 1				2	В виде орна- ментированной бусины из чер- ного стекла		356, стр. 263, рис. 2, 6
90	Нещеретово, кург. № 1		4			Конусовидное, из зеленоватого стекла, D = 2,4 см		188, стр. 137— 138
91	Прелесное, кург. № 5	св. 60	4,5					158, стр. 228
92	Новогригорьевка, могила VIII	сохр. 19,5	3					218, стр. 95
93	Новогригорьевка, могила IX	88	4,2		1			218, стр. 100
94	Алчедар	50	4	дл. 10; шир. 2,4	2			334, стр. 240, рис. 3
95	Неаполь скифский, мавзолей, погр. XXXII	40			2		Справа, у пояса, вдоль бедра	248, стр. 116, рис. 34, 3
96	с. Заветное, мог-к	54	4		2			90, стр. 109, рис. 6, 1
97	с. Заветное, мог-к	80						123

1	2	3	4	5	6	7	8	9
98	Инкерманский мог-к, могила № 6	сохр. 58,5	6,1		2		Слева от таза	94, стр. 18— 19, рис. 8, 9
99	Инкерманский мог-к, могила № 15	34	5		2		Справа, около черепа	94, стр. 24, рис. 8, 15
100	Инкерманский мог-к, могила № 16	39,5	5		3		Справа, около черепа	94, стр. 25, рис. 8, 13
101	Инкерманский мог-к, могила № 18	41	5		3		Справа, над плечом	94, стр. 25, рис. 8, 12
102	Инкерманский мог-к, могила № 18	90	6,1		3		Между берцовы- ми костями и тазом, острием вверх	94, стр. 25— 26, рис. 8, 5
103	Инкерманский мог-к, ямная могила № 1	37	5		3		У черепа, остри- ем вверх	94, стр. 29, рис. 8, 14
104	Инкерманский мог-к, ямная могила № 2	77	5,5		2		Около черепа	94, стр. 30, рис. 8, 6
105	Инкерманский мог-к, ямная могила № 3						Около левого плеча	94, стр. 30
106	Инкерманский мог-к, склеп № 1							94, стр. 32
107	Инкерманский мог-к, склеп № 2				2			94, стр. 33, рис. 8, 4
108	Инкерманский мог-к, склеп № 2	сохр. 68	4,5		3			94, стр. 33
109	Инкерманский мог-к, склеп № 2		4					94, стр. 33
110	Инкерманский мог-к, склеп № 2		2,1					94, стр. 33
111	Инкерманский мог-к, склеп № 5	ок. 80	4,5		3			94, стр. 38, рис. 8, 8
112	Инкерманский мог-к, (из склепов, раскопан- ных в 1941 г.)	80	6		3			94, стр. 38, рис. 8, 7
113	Инкерманский мог-к (из склепов, рас- копанных в 1941 г.)	35	4,5		3			94, стр. 96
114	Чернореченский мог-к, могила № 6	25					Слева, у бедра	75, стр. 93
115	Чернореченский мог-к, склеп № 3	31	5				В головах	75, стр. 117
116	Чернореченский мог-к, склеп № 4						Слева, у бока	75, стр. 117

МЕЧИ И КИНЖАЛЫ БЕЗ МЕТАЛЛИЧЕСКОГО НАВЕРШИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЮГА СССР (тип 5)

№ п/п	Место находки	Длина	Ширина	Рукоять- штырь	Навершие	Боковые вырезки	Положение в погребении	Где опубликован или хранится
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Моздок, погр. № 1	48	5,6	шир. 2		По одному с каждой стороны		74, стр. 240, табл. XXXIX, 7
2	с. Вольный аул, разрушенное погребение					Один вырез с одной стороны		96, стр. 92, рис. 41, 3
3	Северная Осетия (случайная находка)					По одному с каждой стороны	—	93, стр. 92, рис. 41, 2
4	Большой Буйнакский курган					По одному с каждой стороны		499, рис. 32
5	ст. Новокорсунская (случайная находка)	37	3,5	дл. 5; шир. 1		По одному с каждой стороны		ОАК за 1902 г., стр. 135, рис. 241
6	ст. Негубская	37	4,5	дл. ок. 8		По два с каждой стороны		ОАК за 1897 г., стр. 83, рис. 202
7	Борисовский мог-к, I гр., погр. № 21					По два с одной стороны и одному с другой	Справа, у головы	275, стр. 83
8	Борисовский мог-к, I гр., погр. № 25					По два с одной стороны и одному с другой	В головах	275, стр. 84
9	Борисовский мог-к, I гр., погр. № 30					По два с одной стороны и одному с другой	Под черепом	275, стр. 85
10	Борисовский мог-к, I гр., погр. № 41					По два с одной стороны и одному с другой	Около головы	275, стр. 92, рис. 16
11—13	Борисовский мог-к (случайные находки)							275, стр. 89

1	2	3	4	5	6	7	8	9
14	Агойский мог-к, погр. № 1					По одному с каж- дой стороны	Слева, у головы	217, стр. 87
15	Агойский мог-к, погр. № 11					По одному с каж- дой стороны	Слева, у головы	217, стр. 91
16	Инкерманский мог-к склеп № 1 (раскопки 1940 г.)	47,4	4,5	дл. 4,2; шир. 1,5		По одному с каж- дой стороны	Справа, у плеча, руко- ятью к ногам	318, стр. 235
17	Инкерманский мог-к (из скле- пов, раскопан- ных в 1941 г.)	сохр. 40	5,5			Один вырез с од- ной стороны		94
18	Керчь, склеп № 181	35			Круглое, халцедоно- вое	По одному вырезу с каждой стороны		305, стр. 15), табл. VIII, 2
19	Феодосийский му- зей (беспаспорт- ная находка)							305, стр. 159, рис. 7, 2
20	Каменные Кучугу- ры (Украина)							305, стр. 159, рис. 7, 2. Сообщение Б. Н. Гракова

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

КОСТЯНЫЕ НАКЛАДКИ НА ЛУК В САРМАТСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ И ПОГРЕБЕНИЯХ ЮГА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

№ п/п	Место находки	Описание находки	Где опубликована или хранится
1	2	3	4
1	Суслы, кург. № 51	2 пары концевых накладок; длина наиболее длинной — 18 см	270, стр. 38
2	Сайхин, северо-восточная гр., кург. № 5	Пластика со скошенными углами, вероятно срединная	278, стр. 147
3	«Три брата», II гр., кург. № 26	2 парные боковые накладки от рукояти, длина — 19,5 см	267, стр. 155
4	Абганеры, кург. № 3	2 обломка накладок, вероятно концевых, длина — 15 см	268, стр. 73
5	Харьковка, погр. 1—12	3 широких срединных и 2 узких концевых	ГИМ, инв. № 58702
6	Калиновка, кург. № 7/1	Фрагменты концевых накладок и боковой срединной длиной 19,7 см, шириной 1,7 см	358, стр. 343, рис. 61, 3, 6
7	Калиновка, кург. № 11/2	2 парные концевые накладки длиной 25 см и мелкие обломки	358, стр. 359, рис. 61, 1, 2
8	Калиновка, кург. № 28/2	2 парные концевые накладки длиной 17 см, прямоугольная срединная накладка длиной 9,7 см и мелкие обломки	358, стр. 386, рис. 61, 9, 12
9	Калиновка, кург. № 36/1	Обломки двух парных концевых длиной 14 см и срединной боковой длиной 14,9 см, шириной 3,3 см	358, стр. 399, рис. 61, 7, 8
10	Нижний Баскунчак, кург. № 2	4 парные концевые, длиной 30 и 24,5 см и 2 боковые срединные длиной 21 и 19,5 см, шириной 3 см	295, стр. 143, рис. 13
11	Шипово, V гр., кург. № 2	Обломок срединной накладки	266, стр. 12
12*	Покровск, юго-восточная гр., кург. № 17	Обломки концевой и двух боковых срединных накладок	266, стр. 47
13	Покровск, юго-восточная гр., кург. № 18	Обломок концевой накладки	266, стр. 47
14	Зеельман (Ровное), кург. Д-42	Обломок концевой накладки	462, стр. 73, рис. 68

1	2	3	4
15	хут. Авиловский, I гр., кург., № 1	4 парные концевые длиной 24 см, 2 клиновидные концевые длиной 11,5 см, 2 боковые срединные длиной 30 и 27,5 см, шириной 3 см, 1 центральная срединная длиной 19 см, шириной 1 см	279, стр. 230, рис. 2
16	Манас, кург. № 2	Обломок концевой накладки	Раскопки К. Ф. Смирнова, 1951 г.
17	ст. Усть-Лабинская, кург. № 29	Обломки концевой и боковой срединной накладок	ОАК за 1902 г., стр. 73
18	Керчь, склеп № 154	Концевые накладки	ГЭ, инв. № 1820/333
19	Тиритака	Обломок концевой накладки	107, стр. 200—201, рис. 7

НАКОНЕЧНИКИ КОПИЙ В САРМАТСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ ПРИУРАЛЬЯ, ПОВОЛЖЬЯ И УКРАИНЫ

№ п/п	Место находки	Описание находки	Где опубликована и хранится
1	2	3	4

Раннесарматское время

1	пос. Матвеевский, кург. № 3	Обломки наконечника копья	ГИМ; раскопка Б. Н. Гракова, 1930 г.
2	Кочкарь	Наконечник с узким лавролистным пером, длиной около 19 см	207, стр. 35—37
3	Прохоровка, кург. № 2	Наконечник с широким плоским пером, длиной около 24 см	260, стр. 17, табл. IV, 8
4	Фриденберг, кург. № 5/2	Втульчатый наконечник копья	266, стр. 36
5	Старые Кишки, кург. № 5 (IX), погр. 8	Обломок черешкового наконечника копья или дротика с ромбическим в сечении пером	74, стр. 139; 271, стр. 244
6	Мариенталь, кург. № 4	Наконечник копья	462, стр. 11—12
7	Старица, кург. № 4, кенотаф № 1	Листовидный наконечник с овальным в сечении пером и муфтообразным утолщением на конце втулки. Длина— 44,2 см, длина втулки — 17,2 см	515
8	Старица, кург. № 4	Острие наконечника копья, овальное в сечении	515

Среднесарматское время

9	Бережновка I, кург. № 6/3	Втульчатый наконечник копья длиной — 25 см	278, стр. 73
10	Бережновка II, кург. № 17/1	Обломок втульчатого наконечника копья	281, стр. 32
11	Калиновка, кург. № 6/5	Наконечник с коротким массивным листовидным пером и длинной втулкой. Длина — 26 см	358, стр. 342, рис. 50, 19

1	2	3	4
12	Калиновка, кург. № 55/14	Наконечник с массивным листовидным пером и короткой втулкой. Длина — 41 см, длина пера — 35 см	358, стр. 403, рис. 50, 1
13	Старица, кург. № 25/2	Мелкие обломки втулки наконечника копья	516
14	Старица, кург. № 50/8	Мелкие обломки наконечника копья	516
15	хут. Попов, кург. № 58/26, погр. 10	Наконечник копья (дротика?) с коротким листовидным пером и несомкнутой втулкой, расширяющейся книзу. Длина — 15,4 см, длина пера — 6,4 см	ГЭ, инв. № К—198
16	хут. Ляпичев, кург. № 7/12	Наконечник копья с плоским пером	74, стр. 186
17	г. Славянск, кург. № ССЛIII/2	Наконечник копья с узким листовидным пером. Длина — 29,5 см, наибольшая ширина — 4 см	142, стр. 162

Позднесарматское время

18	«Три брата», I гр., кург. № 2 IV—V вв. н. э.	Плоский черешковый наконечник копья с листовидным пером. Длина — 27 см	267, стр. 120
19	Калиновка, кург. № 28/2	Наконечник копья с узким пером, с двумя выступами при переходе в широкую втулку. Длина — 28,5 см	358, стр. 386, рис. 60, 9
20	Около кол. Герцог (случайная находка)	Наконечник копья с узким горлом, с двумя выступами при переходе в широкую втулку	СОМК, инв. № 876
21	Около г. Покровска, «речное» погребение	Наконечник копья, втулка которого приварена к перу, охватывая его двумя щечками. Длина — 19 см	284, стр. 75, рис. 3

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН — Академия наук
 АП УРСР — Археологічні пам'ятки УРСР, Киев
 ВДИ — Вестник древней истории, М.
 ВИ — Вопросы истории, М.
 ВОКМ — Волгоградский областной краеведческий музей
 ВССА — Вопросы скифо-сарматской археологии, М.
 ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры, М.—Л.
 ГИМ — Государственный Исторический музей
 ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
 ГЭ — Государственный Эрмитаж
 ДИСИФМГУ — Доклады и сообщения исторического факультета МГУ
 ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
 ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
 ЗУОЛЕ — Записки Уральского общества любителей естествознания, Екатеринбург
 ИА — Институт археологии Академии наук СССР
 ИАК — Известия Археологической комиссии, СПб.
 Изв. АН АзССР — Известия Академии наук Азербайджанской ССР
 Изв. АН КазССР — Известия Академии наук Казахской ССР, Алма-Ата
 Изв. АН ТуркмССР — Известия Академии наук Туркменской ССР, Ашхабад
 Изв. НВИК — Известия Нижневолжского института краеведения, Саратов
 Изв. РОМК — Известия Ростовского областного музея краеведения, Ростов-на-Дону
 ИФЖ — Историко-филологический журнал, Ереван
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
 КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии АН УССР
 КСИИМК — «Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР», М.—Л., М.
 КСПАИОГАМ — Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского государственного археологического музея, Одесса
 ЛГУ — Ленинградский государственный университет
 МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России, М.
 МАР — Материалы по археологии России, СПб., Пг.
 МГУ — Московский государственный университет
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР, М., М.—Л.
 МХЭ — Материалы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, М.
 НИИК — Научно-исследовательский институт культуры
 ОАК — Отчеты Археологической Комиссии
 РГО — Русское географическое общество
 СА — «Советская археология»
 САИ — Свод археологических источников, М., М.—Л.
 СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
 СОМК — Саратовский областной музей краеведения
 СЭ — Советская этнография
 ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа, Л.
 ТИЭ — Труды Института этнографии, М., М.—Л.
 ТОУАК — Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, Оренбург
 ТСА РАНИОН — Труды Секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук, М.
 ТХЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, М.
 Тр. АС — Труды Археологического съезда
 Тр. ГИМ — Труды Государственного Исторического музея
 Тр. ИИА АН УзбССР — Труды Института истории и археологии АН Узбекской ССР, Ташкент
 Тр. ИИАЭ АН КазССР — Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР
 Тр. ИИАЭ АН ТаджССР — Труды Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР
 Тр. ИИАЭ АН ТуркмССР — Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР, Ашхабад
 Тр. Музея истории УзбССР — Труды Музея истории Узбекской ССР, Ташкент
 Тр. КАЭЭ — Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, М.
 Тр. СОМК — Труды Саратовского областного музея краеведения, Саратов
 Тр. ТКАЭЭ — Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции, М.—Л.
 Тр. ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции, Ашхабад
 Уч. зап. РАНИОН — Ученые записки Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук, М.

Уч. зап. СГУ — Ученые записки Саратовского государственного университета, Саратов
 ХАЭЭ — Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
 ЮТАКЭ — Южно-Туркменская археологическая комплексная экспедиция
 АА — Acta Archaeologica, Budapest
 АЖА — American Journal of Archaeology
 АН — Archaeologia Hungarica, Budapest
 ВСН — Bulletin de correspondance hellénique, Paris
 САН — Cambridge Ancient History
 СІЛ — Corpus Inscriptionum Latinarum, Berlin
 D-S — Dictionnaire des Antiquités Grecques et romaines sous la direction de M. C. Daremberg et E. Saglio.

ESA — Eurasia Septentrionalis antiqua, Helsinki
 IOSPE — Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini.
 JPEK — Jahrbuch für Prehistorische und Ethnographische Kunst, Berlin
 MCA — Materiale si cercetari arheologice, Bucuresti
 P-W — Pauly's Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung, begonnen von G. Wissowa
 RA — Revue Archéologique, Paris
 RAA — Revue des arts asiatiques
 SK — Seminarium Kondakovianum, Praha
 ZHWK — Zeitschrift für historisch Waffend- und Kostumkunde.

СПИСОК ЦИТИРОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Источники

1. Август, император. Деяния.
2. Амвросий, О разрушении города Иерусалима.
3. Аммиан Марцеллин.
4. Анней Лукан, Марк, О гражданской войне.
5. Анней Сенека, Луций, Вестник.
6. Аппиан, Митридатовы войны.
7. Арриан, Диспозиция против аланов.
8. Арриан, Поход Александра.
9. Арриан, Тактика.
10. Библия, Книга пророка Иереми.
11. Библия, Третья книга Царств.
12. Валерий Флакк Сетин Бальб, Гай, Аргонавтика.
13. Гекатей Милетский, Фрагменты.
14. Гелиодор, Эфиопика.
15. Геродот.
16. Диодор Сицилийский, Библиотека.
17. Евсевий, Жизнь Константина.
18. Евтропий.
19. Иордан, Гетика.
20. Кассий Коккеян, Дион.
21. Каций Силий Италик, Тиберий, Пуническая война.
22. Клавдий Клавдиан, О консульстве Стилихона.
23. Клавдий Элиан, О животных.
24. Ксенофонт, Анабазис.
25. Ксенофонт, Киропедия.
26. Курций Руф, Квинт, Поход Александра.
27. Ливий, Тит.
28. Лукиан Самосатский, Нигрин.
29. Лукиан Самосатский, Токсарис.
30. Овидий Насон, Публий, Ибис.
31. Овидий Насон, Публий, Печальные песни.
32. Павсаний, Описание Эллады.
33. Папиний Стаций, Публий. Ахиллеида.
34. Папирус Эртеукс.
35. Псевдо-Гиппократ, О воздухе, водах и местностях.
36. Псевдо-Скилак.
37. Плиний Секунд, Гай, Естественная история.
38. Плутарх, Сравнительные жизнеописания. Красс.
39. Плутарх, Сравнительные жизнеописания. Лукулл.
40. Плутарх, Сравнительные жизнеописания. Помпей.
41. Полибий, История.
42. Полиен, Военные хитрости.
44. Помпоний Мела, Землеописание.
44. Приск Панийский.
45. Прокопий Кесарийский, Персидская война.
46. Светоний Танквилл, Гай, Жизнеописание двенадцати цезарей. Домициан.
47. Свида, s. v. Θόραξ
48. Страбон.
49. Схолии к Никандру.
50. Тацит, Корнелий, Германия.
51. Тацит, Корнелий, История.
52. Тацит, Корнелий, Летопись.
53. Теофраст Эресский, О растениях.
54. Флавий Вегетий Ренат.
55. Флавий Вописк Сиракузский, Божественный Аврелиан.
56. Флавий Иосиф, О войне иудейской.
57. Элий Спартиан, Адриан.
58. Юлий Валерий, Род императора Константина.
59. Юлий Капитолин, Марк Антонин Философ.
60. Юстин, Эпитома Помпея Трога.

Литература

61. Абрамова М. П., Взаимоотношения сарматов с населением позднескифских степных городищ Нижнего Днестра, — МИА, 1962, № 115.
62. Абрамова М. П., Сарматские погребения Дона и Украины II в. до н. э. — I в. н. э., — СА, 1961, № 1.
63. Антропова В. В., Вопросы военной организации и военного дела у народов крайнего северо-востока Азии, — ТИЭ, нов. сер. 1957, т. XXXV.
64. Анучин Д. Н., О некоторых формах древнейших русских мечей, — Тр. VI АС, 1886, т. 1.
65. Анфимов Н. В., Археологические разведки по среднему Прикубанью, — КСИИМК, 1955, вып. 60.
66. Анфимов Н. В., Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья, — КСИИМК, 1947, вып. XVI.
67. Анфимов Н. В., Меотско-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской, — МИА, 1951, № 23.
68. Анфимов Н. В., Меотский могильник на западной окраине Краснодара, — «Материалы по изучению Краснодарского края», Краснодар, 1960, вып. 1.
69. Анфимов Н. В., Могильники сарматского времени в долине реки Урупа (по материалам экспедиции 1954 г.), — КСИИМК, 1956, вып. 65.

70. Анфимов Н. В., Протомеотский могильник с. Николаевского, — «Сборник материалов по археологии Адыгеи», Майкоп, 1961, т. II.
71. Артамонов М. И., Общественный строй скифов, — «Вестник ЛГУ», 1947, № 9.
72. Артамонов М. И., Работы на строительстве Маньчжунского канала, — «Известия ГАИМК», 1935, вып. 109.
73. Артамонов М. И., Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г., — СА, 1949, вып. XI.
74. «Археологические исследования в РСФСР, 1934—1936 гг.», М.—Л., 1941.
75. Бабенчиков В. П., Чорноріченський могильник, — АП УРСР, 1963, т. XIII.
76. Бадер О. Н., Камская археологическая экспедиция (работы 1953 и 1954 гг.), — КСИИМК, 1957, вып. 70.
77. Баруздин Ю. Д., Кара-Булакский могильник, — «Известия АН КиргССР», сер. обществ. наук, Фрунзе, 1961, т. III, вып. 3.
78. Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А., Археологические памятники Баткена и Ляйляка, Фрунзе, 1962.
79. Бернштам А. Н., Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, — МИА, 1952, № 26.
80. Бернштам А. Н., Кенкольский могильник, Л., 1940.
81. Бернштам А. Н., Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана, — «Изв. АН КазССР», сер. археол., 1949, вып. 2, № 67.
82. Берхин И. П., О трех находках позднесарматского времени в Нижнем Поволжье, — «Археологический сборник», Л., 1961, вып. 2.
83. Бичурин Н. Я., Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I, М.—Л., 1950.
84. Блаватский В. Д., Битва при Фате и греческая тактика IV в. до н. э., — ВДИ, 1946, № 1.
85. Блаватский В. Д., О боспорской коннице, — КСИИМК, 1949, вып. XXIX.
86. Блаватский В. Д., О стратегии и тактике скифов, — КСИИМК, 1950, вып. 34.
87. Блаватский В. Д., Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья, М., 1954.
88. Бобринский А. А., Курганы и случайные находки близ местечка Смелы, т. I—3, СПб., 1901.
89. Бобринский А. А., Отчет о раскопках близ с. Журовки и Капитоновки (Чигиринского у., Киевской губ.) в 1904 г., — ИАК, 1905, вып. 17.
90. Богданова Н. О., Могильник I ст. до н. э. — III ст. н. э. близ с. Завитие Бахчисарайского району, — «Археология», 1962, т. XV.
91. Бокщанин А. Г., Битва при Каррах, — ВДИ, 1949, № 4.
92. Браун Ф. А., Отчет о раскопках в Таврической губернии в 1898 г., — ИАК, 1906, вып. 19.
93. Вайнштейн С. И., Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве), — СЭ, 1966, № 3.
94. Веймарн Е. В., Археологічні роботи в районі Інкермана, — АП УРСР, 1963, т. XIII.
95. Веселовский Н. И., Курганы Кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе, — Тр. XII АС, 1905, т. 1.
96. Виноградов В. Б., Сарматы Северо-Восточного Кавказа, Грозный, 1963.
97. Виноградов В. Б., Сиракский союз племен на Северном Кавказе, — СА, 1965, № 1.
98. Владимирцов Б. Я., Общественный строй монголов (Монгольский кочевой феодализм), Л., 1934.
99. Воеводский М. В. и Грязнов М. П., У-суньские могильники на территории Киргизской ССР, — ВДИ, 1938, № 3(4).
100. Воронец М., Археологические исследования 1937—1939 гг. в УзССР, — ВДИ, 1940, № 3—4.
101. Воронец М., Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории Академии наук УзССР на территории Ферганы в 1950—1951 гг., — Тр. Музея истории УзССР, Ташкент, 1954, т. II.
102. Воронов Ю. Н., Вознюк А. С., Апуштинский могильник IV—VI вв. н. э. в Абхазии, — СА, 1970, № 1.
103. Вязьмитіна М. І., Сарматські поховання в долині р. Молочної, — АП УРСР, 1960, т. VIII.
104. Вязьмитіна М. І., Іллінська В. А., Покровська Е. Ф., Тереножкин О. І., Ковпаненко Г. Т., Кургани біля с. Ново-Пилипівки і радгоспу «Аккермень», — АП УРСР, 1960, т. VIII.
105. Гаврилова А. А., Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен, М.—Л., 1965.
106. Гайдукевич В. Ф., Боспорское царство, М.—Л., 1949.
107. Гайдукевич В. Ф., Некоторые итоги раскопок Тиритак и Мирмекия, — ВДИ, 1947, № 3.
108. Генинг В. Ф., Азелинская культура III—V вв., Свердловск — Ижевск, 1963.
109. Гольмстен В. В., Археологические памятники Самарской губернии, — ТСА РАНИОН, 1928, т. IV.
110. Гольмстен В. В., Доисторическое прошлое Самарского края. Краеведение, ч. I, Самара, 1924.
111. Городцов В. А., Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 г., — Тр. XIII АС, 1907, т. I.
112. Граков Б. Н., Камелское городище на Днепре, — МИА, 1954, № 36.
113. Граков Б. Н., Курганы в окрестностях пос. Нежинского Оренбургского уезда по раскопкам 1927 г., — ТСА РАНИОН, 1928, т. IV.
114. Граков Б. Н., Пережитки матриархата у сарматов, — ВДИ, 1947, № 3.
115. Граков Б. Н., Скифские погребения на Никопольском курганном поле, — МИА, 1962, № 115.
116. Граков Б. Н., Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов, — ТСА РАНИОН, 1930, т. V.
117. Грач А. Д., Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге (Полевой сезон 1958 г.), — Тр. ТКАЭЭ, 1960, т. I.
118. Григорьев Г. В., Каунчи-тепе (раскопки 1935 г.), Ташкент, 1940.
119. Григорьев Г. В., Келесская степь в археологическом отношении, — «Изв. АН КазССР», сер. археол., 1948, вып. I.
120. Грязнов М. П., История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка, — МИА, 1956, № 48.
121. Грязнов М. П., Рецензия на книгу А. Н. Бернштама «Кенкольский могильник», — КСИИМК, 1945, вып. XI.
122. Гумилев Л. Н., Хунну, М., 1960.
123. Гущина Н. И., О сарматах в юго-западном Крыму (По материалам некоторых могильников I—IV вв.), — СА, 1970, № 1.
124. Давидович Е. А., Отчет о раскопках 1947 г. на площади квадратного зала Старой Нисы, — Тр. ЮТАКЭ, 1951, т. II.
125. Давыдова А. В. и Шилов В. П., Предвари-

- тельный отчет о раскопках Нижне-Иволгинского городища в 1949 г., — «Записки Бурят-Монгольского НИИК», Улан-Удэ, 1952, т. XIV.
126. Давыдова А. В., Иволгинское городище, — СА, 1956, вып. XXV.
 127. Дитлер П. А., Могильники в районе поселка Колосовка на реке Фарс, — Сборник материалов по археологии Адыгеи, Майкоп, 1961, т. II.
 128. Дмитриев П. А., Мысовские стоянки и курганы, — ТСА РАНИОН, 1928, т. IV.
 129. Добровольский А. В., Розкопки ділянок А і Г та могильника золотобалківського поселення рубежу нашої ери в 1951 і 1952 роках, — АП УРСР, 1960, т. IX.
 130. «Древности Приднепровья». Собрание Б. и В. Ханенко, вып. 3, Киев, 1900.
 131. Дурдыев Д., Кырк-Депе (Отчет о раскопках 1955—1957 гг.), — Тр. ИИАЭ АН ТуркмССР, 1959, т. V.
 132. Дьяконов И. М., История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э., М.—Л., 1956.
 133. Дьяконов И. М., Общественный и государственный строй древнего Двуречья, Шумер, М., 1959.
 134. Дьяконов М. М., Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии, — сб.: «Живопись древнего Пянджикента», М., 1954.
 135. Дьяконов М. М., Очерк истории древнего Ирана, М., 1961.
 136. Дэвлет М. А., Из истории освоения металлургии железа на Среднем Енисее, — СА, 1968, № 1.
 137. Дэвлет М. А., Большая Боярская писаница, — СА, 1965, № 3.
 138. Дэвлет М. А., Бронзовые бляшки в форме сложного лука из Хакасии, — КСИИМК, 1966, вып. 107.
 139. Евтюхова Л. А., Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов), Абакан, 1948.
 140. Есаян С. А., Защитное вооружение в древней Армении, — ИФЖ, 1962, № 1.
 141. Есаян С. А., Погребения VI—V вв. до н. э. в горах Шамшадина, — СА, 1965, № 3.
 142. «Журнал раскопок Н. Е. Брандербурга 1888—1902 гг.», СПб., 1908.
 143. Заднепровский Ю. А., Археологические памятники южных районов Омской области, Фрунзе, 1960.
 144. Заднепровский Ю. А., [реп. на:] Namio Egami and Shinji Fukai — см. № 393, — СА, 1969, № 1.
 145. Замятин С. Н., Работы на строительстве санатория КСУ в Кисловодске, — «Изв. ГАИМК», 1935, вып. 109.
 146. Засецкая И. П., О хронологии погребений «эпохи переселения народов» Нижнего Поволжья, — СА, 1968, № 2.
 147. Збруева А. В., История населения Прикамья в ананьинскую эпоху, — МИА, 1952, № 30.
 148. Златковская Т. Д., Мёзья в I—II вв. н. э., М., 1951.
 149. Зограф А. Н., Античные монеты, — МИА, 1951, № 16.
 150. Зырянов А. Н., Курганы и городища в Шадринском уезде, Пермской губернии, и находки на них, — ЗУОЛЕ, 1884, т. VII.
 151. Иессен А. А., Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе, — ВССА, 1954.
 152. Иессен А. А., Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века, — МИА, 1951, № 23.
 153. Иессен А. А., Раскопки курганов на Дону в 1951 году, — КСИИМК, 1954, вып. 53.
 154. Иностранцев К. А., Сасанидские этюды, СПб., 1909.
 155. Казиев С. М., Новые археологические находки в Мингечауре в 1949 г., — «Изв. АН АзССР», 1949, № 9.
 156. Казиев С. М., О некоторых типах оружия из Мингечаура (на азерб. яз.), — «Материальная культура Азербайджана», Баку, 1951, т. II.
 157. Кастанье И. А., Надгробные сооружения киргизских степей, Оренбург, 1911.
 158. «Каталог выставки XI АС в Киеве», Киев, 1899.
 159. Кибиров А. К., Археологические работы в Центральном Тянь-Шане, — Тр. КАЭЭ, 1959, т. II.
 160. Киселев С. В., Древняя история Южной Сибири, М., 1951.
 161. «Кой-Крылган-Кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э. — IV в. н. э.», — ТХЭ, 1967, т. V.
 162. Кожомбердиев И., Катакомбные памятники Таласской долины, — в сб.: «Археологические памятники Таласской долины», Фрунзе, 1963.
 163. Кожомбердиев И., Могильник Акчий-Карасу в долине Кетмень-Тюбе, — «Изв. АН КиргССР», сер. обществ. наук, Фрунзе, 1960, т. II, вып. 3.
 164. Кожомбердиев И., Новые данные о Кенкольском могильнике, — КСИИМК, 1960, вып. 80.
 165. Корнюшин Г. И., Сарматский меч из Воронежской области, — СА, 1961, № 2.
 166. Котович В. Г., Новые археологические памятники Южного Дагестана, — «Материалы по археологии Дагестана», Махачкала, 1959, т. I.
 167. Кривцова-Гракова О. А., Алексеевское поселение и могильник, — Тр. ГИМ, 1948, вып. XVIII.
 168. Крупнов Е. И., Древняя история Северного Кавказа, М., 1960.
 169. Кухаренко Ю. В., Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы, — СА, 1959, № 1.
 170. Куфтин Б. А., Археологические раскопки в Триалети, — Тбилиси, 1941.
 171. Кушева-Грозевская А., Один из типов сарматского меча, — «Изв. Нижневолжского ин-та краеведения», Саратов, 1929, т. III.
 172. Кызласов Л. Р., Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины, М., 1960.
 173. Лаппо-Данилевский А. С., Скифские древности, — ЗОРСА, 1887, т. IV.
 174. Латынин Б. А., Некоторые итоги работ Ферганской экспедиции 1954 г., — «Археологический сборник», Л., 1961, вып. 3.
 175. Латышев В. В., Эпиграфические новости из южной России (находки 1901—1903 годов), — ИАК, 1904, вып. 10.
 176. Ленц Э. Э., Заметки о предметах вооружения из раскопок 1903 г. близ с. Журовки Киевской губернии, — ИАК, 1905, вып. 14.
 177. Ленц Э. Э., Описание оружия, найденного в 1901 г. в Кубанской области, — ИАК, 1902, вып. 4.
 178. Леонтьев П., Археологические разыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях, — «Прописки», М., 1854, т. IV.
 179. Лесков А. М., О хронологии таврских каменных ящиков горного Крыма, — КСИА АН УССР, 1959, вып. 8.
 180. Литвинский Б. А. и Давидович Е. А., Предварительный отчет о раскопках курганов в Ворухе (Исфаринский район) в 1954 г., — Тр. ИИАЭ АН ТаджССР, 1956, т. XXXVII.
 181. Литвинский Б. А., Пьянков И. В., Военное дело у народов Средней Азии в VI—IV вв. до н. э., — ВДИ, 1966, № 3.

182. Литвинский Б. А., Изучение курумов в северо-восточной части Ленинабадской области в 1957 г., — Тр. ИИАЭ АН ТаджССР, 1959, т. СIII.
183. Литвинский Б. А., Сложносоставной лук в древней Средней Азии, — СА, 1966, № 4.
184. Литвинский Б. А., Среднеазиатские железные наконечники стрел, — СА, 1965, № 2.
185. Лоховиц В. А., Раскопки квадратного погребального сооружения на Городище Чирик-Рабат, — МХЭ, 1963, вып. 6.
186. Лунин Б. В., Археологические раскопки и разведки в Ростовской области в 1938—1939 гг., — сб.: «Памятники древности на Дону», I, Ростов-на-Дону, 1940.
187. Лунин Б. В., Серебряная чаша с рельефными изображениями и греческой надписью и стеклянная чашка из находок у станицы Даховской, — Изв. РОМК, 1940, вып. II.
188. Луцкевич И. Н., Сарматські кургани у с. Нещеретова, Ворошиловградської області, — «Археологія», 1962, т. VII.
189. Макаревич М. Л., Похоронения сарматского та салтвского типов на Сіверському Дініці, — «Археологія», 1957, т. X.
190. Макаренко Н. Е., Археологические исследования 1907—1909 гг., — ИАК, 1911, вып. 43.
191. Максименко В. Е., Сарматские погребения в дельте Дона, — СА, 1970, № 2.
192. Максимов Е. К., О хронологии савроматских памятников Нижнего Поволжья, — Тр. СОМК, 1960, вып. 3.
193. Максимов Е. К., Позднейшие сармато-аланские погребения V—VIII вв. на территории Нижнего Поволжья, — Тр. СОМК, 1956, вып. I.
194. Максимов Е. К., Сарматские диагональные погребения Восточной Европы, — «Археологический сборник», Саратов, 1966.
195. Максимова А. Г., Мерсчиев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М., Древности Чардары, Алма-Ата, 1968.
196. Малакатия С. И., Раскопки Двинского могильника, — СА, 1949, вып. XI.
197. Малаовицкая Л. Я., Тамдинский курганный могильник III—I вв. до н. э., — Изв. АН КазССР, сер. археол., 1949, вып. 2, № 67.
198. Мандельштам А. М., Кочевники на пути в Индию, — МИА, 1966, № 136.
199. Мандельштам А. М., Послекушанские погребения в Северной Бактрии, — КСИИМК, 1963, вып. 94.
200. Марко Поло, Путешествия, пер. И. П. Минасва, Л., 1940.
201. Мартиросян А. А., Армения в эпоху бронзы и раннего железа, Ереван, 1964.
202. Марущенко А. А., Курганные погребения сарматского времени в подгорной полосе Южного Туркменистана, — Тр. ИИАЭ АН ТуркмССР, 1959, т. V.
203. Марченко И. Д., Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950—1951 гг., — МИА, 1956, № 57.
204. Массон М. Е., Пугаченкова Г. А., Парфянские ритоны Нисы, — Тр. ЮТАКЭ, 1959, т. IV.
205. Массон М. Е., Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства, — Тр. ЮТАКЭ, 1955, т. V.
206. Массон М. Е., Новые археологические данные к изучению истории Парфии, — «Изв. АН ТуркмССР», 1952, т. 5.
207. Матвеева Г. И., Раскопки курганов у г. Троицка, — «Вопросы археологии Урала», Свердловск, 1962, вып. 2.
208. Мацулевич Л. А., Бляхи-обереги сарматского панциря, — СГЭ, 1947, вып. 4.
209. Медведев А. Ф., Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII—XIV вв., — САИ, 1966, вып. EI-36.
210. Мелюкова А. И., Войско и военное искусство скифов, — КСИИМК, 1950, вып. XXXIV.
211. Мелюкова А. И., Вооружение скифов, — САИ, 1964, вып. Д1-4.
212. Мелюкова А. И., Каменная фигура скифа-воина, — КСИИМК, 1952, вып. XLVIII.
213. Мелюкова А. И., Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты (Молдавская ССР), — СА, 1962, № 1.
214. Мерперт Н. Я., Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье, — СА, 1955, вып. XXIII.
215. Миллер А. А., Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры в 1924 и 1925 годах, — «Сообщения ГАИМК», 1925, I.
216. Миллер А. А., Новый источник к изучению связи Скифии с Кавказом, — ГАИМК, 1925, вып. IV.
217. Миллер А. А., Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г., — ИАК, 1909, вып. 33.
218. Минаева Т. М., Погребения с сожжением близ гор. Покровска, — «Уч. зап. СГУ», 1927, т. VI, вып. 3.
219. Мишулин А. В., О военном искусстве скифов, — «Исторический журнал», 1943, № 8—9.
220. Минацкая А. О., Археологические раскопки на осушенной территории озера Севан, — СА, 1955, вып. XXIII.
221. Минацкая А. О., О раскопках могильника у с. Головино (Армения), — КСИИМК, 1952, вып. 46.
222. Могильников В. А., Елыкаевская коллекция Томского университета, — СА, 1968, № 1.
223. Морган Л. Г., Древнее общество, Л., 1934.
224. «Московский Публичный и Румянцевский музеи. Каталог отделения древностей», М., 1906.
225. Мошинская В. И., Археологические памятники Севера Западной Сибири, — САИ, 1965, вып. Д3-8.
226. Мошинская В. И., Городище и курганы Потчеваш (К вопросу о потчевашской культуре), — МИА, 1953, № 35.
227. Мошинская В. И., Материальная культура Усть-Полуя, — МИА, 1953, № 35.
228. Мошкова М. Г., О раннесарматских втульчатых стрелах, — КСИА, 1962, вып. 89.
229. Мошкова М. Г., Памятники прохоровской культуры, — САИ, 1963, вып. Д1-10.
230. Мошкова М. Г., Раннесарматские бронзовые пряжки, — МИА, 1960, № 78.
231. Мунчаев Р. М., Новые сарматские памятники Чечено-Ингушетии, — СА, 1965, № 2.
232. Мухета, Археологические памятники Армазис-Хеви по раскопкам 1937—1946 гг., т. I, Тбилиси, 1958.
233. Неусыхин А. И., Военные союзы германских племен около начала нашей эры, — Уч. зап. РАНИОН, 1929, т. 3.
234. Нефедов Ф. Д., Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье, произведенных летом 1887 и 1888 гг., — МАВГР, 1899, т. III.
235. Обельченко О. В., Курганные погребения первых веков н. э. и кенотафы Кую-Мазарского могильника, — Тр. САГУ, 1957, вып. CXI.

236. Обельченко О. В., Кую-Мазарский могильник, — Тр. ИИА АН УзССР, 1956, вып. VIII.
237. Обельченко О. В., Лявандакский могильник, — «История материальной культуры Узбекистана», Ташкент, 1961, вып. 2.
238. Обельченко О. В., Могильник Акджартепе, — «История материальной культуры Узбекистана», Ташкент, 1962, вып. 3.
239. Обельченко О. В., Погребение сарматского типа под Самаркандом, — СА, 1967, № 2.
240. Оболдуева Т. Г., Сарматские курганы біля м. Мелітополя, — АП УРСР, 1952, т. IV.
241. Окладников А. П., Неолит и Бронзовый век Прибайкалья, — МИА, 1950, № 18.
242. Окладников А. П., Погребение бронзового века в Ангарской тайге, — КСИИМК, 1940, вып. VIII.
243. Орбели И. А. и Тревер К. В., Сасанидский металл, М.—Л., 1935.
244. Рещиц А. И., Общественный строй туарегов Сахары в XIX в.—сб.: «Разложение родового строя и формирование классового общества», М., 1968.
245. Тикуль М. И., Хабадинский могильник, — «Материалы по археологии Дагестана», т. II, Махачкала, 1961.
246. Пиотровский Б. Б., Ванское царство, М., 1959.
247. Пиотровский Б. Б., Кармир-Блур, т. III, 1955.
248. Погребова Н. И., Погребения в Мавзолее Неаполя Скифского, — МИА, 1961, № 96.
249. Попов А., О броне, хранящейся в музее Архивной комиссии, — ТОУАК, 1911, вып. XXIII.
250. Пугаченкова Г. А., Архитектурные памятники Нисы, — Тр. ЮТАКЭ, 1949, т. I.
251. Пугаченкова Г. А., Коропластика древнего Мерва, — Тр. ЮТАКЭ, 1962, т. XI.
252. Пугаченкова Г. А., О панцирном вооружении парфянского и бактрийского воинства, — ВДИ, 1966, № 2.
253. Пугаченкова Г. А., Халчап, Ташкент, 1966.
254. Радлов В., Сибирские древности, т. I, СПб., 1891.
255. Репников Н. И., Каменные ящики Байдарской долины, — ИАК, 1909, вып. 30.
256. Рикман Э. А., Поздние сарматы Днестровско-Дунайского междуречья, — СЭ, 1966, № 1.
257. Ростовцев М. И., Амага и Тиргатао, — ЗООИД, 1914.
258. Ростовцев М. И., Античная декоративная живопись на юге России, СПб., 1914.
259. Ростовцев М. И., Воронежский серебряный сосуд, — МАР, 1914, № 34.
260. Ростовцев М. И., Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма, — МАР, 1918, № 37.
261. Ростовцев М. И., Скифия и Боспор, Пг., 1925.
262. Ростовцев М. И., Эллинизм и иранство на юге России, Пг., 1918.
263. Руденко С. И., Культура хуннов и ноинулинские курганы, М.—Л., 1962.
264. Руденко С. И., Сибирская коллекция Петра I, — САИ, 1962, вып. ДЗ-9.
265. Рыков П. С., Археологические раскопки и разведки в Нижне-Волжском крае, произведенные в 1928 г., — Изв. НВИК, 1929, т. 3.
266. Рыков П. С., Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г., Саратов, 1926.
267. Рыков П. С., Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата» в Калмыцкой области, произведенные в 1933 и 1934 гг., — СА, 1936, вып. I.
268. Рыков П. С., Отчет об археологических работах, произведенных в Нижнем Поволжье летом 1929 г., — Изв. НВИК, т. IV, 1931.
269. Рыков П. С., Раскопки курганного могильника в районе г. Элисты, — Изв. НВИК, Саратов, 1936, т. VII.
270. Рыков П. С., Сусловский курганный могильник, Саратов, 1925.
271. Садыкова М. Х., Сарматские памятники Башкирии, — МИА, 1962, № 115.
272. Садыкова М. Х., Сарматский курганный могильник у дер. Старые Кишки, — в сб.: «Археология и этнография Башкирии», I, Уфа, 1962.
273. Сальников К. В., Археологические исследования в Курганской и Челябинской областях, — КСИИМК, 1951, вып. XXXVII.
274. Сальников К. В., Сарматские погребения в районе Магнитогорска, — КСИИМК, 1950, вып. XXXIV.
275. Саханеев В. В., Раскопки курганов на Северном Кавказе в 1911—1912 годах, — ИАК, 1914, вып. 56.
276. Сенигова Т. Н., Отчет о работе Западно-Кавказской археологической экспедиции 1953 г., — Тр. ИИАЭ АН КазССР, 1956, т. I.
277. Синицын И. В., Археологические исследования в Западном Казахстане, — Тр. ИИАЭ АН КазССР, 1956, т. I.
278. Синицын И. В., Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1954 гг.), — МИА, 1959, № 60.
279. Синицын И. В., Археологические памятники в низовьях реки Иловли, — Уч. зап. СГУ, 1954, т. XXXIX, истор. вып.
280. Синицын И. В., Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья, Саратов, 1947.
281. Синицын И. В., Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954—1955 гг.), — МИА, 1960, № 78.
282. Синицын И. В., К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья, — СА, 1946, вып. VIII.
283. Синицын И. В., Памятники Нижнего Поволжья скифо-сарматского времени, — Тр. СОМК, 1956, вып. I.
284. Синицын И. В., Позднесарматские погребения Нижнего Поволжья, Саратов, 1936.
285. Синицын И. В., Сарматские курганные погребения в северных районах Нижнего Поволжья, — «Сборник Нижневолжского краевого музея», Саратов, 1932.
286. Смирнов А. П., Железный век Башкирии, — МИА, 1957, № 58.
287. Смирнов А. П., Могильники пняноборской эпохи (к вопросу о дате), — КСИИМК, 1949, вып. XXV.
288. Смирнов А. П., Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья, — МИА, 1952, № 28.
289. Смирнов К. Ф., Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей, — СА, 1961, № 1.
290. Смирнов К. Ф., Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг., — МИА, 1951, № 23.
291. Смирнов К. Ф., Быковские курганы, — МИА, 1960, № 78.
292. Смирнов К. Ф., Вооружение савроматов, — МИА, 1961, № 101.
293. Смирнов К. Ф., Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии, — ВССА, 1954.

294. Смирнов К. Ф., Грунтовые могильники албаносарматского времени у сел. Карабудахкент,— «Материалы по археологии Дагестана», Махачкала, 1961, т. II.
295. Смирнов К. Ф., Курганы у с. Иловатка и Политотдельское Сталинградской области,— МИА, 1959, № 60.
296. Смирнов К. Ф., Меотский могильник у станицы Пашковской,— МИА, 1958, № 64.
297. Смирнов К. Ф., О погребениях с конями и трупожжениях эпохи бронзы в Нижнем Поволжье,— СА, 1957, вып. XXVII.
298. Смирнов К. Ф., Савроматы, М., 1964.
299. Смирнов К. Ф., Основные пути развития меотосарматской культуры Среднего Прикубанья,— КСИИМК, 1952, вып. 46.
300. Смирнов К. Ф., Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья I в. до н. э.— IV в. н. э. (канд. дисс.), М., 1945.
301. Смирнов К. Ф., Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья I в. до н. э.— IV в. н. э.,— ДИСИФМГУ, 1947, вып. 5.
302. Смирнов К. Ф., Сарматские племена Северного Прикаспия,— КСИИМК, 1950, вып. XXXIV.
303. Смирнов К. Ф., Северный курган,— Тр. ГИМ, 1953, вып. XI.
304. Смирнов Я. И., Восточное серебро, СПб., 1909.
305. Сокольский Н. И., Боспорские мечи,— МИА, 1954, № 33.
306. Сорокин С. С., Боркорбазский могильник, ТГЭ, 1961, т. V.
307. Сорокин С. С., Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы,— «Археологический сборник», Л.— М., 1966, вып. 8.
308. Сорокин С. С., О датировке и толковании Кенкольского могильника,— КСИИМК, 1956, вып. 64.
309. Сорокин С. С., Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения,— СА, 1956, вып. XXVI.
310. Сосновский Г. Б., Раскопки Ильмовой пади,— СА, 1946, вып. VIII.
311. Спицын А. А., Вещи с инкрустацией из Керченских катакомб 1904 г.,— ИАК, 1905, вып. 17.
312. Спицын А. А., Древности бассейнов рек Оки и Камы,— МАР, 1901, № 25.
313. Спицын А. А., Древности Камской Чуды по коллекции Теплоуховых,— МАР, 1902, № 26.
314. Спицын А. А., Фалары Южной России,— ИАК, 1909, вып. 29.
315. Стависский Б. Я., Раскопки могильника близ сел. Суджина,— «Археологические работы в Таджикистане», Душанбе, 1964, вып. IX.
316. Степанов П. Д., Изделия из дерева в курганах Суловского курганного могильника,— Приложение к книге П. С. Рыкова «Суловский курганный могильник», Саратов, 1925.
317. Столяр А. Д., Раскопки курганов у хут. Попова в 1950—1951,— МИА, 1958, № 62.
318. Стржелецкий С. Ф., Раскопки в Инкермане в 1940 г.,— СА, 1947, вып. IX.
319. Сысоев В., Габукыйский курган,— «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», Тифлис, 1897, вып. XXII.
320. Талько-Гринцевич Ю., Суджинское донторическое кладбище в Ильмовой пади,— Тр. Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела РГО, М., 1898—1899, т. I, вып. 2.
321. Телегин Д. Я., Погребение скифского времени на Нижнем Днепре,— КСИИМК, 1956, вып. 6.
322. Тереножкин А. И., Археологическая разведка на городище Афрасиаб в 1945 г.,— КСИИМК, 1947, вып. XVII.
323. Тереножкин А. И., Согд и Чач,— КСИИМК, 1950, вып. XXXIII.
324. Тирация Г. А., Уточнение некоторых деталей сасанидского вооружения по данным армянского историка IV в. н. э. Фавста Бузанда,— «Исследования по истории культуры народов Востока» (сборник в честь И. А. Орбели), М.— Л., 1960.
325. Толмачев В., Древности восточного Урала,— ЗУОЛЕ, 1913, т. XXXII, вып. 2.
326. Толстов С. П., Древний Хорезм, М., 1948.
327. Толстов С. П., По древним дельтам Окса и Яксарта, М., 1962.
328. Толстов С. П., Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг.,— Тр. ХАЭЭ, 1958, т. II.
329. Толстов С. П., Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948 гг.),— Тр. ХАЭЭ, 1952, т. I.
330. Толстов С. П., Итина М. А., Саки низовьев Сыр-Дарьи,— СА, 1966, № 2.
331. Толстой И. и Кондаков Н., Русские древности в памятниках искусства, вып. II, СПб., 1889.
332. Трудновская С. А., Круглое погребальное сооружение на городище Чирик-Рабат,— МХЭ, 1963, вып. 6.
333. Федоров Г. Б., Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э.— МИА, 1960, № 89.
334. Федоров Г. Б., Несколько интересных находок первых веков нашей эры из Молдавии,— «Материалы и исследования по археологии Молдавской ССР», Кишинев, 1964.
335. Фодор И., Скифские и сарматские мечи с сегментовидным перекрестием,— СА, 1969, № 3.
336. Фурманьска А. I., Курган біля с. Долини,— АП УРСР, 1960, т. VIII.
337. Хазанов А. М., «Военная демократия» и эпоха классового образования,— ВД, 1968, № 12.
338. Хазанов А. М., Генезис сарматских бронзовых зеркал,— СА, 1963, № 4.
339. Хазанов А. М., Из истории сарматского наступательного оружия,— в сб.: «История, археология и этнография Средней Азии», М., 1968.
340. Хазанов А. М., Катафрактари и их роль в истории военного искусства,— ВДИ, 1968, № 1.
341. Хазанов А. М., Материнский род у сарматов,— ВДИ, 1970, № 2.
342. Хазанов А. М., Некоторые спорные вопросы истории сложных луков,— СА, 1970, № 2.
343. Хазанов А. М., Сарматские мечи с кольцевым навершием,— СА, 1967, № 2.
344. Хазанов А. М., Сарматский кинжал из Саратовского музея,— СА, 1968, № 1.
345. Хазанов А. М., Сложные луки евразийских степей и Ирана в скифо-сарматскую эпоху,— в сб.: «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана», М., 1966.
346. Хазанов А. М., Характерные черты сарматского военного искусства,— СА, 1970, № 2.
347. Ханин И. Я., К вопросу о древней металлургии и металлообработке на территории Нижнего Поволжья,— Тр. СОМК, 1960, вып. 3.
348. Хачатрян Т. С., Материальная культура древнего Артика, Ереван, 1963.
349. «Хрестоматия по истории Древнего Востока», М., 1963.
350. Черпенко Е. В., Панцири скифского часу,— «Археология», 1965, XVIII.

351. Черненко Е. В., Происхождение пластинчатого панцирного доспеха,— КСИАИОГАМ, 1965.
352. Черненко Е. В., Скифский доспех, Киев, 1968.
353. Черненко Е. В., Шкіряні панцирі скифського часу,— «Археологія», 1964, XVII.
354. Чуистова Л. И., Надробия рубежа н. э. из Керчи,— КСИА АН УССР, 1960, вып. 10.
355. «Чуйская долина» (Труды Семиреченской археологической экспедиции),— МИА, 1950, № 14.
356. Шамба Г. К., Позднеантичные погребения нагорной Абхазии,— СА, 1965, № 2.
357. Шелов Д. Б., Некрополь Танаиса,— МИА, 1961, № 98.
358. Шиллов В. П., Калиновский курганный могильник,— МИА, 1959, № 60.
359. Шиллов В. П., Засецкая И. П., Маловицкая Л. Я., Работы в Нижнем Поволжье,— сб.: «Археологические открытия 1965 г.», М., 1966.
360. Шкорпил В. В., Отчет об археологических раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1902 г.,— ИАК, 1904.
361. фон Штерн Э. Р., К вопросу о происхождении «готского стиля» предметов ювелирного искусства. Археологические заметки по поводу золотых вещей, найденных в Керчи летом 1896 г.,— ЗООИД, 1897, т. XX.
362. Яценко И. В., Скифия VII—V веков до нашей эры, М., 1959.
363. Alföldi A., The Crisis of the Empire,— САИ, 1956, vol. XII.
364. Alföldi A., Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung,— АН, 1932, IX.
365. Alsop J., From the Silent Earth. A Report on the Greek Bronze Age, London—New York, 1964.
366. Altheim F., Weltgeschichte Asiens im griechischen Zeitalter, Halle (Saale), 1948.
367. Andrews R. H., Descriptive Catalogue of Antiquities Recovered by Sir Aurel Stein, Delhi, 1935.
368. Arendt W., Ein alttürkischer Waffenfund aus Kertsch,— ZHWK, 1932.
369. Aveshes P., Collections d'antiquites Egyptiennes au Kaire,— RA, 1845, t. II.
370. Barnett R. D., Assyrian Palace Reliefs and Their Influence on the Sculptures of Babylonia and Persia, London, 1960.
371. Barnett R. D., and Falkner M., The Sculptures of Tiglathpileser, London, 1962.
372. Bergman F., Archeological Researches in Sinkiang. The Sino-Swedish Expedition, publ. 7; VII: I, Stockholm, 1939.
373. Bloch R., The Etruscans, London, 1958.
374. Bonnet H., Die Waffen der Völker des alten Orients, Leipzig, 1926.
375. Botta P. E., Flandin E., Monuments de Ninive, vol. I—II, Paris, 1849.
376. Brown F. E., Arms and Armour. The Excavations at Dura-Europos, Preliminary Report, New Haven, 1933, IV.
377. Brown F. E., A Recently Discovered Compound Bow,— SK, 1937, IX.
378. Brown F. E., Sketch of the History of Hourse Armor. The Excavation at Dura-Europos, Preliminary Report, New Haven, 1936, VI.
379. Cichorius C., Die Reliefs der Trajanssäule, Berlin, 1896.
380. von Le Cog O., Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittel-Asiens, Berlin, 1925.
381. Contenau G., La civilisation des Hittites, Paris, 1948.
382. Couissin P., Les armes romaines, Paris, 1926.
383. Courbin P., Discoveries at Ancient Argos,— «Archaeology», 1957, vol. 9, № 3.
384. Cumont F., Fouilles de Doura-Europos, Paris, 1926.
385. Csallony D., A bacsujfalusi avarkori hamvasztasos lelet. Adatok a kuturgur-bolgarok (hunok) temesi szokasahoz es regeszeti hagyatekahoz,— «Archaeologiai Ertesito», Budapest, 1953, vol. 80, fasc. 2.
386. Dalton O. M., The Treasure of the Ozus, London, 1926.
387. Daux G., Chronique des fouilles et decouvertes archeologiques en Grece en 1960,— BCH, 1961, vol. 85.
388. Daux G., Chronique des fouilles et decouvertes archeologiques en Grece en 1962,— BCH, 1963, vol. 87.
389. Davies N. de, The Tomb of Kenamun at Thebes, New York, 1939.
390. Debevoise N., A Political History of Parthia, Chicago, 1938.
391. Dragomir A. T., Sapaturile interprinse la Larga,— MCA, 1959, vol. V.
392. Dinu M., Descoperirele archeologice de la Valea Lupului—Iasi, Analele stiintifice ale Universitatii «Al. Cusa di Iasi» (ser. noua), Sectiunea III, 1955, t. I, fasc. 1—2.
393. Egami N., Fukai S., Masuda S., The Excavations at Noruzmahale and Khoramrud, 1960, The Institute for Oriental Culture the University of Tokyo, Tokyo, 1966.
394. El-Amin M., Die Reliefs mit Beishriften von Sargon II in Dur-Sarrukin,— «Sumer», 1953, IX.
395. Ebert M., Südrussland. Reallexicon der Vorgeschichte, Bd XIII, Berlin, 1929.
396. «Excavations at Dura-Europos», conducted by Yale University and the French Academy of Inscription and Letters. Preliminary Reports, New Haven, 1929—1955, vol. I—IX.
397. Fettich N., Archäologische Beiträge zur Geschichte der Sarmatisch-Dakischen Beziehungen,— AA, 1953, t. III.
398. Fettich N., Bestand der scythischen Altertümer Ungarns,— в кн.: M. Rostowzew, Scythien und der Bosphorus, Berlin, 1931.
399. Fiebigier, Clibanarii, P-W, IV.
400. Flandin E., Coste P., Voyage en Perse, vol. I—IV, Paris, 1843—1854.
401. Flinders Petrie W. M., Tools and Weapons. Illustrated by the Egyptian collection in University, London, 1917.
402. Gadd C. G., The Stones of Assyria, London, 1936.
403. Garstang J., The Hittite Empire, London, 1929.
404. Garstang J., The Land of Hittites, London, 1910.
405. Ghirshman R., Begram. Memoires de la delegation archéologique française en Afganistan, 1946, Paris, t. XII.
406. Ghirshman R., Iran, Harmondsworth, 1954.
407. Ghirshman R., Iran. Parthes et Sasanides, Paris, 1962.
408. Ghirshman R., Scènes de banquet sur l'argenterie sassanide,— «Artibus Asiae», 1953, vol. XVI.
409. Ghirshman R., Une coupe sassanide a scène de chasse,— «Artibus Asiae», 1955, vol. XVIII, I.
410. Ginters W., Das Schwert der Scythen und Sarmaten in Südrussland, Berlin, 1928.
411. Goldschmidt A., Die Bysantinische Elfebeinskulpturen, I, Berlin, 1930.
412. Grakov B., Deux tombeaux de l'époque scythique aux environs de la ville d'Orenbourg,— ESA, 1929, IV.

413. Grakov B., Monuments tombeaux de l'époque scythique entre le Volga et les monts Oural,—ESA, 1928, III.
414. Grancsay S. V., A Sasanian Chieftain's Helmet,—«The Metropolitan Museum of Art Bulletin», 1963, april.
415. Grosse, Lorica, P-W, XIII.
416. Hampel G., Altertümer des frühen Mittelalters in Ungarn, vol. 2, Braunschweig, 1905.
417. Harmatta J., The Golden Bow of the Huns,—AA, 1951, t. I, fasc. 1—2.
418. Heikel A., Antiquités de la Sibirie Occidentale, Helsingfors, 1894.
419. Heikel H., Altertümer aus der Tale des Talas in Turkestan, Helsinki, 1918.
420. Herzfeld E., Iran in the Ancient East, London—New York, 1941.
421. Horvath T., Die avarischen Grabfelder von Ullö und Kiskörös,—AH 1935, XIX.
422. Hough W., Primitive American Armour. Report of US National Museum, 1893, Washington, 1895.
423. Humann K., Puchstein O., Reisen in Kleinasien und Nordsyrien, Berlin, 1890.
424. Jackson A. V. W., Herodotus VII, 61 or the Arms of the Ancient Persians Illustrated from Iranian Sources,—«Classical Studies in Honour of Henry Drisler», New York—London, 1894.
425. «Inscriptiones antique orae septentrionalis Ponti Euxini».
426. Janse O., Notes sur quelques epees anciennes trouvées en Chine,—«Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities», Stockholm, 1930, 2.
427. Jähns M., Entwicklungsgeschichte der alten Trutzwaffen, Berlin, 1899.
428. Jetts W. P., A Chinese Scabbard-Jade,—«The Burlington Magazine», 1926, vol. XLIX, № CCLXXXIII.
429. Kinch K. F., L'arc de triomphe de Salonique, Paris, 1890.
430. Kieseritzky G. und Watzinger C., Griechische Grabreliefs aus Südrussland, Berlin, 1909.
431. King L. W., Bronze Reliefs from the Gates of Shalmanaser King of Assyria (B. C. 885—860), London, 1915.
432. Koch R., Bodenfunde der Völkerwanderungszeit aus dem Main—Tauber—Gebiet, Berlin, 1967.
433. Kwang-Chi Chang, The Archeology of Ancieng China,—«Forge Village», Mass., 1964.
434. Laszlo G., The Significance of the Hun Golden Bow,—AA, 1951, t. I, fasc. 1—2.
435. Laszlo G., Etudes archeologiques sur l'Histoire de la Societe des Avars,—AH, Séries Nova, 1955, XXXIV.
436. Laufer B., Chinese Clay Figures. Pt. I. Prolegomena on the History of Defensive Armor. Field Museum of Natural History. Publication 177. Anthropological Series, Chicago, 1914, vol. III, № 2.
437. Laufer B., Jade,—«Field Museum of Natural History. Anthropological Series», Chicago, 1912, № 10.
438. Lehmann-Hartleben K., Die Trajanssäule, Berlin, 1926.
439. Losinski B. P., The Original Homeland of the Parthians, S-Gravenage, 1959.
440. MacGonald G., The Roman Forts on the Bar Hill,—«Proceedings of the Society of Antiquaries for Scotland», 1905—1906, 4.
441. Majumdar B. K., The Military System in Ancient India, Calcutta, 1960.
442. Marosi A. et Fettich N., Trouvailles avares de Dunapentele,—AH, 1936, XVIII.
443. Marshall J., Taxila, vol. I—III, Cambridge, 1951.
444. Martin F. K., L'age du bronze au musée de Minousinsk, Stockholm, 1893.
445. «Megiddo», Seasons of 1935—1939,—«The University of Chicago Oriental Institute publications», Chicago, 1948, vol. LXII.
446. Minns E., Scythian and Greers, Cambridge, 1913.
447. Morgan L. de, Manuel de Numismatique Orientale, t. I, Paris, 1923.
448. du Mesnil du Buisson, Les tessires et les monnaies de Palmyre, Paris, 1962.
449. Mommsen Th., Berlin Academy Corpus Inscriptionum Latinarum,—CIL, 1863, XI.
450. Murray A. S., Smith A. H., Walters H. B., Excavations in Cyprus, London, 1900.
451. Parducz M., Beiträge zur Geschichte der Sarmaten in Ungarn in II und III Jahrhundert,—AA, 1956, vol. VII.
452. Parducz M., Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns, t. I—AH, 1941, vol. XVII.
453. Parducz M., Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns, t. II,—AH, 1944, vol. XXV.
454. Parducz M., Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns, t. III,—AH, 1950, vol. XXVIII.
455. Passek T. S., Latinin B. A., Sur la question des «Kamennye baby», ESA, 1928, IV.
456. Perrot G. et Chipies Ch., Histoire de l'art dans l'antiquité, VII, Paris, 1898.
457. Pharmakowsky B. W., Archäologische Funde im Jahre 1910. Russald. Arheologischer Anzeiger, Berlin, 1911.
458. Polaschek E., Viener Grabfunde aus der Zeit des untergehender römischen Linies,—«Wiener Prahistorische Zeitschrift», 1932, XIX.
459. Pritchard J. B., The Ancient Near East in Pictures Relating to the Old Testament, Princeton, 1954.
460. Rau P., Die Gräber der Frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet, Pokrowsk, 1929.
461. Rau P., Hügelgräber römischer Zeit an der unteren Wolga, Pokrowsk, 1927.
462. Rau P., Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseile des deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926, Pokrowsk, 1927.
463. Rausing G., The Bow. Some Notes on its Origin and Development, Lund, 1967.
464. Pfuhl E., Malerei und Zeichnung der Griechen, Berlin, 1923.
465. Rostovtzeff M., Graffiti, The Excavations at Dura-Europos, vol. IV, New Haven, 1933.
466. Rostovtzeff M., Graffiti Showing Parthian Warriors, The Excavations at Dura-Europos, t. II, New Haven, 1931.
467. Rostovtzeff M., L'art Greco-iranien,—RAA, 1931—1932, vol. VII.
468. Rostovcev M., Le port-épée des iraniens et des chinois Recueil Th. Uspensky, pt. II, Paris, 1930.
469. Rostowzew M., Scythien und der Bosphorus, Berlin, 1931.
470. Rostovtzeff M., The Parthian Shot,—AJA, 1943, vol. XLVII, № 2.
471. Rostovtzeff M., Syria and the East,—CAH, 1954, vol. XI.
472. Rostovtzeff M., The Samatae and Parthians,—CAH, 1954, vol. XI.
473. Rostovtzeff M., Une trouvaille de l'époque greco-sarmate de Kertch an Louvre et an musée de Saint-Germain,—«Fondation Eugène Piot. Extrait des Monuments et Mémoires Publiés par l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres», Paris, 1923, vol. XXVI.
474. Rubin B., Die Entstehung der Kataphrakenreite-

- rei im Lichte der Chorezmischen Ausgrabungen,— «Historia», Wiesbaden, 1955, IV.
475. S a g l i o G., Lorica, D-S., IV, 2.
476. Sarre F., Die Kunst des alten Persien, Berlin, 1923.
477. Sarre P. und Herzfeld E., Iranische Felsreliefs, Berlin, 1910.
478. Schmidt E. E., Persepolis, vol. I, Chicago, 1953.
479. Schmidt E. E., Persepolis, vol. II, Chicago, 1957.
480. Schmidt E. E., The Treasury of Persepolis,— «Oriental Institute Communication», Chicago, 1939, № 21.
481. Seton Williams M. V., Preliminary Report on the Excavations at Tell Pifa'at,— «Iraq», 1961, vol. XXIII.
482. Seyrig H., Armes et costumes iraniens de Palmyre,— «Syria», 1937, vol. XVIII, fasc. 1.
483. Smith S., Assyrian Sculptures in the British Museum. From Shalmanaser III to Sennacherib, London, 1938.
484. Snodgrass A., Early Greek Armour and Weapons, Edinburgh, 1964.
485. Sommarström, Archaeological Researches in the Edsen-Gol Region of Inner Mongolia,— «Archaeology», Stockholm, 1956, 8.
486. Stade K., Beinplatten zur Bogenversteifung aus römischer Waffenplatten,— «Germania», Berlin, 1933, 17, Heft 2.
487. Stein M. A., Innermost Asia, Oxford, 1928.
488. Stein M. A., Serindia, vol. I—IV, Oxford, 1921.
489. Tallgren A. M., The South Siberian Cemetery of Oglaktu from the Han Period,— «ESA», 1937, XI.
490. Tarn W. W., Greeks in Bactria and India, Cambridge, 1951.
491. Tarn W. W., Hellenistic Military and Naval Developments, Cambridge, 1930.
492. Thordeman B., The Asiatic Splint Armour in Europe,— «Acta Archaeologica», København, 1933, vol. IV, fasc. 2—3.
493. Veek W., Die Alamannen in Württemberg, Berlin und Leipzig, 1931.
494. Werner J., Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches, München, 1956.
495. Werner J., Bogenfragmente aus Carnuntum und der unteren Wolga,— «ESA», 1932, VII.
496. Wilkinson J. G., A Popular Account of the Ancient Egyptians, vol. I, London, 1890.
497. Winlock H. E., The Rise and Fall of the Middle Kingdom in Thebes, New York, 1947.
498. Wooley C. L., Ur Excavations, vol. II. The Royal Cemetery, London, 1934.
499. Zakharov A. A., Contributions to Caucasian Archaeology. A Large Barrow in Daghestan,— «ESA», 1930, V.
500. Yadin Y., The Art of Warfare in Biblical Lands, Jerusalem—Ramat Gan, 1963.
501. Yong R. S., The Campaign of 1955 at Gordion. Preliminary Report,— «AJA», 1956, vol. 60, № 3.

Архивный материал

502. Анфимов Н. В., Отчет об археологических разведках на Кубани, произведенных Краснодарским музеем в 1949 и 1950 гг.,— Архив ИА, р. 1, д. № 485.
503. Анфимов Н. В., Отчет о работе Черноморской археологической экспедиции 1956 г.,— Архив ИА, р. 1, д. № 1385.
504. Капошина С. И., Отчет об археологических раскопках Кобякова городища 1957 г.,— Архив ИА, р. 1, д. № 1684.
505. Капошина С. И., Отчет о работе Кобяковской экспедиции в 1960 г.,— Архив ИА, р. 1, д. 2226.
506. Кияшко В. Я., Исследование курганного могильника у пос. Донского на территории Новочеркасской ГРЭС в 1961 г.,— Архив ИА, р. 1, д. 2368.
507. Мелентьев А. И., Раскопки курганов на территории Новочеркасской ГРЭС в 1962 г.,— Архив ИА, р. 1, д. № 2497.
508. «Отчет Астраханской экспедиции за 1965 г.»,— Архив ИА, р. 1, д. № 3429.
509. Смирнов К. Ф., Отчет о работе Чкаловской экспедиции ИИМК АН СССР в 1957 г.,— Архив ИА, р. 1, д. № 1687.
510. Шилов В. П., Отчет о раскопках Калиновского отряда Сталинградской археологической экспедиции ИИМК АН СССР,— Архив ИА, р. 1, д. № 1300.
511. Шилов В. П., Отчет о раскопках Астраханской экспедиции 1956 г.,— Архив ИА, р. 1, д. № 1314.
512. Шилов В. П., Отчет об археологических исследованиях Астраханской экспедиции 1957 г.,— Архив ИА, р. 1, д. № 1563.
513. Шилов В. П., Отчет об археологических раскопках Астраханской экспедиции 1958 г.,— Архив ИА, р. 1, д. № 1850.
514. Шилов В. П., Отчет об археологических раскопках, произведенных Астраханской экспедицией 1959 г.,— Архив ИА, р. 1, д. № 1976.
515. Шилов В. П., Отчет о раскопках Астраханской археологической экспедиции 1960 г.,— Архив ИА, р. 1, д. № 2155.
516. Шилов В. П., Отчет о раскопках Астраханской экспедиции 1961 г.,— Архив ИА, р. 1, д. № 2380.
517. Шилов В. П., Отчет о раскопках Астраханской археологической экспедиции 1962 г.,— Архив ИА, р. 1, д. № 2728.
518. Шилов В. П., Отчет о раскопках Астраханской археологической экспедиции 1963 г.,— Архив ИА, р. 1, д. № 2750.

ТАБЛИЦЫ

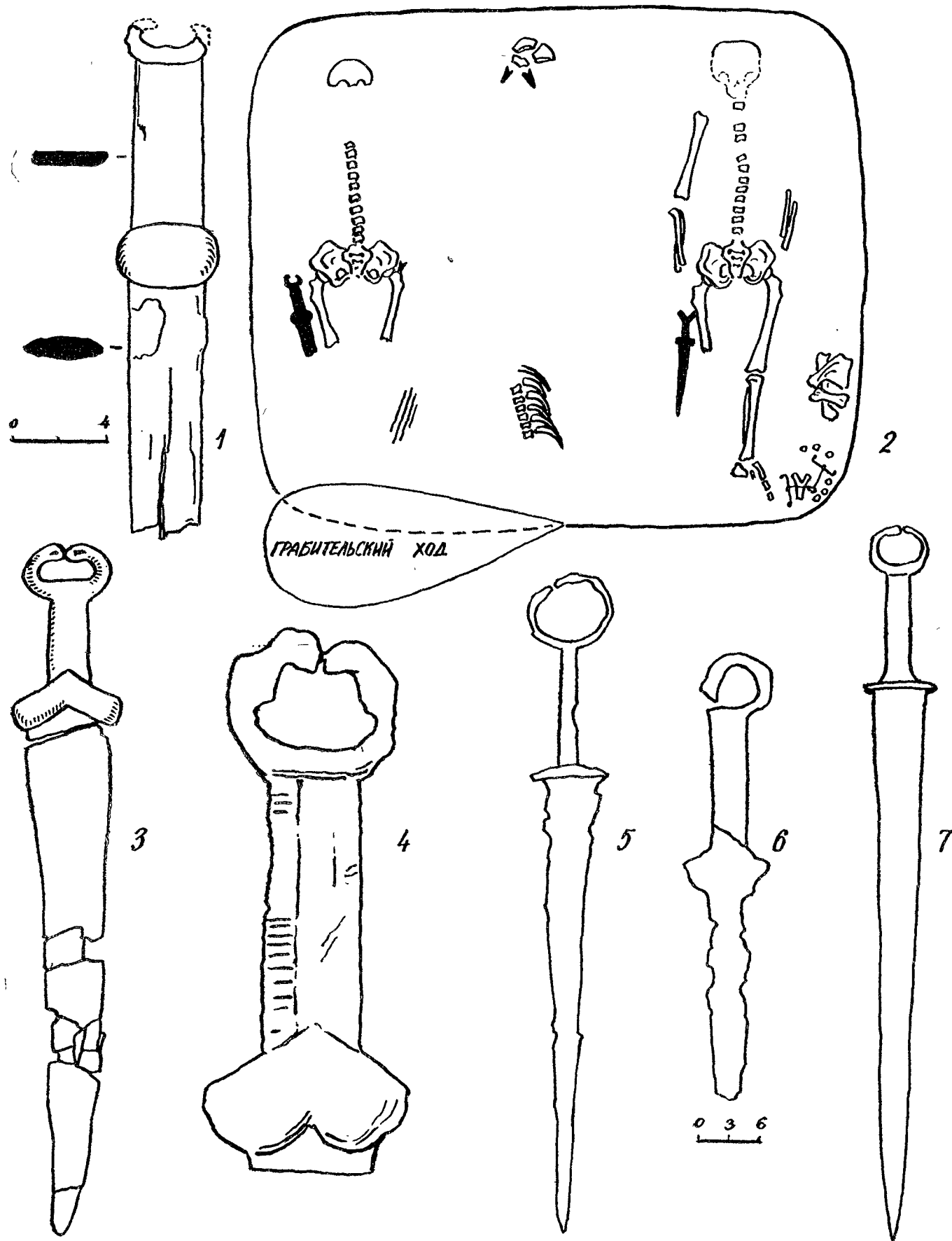

Таблица I:

1, 2 — Алебастрова гора, кург. № 3; 3 — с. Осьмушкино; 4 — ст. Елизаветовская, кург. № 1; 5 — с. Чумляк;
6 — Крестовая гора; 7 — Марычевка.

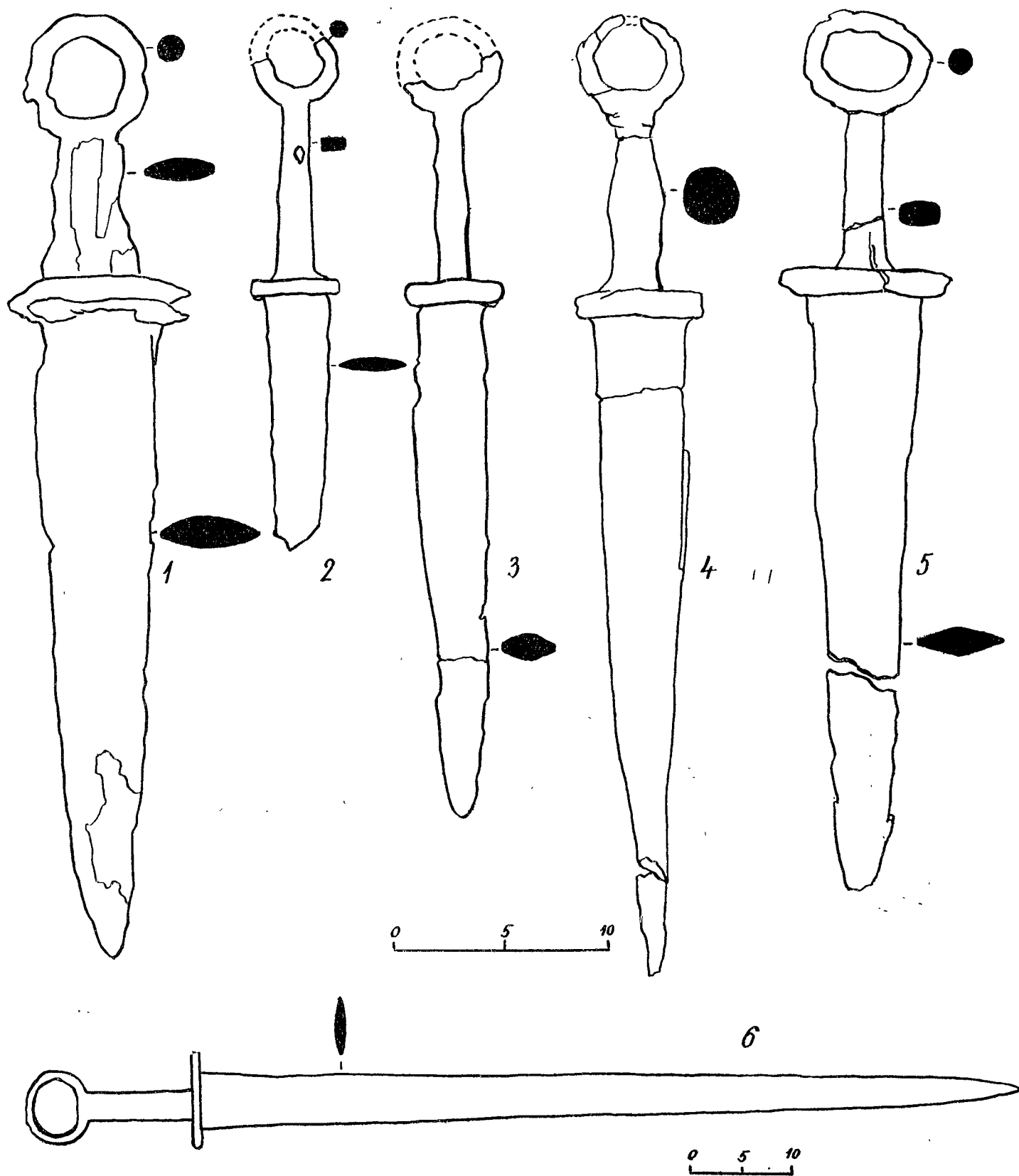

Таблица II:

1 — Верхне-Погромное, кург. № 1/13; 2 — Старые Киишки, кург. № 14/1; 3 — Калмыково, кург. № 4/4;
4 — Кара-Оба, кург. № 11/2; 5 — Бережновка, южн. гр., кург. № 2/11; 6 — Политотдельское, кург. № 19/26.

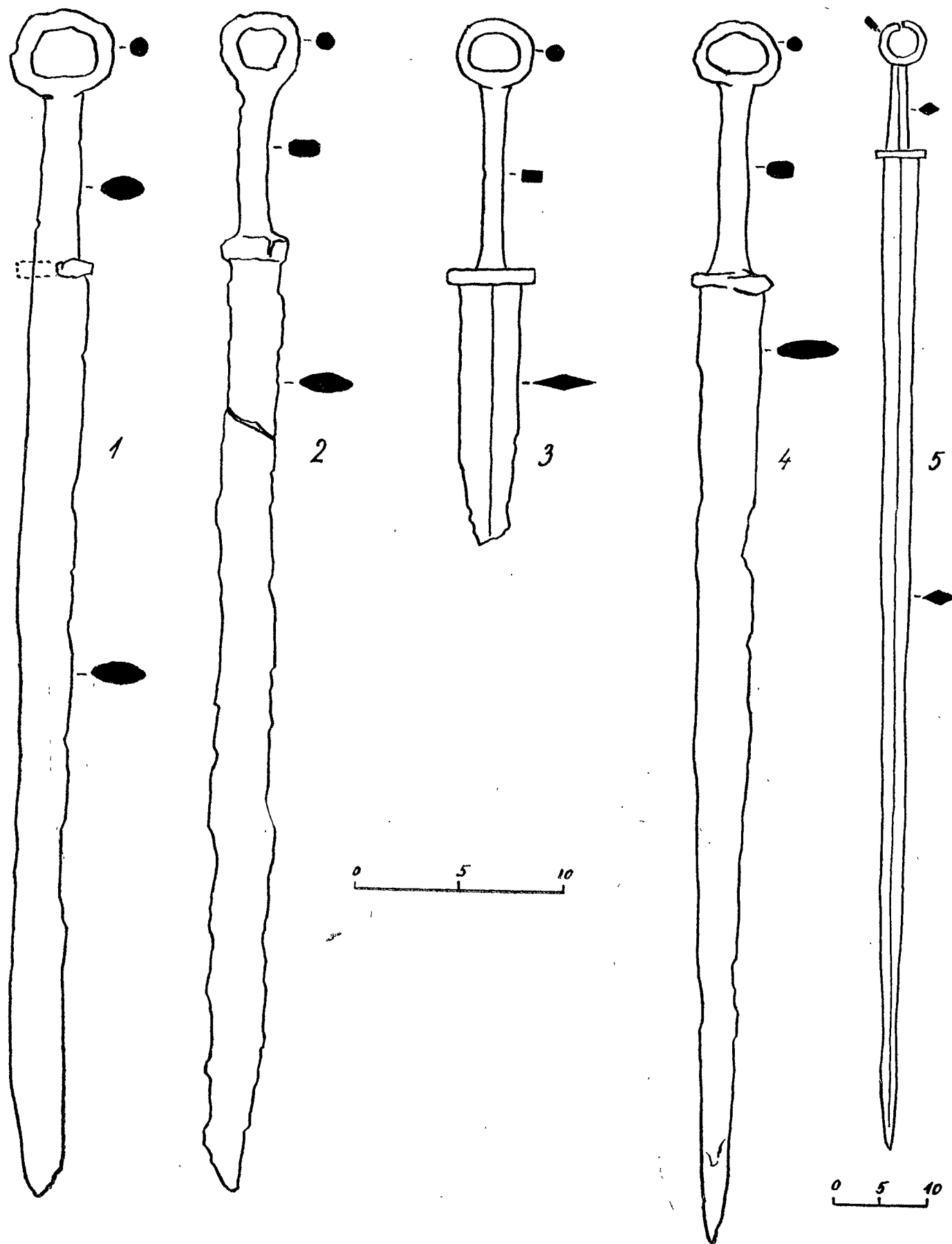

Таблица III:

1 — Калиновка, кург. № 6/5; 2 — Калиновка, кург. № 34/1; 3 — с. Куликовка; 4 — Ново-Никольское, кург. № 9/2; 5 — д. Бугульчан.

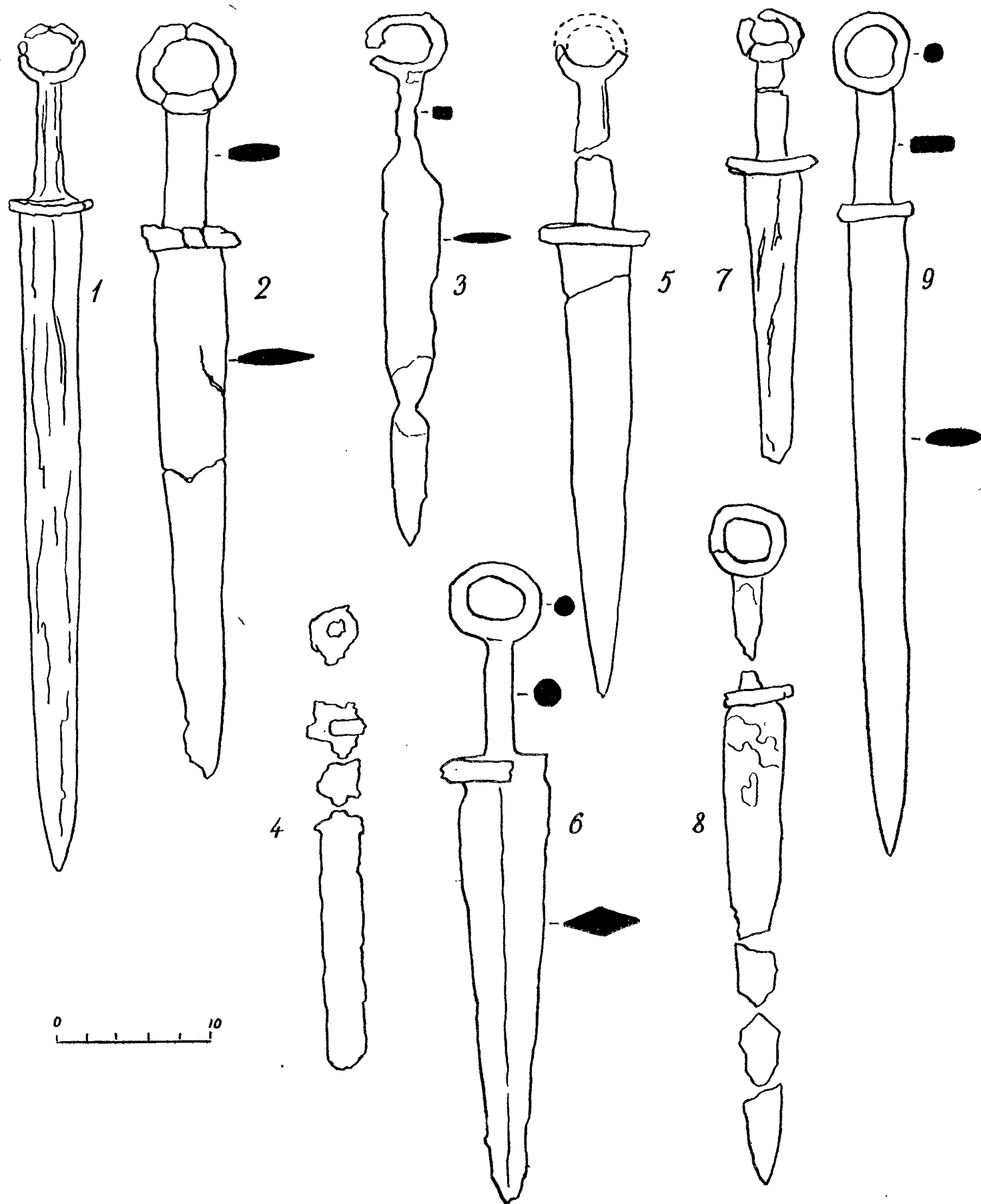

Таблица IV:

1 — Харьковка, кург. № III-1; 2 — Черобаево, кург. № 2/1; 3, 8 — Суслы, кург. № 1; 4 — «Три брата», II гр., кург. № 25; 5 — Дмитриевка, кург. № 1; 6 — Ново-Никольское, кург. № 5/16; 7 — Калмыково, кург. № 1/2; 9 — Калиновка, кург. № 14/1

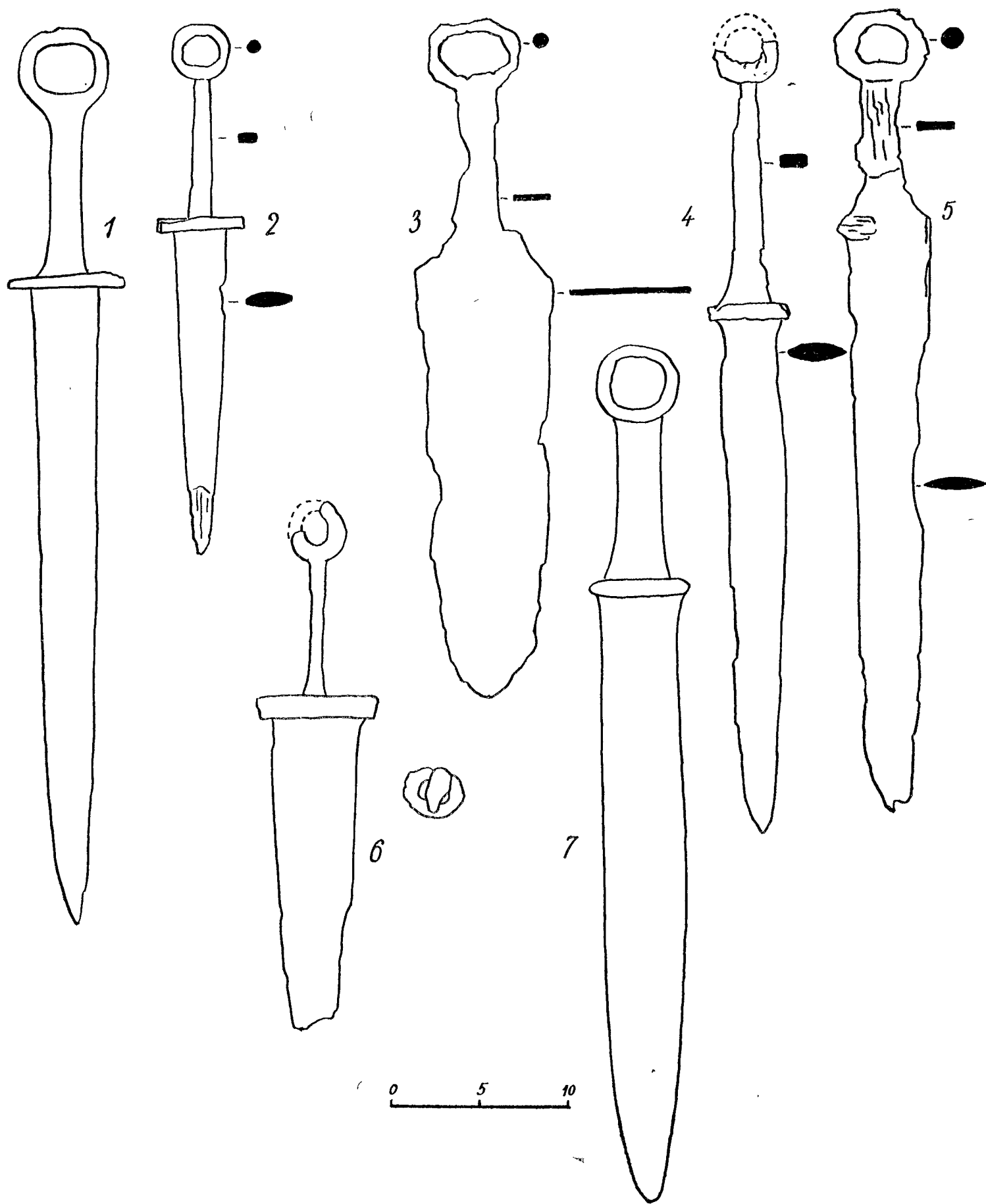

Таблица V:

1 — ст. Воздвиженская; 2 — Моздок, кург. № 2; 3 — Лысая гора, кург. № 1; 4 — Славянск, кург. № CCLIII/5;
5 — хут. Ляпичев, кург. № 7/4; 6 — Кобяково городище, погр. № 14; 7 — с. Андреевка

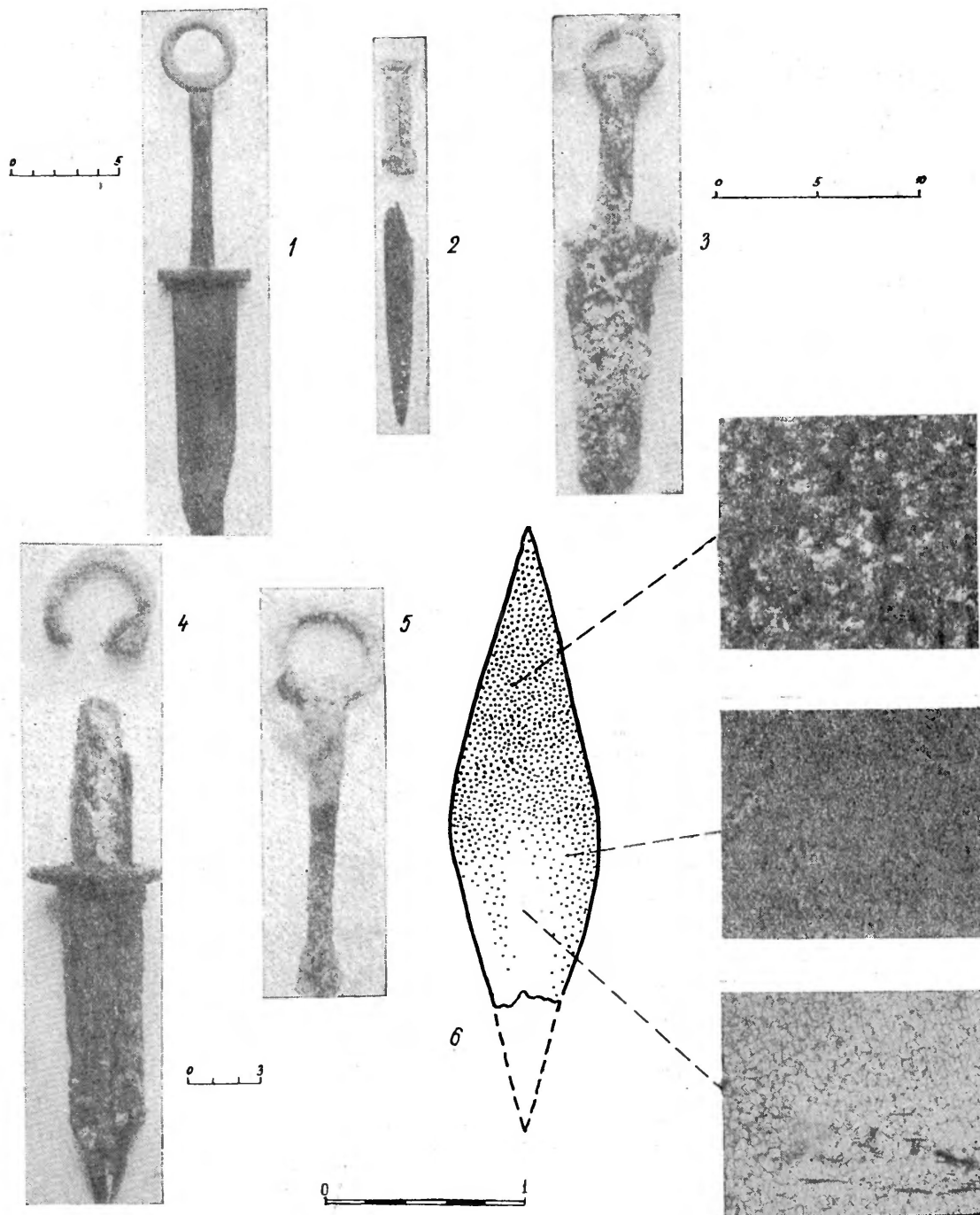

Таблица VI:

1, 6 — с. Куликовка; 2 — Бережновка I, кург. № 27; 3 — Кара-Оба, кург. № 3/1; 4 — Бережновка II, кург. № 21/1; 5 — Бережновка I, кург. № 29.

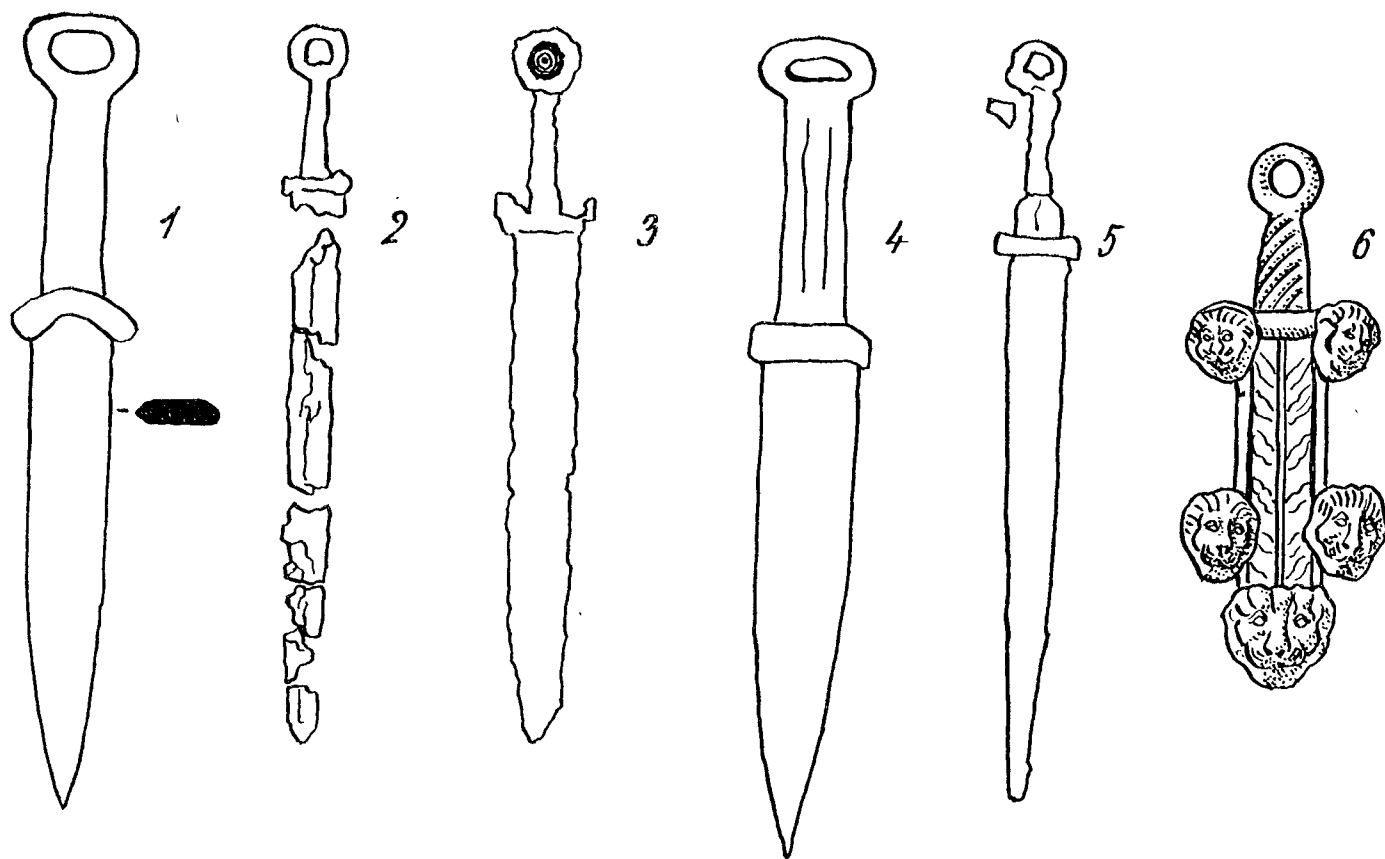

Таблица VII:

1 — Лявандак, кург. № 1; 2 — Гава; 3 — Сцентес-Киштоке; 4 — Катон-Карагай, кург. № 17; 5 — Бахрейнские острова; 6 — деталь рельефа Антиоха I в Нимруд Даре; 7 — гандхарский рельеф; 8 — буддийская фреска из Восточного Туркестана

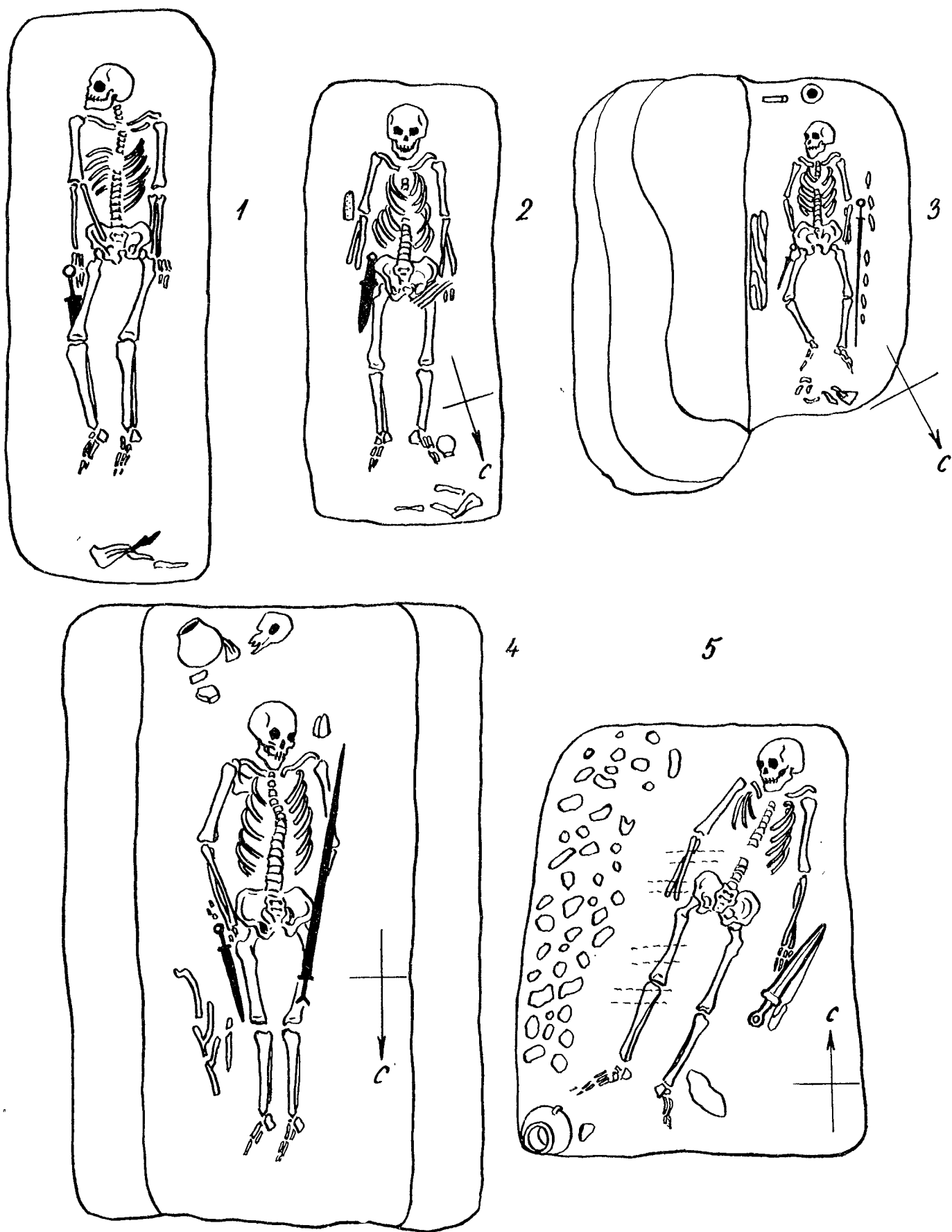

Таблица VIII:

1 — Черсбаево, кург. № 3/1; 2 — хут. Шульц, кург. № Е 25/19; 3 — Политотдельское, кург. № 20/10; 4 — Кара-Оба, кург. № 11/2; 5 — Альт-Веймар, кург. № G 6.

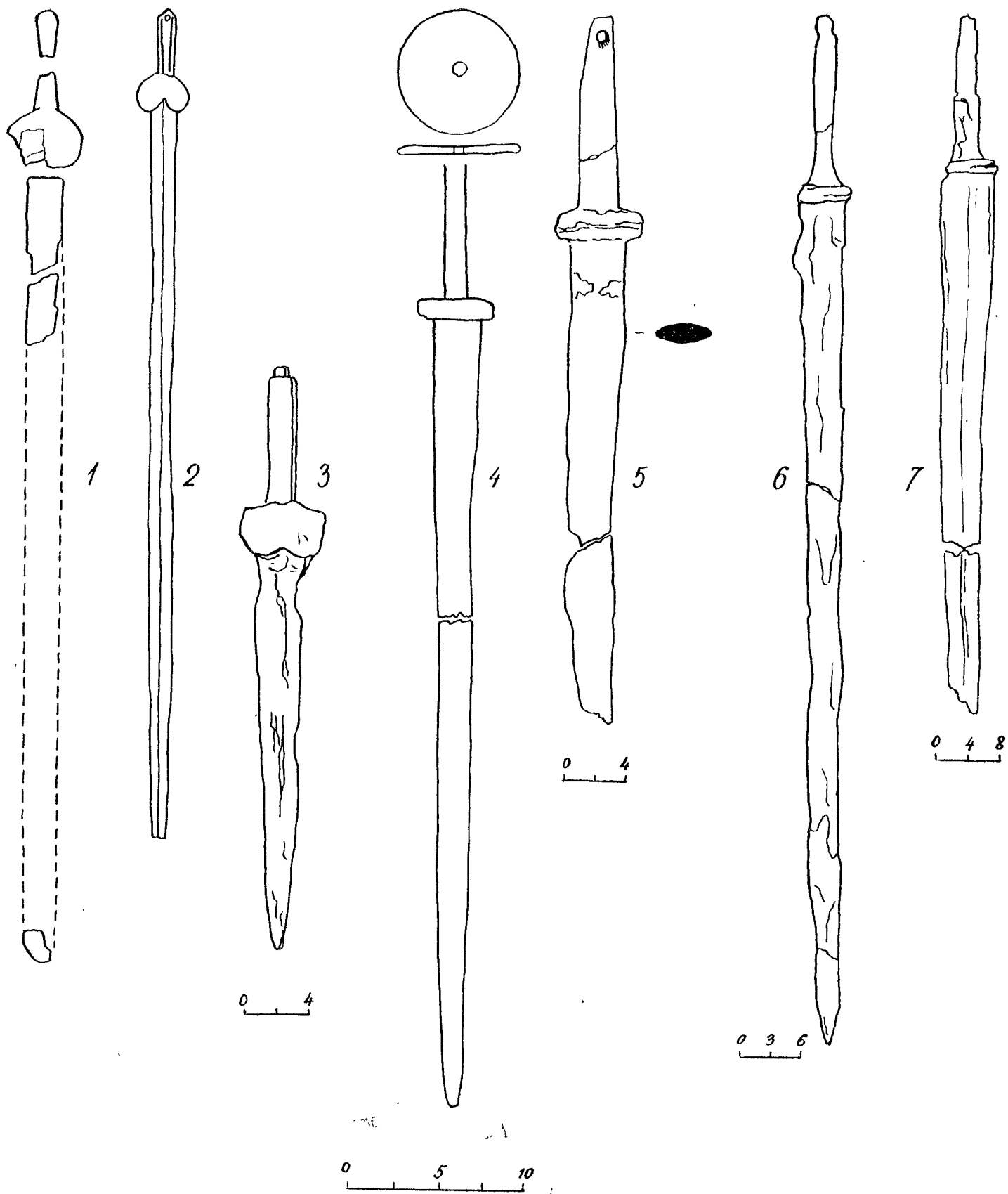

Таблица IX:

1 — Покровский мог-к, кург. № 12/3; 2 — меч, полученный от И. К. Куфельда; СМК, инв. № 616; 3 — с. Ква-
сниковка; 4 — Калмыково, кург. № 1/1; 5 — Калмыково, кург. № 2; 6 — Кую-Мазар, поле № 2, кург. № 19;
7 — Политотдельское, кург. № 12/19.

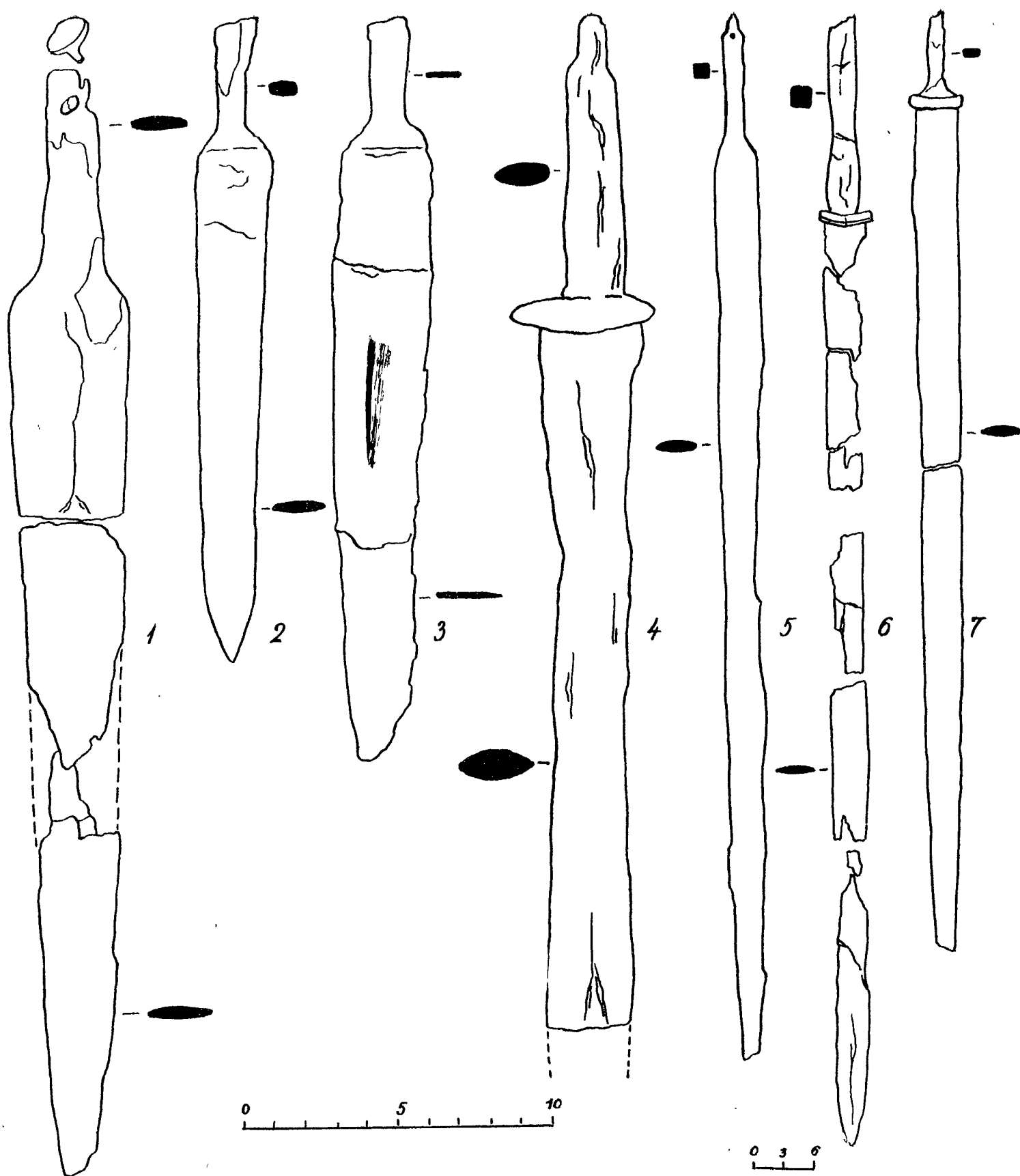

Таблица X:

1, 6 — Курпе-Бай, кург. № 2; 2 — Калиновка, кург. № 48/1; 3 — Калиновка, кург. № 55/14; 4 — Верхне-Погромное, кург. № 1/11 (раскопки 1954 г.); 5 — Калиновка, кург. № 40; 7 — Замараево.

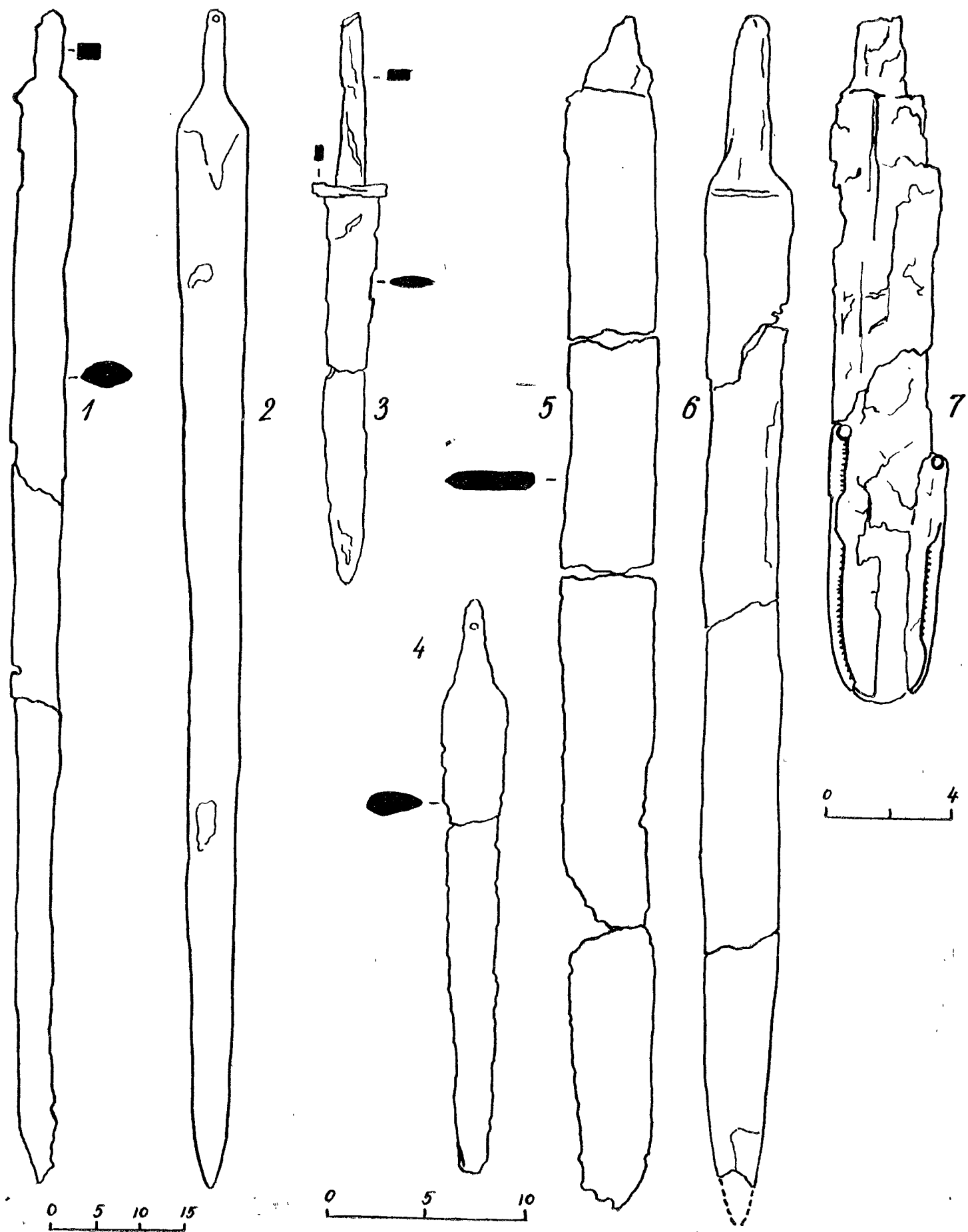

Таблица XI:

1 — Старица, кург. № 62/1; 2 — Абганеры, кург. № 3; 3 — Старица, кург. № 63/1; 4 — Абганеры, кург. № 2;
5 — Бережновка II, кург. № 58; 6 — Бородаевка, кург. № F 4; 7 — Иловатка, кург. № 3/2.

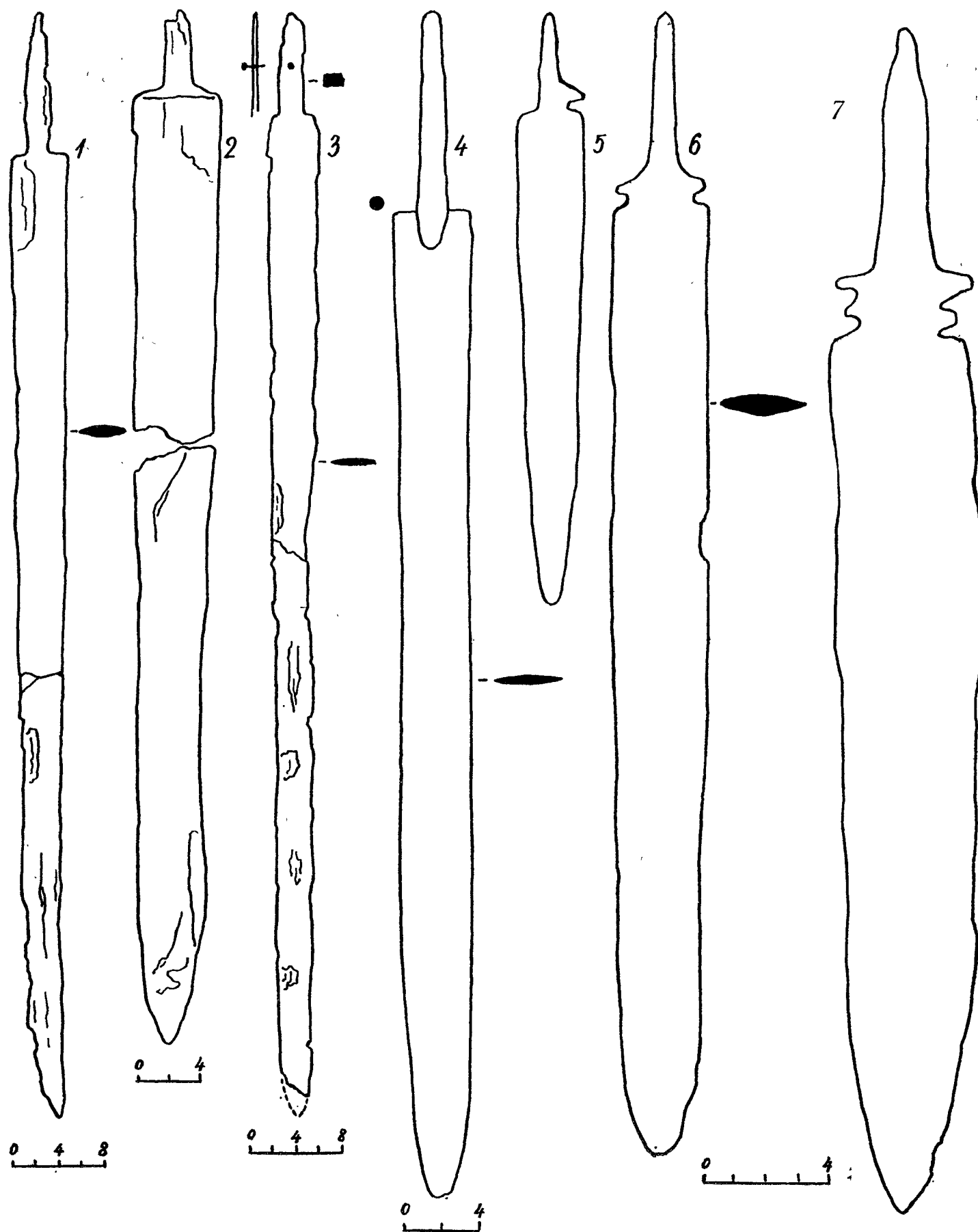

Таблица XII:

1 — Кузин хутор, кург. № 13/1; 2 — Фриденберг, II гр., кург. № 1; 3 — д. Щербаковка; 4 — д. Федоровка; 5 — Буйнак; 6 — ст. Новокорсунская; 7 — ст. Небугская.

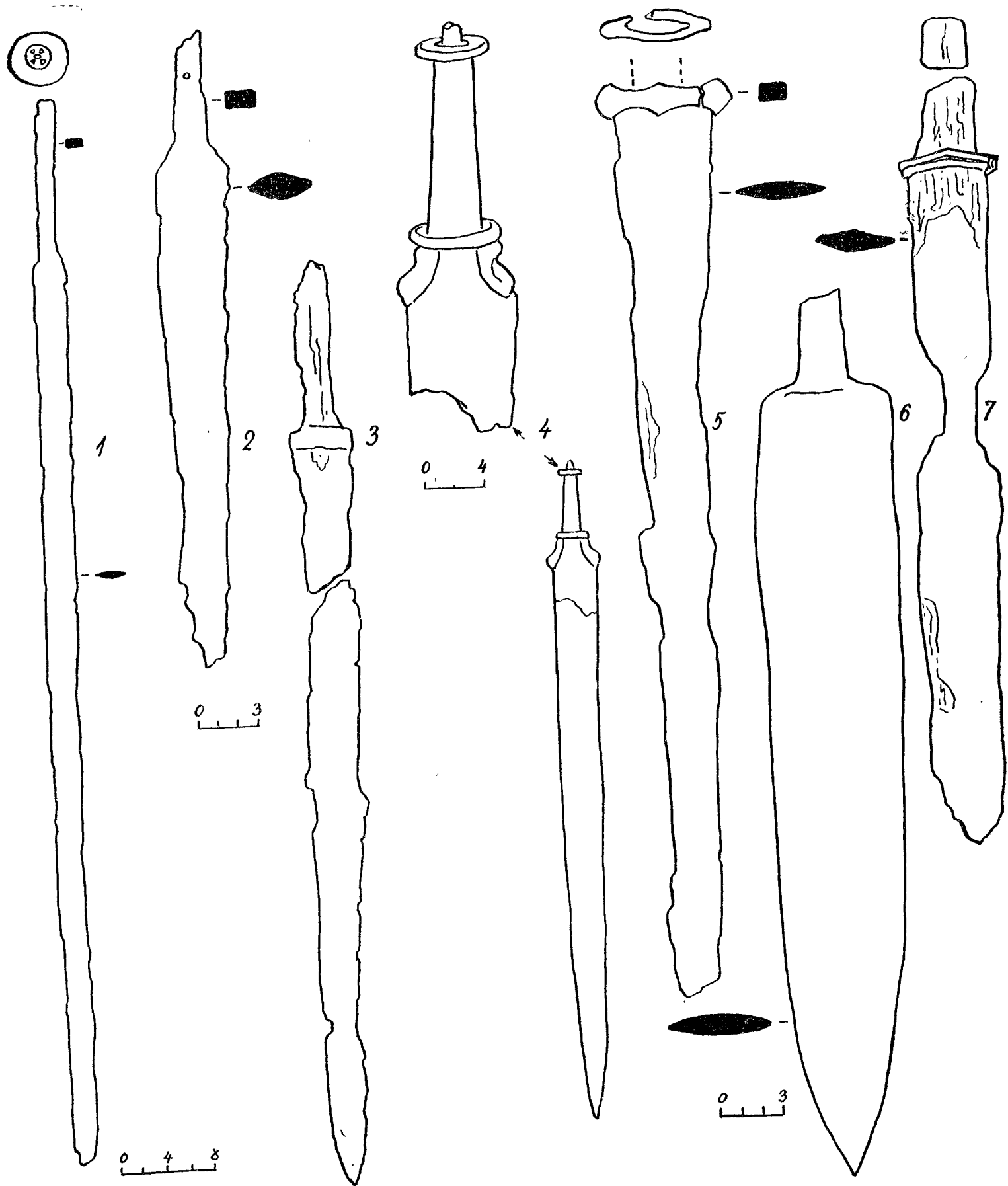

Таблица XIII:

1 — ст. Новокорсунская; 2 — Моздок, кург. № 1; 3 — Лысая гора, кург. № 1; 4 — Геймановский пос., «Острый» курган;
5 — ст. Усть-Лабинская, кург. № 45; 6 — ст. Казанская, кург. № 44; 7 — ст. Тифлисская, кург. № 11.

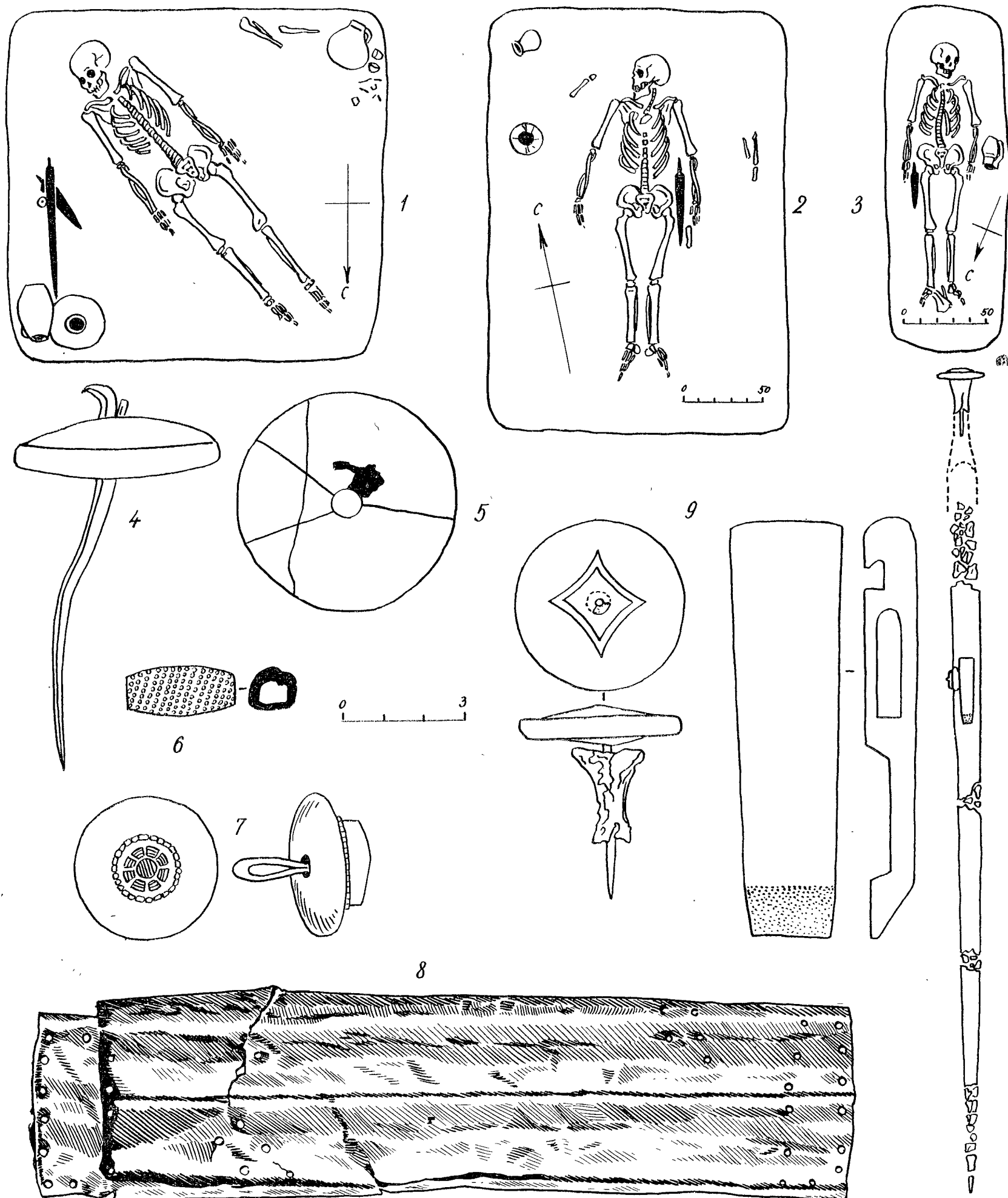

Таблица XIV:

1 — Абганеры, кург. № 3; 2 — Бережновка II, кург. № 58; 3 — «Три брата», I гр., кург. № 15/1; 4 — ст. Тифлисская, кург. № 11; 5 — «Три брата», II гр., кург. № 25; 6 — Олонешты; 7 — с. Новогригорьевка; мог. IX; 8 — Шербаковка; 9 — Альт-Веймар, кург. Д16.

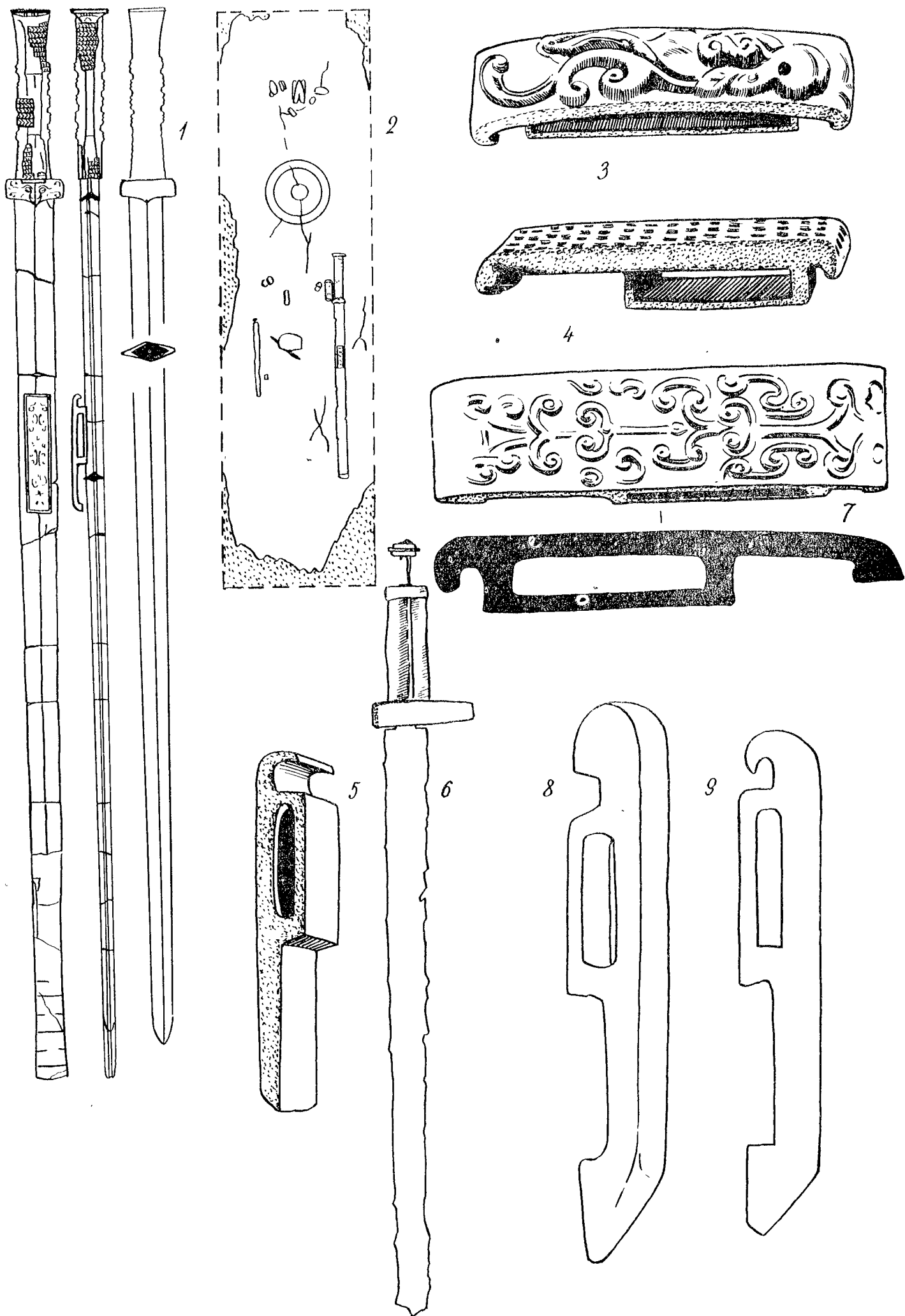

Таблица XV:

1, 2 — корейские гробницы (раскопки Ретса); 3, 4 — Китай; 5, 6 — Керчь (Сен-Жерменский музей, приобретено от Мессаксуды); 7 — из собрания Бертъе Делягарда; 8 — погребение близ Покровска; 9 — из собрания Виноградовой; ГЭ.

1

2

3

4

5

Таблица XVI:

1—3 — сасанидские блюда; 4 — фрески из Дур-Эвропоса; 5 — фреска из Восточного Туркестана.

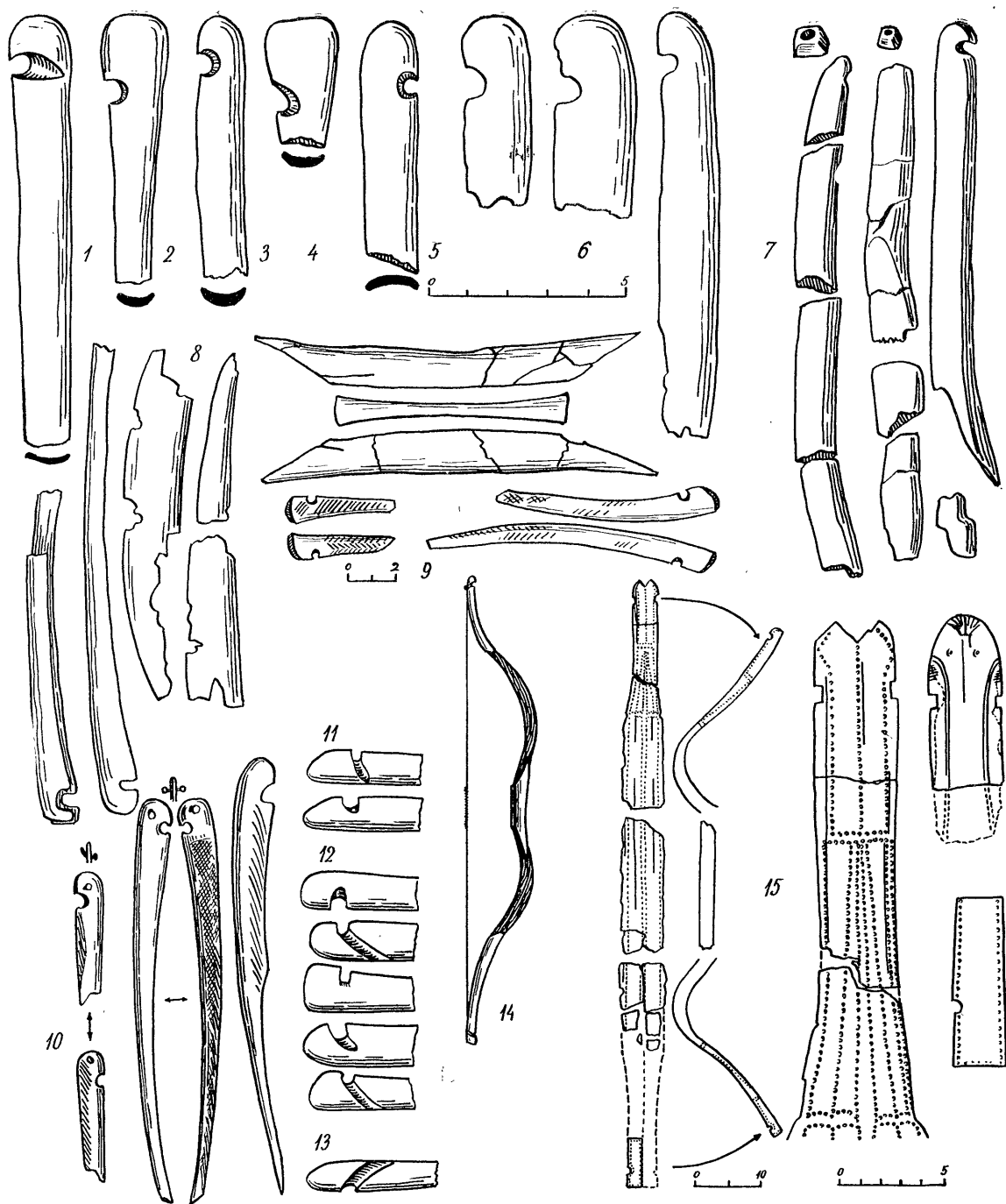

Таблица XVII:

1 — Калиновка, кург. № 36/1; 2 — Тиритака; 3 — Калиновка, кург. № 7/1; 4 — Покровск, ЮВ гр., кург. № 18; 5 — ст. Усть-Лабинская, кург. № 29; 6 — Кой-Крылган-кала; 7 — Суслы, кург. № 51; 8 — Нижний Баскунчак, кург. № 2; 9 — Ак-Тобе 2; 10 — Бар Хилд; 11 — Симмеринг; 12 — Карнунгум; 13 — Майнское укрепление; 14 — гуннский лук (по Алфельди); 15 — Печюсер и Якушовицы.

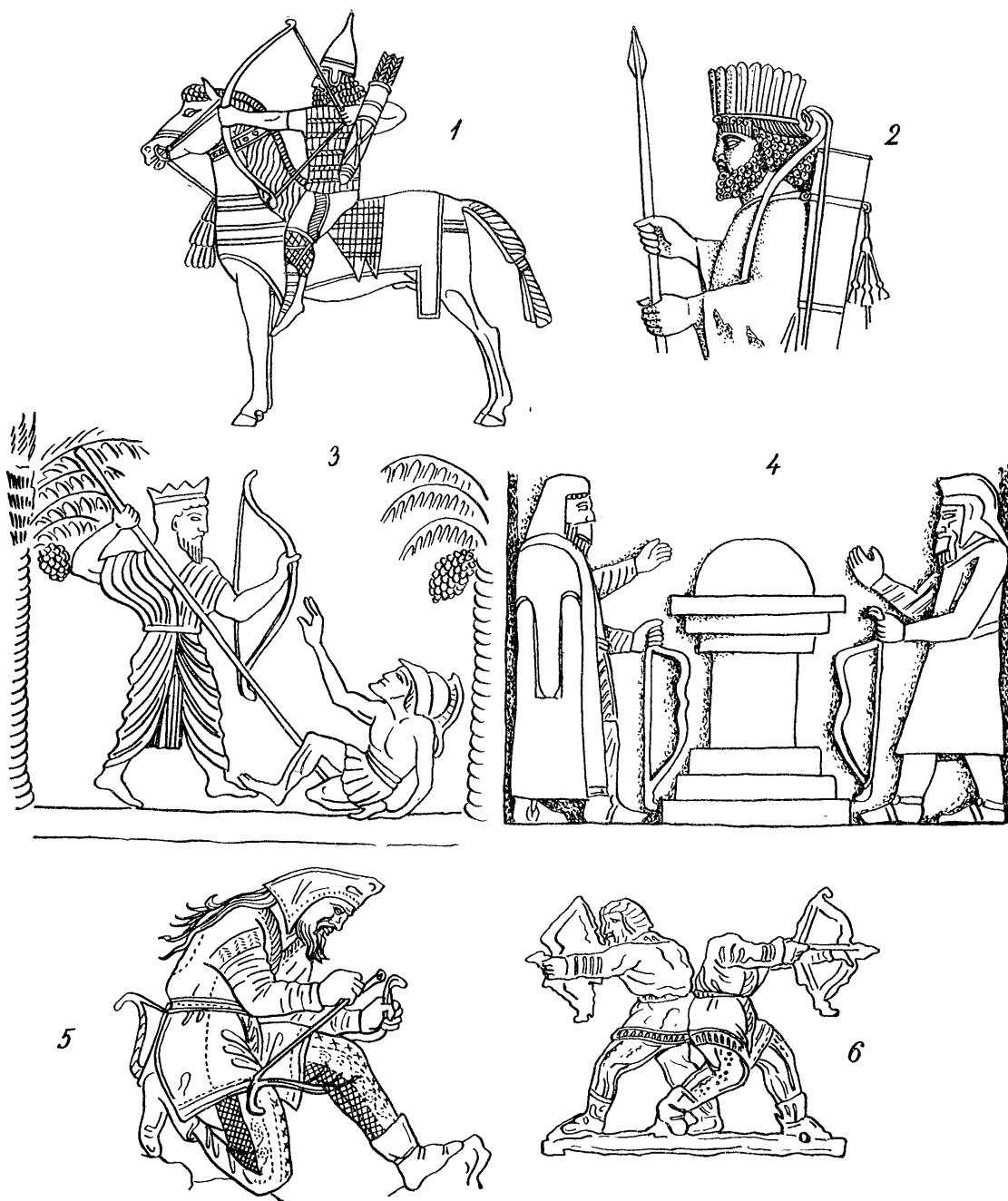

Таблица XVIII:

1 — деталь ассирийского рельефа; 2 — деталь рельефа из Персеполя; 3 — ахеменидская печать; 4 — рельеф гробницы Кызакпан; 5, 6 — Куль-Оба.

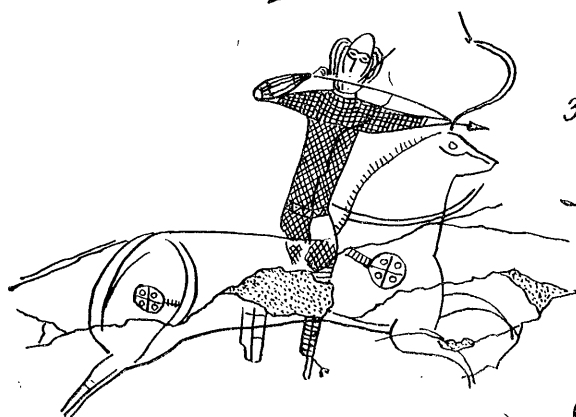
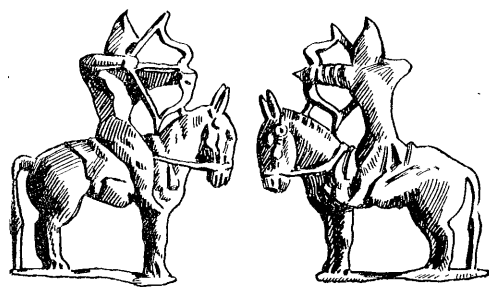

Таблица XVIIIа:

1 — изображение гунга на китайском рельефе; 2 — фигурки гуннских всадников (Монголия); 3 — граффити из Дура-Эвропоса.

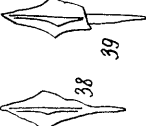

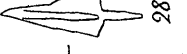

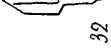
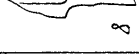

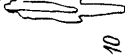
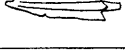

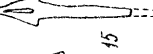
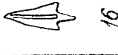
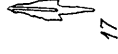

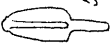

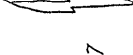
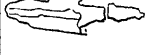

	1 тип	2 тип	3 тип	4 тип	5 тип	6 тип	7 тип	8 тип	9 тип
I/- VВВ.Н.Э							 		
II/- VВВ.Н.Э				 	 	 	 		
IВ.ДОН.Э - IВ.Н.Э				 			 		
III/- II ВВ.ДОН.Э	 		 	 	 	 			
IВ - III ВВ.ДОН.Э									
IV - IV ВВ.ДОН.Э		 							

Таблица XIX:

1 — Альт-Веймар, 2 — Сара, кург. № 7; 3 — Покровка, кург. № 2; 4 — Блявинский рудник; 5 — Бурлуктал; 6 — Алебастрова гора, кург. № 4; 7 — пос. Боголюбовский, кург. № VI, 1; 8 — Калининка, кург. № 8/34; 9 — Бережновка II, кург. № 13/2; 10, 11 — Верхне-Погромное, кург. № 14/17; 12 — Заплатное, кург. № 8/3; 13 — Бережновка II, кург. № 2/11; 14 — Кара-Оба, кург. № 10/2; 15 — Верхне-Погромное, кург. № 7/6; 16 — Старые Киньки, кург. № 14/1; 17 — Старые Киньки, кург. № 13/8; 18, 19 — Увак, кург. № 2/7; 20 — Курпе-Бай, кург. № 4/2; 21 — Верхне-Погромное, кург. № 14/8; 22 — Бережновка II, кург. № 17/1; 23 — Бережновка I, кург. № 2; 24, 26, 29, 30, 31, 32 — Суслы кург. № 51; 25 — Бережновка II, кург. № 29/2; 27 — Бережновка II, кург. № 23; 29 — Суслы, кург. № 47; 33 — Бородаевка, кург. № 4; 34 — Калининка, кург. № 36/1; 35 — Старица, кург. № 69; 36 — Бережновка, южная гр., кург. № 4/2; 37 — Старица, кург. № 54; 38 — Новогригорьевка, мог. IX; 39 — Федоровка; 40 — Покровск, кург. № 18.

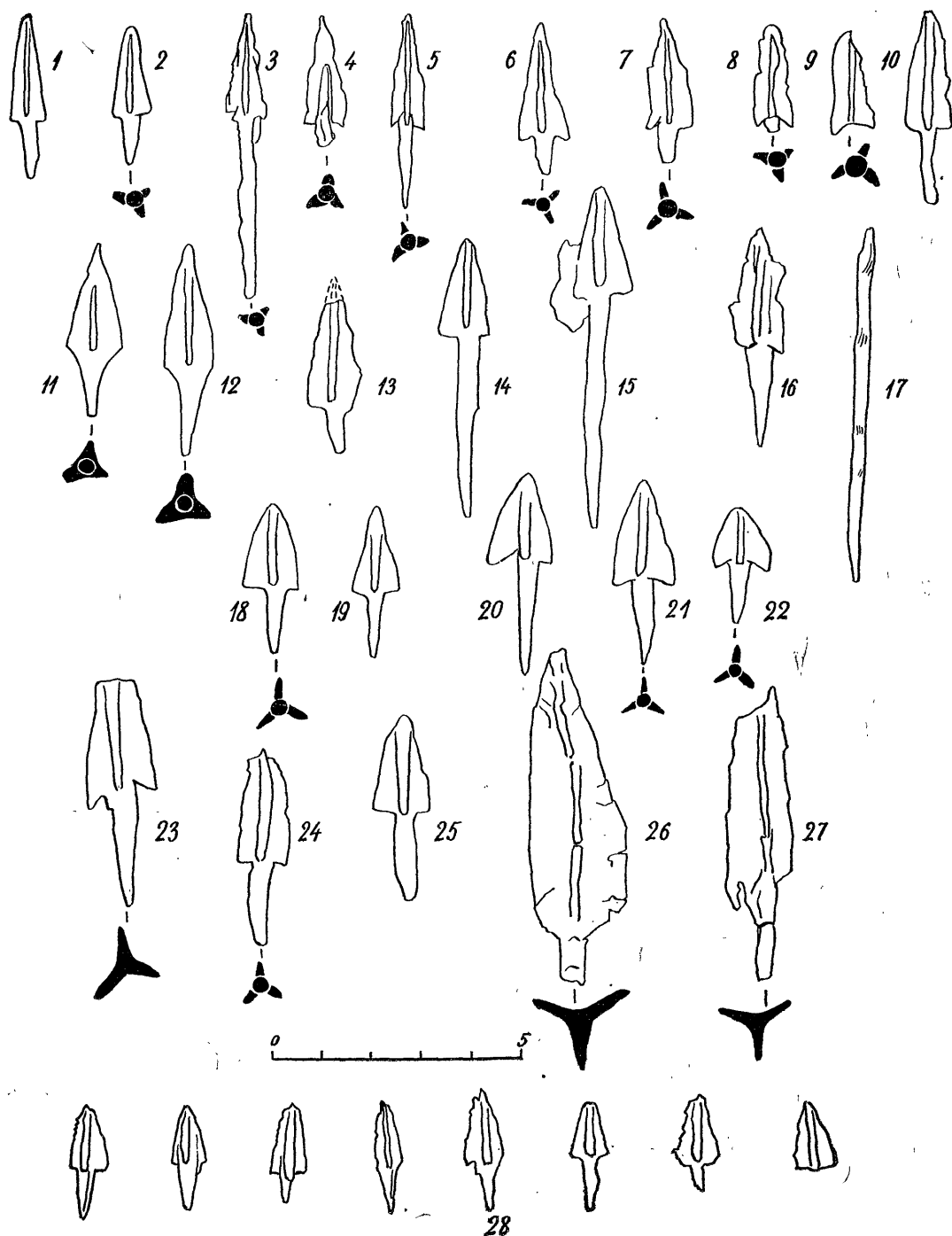

Таблица XX:

1 — Старые Кишки, кург. № 10/13; 2 — Старые Кишки, кург. № 13/4; 3—5 — Старые Кишки, кург. № 13/8; 6 — Старые Кишки, кург. № 14/1; 7 — Старые Кишки, кург. № 14/5; 8, 9 — Старые Кишки, кург. № 14/6; 10 — Молчановка, II гр., кург. № 5/4; 11, 12 — Увак, кург. № 2/7; 13 — Калиновка, кург. № 1/8; 14 — Бережновка, кург. № 35/7; 15 — 17 — Верхне-Погромное, кург. № 7/6; 18 — ст. Воздвиженская, кург. № 1; 19 — ст. Афинская, кург. № 1; 20—22 — ст. Тифлисская, кург. № 6; 23 — ст. Тифлисская, кург. № 8; 24—25 — хут. Ляпичев, кург. № 7/7; 7/9; 26 — 27 — Кобяковский некрополь, погр. № 7; 28 — хут. Шульц, 3 гр., кург. № 7.

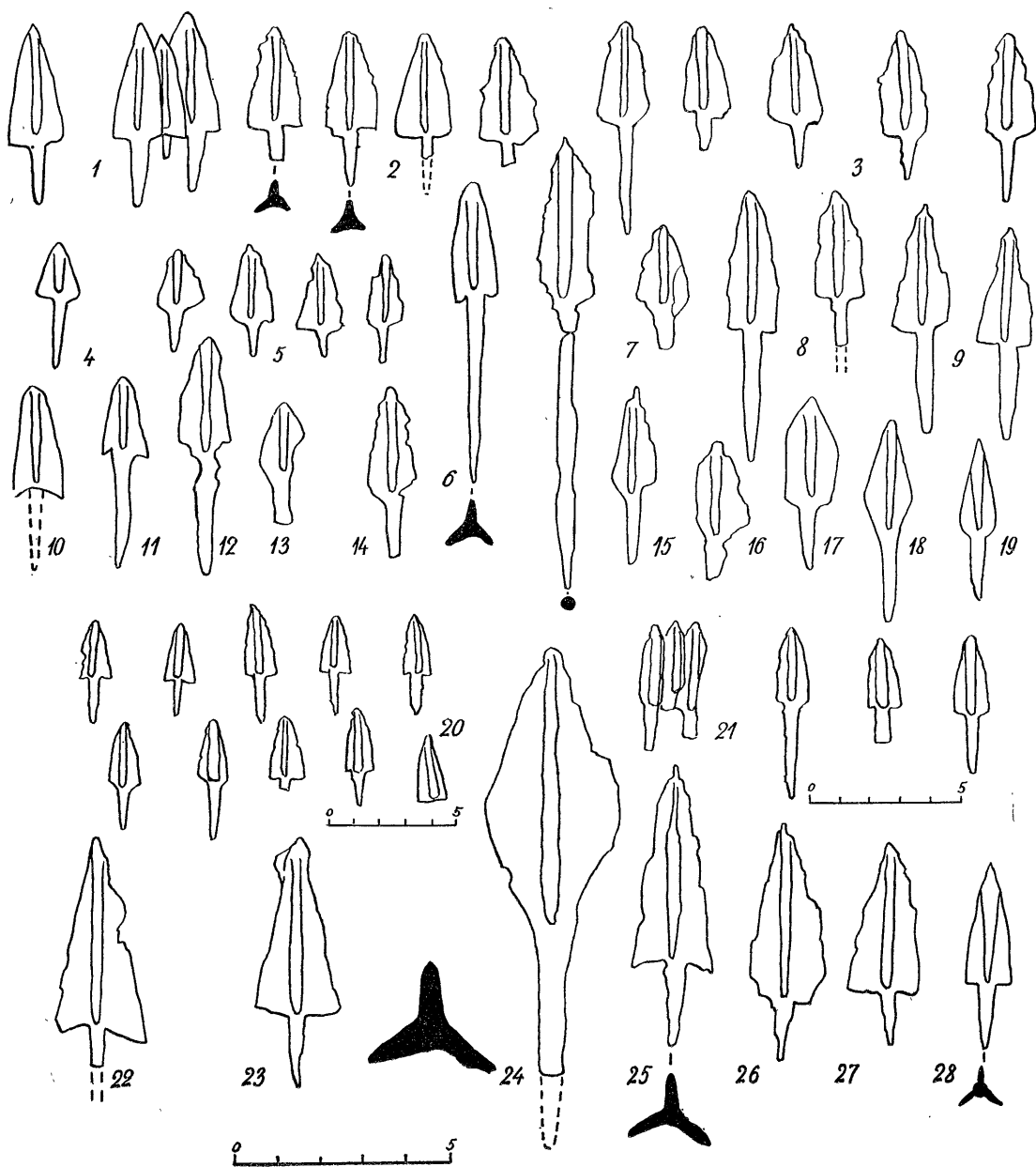

Таблица XXI:

1 — Верхний Колышлей, кург. № 2; 2 — Бережновка II, кург. № 56/3; 3 — Бережновка II, кург. № 23; 4 — Суслы, кург. № 43/1; 5 — хут. Шульц, 3 гр., № 9; 6 — хурул Дедломинский; 7 — Калиновка, кург. № 12/23; 8 — Бережновка II, кург. № 17/1; 9 — Калиновка, кург. № 6/5; 10 — Суслы, кург. № 31; 11 — Бережновка II, кург. № 29/2; 12 — Калиновка, кург. № 1/2; 13 — Калиновка, кург. № 12/23; 14 — Верхне-Погромное, кург. № 7/2; 15 — Суслы, кург. № 27; 16 — хут. Ляпичев, кург. № 7/12; 17, 19, 22—28 — Суслы, кург. № 51; 18 — Суслы, кург. № 47; 20 — Суслы, кург. № 1; 21 — Бережновка II, кург. № 21/2.

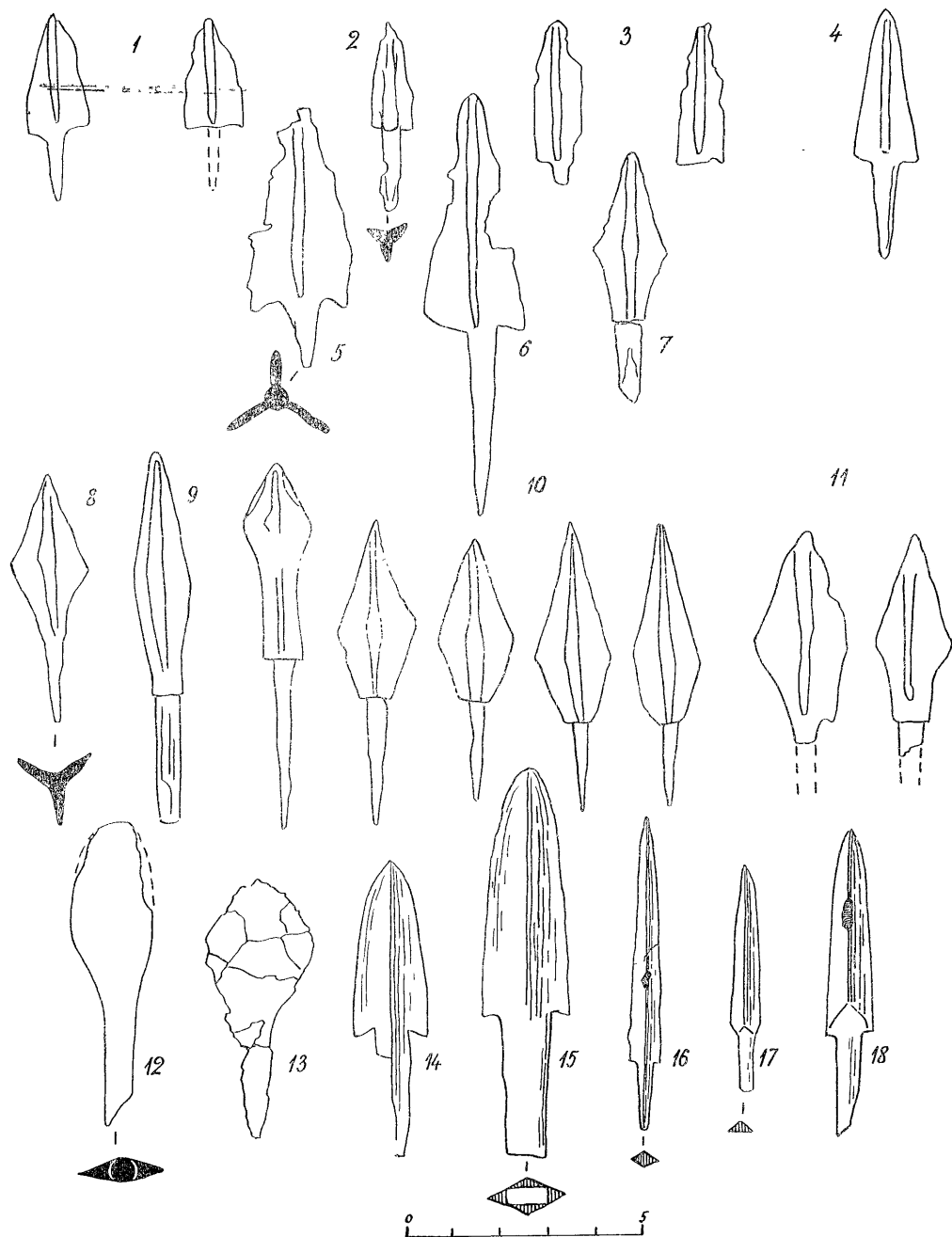

Таблица XXII:

1 — Калининка, кург. № 38/1; 2 — Бородаевка, кург. № F 4; 3 — Калиновка, кург. № 34/1; 4 — хут. Авиловский, I гр., кург. № 1; 5 — Старица, кург. № 69/1; 6 — Калиновка, кург. № 36/1; 7 — Бережновка, южн. гр., кург. № 4/2; 8 — Новогригорьевка, мог-к IX; 9 — Шипово, 6 гр., кург. № 2; 10 — Федоровка; 11 — Покровск, кург. № 17; 12 — Калиновка, кург. № 28/2; 13 — Покровск, кург. № 18; 14—15 — Калиновка, кург. № 7/1; 16—17 — Бородаевка, кург. № F 4; 18 — Успенка, I гр., кург. № 2.

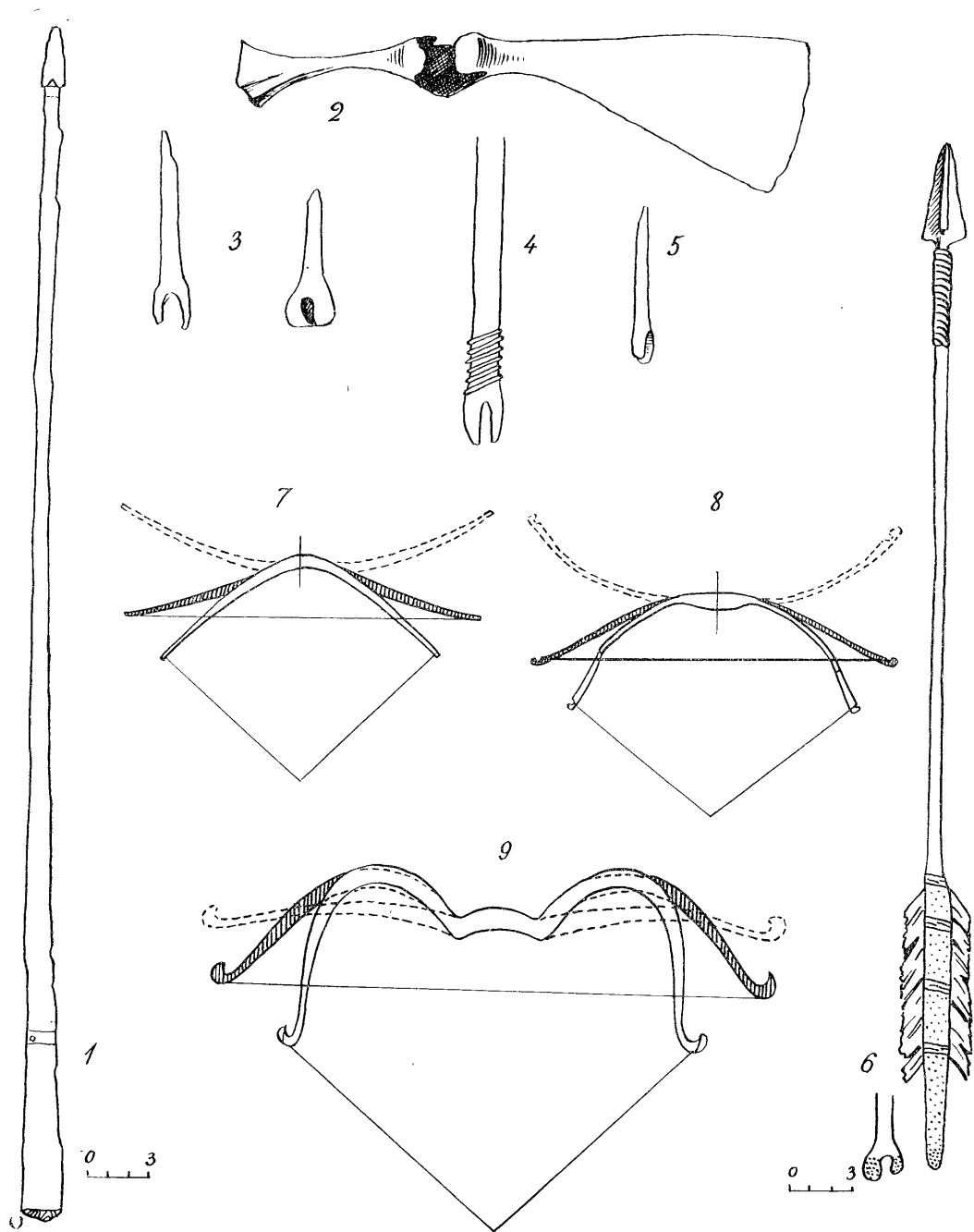

Таблица XXIII:

1 — ст. Воздвиженская; 2 — Суслы, кург. № 46; 3 — Суслы, кург. № 27; 4 — Бережновка, II гр., кург. № 17/1.
 5 — Ленинск, кург. № 3/15; 6 — Суслы, кург. № 16 (реконструкция); 7 — ассирийский лук (по Броуну);
 8 — лук типа Yrzi (по Броуну); 9 — скифский лук (по Броуну)

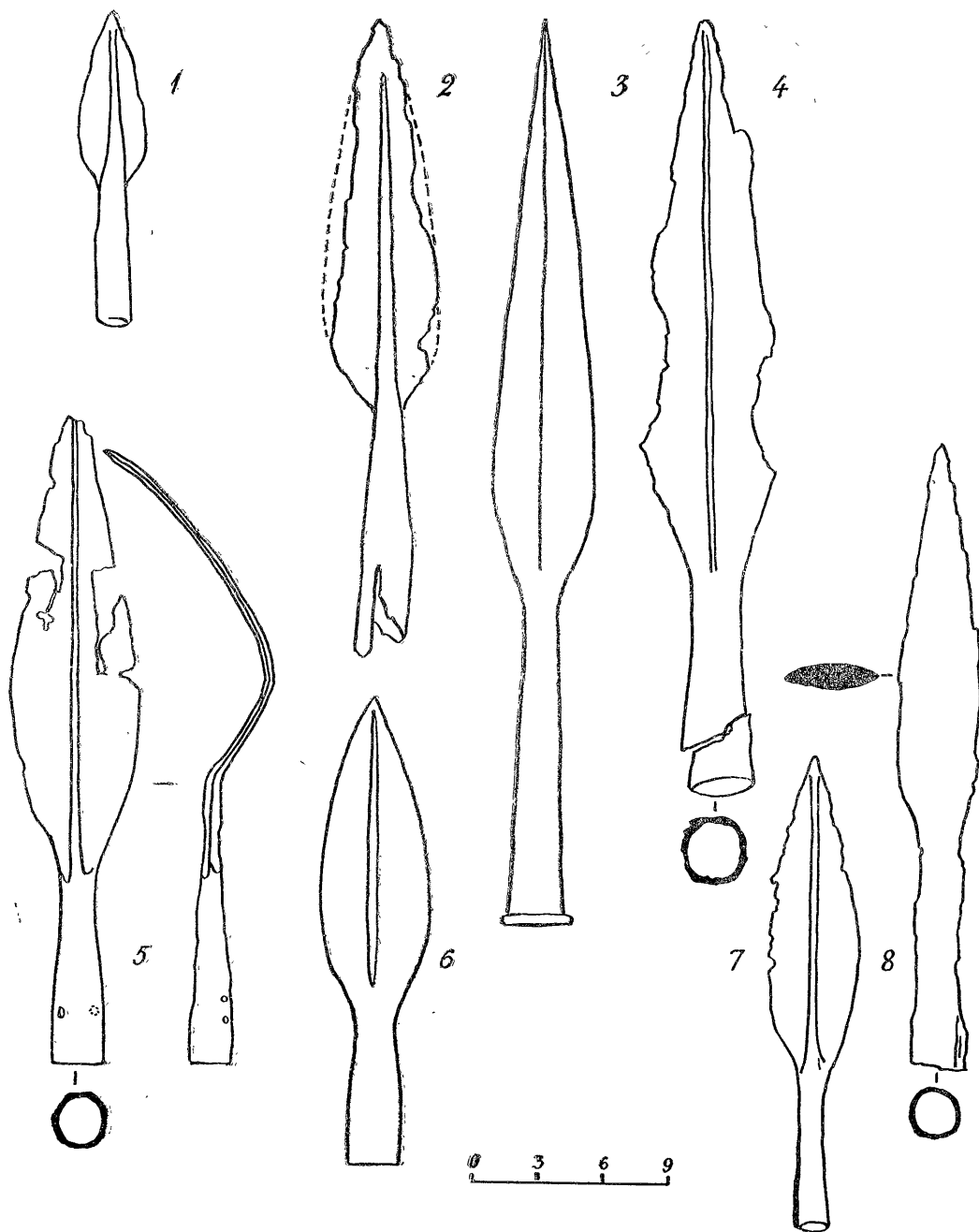

Таблица XXIV:

1 — ст. Крымская; 2 — Ясеновая поляна, погр. № 4; 3 — Усть-Лабинский мог.-к, погр. № 26 (раскопки 1938 г.); 4 — ст. Бесленевская, кург. № 21; 5 — ст. Бесленевская, кург. № 26; 6 — ст. Ладужская; 7 — Ясеновая поляна, погр. № 17; 8 — г. Славянск, кург. № CCLII1/2.

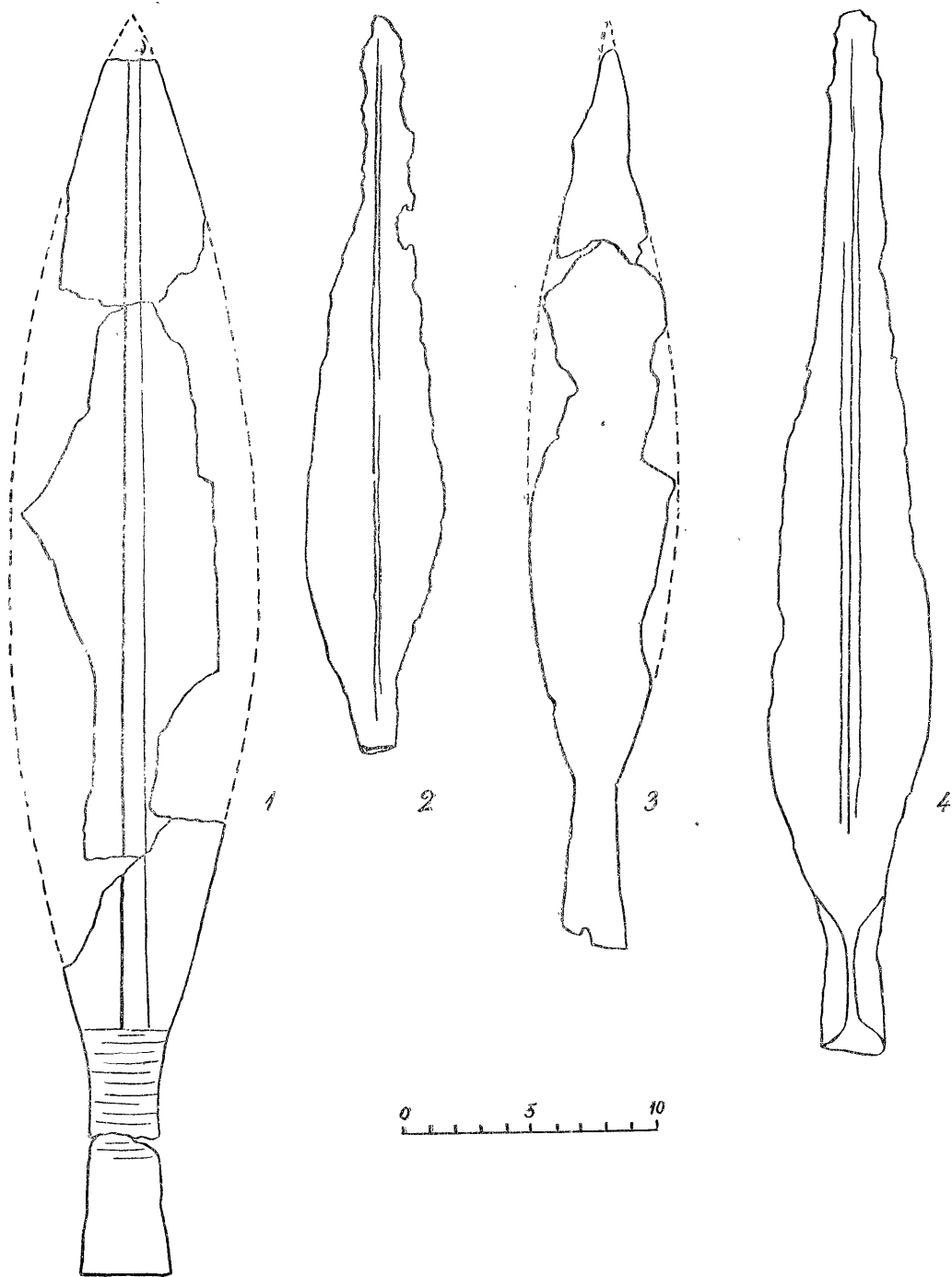

Таблица XXV:

1 — с. Алда; 2 — Ичкерия (собрание Н. Семенова, ГИМ); 3 — хут. Санькова; 4 — Калиновка, кург. № 55/14.

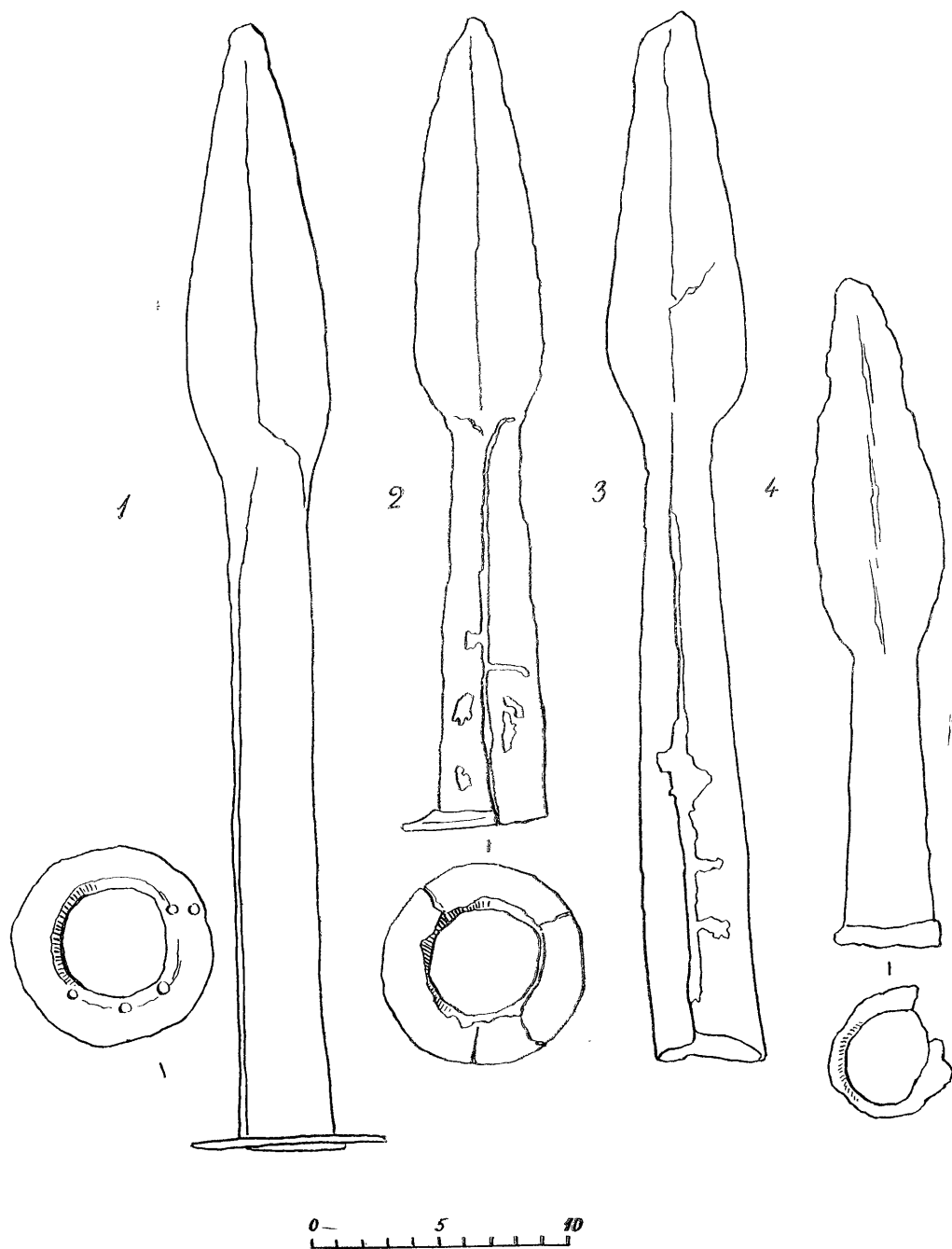

Таблица XXVI:

1—3 — ст. Казанская, кург. № 17; 4 — Калиновка, кург. № 6/5.

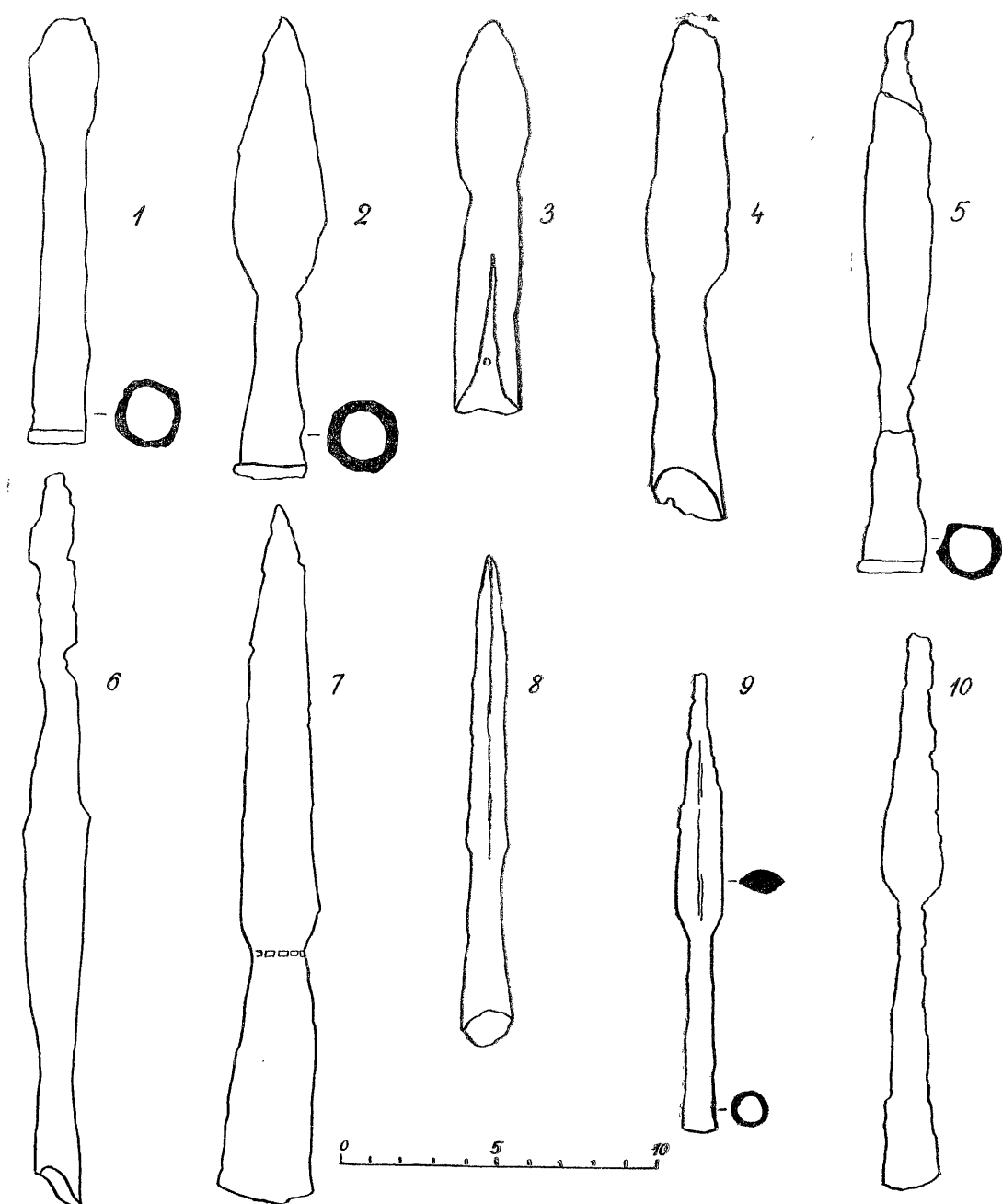

Таблица XXVII:

1 — ст. Тифлисская, кург. № 3; 2 — ст. Тифлисская, кург. № 15; 3 — хут. Попов, кург. № 58/26, погр. 10;
 4 — хут. Ляпичев, кург. № 7/12; 5, 6 — ст. Воронежская, кург. № 16; 7 — Калиновка, кург. № 28/2; 8 — Герцог;
 9 — Старица, кург. № 4, кенотаф 1; 10 — Чонград-Вендельшалом, погр. 21.

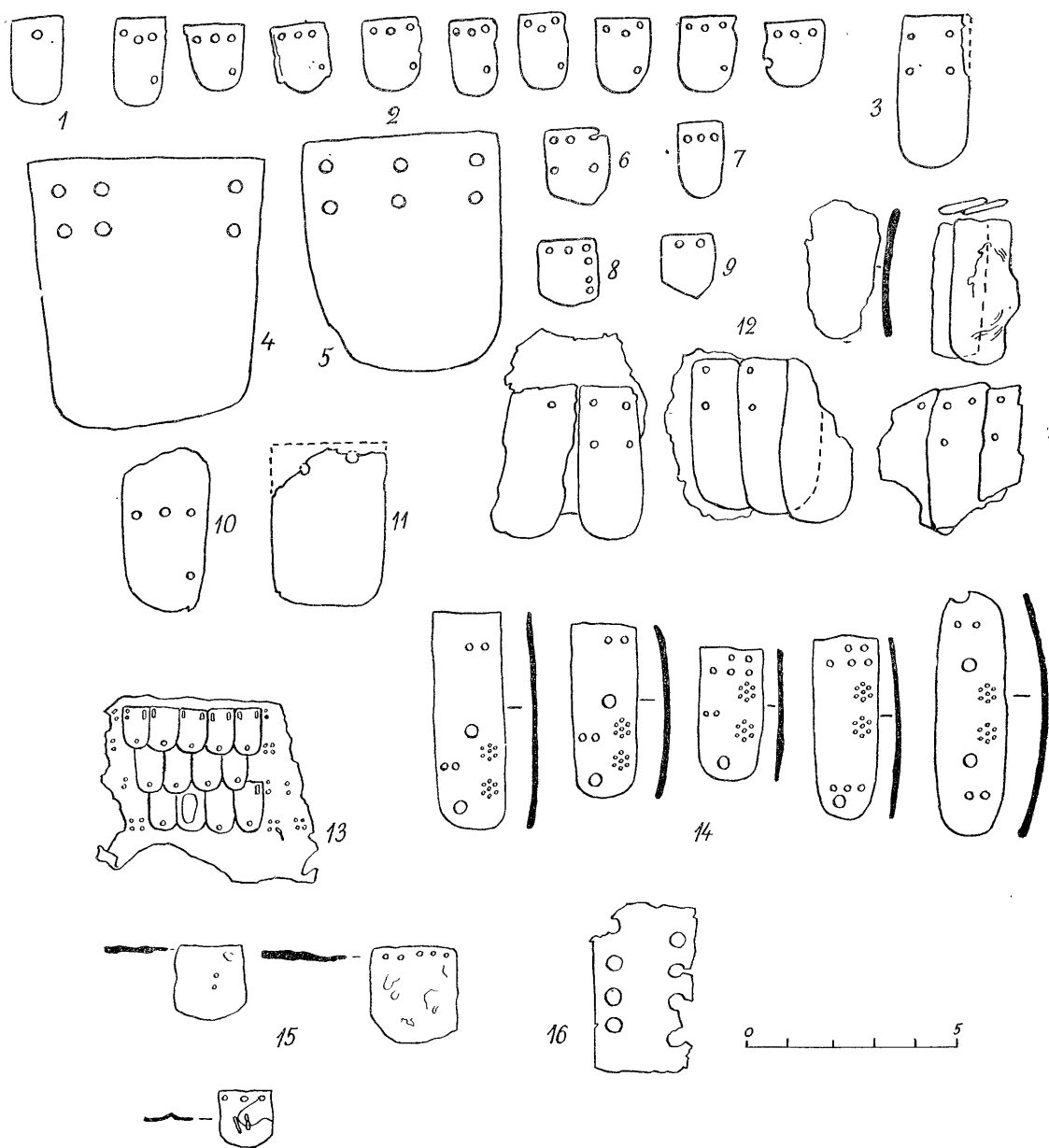

Таблица XXVIII:

1 — Ковыловка; 2 — Тонкошуровка; 3, 12 — 15 поселок, кург. № 1/5; 4, 5 — Верхне-Погромное, кург. № 7/6; 6—11 — из кубанских курганов; 13 — кусок панциря фараона Шешонка; 14 — Кармир-Блур; 15 — Персеполь; 16 — пластина от гуннского панциря (из Шира-Моурена).

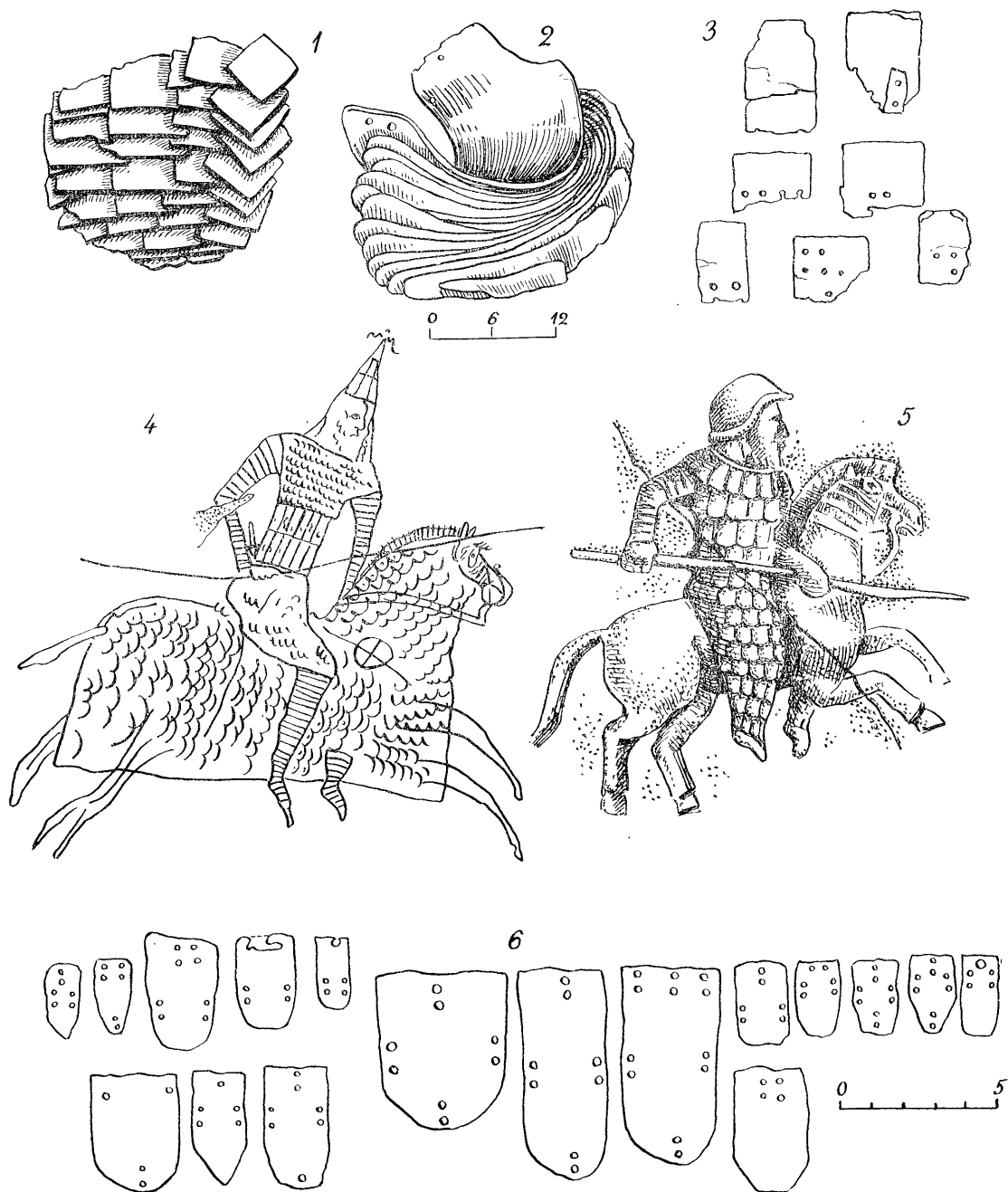

Таблица XXIX:

1, 2, 3 — Чирик-Рабат; 4 — граффити из Лура-Эвропоса; 5 — терракота из Британского музея; 6 — панцирные чешуйки из римских провинций (по Тордеману).

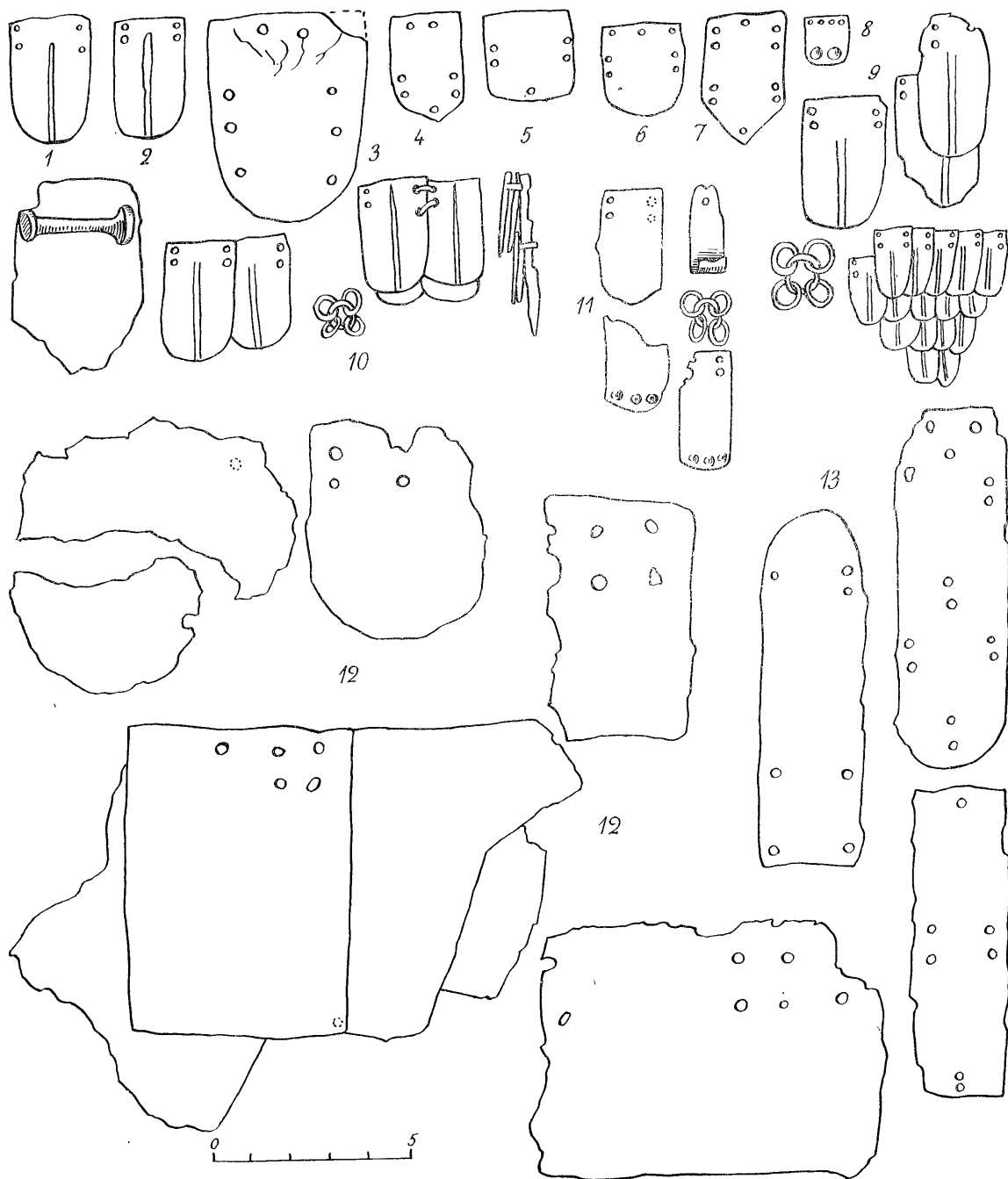

Таблица XXX:

1 — ст. Воронежская, кург. № 18; 2 — ст. Костромская, кург. № 1; 3—5 — ст. Казанская, кург. № 8, 9; 6 — ст. Казанская, кург. № 33; 7 — Ульский авт.; 8 — ст. Тифлисская, кург. № 51; 9 — ст. Воздвиженская, кург. № 1; 10 — Зубовский хут., кург. № 1; 11 — Лысая гора, кург. № 2; 12 — Калининка, кург. № 55/14; 13 — урочище Кутр-тас.

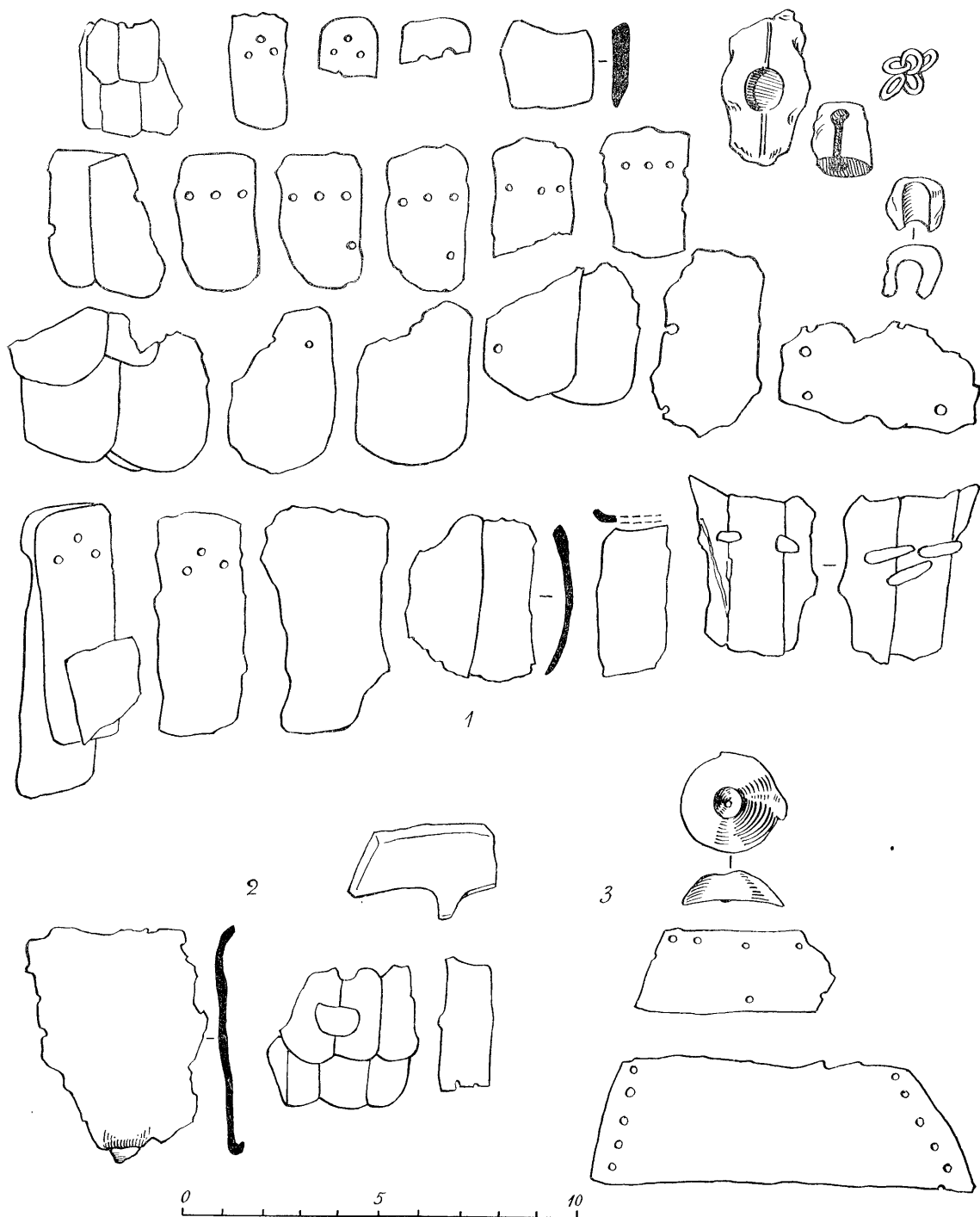

Таблица XXXI:
1 — ст. Воздвиженская, кург. № 18; 2, 3 — ст. Некрасовская, кург. № 4.

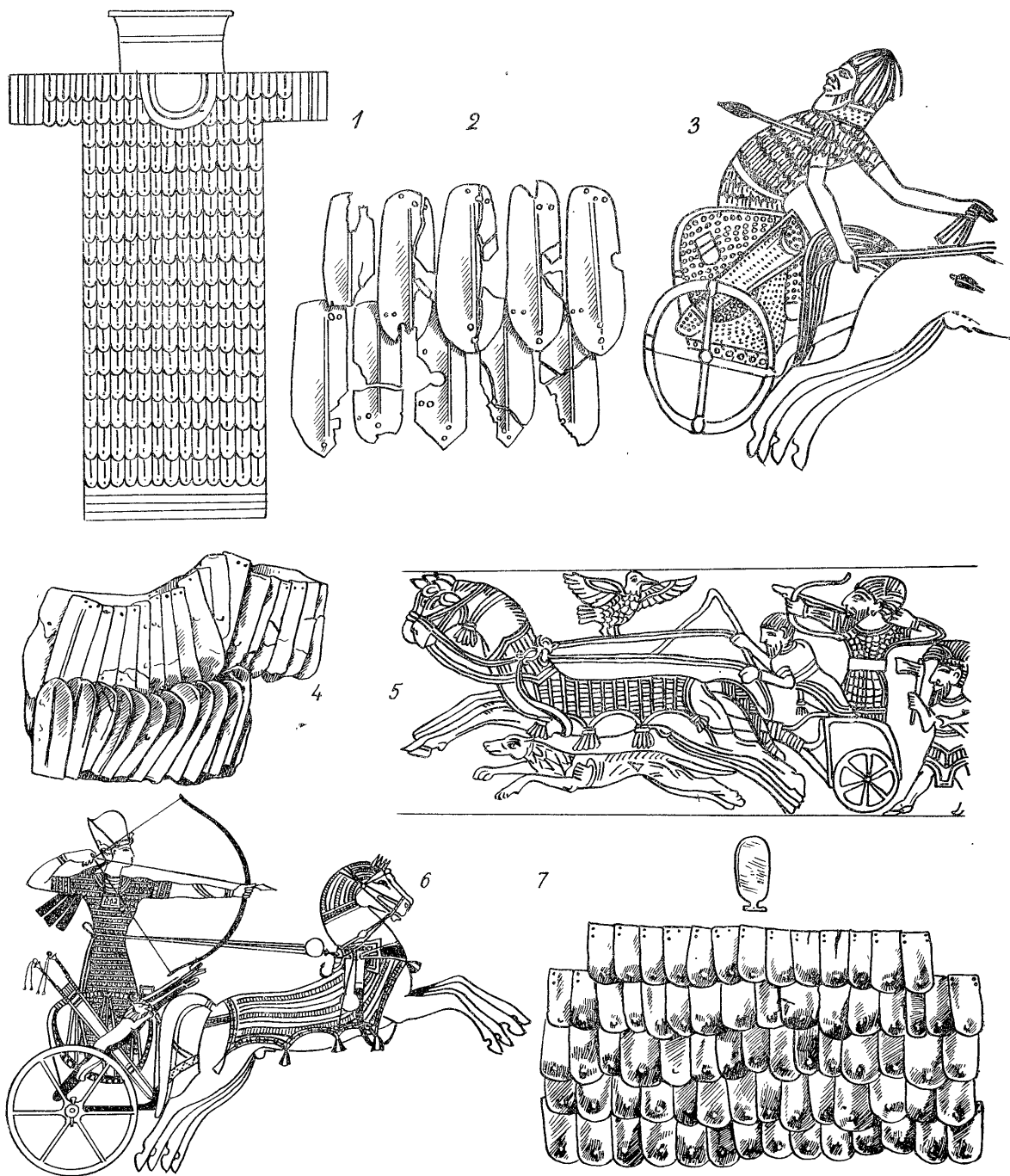

Таблица XXXII:

1 — стенная живопись из гробницы Кенамона; 2 — бронзовые чешуйки от панциря из дворца Аменхотепа III; 3 — деталь с рельефа колесницы Тутмоса IV; 4 — бронзовый панцирь из Нузи; 5 — деталь доски из слоновой кости, Энкоми, Кипр; 6 — стенная живопись из гробницы Рамзеса II; 7 — панцирь фараона Шешонка.

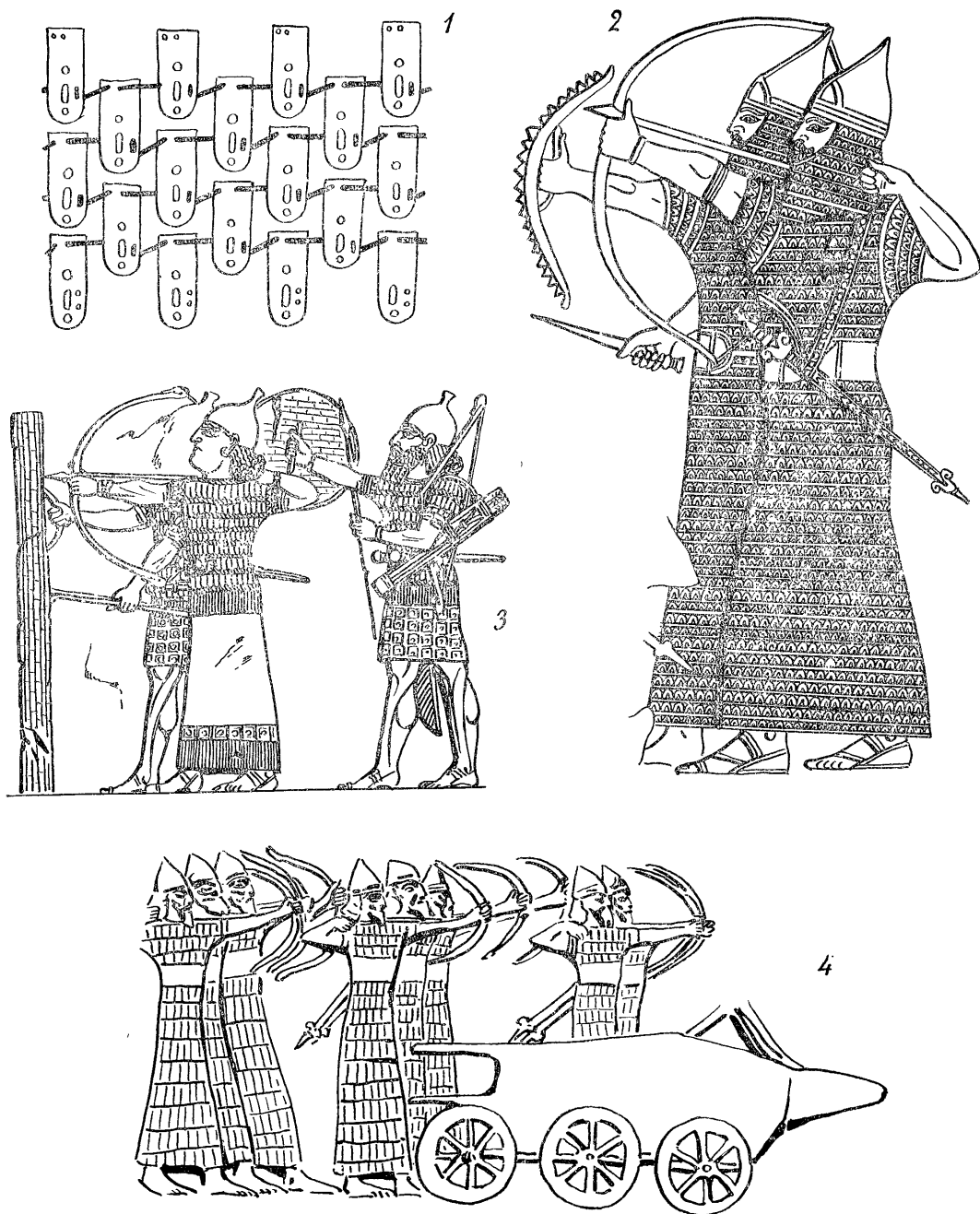

Таблица XXXIII:

1 — пластинчатый наборный панцирь. Кипр; 2 — деталь рельефа дворца Ашшурназирпала II в Нимруде; 3 — деталь Балаватских ворот Салманасара III; 4 — рельеф из дворца Саргона в Хорсабаде.

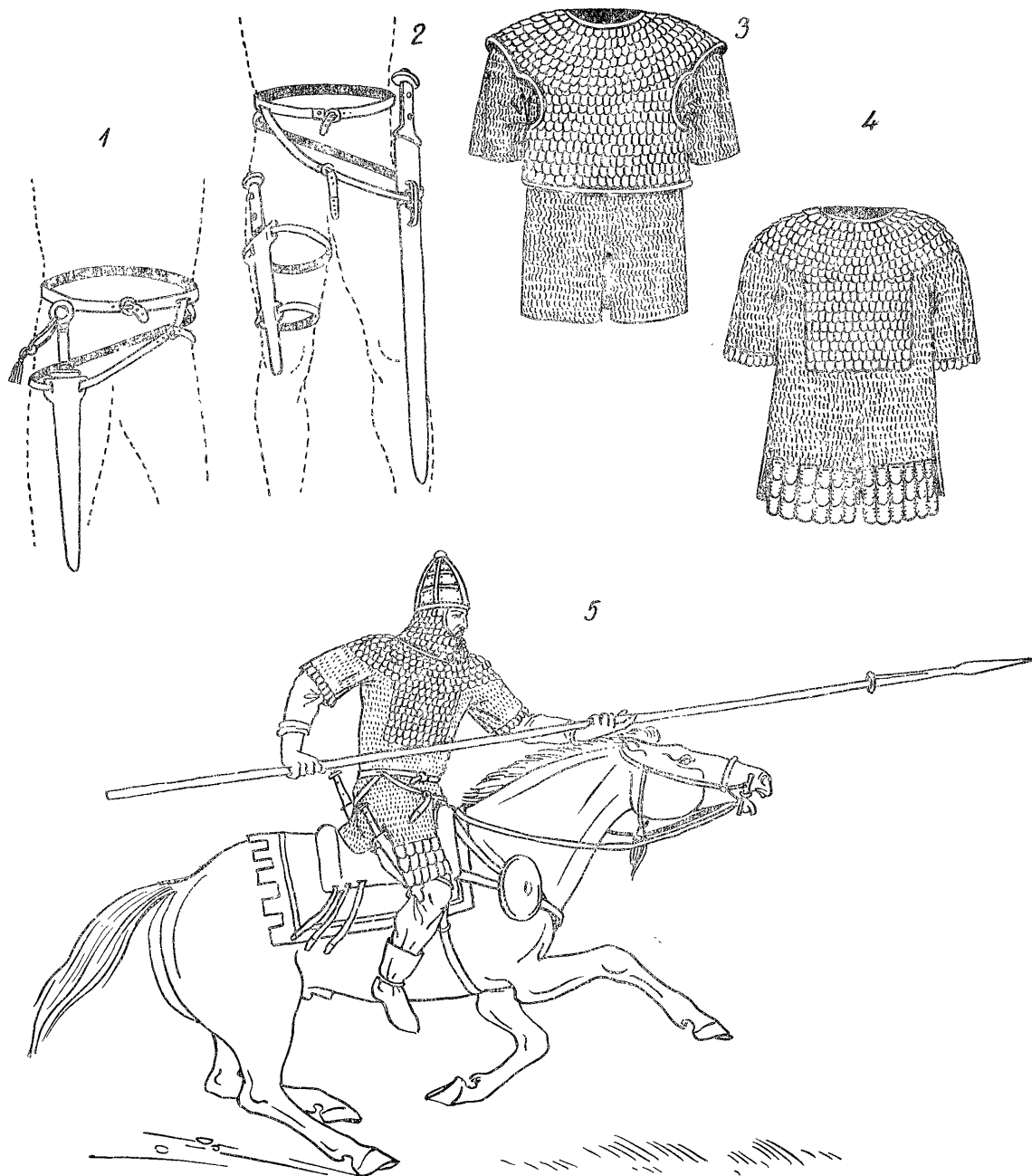

Таблица XXXIV:

1 — ношение меча с кольцевым наконечником при помощи портупейного ремня; 2 — ношение меча без металлического наконечника на портупейном ремне; 3, 4 — кубанский доспех (варианты реконструкции); 5 — сарматский катафрактарий (реконструкция).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Мечи и кинжалы с кольцевым навершием	5
Общая характеристика типа	5
Вопросы происхождения	6
Вопросы хронологии и территория распространения	9
Ножны и способы ношения	12
Глава II. Мечи и кинжалы без металлического навершия	15
Общая характеристика	15
Вопросы происхождения	17
Вопросы хронологии и территория распространения	20
Ножны и способы ношения	24
Глава III. Луки и стрелы	28
Сарматские луки	28
«Скифский» лук и его эволюция	29
Раннесарматские железные трехлопастные черешковые наконечники стрел	35
Среднесарматские наконечники стрел	37
Позднесарматские железные наконечники стрел	40
Позднесарматские костяные наконечники стрел	41
Древки стрел, колчаны и способы ношения	42
Глава IV. Копья и другие виды наступательного оружия	44
Копья	44
Дротики	50
Арканы	50
Топоры и секиры	51
Глава V. Оборонительное оружие	52
Ранние сарматские металлические панцири	52
Ранняя история металлического доспеха	53
Сарматские кожаные и костяные панцири	58
Сарматские металлические панцири I в. до н. э. — IV в. н. э.	59
Шлемы	62
Щиты	63
Глава VI. Войско и военное искусство сарматов	64
Первый период (VI—II вв. до н. э.)	64
Из истории катафрактариев	71
Второй период (I в. до н. э. — IV в. н. э.)	81

Заключение	91
Приложение 1. Мечи и кинжалы с кольцевым навершием на территории СССР	95
Приложение 2. Бусы, найденные вместе с мечами и кинжалами с кольцевым навершием	105
Приложение 3. Пряжки, найденные вместе с мечами и кинжалами с кольцевым навершием	106
Приложение 4. Мечи и кинжалы без металлического навершия на территории юга СССР	109
Приложение 5. Костяные накладки на лук в сарматских погребениях и погребениях юга Восточной Европы	118
Приложение 6. Наконечники копий в сарматских погребениях Приуралья, Поволжья и Украины	120
Список сокращений	122
Список цитированной литературы	124
Таблицы	133

Анатолий Михайлович Хазанов
ОЧЕРКИ ВОЕННОГО ДЕЛА САРМАТОВ

*Утверждено к печати
Институтом этнографии
им. П. П. Миклухо-Маклая
Академии наук СССР*

*

Редактор *Н. В. Бараново*
Технический редактор *С. В. Дегикова*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Художник *М. В. Горелик*
Корректор *Г. В. С-ругова*

*

Сдано в набор 26/II 1971 г. Подписано к печати 28/VII 1971 г.
Л-11235. Формат 84 × 108¹/₁₆. Бум. № 1.
Печ. л. 10,75. Усл. печ. л. 18,03. Уч.-изд. л. 18 49
Тираж 2600 экз. Изд. № 2759. Зак. № 252. Цена 1 р. 18 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4